Авторский коллектив благодарит
Санкт-Петербургскую
общественную организацию
«Агентство безопасности»
за содействие в издании
десятого сборника
«Следствие продолжается...»

Совет ветеранов Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области выражает признательность

группе компаний «СпецПроект» и лично кандидату технических наук, генеральному директору ООО «РАЦ «ПромЭкспорт»
Андрею Николаевичу Люльченко,

генеральному директору АО «Информационные технологии. Безопасность. Проекты»
Еремееву Вячеславу Анатольевичу,

председателю «Регионального объединения ветеранов военной контрразведки Ленинградского военного округа»
Конташову Анатолию Павловичу,

которые на протяжении нескольких лет оказывают поддержку в издании серии сборников «Следствие продолжается…»

СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Воспоминания сотрудников следственного подразделения

КНИГА
ДЕСЯТАЯ

Санкт-Петербург
«Первый класс»
2016

УДК 930
С47

Составитель В. В. Егерев

Составитель и авторский коллектив благодарят издательство «Первый класс» за внимание и профессионализм в подготовке сборника.

Следствие продолжается... : Кн. десятая/ сост. В. В. Егерев.
С47 — СПб.: Первый класс, 2016. — с.
ISBN 978-5-9906889-40

УДК 930

ISBN 978-5-9906889-40

© Издательство «Первый класс», 2016
© Художественное оформление.
Издательство «Первый класс»,2016
Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Сегодня у нас своеобразный юбилей! Перед Вами десятый выпуск книги из серии «Следствие продолжается…». С 2007 года на страницах, написанных ветеранами следственных и оперативных подразделений Управления КГБ-ФСБ по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области, мы познакомились с уникальными материалами по истории нашей страны, искрометными операциями чекистов, и главное – с людьми, отдававшими все свои силы, знания, профессионализм, а подчас и здоровье делу защиты нашего Отечества.

Юбилейный, десятый выпуск посвящается знаменательной дате – в январе 2017 года исполняется 50 лет ветеранской организации Управления. Не случайно один из разделов целиком посвящен огромной поисковой исследовательской работе ветеранов-чекистов показывающей реальное участие Управления НКВД по Ленинградской области в годы Отечественной войны в защите нашего города.

Исключительный вклад в эту работу внес Почетный сотрудник госбезопасности полковник Стародубцев А. Ф., к сожалению ушедший из жизни в 2015 году. Остались наброски неоконченной третьей монографии об истории партизанского движения. Однако его книги, многочисленные статьи – это возвращенные добрые имена, забытые страницы истории.

Без памяти о прошлом нет будущего. Вот почему нас, живущих уже в третьем тысячелетии, так трогают пронзительные воспоминания детства жительницы блокадного города, или размышления о подвиге деда – бывшего начальником Особого отдела «Дороги жизни», написанные его внуком. Это не просто слова уважения, это отношение к Родине, воспитанное именно историей нашего великого города.

Преемственность поколений всегда была основой в работе ветеранской организации Управления. Именно поэтому мы поддерживаем постоянные личные контакты с семьями героев Отечественной войны, следим за состоянием памятников погибшим чекистам на Ленинградской, Псковской и Новгородской земле.

Поэтому чтим и подвиги наших коллег в более поздних войнах в Афганистане, Чечне – об этом тоже читатель найдет воспоминания на этих страницах. Это действительно эксклюзивные воспоминания – личные, житейские и одновременно боевые.

Существенную часть в десятом сборнике занимают рассказы о профессиональных достижениях чекистов: оперативников и следственных работников.

Особо хочется подчеркнуть, что рассказывается как о делах давно минувших дней, так и о совсем новых разработках последних лет. ФСБ России выявляет и пресекает деятельность коррупционеров в органах власти нашего города, перекрывает каналы поступления в город наркотиков, пресекает на ранней стадии потуги националистов и экстремистов. Читая книгу ясно понимаешь, что последние реализованные уголовные дела опираются как раз на опыт сотрудников, которые несколько десятилетий до того предотвратили угон самолета из аэропорта «Пулково», или вскрыли хитроумную комбинацию по контрабанде произведений искусства из музеев и частных коллекций нашего города.

Есть в этой книге, как и обычно, несколько уникальных эксклюзивных материалов: о работе «православной миссии» в Пскове во время Отечественной войны, о малоизвестной истории с попыткой «угона» боевого корабля за границу в советское время и реабилитации участников тех событий. Исключительно любопытные рассуждения американских спецслужб о «тайнах» шпионажа и шпионах, а в резюме выдержки из судебных решений, но не о теоретических, а о реальных разоблаченных предателях.

Ну и исключительный интерес, особенно для ветеранов 70–80-х годов представляют изумительные по своей насыщенности и правдивости воспоминания-размышления о службе, офицерской чести и дружбе, написанные П. К. Кошелевым и М. Ю. Милушкиным.

И, наконец, как подтверждение истины о том, что «мир тесен», обращаем Ваше внимание на то, что в оформлении этой юбилейной книги участвовал известный не только в нашем городе, но пожалуй и во всем мире художник – Михаил Михайлович Шемякин. Не многим известно то обстоятельство, что первое знакомство скульптора и художника с домом на Литейном проспекте 4 началось в 1970 году, когда он в порядке шефской помощи оформлял для следственной службы стенд к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Стенд, кстати сейчас находится в музее на Гороховой ул.). И уж точно никто не знал о том, как Шемякин занимался вызволением из плена наших ребят в Афганистане. Вот такие повороты судьбы.

Вот такая серьезная получилась книга. Что и понятно, все-таки юбилейная. Но хочется верить – не последняя. Удачи всем и здоровья и до новых встреч.

Председатель Совета ветеранов
Управления ФСБ РФ
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
генерал-лейтенант запаса *В. С. Гусев*

Часть I

В память ушедших, во славу живущих!

О. П. Аксенов

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЧЕКИСТЫ В ТЫЛУ ВРАГА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

(о книге Стародубцева А. Ф. «В битве ничьей не бывает»)

Кажется, совсем недавно, накануне 70-летия Великой Победы, Альберт Федорович Стародубцев с палочкой, но с гордой осанкой, поднимался на трибуну Красного зала Большого дома, рассказывая нынешним чекистам о судьбах наших героических коллег военного времени – участниках партизанского движения, разведывательно-диверсионной деятельности в тылу врага. И обещал нам, что эти исследования в области истории деятельности ленинградских чекистов в годы Великой Отечественной войны найдут отражение в его новой книге. Как оказалось, это было последнее публичное выступление Альберта Федоровича.

Книга вышла, получила емкое название «В битве ничьей не бывает». Она повествует о бескомпромиссности и самоотверженности участников обороны Ленинграда, об определяющей триединой роли Ленинградского обкома ВКП(б), Управления НКВД и командования соответствующих фронтов в организации всенародного сопротивления немецко-фашистским захватчикам на оккупированной территории Ленинградской области. Общими усилиями тогда были созданы действительно невыносимые условия оккупантам, что стало важнейшим фактором для достижения победы в битве за Ленинград, имевшей стратегическое значение для исхода всей войны.

Автор книги, с учетом своего нездоровья, сделал все возможное и невозможное для того, чтобы этот труд увидел свет в юбилейный год Победы. Не щадя своих сил, интенсивно готовил книгу к изданию: и в служебных,и домашних, и даже в больничных условиях. И он смог ее увидеть, держал в своих руках ее первые экземпляры. Это тоже была победа – личная победа автора вопреки выпавшим на его долю испытаниям.

Участвуя в подготовке общественного представления в Управлении нового произведения Альберта Федоровича Стародубцева, Совет ветеранов Управления, естественно, анализировал содержащиеся

в этом издании материалы, положения, выводы. Председатель Совета Владимир Сергеевич Гусев, например, 4 сентября 2015 года побывал на пресс-конференции в региональном информационном центре «ТАСС», выступил на состоявшейся в ходе нее первой в Санкт-Петербурге презентации книги «В битве ничьей не бывает», ответил на вопросы журналистов.

В чем же заключается то новое, что раскрыто в представляемой сегодня книге? Чем она отличается от уже имевшихся подобных изданий?

Сразу следует сказать, что в советское время вышло немало произведений, показывающих роль областного партийного руководства в формировании партизанского движения, ведении зафронтовой работы в тылу противника. Раскрывалось и взаимодействие обкома ВКП(б) с военным командованием в данной сфере. Показ совместных действий этих главных для судьбы Ленинграда руководящих структур с Управлением НКВД часто ограничивался назывным порядком, без раскрытия форм и методов оперативной деятельности.

Этот вывод имеет место и по отношению к нынешнему времени. Доктор исторических наук Никита Андреевич Ломагин в своем предисловии к книге А. Ф. Стародубцева подчеркивает, что материалов о работе чекистов на оккупированной территории еще явно недостаточно. А значит, есть издержки в формировании объективного общественного мнения о деятельности органов государственной безопасности.

Заслугой Альберта Федоровича Стародубцева является то, что он всесторонне раскрывает существо чекистской составляющей в тяжелейшей борьбе с матерым врагом на ленинградской земле. Будучи опытным профессионалом-контрразведчиком, он постепенно погружает читателя в специфику оперативной работы, делая главный акцент на агентурный аппарат. При этом читатель, даже если его голова забита примитивными представлениями о сексотах и «стукачах», объективно должен понять актуальный и сегодня вывод автора: «борьба с посягательствами, направленными на подрыв государственного строя, является необходимым элементом функционирования любого государства».

В книге приводится, часто без купюр, широкий спектр ведомственных служебных документов – от приказов и директив Центра, начальника Управления до отчетов и справок оперативных работников. В них убедительно прослеживается незаменимая роль чекистов в организации нелегальной и разведывательной деятельности, в борьбе за умы населения в тылу врага. Отчетливо раскрывается важность контрразведывательного обеспечения партизанских соединений, в рамках которого

тоже нужна агентура для выявления предателей и шпионов спецслужб противника.

В качестве небольшой ремарки необходимо добавить следующее. По нашему ощущению, даже журналисты – участники упомянутой выше пресс-конференции в центре «ТАСС» – испытывали затруднения как при формулировании вопросов В. С. Гусеву об оперативной работе в партизанских бригадах, так и в понимании данных им разъяснений. Думается, что полученная прессой книга «В битве ничьей не бывает» позволит расширить представление по этой еще недавно совершенно закрытой для общества теме.

Предметом особого внимания А. Ф. Стародубцева является проблема верховенства партийного руководства обороной Ленинграда и, в частности, развитием партизанского сопротивления как ее важнейшей составляющей. Казалось бы, что же здесь нового? Этот вопрос, например, всесторонне рассмотрен в историко-партийной монографии Юрия Павловича Петрова «Партизанское движение в Ленинградской области. 1941 – 1944», на которую наш автор ссылается в работе над своей книгой.

Факт того, что Альберт Федорович глубоко раскрывает эту тему, сегодня уже сам по себе много значит. Но при этом автор делает значительный шаг вперед – на основе архивных политических и ведомственных документов показывает территориальное управление НКВД как опорную силовую структуру обкома партии. На всех уровнях совместной организации подпольной и партизанской борьбы деятельное участие сотрудников Управления было обязательным. Свидетельств тому в книге множество.

Мы видим, например, как был обеспокоен руководитель обороны города первый секретарь обкома партии А. А. Жданов после образования Ленинградского штаба партизанского движения и отхода 4-го (разведывательного) отдела Управления от непосредственного участия в его работе. Дело в том, что приказ НКВД СССР № 00145 от 18 января 1942 года обязывал Управление сосредоточиться на проведении специальной работы в тылу противника, прежде всего – разведывательно-диверсионной.

В этой ситуации Жданов прямо поставил вопрос о необходимости оперативного влияния и обязательного присутствия чекистов в партизанских бригадах в качестве уполномоченных по аналогичной работе контрразведки в армейских подразделениях. В результате при всех крупных партизанских соединениях были созданы оперативные

группы с их непосредственным подчинением разведывательному отделу Управления, что существенно повысило боеспособность бригад и их собственную безопасность.

Вместе с тем при всем своем уважительном отношении к системе партийного руководства А.Ф. Стародубцев не «лакирует» ее, не считает обком партии панацеей от неудач в организации зафронтовой работы и партизанской борьбы. При анализе архивных документов он приходит, например, к выводу об ошибочности в выборе обкомом такой формы работы с населением оккупированных районов, как партийные группы, становившиеся легкой добычей для противника. А один из разделов книги, посвященный гибели в январе 1943 года 4-й партизанской бригады, автор прямо адресует обкому, назвав его «Оправдания неуместны».

В книге справедливо и убедительно показано определяющее значение для становления партизанского сопротивления периода, когда войсками Ленинградского фронта командовал генерал армии Г.К. Жуков. Именно тогда, в конце сентября, им совместно с руководителями обкома было подписано постановление Военного совета фронта о создании первого в стране Ленинградского штаба партизанского движения и утвержден план организации связи и руководства партизанскими отрядами в Ленинградской области.

Жуков, по мнению автора, нашел жесткие формы взаимодействия обкома, партизанского штаба и Управления НКВД. Его замысел состоял в том, чтобы привлечь к защите Ленинграда, кроме войск, все наличные, а также вновь формируемые партизанские силы и обеспечить развертывание широкомасштабной боевой и диверсионной деятельности на главных направлениях наступления противника. Этот замысел был успешно реализован, позволил осенью 1941 года отстоять Ленинград и оказать помощь Москве. Незаменимый вклад в успех внесла созданная в Тихвине оперативная группа во главе с секретарем обкома Бумагиным Г.Х. и заместителем начальника Управления Макаровым М.П.

Участвуя вместе с Альбертом Федоровичем в ветеранском движении, мы отчетливо чувствовали его неустанную заботу о сохранении памяти о ленинградских чекистах военного времени. Он находился в центре исследовательской и поисковой работы на этой линии. В итоге родились обстоятельные доклады и публикации, «Уголки памяти» в большинстве подразделений Управления. А первое яркое публичное выступление Альберта Федоровича как историка состоялось летом 2008 года на

открытии памятника легендарному ленинградскому чекисту-партизану Александру Филипповичу Кадачигову. Естественно, все эти материалы нашли свое отражение в представляемой сегодня книге.

Из книги видно, как внимательно автор анализирует судьбы своих героев, вникает в причины их боевых неудач и обстоятельства гибели. Для некоторых из них перестает действовать понятие «без вести пропавший». А для родственников ведь очень важно, что их близкий человек не просто канул в лету, а погиб в бою при выполнении специального задания.

Потрясает трагизм гибели в феврале 1944 года сотрудницы Управления радистки Сильвии Восковой, дочери известного революционера. Разведывательно-диверсионная группа, в составе которой она находилась, при выброске в Прибалтике попала не просто на случайных карателей, а на специально организованную засаду, и была уничтожена. Тяжело осознавать, что Сильвия, отмечавшая в своем дневнике: «Пока я не выйду на самостоятельную оперативную работу – я позорный должник Родины», добившаяся своей цели, летевшая счастливой на задание, заранее была обречена на смерть из-за предательства коллег-эстонцев. Почему так произошло при создании оперативной базы в Эстонии? И не только с одной группой Восковой. Между строк чувствуется вопрос автора книги к разведывательному отделу Управления.

Известно, что многие люди на пути после выхода на пенсию часто больше теряют, чем приобретают для своего жизненного роста. Альберт Федорович Стародубцев к этой части людей не относится. Будучи активным ветераном, он приобрел новое качество – стал историком Управления, известным писателем, публицистом. Его новая книга – тому подтверждение. Тем самым сделан еще один шаг в написании полной военной истории нашего Управления, главными носителями которой являются ленинградские чекисты.

Презентация книги А. Ф. Стародубцева «В битве ничьей не бывает»

Постановление
Совета ветеранов Управления ФСБ России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по вопросу
«О внесении в Книгу Памяти Общественной организации ветеранов Управления
имени Стародубцева А. Ф.» от 13 октября 2015 года

1. Принять предложение бюро президиума Совета ветеранов Управления от 8 сентября 2015 года и внести в Книгу Памяти Общественной организации ветеранов Управления имя Стародубцева Альберта Федоровича.

2. Поручить секретарю Совета в течение месяца оформить в Книге Памяти статью, посвященную А.Ф. Стародубцеву.

3. Руководителям Совета сообщить семье А.Ф. Стародубцева о занесении его имени в Книгу Памяти ветеранской организации Управления.

Председатель Совета В.С. Гусев

Из Книги Памяти
Общественной организации ветеранов Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Полковник в отставке Стародубцев Альберт Федорович родился 22 ноября 1937 года в г. Иркутске.

Окончил в 1955 году Ташкентское суворовское военное училище, в 1959 году – Институт иностранных языков КГБ СССР в Ленинграде. Проходил службу в Управлении особых отделов КГБ Группы советских войск в Германии.

В 1965 году Альберт Федорович вернулся в Ленинград и до 1989 года работал в Управлении: возглавлял отдел 2 Службы, Смольнинский райотдел. На всех участках служебной деятельности его отличали трудолюбие, высокая ответственность и компетентность. Неоднократно

поощрялся руководством Управления и КГБ СССР. Отмечен высшей ведомственной наградой – знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

После окончания военной службы А.Ф. Стародубцев активно включился в работу ветеранской организации Управления. С 2007 по 2013 год возглавлял первичную ветеранскую организацию Центрального района, избирался членом президиума Совета ветеранов.

Альберт Федорович занимался исследованием архивных материалов о деятельности Ленинградского Управления НКВД-НКГБ в немецком тылу в годы оккупации Ленинградской области в ходе Великой Отечественной войны. Это позволило по-новому раскрыть роль ленинградских чекистов в обеспечении победы в битве за Ленинград. Итогом его исследований стали книги «Дважды невидимый фронт», «В битве ничьей не бывает», деятельное участие в создании документальных фильмов «Блокада. Тайны НКВД», «Война народная». Им были подготовлены и опубликованы десятки статей по военной тематике в местной и центральной печати, в том числе серия материалов в журнале «ФСБ: За и Против». Родственникам многих сотрудников Управления, погибших при выполнении специальных заданий в тылу врага, сообщена информация о судьбах их близких людей.

В качестве историка выступал в 2007-2015 годах с основополагающими докладами и сообщениями на всех проводимых в Управлении научно-практических конференциях и исторических чтениях, торжественных мероприятиях, посвященных памятным датам в военной истории ведомства и государства.

Большую патриотическую работу вел с молодыми сотрудниками Управления и учащейся молодежью г. Санкт-Петербуга и Ленинградской области, других субъектов Северо-Западного федерального округа. Является автором тематического проекта «Чекистам – самоотверженным защитникам Ленинграда – вечная память и почести поколений». В ходе реализации проекта созданы «Уголки Памяти» в подразделениях Управления.

Награжден нагрудным знаком ФСБ России «За подготовку кадров».

Скончался А.Ф. Стародубцев 12 июля 2015 года.

О.П. Аксенов
КРЕПИТЬ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕКИСТОВ

Совет ветеранов Петербургского управления ФСБ придает исключительно важное значение встречам с ближайшими родственниками наших героических коллег военного времени. В этом мы видим логичный итог деятельности ветеранской организации и подразделений Управления по изучению боевого пути и судеб сотрудников органов государственной безопасности – активных участников Великой Отечественной войны, битвы за Ленинград. Подобные контакты обоюдополезны, часто приобретают общественное звучание, освещаются средствами массовой информации.

Так было в период исполнявшихся знаменательных дат в жизни Героев Советского Союза В.А. Лягина и К.Д. Карицкого, начальника оперативной группы при 3-й Ленинградской партизанской бригаде А.Ф. Кадачигова, командира одного из первых партизанских отрядов на оккупированной части Ленинградской области В.А. Пашкина.

Так было и в период памятных событий в Псковской области. Например, в Стругах Красных, где происходило перезахоронение обнаруженных поисковиками останков павшего от пуль карателей в 1941 году сотрудника контрразведывательного отдела Управления, члена оперативной группы 5-го Ленинградского партизанского полка В.Л. Тихановского. А также в Порховском районе, где, по существу, состоялось открытие обновленного Мемориала, под которым покоится прах разведчика Управления В.М. Мальцева, геройски погибшего в этом районе в 1943 году.

Сегодня в нашем активе новые книги и публикации, сохраненные и обновленные памятные места, связанные с чекистской историей. Мы сердечно благодарны внуку В.А. Лягина – Алексею Викторовичу Есипову и дочери К.Д. Карицкого – Ирине Константиновне Курчавовой, передающим историкам бережно хранящиеся в их семьях крупицы памяти и информации о чекистах-Героях. В результате уточняется и развивается понимание о драгоценном опыте и наследии военных лет.

Например, взаимодействие с родственниками К.Д Карицкого в период подготовки к 100-летию со дня его рождения в 2013 году способствовало восстановлению исторической справедливости в сохранении памяти о делах знаменитого партизанского комбрига. Константин Дионисьевич был восстановлен в звании почетного гражданина Лужского района, его портрет вновь появился в галерее почетных граждан в районной администрации. Возрос авторитет Городковской средней школы г. Луги, носящей имя Героя Советского Союза К.Д. Карицкого. На ее фасаде к юбилею комбрига установлена мемориальная доска. Семья Константина Дионисьевича передала в Зал истории Управления новые экспонаты, приняла активное участие в подготовке к изданию книги – «Комбриг Карицкий – чекист и партизан», вызвавшей большой интерес читателей.

И знаменательно, что на встрече с губернатором Ленинградской области А.Ю. Дрозденко делегация Совета ветеранов Управления поддержала намерение областной администрации открыть в г. Луге региональный музей быта и подвигов партизан. На наш взгляд, это было бы и данью памяти подвигу К.Д. Карицкого, бойцов его прославленной бригады, немало сделавших для освобождения Луги и Лужского района от фашистских оккупантов.

Сказанное свидетельствует о том, что все вместе мы, сотрудники и ветераны, родные и близкие участников той далекой войны, занимаемся важнейшим государственным делом – сохранением памяти о героическом прошлом нашей Родины. Тем самым препятствуем попыткам искажения военной истории.

Как известно, в конце прошлого года Верховный главнокомандующий, Президент России В.В. Путин утвердил новую редакцию Военной доктрины страны. В ней впервые одним из видов внешних опасностей назван «информационный подрыв исторических и патриотических традиций в области защиты Отечества и духовных ценностей».

А через месяц на встрече с губернаторами Президент поставит перед ними задачу, чтобы все попытки фальсифицировать исторические факты получали достойный отпор. При этом было подчеркнуто: «Ведь это нам только кажется, что несут какой-то бред, на который никто не обратит внимания. Нет, он закладывается в головы миллионам людей, и потом на эту чушь еще будут ссылаться как на источник!»

Участвуя в процессе изучения военной истории Управления, ветераны многое делают в просветительском и воспитательном отношении для действующих сотрудников, для укрепления связи поколений чекистов. Руководством поддержаны наши общественные проекты, на-

правленные на сохранение памяти об участниках битвы за Ленинград в годы войны, создание книг истории подразделений. Совместно с офицерскими собраниями в большинстве оперативных служб и отделов созданы «Уголки памяти». В них мы видим благородные и одухотворенные лица и тех наших боевых предшественников, чьи потомки приглашены сегодня на эту встречу.

Исследовательская и поисковая работа по чекистским лабиринтам военного времени продолжается. Постепенно более доступными становятся архивы. Еще удается найти очевидцев, связанных с героическим прошлым. Из отдельных звеньев информации складываются представления, способные уточнять наши сведения о днях минувших, уточнять саму историю.

Не так давно мы получили письмо коллег-ветеранов из Тюмени с просьбой о поддержке их ходатайства о присвоении своему земляку Фитину Павлу Михайловичу звания Героя России (посмертно). Павел Михайлович в 1938 году из сферы журналистики был направлен на ускоренные курсы разведки в Школу особого назначения НКВД СССР. Учился на курсах вместе будущим Героем Советского Союза В.А. Лягиным. Их связывали добрые товарищеские отношения.

В мае 1939 года в возрасте неполных 32 лет П.М. Фитин утверждается руководителем советской внешней разведки, которую возглавляет до июня 1946 года, то есть весь период Великой Отечественной войны.

Благодаря высокому интеллекту и выдающимся организаторским способностям Фитин на протяжении всей войны сделал все зависящее от него, чтобы обеспечить политическое руководство страны достоверной политической информацией о стратегических замыслах противника. Его имя ставилось рядом с легендарными фамилиями разведчиков Рудольфа Абеля, Рихарда Зорге, Павла Судоплатова.

Почему же письмо из Тюмени пришло именно к нам, в Санкт-Петербург? Дело в том, что в нашем городе проживают родственники Фитина – его внук и правнук. И что было для нас, нынешних ветеранов, открытием, его сын – Анатолий Павлович Фитин служил в Ленинградском управлении КГБ, был первым начальником областного подразделения, созданного в 1977 году в городе Кировске. Он руководил этим горотделением около пяти лет. При этом сотрудники вверенного ему аппарата не знали, что их начальник был сыном знаменитого главы советской внешней разведки. В 1982 году Анатолий Павлович передал дела новому начальнику горотделения – Патрушеву Николаю Платоновичу, будущему директору ФСБ России.

Руководитель советской внешней разведки 1939-1946 гг. Павел Михайлович Фитин

Книга о П. М. Фитине в серии «Жизнь замечательных людей»

Сотрудник УКГБ ЛО Анатолий Павлович Фитин

Совет Ветеранов УФСБ РФ по СПБ и ЛО

Но это выяснилось позднее – только после окончания войны. К чести П.М. Фитина следует сказать, что «Лицеист» вызывал у профессионалов разведки вопросы. Была предпринята попытка его проверки. Однако, как пишет Примаков, Кобулов «мастерски» нейтрализовал такие настроения, используя свои тесные связи с Берией.

В этой ситуации становятся понятнее причины недоверия Сталина к объективным и проверенным сведениям разведки, поступавшим по другим каналам. Они связаны, пожалуй, не с маниакальной якобы подозрительностью лидера государства, а с предельно сложной политической обстановкой в мире, желанием как можно дальше отодвинуть начало войны, с влиянием на вождя его ближайшего окружения. Как видим, небезуспешно работали тогда против нас и немецко-фашистские спецслужбы.

Мы очень хотели видеть родственников П.М. Фитина на нашей встрече с родственниками чекистов военного времени 28 апреля 2015 года в нашем Управлении. Однако и внук Павла Михайловича – Андрей Анатольевич, и его правнук – Павел Андреевич Фитины в тот период находились в Москве, где проходила презентация книги «Фитин» из серии «Жизнь замечательных людей». Надеемся на встречу с ними в Большом доме в будущем.

Жизнь генерал-лейтенанта Фитина, его семьи оказалась тесно связана не только с Сибирью и Москвой, но и с городом на Неве и Ленинградской областью. Соприкосновение с судьбой этого выдающегося чекиста позволило по-новому осветить некоторые страницы истории органов безопасности, истории Петербургского управления.

Одновременно мы хорошо понимаем: есть еще немало военных судеб сотрудников, ждущих своего исследования. Особенно тех, кто не вернулся с выполнения специальных заданий. Наш долг совместно с действующими оперативными работниками и родственниками погибших продолжать эту работу в интересах тесной связи прошлого, настоящего и будущего. Это, безусловно, будет способствовать сохранению памяти о наших мужественных предшественниках военного времени, укреплению преемственности поколений.

Литература

1. Примаков Е.М. Минное поле политики. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2006.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I Накануне. Кн. 1 (1 января – 21 июня 1941 г.) – М. А/О «Книга и бизнес», 1995.

3. Зенин Н.В. Война и разведка. Рассказы о войне и разведчиках / Н.В. Зенин. – Тюмень: АС-принт, 2015.
4. Баранец В. Россия получила новую Военную доктрину// «Комсомольская правда» в Санкт-Петербурге», № 148-п (148/26326-п), 29 декабря 2014 года.
5. Путин устроил губернаторам и мэрам психотренинг – как выжить в кризис [Электронный ресурс] // Правда-TV.ru. – URL: wwwpravda-tv.ru/2015/01/29/119157
6. Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Личное дело Фитина А.П., арх. № 19689.

В канун 70-й годовщины Победы в сельской школе поселка Ропша Ленинградской области учащимися и педагогами готовился сборник документальных свидетельств, ученических исследований и сочинений о прорыве ленинградской блокады и боях по освобождению Ропши. Неожиданно в школу обратился внук одного из участников этих событий. Он предложил рассказать о роли своего деда, сотрудника органов государственной безопасности, в подготовке событий тех лет. Представляется, что его очерк, достаточно интересно рисующий подоплеку февральских боев на Ораниенбаумском плацдарме, в обеспечении успешного исхода которых активно участвовали военные контрразведчики Ленинградского фронта, будет интересен и для читателей нашей серии.

ПАВЛОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

«Все дальше от нас день, ставший самым счастливым для тысяч ленинградцев, переживших ужас гитлеровской блокады в годы Великой Отечественной войны. 27 января 1944 года наш город был окончательно освобожден. Мои самые близкие родственники пережили все тяготы блокадного времени. Мать до сих пор хорошо помнит, как по немецким самолетам стреляли наши зенитные орудия, установленные на крыше стоящего напротив здания. Голод и холод, бомбежки и артобстрелы, лишения и смерть близких людей пережила мама и моя бабушка. Зная от них, как, пробив четыре этажа нашего дома, повисла в его арке авиационная бомба, буквально в сотне метров от квартиры нашей семьи, я и сам считаю, что смог появиться в этой жизни благодаря ошибке в расчетах какого-то неизвестного немецкого штурмана…

В этом очерке я расскажу о человеке, оказавшем огромное позитивное влияние на мое становление, являвшемся для меня примером принципиальной кристальной честности, порядочности и убежденности в правоте своего дела – о моем деде, подполковнике государственной безопасности Николае Петровиче Павлове.

Боевая биография любого чекиста скудна на подробности и сенсации. О многом мы просто еще не можем знать. Поэтому расскажу лишь об одном эпизоде тех грозовых лет, ярко характеризующем тот поединок, который вела контрразведка Ленинградского фронта с Абвером, органом военной разведки гитлеровской Германии, и в котором принимал непосредственное участие мой дед.

Работа военных контрразведчиков фронтов Северо-Западного направления совместно с командованием по дезинформации Абвера, а через него и фашистского командования, была напряженная и многоплановая. Хорошо продуманные и умело организованные мероприятия успешно подготовили ряд эффективных акций по дезинформации врага. Их образцом служит блестяще проведенная операция «Возвращение» с выходом за линию фронта нашего разведчика – Мокия Демьяновича Каращенко. В ее разработке и практическом осуществлении принимал непосредственное участие и мой дедушка.

Летом и осенью 1943 года противник активизировал агентурную разведку ближних тылов Ленинградского фронта, особенно Ораниенбаумского плацдарма, откуда гитлеровское командование не без оснований ожидало удара советских войск. Плацдарм образовался в ходе ожесточенных боев в сентябре 1941 года и играл важную роль в системе обороны всего Ленинградского фронта. Нависая над флангом 18-й немецкой армии, блокировавшей город с юга, он прикрывал сухопутные подступы к Кронштадту и оттягивал на себя значительные силы врага.

Выполняя требования гитлеровского руководства любой ценой выведать планы нашего командования, в этот район только в августе-декабре 1943 года Абвером было заброшено более 20 агентов, прошедших специальную подготовку в шпионских школах. Контрразведчики Приморской оперативной группы (ПОГ) сумели пресечь все попытки вражеской агентуры проникнуть в стратегические замыслы командования Ленинградского фронта. Более того, совместно с чекистами управления контрразведки фронта они оказали помощь командованию в осуществлении плана внедрения противнику дезинформации. В проведении этой чекистской операции, получившей кодовое название «Возвращение», принимали активное участие начальник отдела контрразведки ПОГ Д. Г. Гончаров, сменивший его П.И. Николаев, заместитель начальника отдела А.А. Богданов, начальники отделов контрразведки дивизий и бригад В.А. Бойкиня, С.А. Иванов, А.П. Куликов, И.Г. Макаров, М.К. Михайлов, мой дед – Н.П. Павлов, другие оперативные работники.

Надо сказать, что 71-й отдельной морской стрелковой бригаде, в которой начальником отдела контрразведки «Смерш» и был мой дедушка, в ходе реализации оперативного замысла отводилась особая роль. И связано это было не только с особенностями ее дислокации на участке фронта. Дело в том, что незадолго до описываемых событий во время рекогносцировки местности исчез некто Дебер, когда-то служивший вольнонаемным инженером в штабе оборонительного участка Кронштадта, а в 1943 году – помощником начальника штаба батальона 71-й отдельной морской стрелковой бригады в ПОГ. Вместе с ним из штаба батальона исчезли оперативная карта, блокнот с сигналами боевых тревог и записями шифров для командировочных удостоверений, печать батальона.

Впоследствии было установлено, что Дебер являлся немецким агентом. Поэтому чекисты ПОГ не удивились, когда 28 июля 1943 года бойцы 50-й отдельной морской стрелковой бригады задержали неизвестного, у которого при досмотре были обнаружены и изъяты документы на имя писаря штаба 71-й отдельной морской стрелковой бригады. А спустя несколько дней, 6 августа, в отдел контрразведки с переднего края был доставлен еще один подозрительный в форме офицера Красной Армии. Он заявил о своей явке с повинной и также предъявил документы, выписанные на имя командира саперной роты 71 отдельной морской стрелковой бригады. Проводивший его опрос офицер контрразведки В.А. Бойкиня установил, что задержанный Давыдов, он же Никулин (настоящее имя М.Д. Каращенко) является агентом Абвера и заслан с заданием в течение 8 – 9 дней заполучить для противника сведения о прибытии на плацдарм новых войсковых соединений, выяснить их номера, дислокацию, штатную укомплектованность, фамилии командиров. В соответствии с указанием начальника Управления контрразведки «Смерш» фронта генерал-майора А.С. Быстрова задержанный М.Д. Каращенко уже на следующий день был отправлен на катере из Ораниенбаума в Ленинград.

Именно в это время штаб Ленинградского фронта приступил к детальной разработке плана решающей наступательной операции, известной под названием «Нева-2», суть которой заключалась в разгроме вражеской группировки, блокировавшей Ленинград с юга. В связи с этим Военный совет фронта поставил перед контрразведкой задачу организовать работу таким образом, чтобы все возможные каналы утечки информации к врагу были оперативно перекрыты и приняты все меры к дезинформации противника.

М.Д. Каращенко пробыл в Ленинграде неделю. За это время его подготовили к выполнению сложного и ответственного задания – вернуться в абверкоманду-104 в качестве советского разведчика и максимально дезинформировать противника относительно планов нашего командования. В сопровождении сотрудника Управления контрразведки фронта В.Н. Маковеенко М.Д. Каращенко возвратился на плацдарм и именно на участке 71-й отдельной морской стрелковой бригады, находящейся в оперативном обслуживании моего деда, 16 августа был переправлен за линию фронта. В его задание входило сообщить немцам, что на правый фланг ПОГ прибыли 142-я отдельная стрелковая бригада, 98-я стрелковая дивизия, а также еще одно соединение. Находящаяся же на плацдарме 71-я отдельная морская стрелковая бригада якобы направляется в тыл для подготовки к десантным операциям, а в ее состав прибыло два батальона морской пехоты, которые приступили к тренировкам в штурмовых действиях по высадке с морских барж на Ладожском озере и т. п.

В целом противник должен был быть сориентирован на наступление советских войск с правого фланга ПОГ. Подобная легенда требовала усиления контрразведывательных мероприятий со стороны отдела, возглавляемого Н.П. Павловым.

Вскоре после перехода М.Д. Каращенко за линию фронта противник предпринял артиллерийский обстрел района, где «по легенде» якобы располагалось пополнение, прибывшее в 71-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, и стал бомбить с воздуха названные выше соединения. Но наших войск там не было. Эти факты лучше других свидетельствовали, что руководство подразделения Абвера и командование группы армий «Север» получило от М.Д. Каращенко дезинформацию и поверило ей.

Как известно, наступление наших войск началось 14 января 1944 года с левого фланга ПОГ и завершилось разгромом вражеской группировки, блокировавшей Ленинград. Дезинформирование немецко-фашистского командования об истинном направлении нашего наступления привело к передислокации двух войсковых соединений СС к правому флангу Ораниенбаумского плацдарма. А значит, осуществление чекистами операции «Возвращение» оказало существенную помощь командованию в успешном решении задач по разгрому Петергофско-Стрельнинской группировки противника и снятию блокады Ленинграда.

В расположение советских войск М.Д. Каращенко возвратился в

феврале 1945 года. За успешное выполнение задания командования принимавшие активное участие в подготовке и проведении операции военные чекисты, среди которых был и мой дедушка, награждены орденами.

В дальнейшем в составе 2-й ударной армии, будучи начальником ОКР «Смерш» 131-й стрелковой дивизии (впоследствии Ропшинской), он участвовал в боях по полному освобождению Ленинграда от блокады, в боях за освобождение Прибалтики, а в послевоенное время боролся с уголовным бандитизмом националистического подполья в Эстонии.

Несколько слов о биографии моего деда. Н.П. Павлов родился 9 мая 1909 года в городе Сызрань Куйбышевской области. Закончил московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, студентом принимал участие в ликвидации эпидемий и эпизоотий на Северном Кавказе. Срочную военную службу проходил на подводной лодке Балтийского флота, затем работал в Ленинграде на станции защиты сельскохозяйственных растений.

В органы госбезопасности призван в 1938 году. Во время советско-финской войны был начальником особого отдела Карельского укрепленного района (УР). В период Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта, с ноября 1941 года – начальник особого отдела «Дороги жизни». Награжден четырьмя боевыми орденами и многими медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги». В послевоенный период продолжал работать в органах госбезопасности.

После увольнения в запас принимал активное участие в работе штаба ДНД Дзержинского района, неоднократно поощрялся за успехи в общественной работе. Длительное время дедушка являлся председателем садоводческого товарищества УКГБ ЛО в поселке Новая Ропша Ломоносовского района Ленинградской области (ныне СНТ «Луч»), а затем председателем Объединенного правления ропшинских

садоводств. Неоднократно выступал перед курсантами и слушателями Высшего Политического Училища им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

Последний инсульт подкараулил его, когда в декабре 1990 года он один поехал на свое детище, «в боевую молодость» – на дачу в Ропшу… Умер дедушка в 17 января 1991 года, не дожив десяти дней до памятной всем ленинградцам даты.

Н. П. Павлов с внуком – Михаилом Жарким

Три дочери Николая Петровича Павлова, четверо внуков, шестеро правнуков, один из которых носит его имя, гордятся своим легендарным дедом. В нашем доме свято чтут традиции – трое его внуков проходили службу в правоохранительных органах.

Идет время, меняется политическая коньюктура, реорганизуются специальные службы… Но остаются люди, беспредельно преданные своей Родине, Отечеству, имеющие холодную голову, горячее сердце и чистые руки. Это сказано о таких как мой дед, о его коллегах и преемниках».

Материал подготовлен
Михаилом Жарким,
кандидатом исторических наук, доцентом,
подполковником милиции в отставке,
старшим внуком Н.П. Павлова

И. В. Исси

И ВНОВЬ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА…

Прошло почти 75 лет с даты полного окружения немецкими войсками нашего города и более 70 лет со дня снятия блокады, но впечатления от многого из пережитого остаются такими же яркими, как это было в далеком прошлом. Людей, переживших те события, с каждым днем становится все меньше, покинули этот свет и мои друзья блокадного детства.

Восприятие событий, обычных или трагических, сильно различается у взрослых и у детей. Взрослые часто не придают значения тому, что кажется очень интересным ребенку, а события, важные для взрослого человека, ребенок может просто и не заметить. Иногда дети замечают те мелочи, на которые взрослый человек вообще не обращает внимания. Поэтому я решила перенести на бумагу свои детские воспоминания о войне и о блокаде так, как видела эти события, по-своему, в соответствии со своим возрастом, без какой-либо лжи, считая своим долгом максимально искренне и правдиво описать события блокадного времени, которые мне довелось пережить самой. Именно они, их высокий трагизм в значительной мере сформировали меня, характер, мировоззрение и отношение ко всем жизненным проблемам людей моего поколения. Возможно, кому-нибудь это покажется интересным.

* * *

Для меня война началась тихо и незаметно – с того, что в воскресный мартовский день 1941 года, ранним утром, когда не было еще и девяти часов, в двери нашей квартиры кто-то позвонил. Звонок был уверенным, но коротким и максимально тихим, колокольчик несколько раз звякнул и смолк. Звонивший явно не хотел будить тех, кто еще спит, но определенно надеялся, что кто-то все-таки откроет ему двери. Я села на постели и сразу увидела, что бабушки в комнате уже нет. Она тихонечко встала, чтобы не разбудить меня, ушла на кухню и начала готовить воскресный завтрак. Я услышала, как со стуком распахнулась дверь папы-маминой комнаты, самой близкой к выходу, папа быстрыми шагами прошел к наружным дверям и открыл их.

У папы было очень много друзей, особенно среди музыкантов и художников, но ни о ком по имени Федор, как звали появившегося гостя, я до сих пор ни от него, ни от мамы не слышала. Вот и выглянув, увидела совершенно незнакомого мне человека – среднего роста, стройного, с короткими черными блестящими волосами. И хотя я только чуть-чуть приоткрыла дверь, человек этот моментально заметил меня, и не успела я скрыться, как он быстрыми шагами подошел, подхватил меня под мышки, поднял и, обернувшись к папе, спросил: «Твое сокровище? А я ведь перед отъездом видел его, правда, только в проекте! Это сколько же времени пролетело с нашей последней встречи!».

Гость рассказал, что выбрался к нам только на один-единственный свой выходной день и еще утром, приехав в Ленинград, сразу же купил обратный билет на ночной поезд в Москву, так как в девять утра понедельника он уже должен быть на приеме у своего большого начальства.

Слушая рассказы взрослых, я поняла, что папа и Федор познакомились и подружились в Институте нацменьшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского, где Федор был студентом, а папа, работая экономистом в бухгалтерии института, как заочник посещал вместе со студентами лекции. В институте училась молодежь почти всех европейских национальностей. Но самым удивительным мне еще тогда показалось то, что вопреки названию института в нем училось и несколько китайцев. После окончания института именно вместе с этими китайцами Федор и был заброшен в Китай.

Он весело рассказывал нам, что говорит теперь по-китайски совершенно свободно, без акцента, так что его не отличают от местных жителей. Жить ему приходится, как большинству китайской бедноты, на стоящей у берега Янцзы барже. При обходах полиции, чтобы избежать ареста, он просто тихо спускается в воду и переплывает с этой баржи на другую, где уже побывала полиция. Говорил Федор и о том, что китайская полиция сама не проявляет особого рвения к задержанию кого бы то ни было, так как на баржах прячутся и опасные уголовники, быстро и жестоко сводящие счеты с наиболее ретивыми полицейскими. После завтрака папа с Федором уединились в дальней комнате для серьезных разговоров. А воскресный обед прошел в воспоминаниях папы и Федора об их институтских друзьях, которые по окончании учебы вернулись каждый на свою родину. Многие из них вошли в руководящий состав компартий и иногда их имена встречались в наших газетных статьях о политической жизни тех стран. Поздно вечером, уже после того,

как меня уложили спать, я слышала, как перед уходом Федор долго прощался со всеми. Расцеловав бабушку и маму, он велел папе беречь женщин и особенно меня (такое сокровище!), затем они оба ушли и входная дверь громко захлопнулась. Папа вернулся часа через два, проводив Федора на Московский вокзал и посадив его на поезд. Федор снова исчез из нашей жизни на многие годы.

Во внешности Федора было что-то восточное – широкие скулы, нависшие на глаза верхние веки, черные жесткие волосы. Поэтому на следующий день после его отъезда я спросила:«Папа, а Федор китаец?» – «Нет, он из алтайских казаков, а у них обычны смешанные браки, они часто берут в жены местных девушек других национальностей» – «А какие там местные жители?» – «Самые разные азиатские народы, по-моему, есть и монголы, и китайцы» – «А какая фамилия у Федора?» – «А вот это тебе лучше не знать. Просто забудь о нем и никому никогда не рассказывай о его приезде».

На следующий день после отъезда Федора в Москву при полном вечернем сборе всех членов нашего семейства за кухонным столом папа рассказал, что Федор приезжал в Ленинград, чтобы сообщить нам о том, что скоро начнется война. Нашей разведке в Китае стало известно, что в июне, между 20 и 25 числами, Германия нападет на Советский Союз. Именно эти данные он привез своему московскому начальству, а свой выходной день решил потратить на то, чтобы предупредить нас, своих друзей, о надвигающейся на нашу страну беде. Так как меня в этот раз почему-то не выгнали с кухни, я хорошо помню, что реакцией на папин рассказ было долгое «гробовое» молчание всех членов нашего семейства.

И это не удивительно. Представьте себе такую ситуацию – к вам в гости приходит человек и говорит, что через 3 месяца Нева выйдет из берегов и смоет половину города. Представили? А свою реакцию на это? Первой вышла из шокового состояния мама и насмешливо спросила: «Интересно, а Гитлер-то про все это знает?» Я полагаю, что такое восприятие возможных будущих событий для моей мамы было простительным – счастливая молодая женщина, домохозяйка, полностью погруженная в семейные проблемы и далекая от политики. У папы была другая реакция – почувствовав иронию в маминых словах, он сказал: «Знаете, а я Федору безусловно верю, не помчался бы он в Москву с непроверенными данными. По-моему, нам остается только надеяться на лучшее будущее». Остальные члены семейства – бабушка, дядя и тетя продолжали озадаченно молчать, и я не помню, чтобы они хоть что-то

сказали. Но жизнь продолжалась, и через несколько дней в повседневной суете и домашних заботах и о Федоре, и о принесенных им тревожных известиях всеми нами было полностью забыто.

Перед войной и во время войны я вместе со своими родителями, тетей, дядей и бабушкой жила в отдельной квартире на верхнем этаже большого четырехэтажного дома, стоявшего на Астраханской улице в той части Выборгского района, которая у коренных петербуржцев называлась Правлянкой. Правлянка была ограничена Невой и Большой Невкой, Сахарным переулком и проспектом К. Маркса (теперь снова Сампсониевским) на противоположной нечетной стороне которого стояли здания Военно-медицинской академии. Когда-то здесь, на берегу Невы, находились провиантские склады двух конных полков и морского госпиталя. Возникшее в народе название «Провиантка» в разговорном языке постепенно превратилось в «Правлянку».

Наш дом был последним из череды доходных домов, выстроенных по заказу известного петербургского домовладельца Колобова. Незадолго до Первой мировой войны его начали строить англичане на месте деревянных домов, окруженных садами и огородами. Достраивался же он в 1914 году, уже во время начавшейся Первой мировой войны, и представлял собой строительную достопримечательность, так как был в Петербурге одним из первых жилых домов не с деревянными, а с железобетонными перекрытиями. К тому же он был выстроен в свойственном городу архитектурном стиле Петровской эпохи, как и стоящее на противоположном берегу Большой Невки здание Петровского (теперь Нахимовского) училища. Оба здания, увенчанные башенками, несущими шпили и похожий на глобус шар, создавали эффект единого архитектурного пространства, свойственного петербургским ансамблям (своего рода пропилеи у входа в устье реки). К сожалению, это не помешало в 1969 году снести наш дом, заменив его казенным зданием гостиницы «Санкт-Петербург» (ранее «Ленинград»).

Недалеко от дома, в двадцати минутах ходьбы пешком, находился Финляндский вокзал, за Сахарным переулком вплоть до Гренадерской улицы стояли заводы шведов Нобелей и другие промышленные предприятия, на которых до революции работало много иностранцев и приезжих из других регионов России. Видимо, поэтому национальный состав жильцов нашего дома кроме русских включал финнов, эстонцев, евреев, карелов, поляков, шведов, латышей и даже немцев и цыган. Пишу в предполагаемом мною порядке убывания их численности. Говоря на русском языке с сильным акцентом, многие из них по паспорту числились уже русскими, так как родились в России, а их акцент был следствием другой артикуляции «домашнего» разговорного языка, свойственного их родителям.

Сдав в июне обязательные тогда для четвертого класса два экзамена – диктант по русскому языку и математику, я ожидала воскресенья, 22 июня, на которое у нас – папы, мамы и меня – был намечен отъезд на отдых на реке Волхов. Там на высоком берегу реки, недалеко от Гостинополья, стоял дом дяди папиного друга, в пристройке к которому мы жили во время летнего отпуска. Дом был расположен далеко от сел и магазинов, поэтому мама всегда брала с собой брезентовый сундучок, который она загружала разными крупами, специями и сахарным песком, чтобы не думать там о походах в магазины.

Но ранним утром 22 июня, почти доехав на заказанной ранее машине до железнодорожного вокзала, мы увидели толпы людей под уличными репродукторами и узнали, что началась война. Сразу вернулись домой. Содержимое сундучка оказалось тем главным фактором, который позволил нам во время блокады выжить в голодную зиму 1941–1942 годов.

Июль и август первого военного лета вспоминаются как период интенсивной подготовки к возможным бомбежкам города (устройство бомбоубежищ в подвалах домов, максимальная очистка чердаков от деревянных перекрытий, рытье траншей), а затем и к возможным уличным боям в городе (постройка баррикад поперек широких улиц, превращение угловых квартир второго этажа в доты). Военные предприятия и музеи города готовились к эвакуации и уезжали вглубь страны вместе с работниками и их семьями. Остающееся гражданское население обучалось на ускоренных курсах по оказанию помощи раненым, тушению зажигалок и химзащите. В продуктовых магазинах, несмотря на выступление Калинина о том, что голода не будет, стояли длинные очереди. Продукты раскупали все – и те, кто оставался в городе, и те, кто эвакуировался. К середине дня полностью раскупались все продукты.

Еще не было бомбежек города, обстрелов, даже канонада не была слышна, но тревога как едкий дым висела в воздухе. Ощущение приближения вражеских частей нагнетало тревогу все сильнее и сильнее с каждым днем. Шпиономании как таковой не было, но в нашей булочной в начале августа вдруг изловили шпиона. Как рассказывали очевидцы, один из молодых мужчин, стоявших в очереди, попросил батон и хлеб, назвав его серым, а не черным, как это принято у нас. Трое мужчин,

стоявших за ним, переглянулись и, схватив его, передали вызванным в магазин милиционерам. Через какое-то время им была объявлена благодарность, но была она просто за бдительность или действительно за поимку настоящего диверсанта – мы так и не узнали.

Маму ввиду ее активного участия во всех подготовительных работах к защите города назначили начальником группы самозащиты. Папа в конце июля – начале августа был отправлен копать противотанковые рвы на Лужском рубеже и в результате чуть не попал в окружение. Мы с бабушкой клеили бумажные полосы на оконные стекла, наивно предполагая, что это сохранит их при бомбежках или обстрелах. Шла интенсивная эвакуация школ и детских садов. После того как железнодорожники несколько часов не могли найти машиниста для отправки поезда, на котором я должна была со своей школой отправиться в эвакуацию, мама сняла меня с поезда, и хорошо сделала. Многие поезда, в том числе и тот поезд, на котором должна была уехать я, на узловых станциях попадали под бомбежку, а уцелевшие ребята опять оказывались в городе.

Папа после возвращения с Лужского рубежа в самом конце августа был призван в армию. В первых числах сентября, когда немецкие войска фактически уже полностью окружили город, ему с небольшой группой военных на грузовой машине и с одной винтовкой на всех удалось ночью, проселочными и лесными дорогами вырваться из кольца в Карелию и попасть на Северо-Западный фронт.

Мы с мамой остались в городе и прожили в нем все блокадные дни – от первого до последнего.

Недавно в научном журнале Genetika появилась статья, в которой рассказывается о попытках ученых найти в геноме сумевших выжить в Ленинграде во время почти 900-дневной блокады людей какие-то особенности или мутации, позволившие им остаться живыми в почти нереальных для выживания условиях. По данным, приведенным в этой статье, в трехмиллионном городе погибло, главным образом от голода и холода, около миллиона человек.

У каждого блокадника, выжившего в тех условиях, остались свои воспоминания и свои представления о том периоде своей жизни. С психологической точки зрения интересно, что наибольшее сходство они имеют именно у коренных жителей города, не сомневавшихся ни в том, что они вопреки всему сумеют отстоять город, ни в том, что победа будет за нами.

Самой большой бедой блокадного города был голод в сочетании

с экстремальными погодными условиями, от которого в первую очередь погибали сильные энергичные мужчины, маленькие дети и старики. Выдачу продуктов по карточкам ввели еще до блокады, но начиная с первых блокадных дней несколько раз снижались нормы выдачи хлеба. С конца ноября по конец декабря 1941 года норма достигла своего минимума – 125 граммов на сутки. В тот хлеб добавлялась древесная масса, используемая при изготовлении бумаги, он был черным и мокрым, размером чуть больше спичечного коробка. Чтобы выжить, многие стали вываривать кожаные изделия. Химиками была разработана методика очищения от химических добавок столярного клея (он в те времена варился из рогов и копыт) и превращения его в студень. В папином шкафу мы нашли более десятка плиток этого клея, и он тоже спасал нас от голодной смерти. Отдирались от стен и варились обои, приклеенные при ремонте мучным клейстером. Многие съели своих или брошенных домашних животных – кошек и собак, исчезли голуби.

Мой дядя, профессор Военно-морской медицинской академии, получавший военный паек более калорийный, чем пайки гражданских лиц, уже к середине ноября так похудел, что одежда висела на нем, как на вешалке, щеки ввалились, а под глазами появились огромные синяки. Вероятно, если бы не срочная эвакуация студентов и преподавательского состава, которых в самом конце ноября по льду Ладожского озера, покрытого нагонной водой, вывел на Большую землю местный проводник, хорошо знающий особенности этого водоема, он не дожил бы до Нового года.

Первые массовые смерти от голода начались с наступлением сильных холодов. Отсутствие центрального отопления и дров, снижение температуры в жилых помещения до отрицательных значений, вынужденные походы за питьевой водой на ближайшие водоемы, отключение электрического освещения – все это усиливало последствия длительного голодания. Первыми стали погибать маленькие дети из многодетных семей. В те дни, когда мама, как член группы самозащиты, дежурила у телефона, я тоже спускалась в контору домохозяйства. Меня привлекали яркий свет электрической лампочки, разрешенный в «штабах» групп самозащиты и позволяющий читать книги без напряжения для глаз, тепло от «титана» и возможность услышать последние интересные новости.

Эти дни запомнились и тем, как после осторожного стука открывалась дверь и, придерживаясь одной рукою за стенку и не отрывая ног от пола, мелкими шаркающими шагами входила одна из многодетных мам с посеревшим лицом и почти шепотом сообщала: «Эдик умер…» или «Эльза умерла…» Эти мамы сами уже казались бесплотными существами. Они постепенно теряли все краски – лицо и губы серели или становились бесцветными, а их облик живых людей все более походил на иконописные изображения. Вы, наверное, видели такие иконы – в центре находится главная фигура, а на заднем плане по бокам от нее маленькие вытянутые тонкие фигурки с большими из-за нимбов головами. И тогда, и теперь, когда я гляжу на такие иконы, я вспоминаю тех матерей. По моим воспоминаниям, в нашем доме эти семьи погибли целиком, многие не дожили до конца декабря, оставшиеся – до февраля 1942 года. Уже в мирное время мама, вспоминая о блокаде, назвала две цифры, которые я запомнила на всю жизнь. Она сказала, что когда началась блокада, в нашем доме было сорок четыре ребенка, а к весне осталось только трое. Вероятно, кто-то из них был вывезен в весенние или летние месяцы 1942 года, но в основном все другие погибли от голода.

Я не знаю статистических данных по динамике гибели населения от голода. На протяжении последних лет цифры несколько раз и весьма существенно менялись, и можно предположить, что точных цифр мы уже не узнаем никогда. По моим воспоминаниям о том, что происходило в наших домах, самая высокая смертность от голода среди оставшегося в Ленинграде населения наблюдалась в декабре 1941 и январе 1942 года. Во всяком случае, в нашем доме за эти месяцы умерло более всего людей. Именно до двадцатых чисел декабря сохранялась самая низкая норма выдачи хлеба – 125 граммов черной сырой массы. Это составляло менее 200 калорий на сутки, и именно в декабре и январе стояли темные морозные дни, не только с экстремальными для нашего города морозами (иногда зашкаливающими за 40 градусов), но и с пронизывающими шквалистыми ветрами. Не было дня, чтобы, выйдя на улицу и посмотрев по сторонам, я не увидела сразу несколько новых трупов. Иногда они были частично засыпаны снегом, который ветер сметал в сугробы вдоль тротуаров, иногда снег скрывал их почти полностью, иногда они ничком лежали посреди проезжей части улицы. Несмотря на начавшуюся еще в конце ноября доставку продовольствия в город по льду Ладожского озера, продуктов катастрофически не хватало, сильнейший голод продолжался. Именно в двадцатых числах января было три дня, в которые население не получило вообще ничего, даже мизерной порции хлеба. По сарафанным данным того времени это привело к ежедневной гибели более 25 тысяч человек, продолжавшейся в течение нескольких дней.

Каждую неделю мы с мамой навещали вторую бабушку, мамину маму, и дедушку, которые жили в доме на углу набережной Фонтанки и Щербакова переулка. Обычно мы везли им на санках немного дров, которых у них вообще не было, так как в их доме было центральное отопление. Тридцать первого декабря 1941 года мы отправились к ним рано утром, чтобы поздравить с Новым годом. Когда добрели до бабушки, наши силы были на исходе. В двери пришлось долго стучать, так как на дверях бабушкиной квартиры было несколько (по количеству соседей) электрических звонков, а электричества не было и в помине. Первое, что мы сделали, когда нам открыли дверь – кинулись к топящейся буржуйке и постарались отогреть онемевшие руки. В большой комнате было темно и холодно, на обеденном столе еле теплился огонек коптилки, дед сидел в шубе и валенках, бабушка была закутана в большой шерстяной платок. На буржуйке стояла маленькая кастрюля, в ней что-то кипело. «Сейчас я вас всех порадую, – сказала бабушка. – Вчера я разбирала нижнюю полку в буфете и у самой задней стенки нашла рассыпанную вермишель. Она уже варится, мы поужинаем вместе».

Бабушка достала всем тарелки, принесла кастрюлю и разложила на тарелки вермишель всем поровну, вышло где-то чуть больше столовой ложки. Я первая придвинула к себе свою тарелку, после нашей прогулки нестерпимо хотелось есть. Но когда я взглянула на вермишель, то даже при слабом свете коптилки увидела, что на дне тарелки лежит примерно равное количество вермишели и вареных личинок мучного хрущака, больших и толстых. Я остановилась, и как только бабушка отошла к буржуйке за чайником, шепотом сказала маме: «Посмотри! Здесь столько же червей, сколько вермишели, я не смогу…» Мама быстро зажала мне рот: «Ешь! И ни слова больше!» Кроме меня, никто личинок не увидел, вермишель съели с большим аппетитом, за пять минут с ужином было покончено. Перед выходом на улицу мы выпили по чашке кипятка и отправились домой. Самым удивительным для меня было то, что живот у меня не разболелся (а мог от одной только моей мнительности) и даже появилось, хоть и краткое, чувство сытости. Поэтому в дальнейшем я с полным пониманием отнеслась к рассказу К. Причард, которую австралийские туземцы, когда она заболела, успешно до полного выздоровления кормили личинками насекомых. В некоторых ситуациях и они могут быть благом.

Новый, 1942 год наша семья встречала следующим образом. Вечером мама и тетя оповестили меня, что праздничным угощением у

нас будет студень из столярного клея и кисель из заваренной кипятком картофельной муки, по чайной чашке на каждого. У меня тут же родились гениальные идеи относительно поиска чего-нибудь съедобного. Первое, что я сделала – направилась к полкам между входных дверей. Пространство между наружной и внутренней дверью, равное полуметру, всегда использовалось нами как холодильник. В мирное время на полках между дверями стояли ведра с солеными грибами и кислой капустой, обеденные кастрюли. Неужели, подумала я, там теперь ничего не найти? И я начала великий «шмон» сверху вниз. Верхние полки были пустыми, а на двух нижних лежали листы упаковочной бумаги, внутри одного сложенного листа я что-то нащупала. Развернула лист, а в нем лежат две воблы. Правда, рыбины были покрыты толстым слоем ржавчины, но все равно пахли очень аппетитно. И я с торжеством снесла их на кухню. Мою находку одобрили, отмыли с воблы в небольшой воде ржавчину и поставили варить, добавив маленькую горстку пшена из сундучка, не доехавшего до Гостинополья.

Эта находка так меня вдохновила, что я отправилась в следующую «экспедицию». В коридоре на одном из шкафов стояла большая корзина с елочными игрушками. Я влезла на табуретку, с трудом сняла тяжелую корзину с верхушки шкафа и снесла ее в комнату. Мои ожидания полностью оправдались – среди елочных игрушек в ярких обертках лежали четыре длинных, сантиметров по 15–20, конфеты в виде палочек из тонких разноцветных сахарных трубочек. Я влетела с ними на кухню. Перед встречей Нового года кто-то из взрослых разрезал каждую длинную конфету на несколько маленьких конфеток, мы все пили с ними чай и при встрече Нового года, и даже на следующий день. Так что Новый год по тем временам у нас был просто шикарным!

В начале января, накануне моего дня рождения бабушка умерла, у нее были больные почки, и ей были нужны и тепло, и полноценное питание. Всех умерших людей нашего участка относили на конюшню, расположенную во втором маленьком дворе. Полчища огромных крыс переселились на конюшню, где лежали трупы, обернутые в простыни или одеяла, и обгрызали их. Крысы стали огромными и такими агрессивными, что сами с противным визгом набрасывались на людей. Поэтому бабушку оставили лежать дома, где температура была ниже нуля, и отнесли на конюшню только в тот день, когда в домохозяйство позвонили и назвали дату приезда машины-труповозки. Она объезжала наши дома через 7–12 дней и отвозила умерших за это время людей на Пискаревское кладбище, где моя бабушка лежит под курганом 1942 года.

В январе после одного из посещений второй бабушки, живущей на Фонтанке, мы, помня об обледеневшем спуске в Неву, решили вернуться домой не по льду через реку, а по четной стороне Литейного проспекта. Когда мы дошли до ворот Куйбышевской (теперь Мариинской) больницы, то увидели, что внутри больничного сада на расстоянии двух-трех метров от чугунной ограды как дрова уложены трупы людей. Они лежали от ворот до середины ограды, где она делает полукруг, образующий выемку, в центре которой на постаменте стоит большая чаша со змеей – символ медицинского учреждения. В начале и конце этой жуткой «поленницы» трупы были уложены крест-накрест, чтобы тела, лежащие между ними, не рассыпались по сторонам. Высота этой кладки трупов приближалась к двум метрам. Со стороны проспекта были видны то головы, то босые ноги. Кто-то был одет, кто-то был совершенно голым. По центру этой «поленницы» лицом к проспекту был поставлен почти двухметровый ярко рыжий мужчина лет сорока. Он был абсолютно голым, с грудью и животом, покрытыми густым рыжим мехом, и руками, крест-накрест сложенными на груди. В руки была всунута палка огромной метлы, прутья которой торчали над его головой. Мужчины, проходившие в это время мимо больничной ограды, бросили друг другу короткие реплики: «Своих сторожит», «И после смерти не сдаемся!». В их словах звучало скорее одобрение, но никак не возмущение увиденным. Приходится признать, что война и повседневные смерти рядом с тобой и вокруг тебя кардинальным образом меняют оценки всего происходящего. Мама же, когда мы отошли на приличное расстояние от больницы, сказала: «Хорошо, что у нас на участке все умершие лежат в конюшне, не на виду у живых, и их никто не беспокоит излишним вниманием, и они не напоминают нам ежеминутно о возможной смерти».

Голодные смерти продолжали уносить многих. Страшным следствием длительного голодания стал каннибализм. В одном из соседних домов жила мамина приятельница, они регулярно встречались, когда выходили с детьми гулять в сквер на берегу Большой Невки, мама со мной, еще маленькой, а женщина с грудничком в коляске. Они обычно сидели рядышком на одной скамейке, загорали и вышивали. Ее сынишка в сентябре сорок первого года должен был пойти в первый класс, но школы не работали, и он «хвостиком» повсюду следовал за своей мамой.

Однажды, когда мама очередной раз дежурила в конторе на телефоне, ее приятельница вся в слезах буквально ворвалась в контору и

сообщила об исчезновении своего семилетнего сынишки. Она пошла вместе с сыном в продовольственный магазин, расположенный напротив нашего дома и так, как там была длинная очередь и много народа, оставила его, как всегда, на улице перед входом. Пока она стояла в очереди, прошло какое-то время, и когда она вышла на улицу, сына нигде не было. Она добежала до своей квартиры, по пути заглянув во все подъезды, и поняла, что случилось что-то страшное.

Наш квартальный и все члены группы самозащиты, бывшие в конторе домохозяйства, вышли на улицу и начали опрос буквально каждого из встреченных ими людей. Опрашивали тех, кто ходил в этот день в магазин, кто был рядом с магазином, кто просто входил или выходил из дома примерно в это время – не видел ли кто-нибудь из них темно-рыжего мальчика, одного или с кем-нибудь. В результате опроса почти всех живущих в нашем микрорайоне людей было выяснено, что две женщины видели похожего мальчика, идущего за руку с незнакомой девушкой. Девушку никто не знал. Где искать мальчика – никто не представлял.

Через несколько дней мамина знакомая опять пришла в контору. Трясущимися руками она развернула носовой платок, в который был завернут скальп ее сына. Ошибиться было невозможно – такие круто курчавые шоколадно-рыжие волосы были только у нее и у ее сына. Тряслись не только ее руки, непрерывно сотрясалось все ее тело, на лице застыло странное выражение, смесь одержимости и отчаяния. «Пойду искать его голову». Говорить ей, что, если бы каннибалы думали не трогать голову, они не стали бы снимать скальп, было бесполезно. Она никого не слышала и ничего не воспринимала. Положила платок в карман и вышла из конторы искать голову сына на помойках. Через несколько дней она появилась в конторе домохозяйства опять, теперь с новым скальпом – светлые длинные волосы были заплетены в две косички с бантиками на концах. На нашем участке заявлений о пропаже девочки ни от кого не поступило, возможно, что ее мама умерла раньше ее пропажи, или же эта девочка была приведена к нам на съедение из какого-то другого района.

Вскоре после ужасных находок на помойках скальпов маленьких детей поздним вечером раздался звонок. Маму ждал милицейский патруль. На этот раз мамин путь оказался очень коротким, в пределах нашего дома. На первом этаже четвертой лестницы, имевшей выход только во двор, в опустевшую квартиру поселили двух очень симпатич-

ных девушек из пригорода, устроившихся работать на завод. В отличие от большинства женщин нашего дома они не были ни истощенными, ни бледными. Это никого не удивляло, так как все знали, что многие в пригороде имели свои приличные огороды. Снятого ими урожая картофеля хватало даже на то, чтобы продать часть урожая близким знакомым или выменять его на антиквариат или драгоценности.

Когда патруль вошел в жилую комнату, в каминной печи весело трещали дрова, на печи стояла полная мяса кастрюля. Сомнений в том, что это мясо человеческое, ни у кого из вошедших в комнату не возникло, другого в городе просто не было. Это было видно и по поведению девушек, которые заметались по комнате, пытаясь выскочить наружу. Старшему патрульному от одного вида и запаха этого мяса стало плохо, он выскочил из квартиры, его тошнило. Плохо было и маме, она вернулась домой и долго сидела рядом с буржуйкой, подбрасывая в топку листы книг. Девушек арестовали, кастрюлю с мясом для анализа взяли с собой. При следующем обходе эти же патрульные рассказали маме, что при допросе девушек выяснилось, что они выманили, убили и съели по крайней мере еще двух детей. Самое ужасное заключалось в том, что они по-настоящему, как все другие, и не голодали, им, как они объясняли следователю, просто захотелось мяса для полноценного питания. Их дальнейшей судьбы я не знаю, но в народе ходили слухи, что каннибалов расстреливали.

Мамина знакомая, лишившаяся таким жутким образом своего единственного сына, так и не смогла оправиться. Нервное потрясение было настолько сильным, что она частично потеряла память, совершенно не могла ни сосредоточиться, ни работать, и вскоре после окончания войны умерла.

Тяжелая ситуация в окруженном немецкими войсками городе усугублялась тем, что весь урожай пригородных совхозов остался на полях неубранным, а его коренное население в конце лета сильно увеличилось за счет жителей маленьких городков и сел, расположенных в Ленинградской области. По мере того как вражеское кольцо сужалось, приближаясь к нашему городу, толпы беженцев вливались в город со стороны Петергофа, Гатчины, Пушкина. С собой у них были, в лучшем случае, документы и либо вещи, помещающиеся в рюкзак, либо маленькие дети. Мало кого из них успевали эвакуировать из города, большинство беженцев временно вселяли в опустевшие после эвакуации жильцов квартиры.

В первый год блокады, начиная с сентября, начались массированные налеты и бомбардировки города, дождем сыпались на крыши домов зажигалки, только за один день 8 сентября на город было сброшено 12 тысяч таких бомб. Одновременно сбрасывались осколочные и фугасные бомбы. После разрыва фугасной бомбы земля под ногами колебалась так, будто она обретала новое полужидкое состояние. Когда я через много лет попала в зону землетрясения, первое, что я вспомнила, была бомбежка.

Входившие в группы самозащиты женщины и подростки быстро освоили тушение зажигалок в кучах песка или в емкостях с водой на чердаках своих домов. Но сгорели многие складские и заводские помещения; знаменитые американские горы, построенные из просмоленных бревен, пылали огромным костром около суток; горел Гостиный двор и другие торговые помещения, долго горели и тлели общежитие Университета и почти обезлюдившие жилые дома.

Сброшенная немцами осколочная бомба взорвалась после удара в фундамент той части нашего дома, которая соединяла два длинных корпуса со стороны Клинической аллеи. Именно здесь (бывают же такие трагические случайности) шофер остановил на время воздушной тревоги свой пригородный автобус, битком набитый пассажирами. Ни один человек не захотел выйти из автобуса и укрыться в траншее, в бомбоубежище или хотя бы в подъезде ближайшего дома. Осколки разорвавшейся бомбы прошили этот автобус насквозь. Расстояние между дырами от осколков было не более 10–15 см, а сами дыры имели размеры от нескольких мм до десятков см. Стенки автобуса стали похожи на решето. В первом документальном фильме о блокаде «Ленинград в борьбе», который демонстрировался в кинотеатре «Титан» уже в июле 1942 года, есть кадры с этим автобусом. Он еще долго стоял у нашего дома как свидетельство произошедшей трагедии. Одна из убитых пассажирок была беременна, до родов оставалось совсем немного. Всех, кто потом вытаскивал трупы убитых пассажиров из автобуса, поразило то, что хотя у беременной женщины было много смертельных ранений и она была просто прошита множеством осколков, ребенка не задел ни один из них. Его нашли, лежащим на ее коленях. Но когда после бомбежки в автобус смогли заглянуть, прошло время, и в живых уже не было никого.

Несмотря на трагизм происходящего, некоторые истории были забавными. При попадании бомбы в жилой дом на 10-й Красноармейской улице (второй или третий дом слева от Московского проспекта)

дом сложился, осталась стоять только его задняя кирпичная стена. По 2–3 половых доски на обломках деревянных балок, сохранившихся на этой стене, это было все, что осталось от квартир каждого этажа. На двух досках бывшего 4-го этажа лежал, вцепившись в них руками, немолодой мужчина, единственный оставшийся в живых жилец этого дома. Увидев спасателей, он начал громко кричать. Они поднялись по завалу к стене, готовой рухнуть в любой момент, натянули брезент и предложили мужчине на него спрыгнуть. Он продолжал кричать, но прыгать отказывался, а спасателей уже ждали в другом районе. Тогда старший спасатель, руководивший работами, вынул оружие и крикнул: «Или ты сейчас же прыгаешь, или я тебя пристрелю, чтобы ты не выл на всю улицу!» Увидев оружие и услышав такую угрозу, мужчина отцепился от досок и свалился на натянутый брезент.

Как потом выяснилось, никакого оружия у старшего по команде вообще не было, он держал в руках не то бумажник, не то футляр для очков, но его слова звучали так убедительно, что ему поверили не только лежавший на досках мужчина, но и его подчиненные. Потом допросили спасшегося. Оказалось, что вечером он явился домой пьяным, буянил так, что жена не пустила его в комнату, и он уснул, пристроившись на полу у стены в кухне, что и спасло ему жизнь.

Фугасная бомба весом в полторы тонны упала метрах в тридцати-сорока от фундамента нашего дома, в маленьком скверике напротив почтового отделения № 175. Бомба не взорвалась. Она ушла в землю так, что в образованной от ее падения яме, на глубине около метра был виден только ее стабилизатор. От комитета по обороне поступило распоряжение – бомбу выкопать, вывезти на машине и взорвать на приличном расстоянии от жилых домов. За целый день раскопок ослабевшие от голода девушки из ПВО смогли освободить от земли только верхнюю половину бомбы. Прибыв для продолжения работ на следующий день, они увидели, что бомба опять ушла в землю по самый стабилизатор. За этот день они вновь смогли откопать только половину бомбы. На третий день в яме было пусто, бомба исчезла. Геологи также объясняли это тем, что под этой частью города имеются плавуны – слои мокрого песка, перетекающие под землей наподобие рек. И высказали предположение, что бомба достигла плавуна, и теперь он несет ее по своему течению к реке, в направлении нашего дома. Какое-то время это предположение беспокоило всех нас, но бомба не давала о себе знать и вскоре о ней забыли.

В самый тяжелый период блокады, зимой 1941–1942 годов,

люди погибали не только от голода и обстрелов, но и от продолжающихся бомбежек. Значительно сложнее стало спасать людей, оставшихся замурованными в бомбоубежище разбомбленного дома. Недалеко от нас, на Нижегородской улице (теперь улице академика Лебедева), напротив здания Военно-медицинской академии, между улицей Комсомола и Финским переулком, стоял узенький дом, встроенный между двумя «солидными» домами старой застройки. Именно в него попала бомба, скорее всего осколочная, так как соседние дома уцелели, и он сложился аккуратным холмиком строительного мусора между этих двух уцелевших домов. Люди, спустившиеся в бомбоубежище, остались живы, сквозь толщу обрушившихся перекрытий были слышны крики о помощи. Но ни у кого – ни у родственников этих замурованных в подвале людей, ни у жильцов соседних домов, ни у девушек из отрядов ПВО, изможденных длительным голоданием, не хватило сил на разбор завала из кирпичей и балок, образовавшегося при разрушении многоэтажного дома. Техника не работала из-за отсутствия бензина. Чтобы не слышать криков о помощи, люди, идущие на работу по этой улице, не переходили на ту сторону, где был разбомбленный дом, а шли по противоположной стороне. Вернувшись с работы и заглянув в домохозяйство по дороге домой, они рассказывали нам об этом со слезами бессилия на глазах. Морозы в эти дни стояли сильные, через несколько дней развалины замолчали.

В городе не было горючего. Пожарные машины стояли. Водопровод не работал, воду в маленьких бидончиках носили издалека, в основном только для еды и питья. Поэтому, если в здании возникал очаг пожара, который не сумели сразу потушить жители этого дома, огонь постепенно распространялся по всем помещениям. Пожар длился до тех пор, пока было чему гореть и пока в доме не выгорало все, до чего добирался огонь. Однако значительно большее число людей погибло не от бомбежек и пожаров, а от артиллерийских обстрелов, продолжающихся в течение всей блокады. Нам сначала казалось, что стреляют со всех сторон, но достаточно скоро на многих улицах появились надписи: «Граждане! При артобстреле эта сторона наиболее опасна!» Одна из таких надписей сохранена в начале Невского проспекта.

В сезон 1941–1942 года в Ленинграде ни одна школа не работала. Мама постоянно дежурила в домохозяйстве, где работал телефон для связи с Комитетом обороны и было электричество, сюда же приводили и приносили раненых во время обстрелов. Почтовое отделение письма получало, но разносить их было некому. Мама ходила на почту, где метровыми сугробами лежали письма, и разбирала их, пытаясь найти письма от папы. В результате еще зимой ей предложили оформиться там на работу, что давало возможность получить рабочую карточку. В результате голода мама не могла подняться по лестнице выше второго этажа, а в то время каждый почтовый ящик висел на дверях «своей» квартиры. В квартиры верхних этажей письма разносила я, двери многих квартир оставались открытыми, так как у жильцов не хватало сил дойти до дверей и открыть их. В некоторых квартирах лежали только мертвые люди. Поэтому, входя в квартиру и выходя из нее, я всегда сообщала маме, крикнув в пролет лестницы, где я нахожусь.

Начиная с осени 1941 года и до марта 1942 года в городе не работали ни водопровод, ни канализация. В результате все нечистоты выливались либо из окон на улицу, либо в пролет лестниц. Сильные морозы в известной мере тормозили начало эпидемической катастрофы, но и немцы, и власти города понимали неотвратимость развития эпидемий при повышении температуры воздуха. В марте месяце вышел указ об очистке города от нечистот и снега, очень категоричный и суровый в соответствии с военным временем. Вероятно, вследствие суровости приказа и понимания серьезных последствий его неисполнения город был очищен от снега и нечистот где-то за 10 дней.

Весной и летом 1942 года продуктовые магазины начали торговать съедобными растениями, на прилавках кучками лежала лебеда, крапива, листья одуванчика или щавеля. Появилось витаминное питье, приготовленное из молодых побегов хвойных деревьев. Весна и лето большинством выживших ленинградцев были потрачены на создание огородов и получение урожая. Почти все пригороды, где до войны выращивались капуста и картофель, были заняты немецкими войсками. Поэтому пришлось перекопать и засадить теми семенами, которые каждому удалось достать, все имевшиеся в городе земельные участки – Марсово поле, Летний, Михайловский и Адмиралтейский сады, парк Лесотехнической академии, маленькие и большие скверы и бульвары. Нам с мамой повезло. Папин друг, мастер с завода «Русский дизель», непрерывно летавший то на Черное море, то в Мурманск или на Дальний Восток для ремонта двигателей подводных лодок, пригласил нас ухаживать за своей рассадой капусты во время его командировок. Огороды заводчан разместили между двух расходящихся перед Муринским проспектом железнодорожных путей. Полученный осенью при нашем деятельном участии урожай был разделен нами поровну, и в зиму 1942–1943 года у нас в дополнение к продуктам, полученным по карточкам, была квашеная капуста.

Обычно интенсивно обстреливался какой-то один район, частота залпов увеличивалась в то время, когда люди шли на работу или с работы, когда в школе кончались уроки и дети группами выходили на улицу. Едва начали снова ходить трамваи – немецкая артиллерия стала обстреливать остановки или идущие по пути трамваи, стараясь накрыть залпом сразу два встречных трамвая. Обычно между первым и следующим залпом проходило 5–10 минут. Это был расчет на то, что в этот промежуток времени раненым уже начнут оказывать медицинскую помощь и вторым залпом немцы покончат и с ранеными, и с оказывающими помощь женщинами из группы самозащиты или ПВО. Мама в дни обстрелов приходила обычно в одежде, рукава которой были залиты кровью раненых по локоть.

Немецкая пунктуальность позволила группам самозащиты разработать свою тактику. Услышав разрывы снарядов, дежурившие в это время женщины моментально бросались на улицу и старались вынести на носилках лежащих на мостовой раненых и вывести тех, кто был способен хоть как-то передвигаться сам. Вторично выходили на обстреливаемый участок только после второго залпа. К сожалению, часто в этом случае живых уже не было.

По улицам города били главным образом шрапнелью с большим радиусом поражения живой силы. Снаряды разрывались примерно в метре от земли и ранения тех, кто был вблизи от центра взрыва, были ужасными и в большинстве своем заканчивались смертью раненых из-за большой потери крови. Нередко фронтовики, попавшие к нам в город, говорили, что на фронте они чувствуют себя гораздо увереннее и спокойнее. Так что определение «Ленинград – город-фронт» вполне соответствовало истине.

Осенью 1942 года стало понятно, что впереди нас ждала зима, возможно, такая же суровая, как прошлая. Маминой «бригаде» самозащиты для разборки на дрова выделили два дома. Один дом до войны принадлежал магазину мебели, он стоял вдоль Финляндского проспекта, занимая пролет от Астраханской до Саратовской улицы. Второй дом был жилым, значительно меньшего размера, и умещался во дворе дома 5/7 по Астраханской улице.

В один из дней мама поднималась по деревянной лестнице на второй этаж. Когда до площадки второго этажа оставались 2 или 3 ступеньки, верх лестницы отошел от площадки и ступеньки, на которых стояла мама, рухнули вместе с нею вниз. Сейчас трудно назвать причину, по которой надломились и упали несколько верхних ступеней этой лестницы. В результате маму выкинуло в пролет лестницы, на которой уже были сняты деревянные перила, но оставались торчащие вверх металлические прутья, к которым раньше и крепились перила. Маме крупно повезло. Погода уже была холодной, и она надела на работу широкие ватные брюки. При падении вниз металлический прут проткнул брючину по всей длине и уперся в широкий кожаный ремень на ее талии, остановив мамино падение в подвал. Мама отделалась испугом, большими синяками на бедре и голени и сильным сотрясением всех тех внутренних органов, которые могли сотрястись при таком падении. Чтобы снять ее с металлического прута, женщинам пришлось затратить массу усилий – надо было вытащить маму из брюк, насквозь прошитых ржавым металлическим прутом, и при этом не уронить ее в подвал, а потом стащить брюки с прута, чтобы ей было в чем возвращаться домой. Как всегда в таких случаях, раздался звонок в двери нашей квартиры, и две женщины скороговоркой мне сообщили: «Ивановна упала в подвал со второго этажа! Беги скорее, может она еще жива!» Я выскочила, и бросилась бегом по лестнице вниз, выбежала из подъезда, а навстречу мне идет, сильно прихрамывая, мама. «Куда помчалась? Я в порядке! Давай-ка домой, мне ногу и бок надо срочно обработать йодом, будешь помогать!»

Наступили зимние холода. Таких сильных морозов, как в прошлую зиму, не было, но самое ужасное теперь заключалось в том, что я не смогла влезть в свою старую зимнюю обувь. Оказалось, что те же проблемы возникли и у Музы. Ее мама сказала нам, что если мы раздобудем меховые рукавицы, то она сделает нам выкройку обуви, которую шили в деревне в дни ее молодости. Однажды, когда рота солдат остановилась на отдых недалеко от моста, Муза потянула меня за руку: «Пошли просить». Я просить не умела, но пошла вместе с ней в качестве «группы поддержки». Муза была прехорошенькой девочкой с большими темно-голубыми глазами, опушенными густыми темно-коричневыми ресницами, и с пышными волосами, кончики которых завивались в аппетитные колечки. Подойдя к солдатам, Муза самым нежным голоском проговорила: «Товарищи солдаты, дяденьки, если у вас есть лишние или старые рукавицы, отдайте их нам, пожалуйста. Мы из них сошьем себе чуни, а то нам не в чем в школу ходить». Я абсолютно не верила в успех этой операции – откуда у солдат лишние рукавицы, но, как оказалось, я была не права. С доброй улыбкой глядя на Музу, кто-то из них порылся в

карманах, кто-то в рюкзаке, и мы получили по две пары роскошных меховых рукавиц. Ну а держать в руках иголку и ее, и меня научили лет с пяти, так что двух или трех дней нам хватило на пошив теплой и мягкой зимней обуви. Чтобы наши чуни не промокали в тающем снегу, мы их подшили, я – кожей старого портфеля, а Муза – клеенкой со стола. Самое главное было в том, что эта обувь, изготовленная своими руками, оказалась очень теплой и отслужила нам два года.

Ярко проявленной шпиономании, когда подозревают чуть ли не каждого, в городе не было, но и шпионы, и диверсанты, и резиденты, и предатели в блокадном городе были. Об этом в первую очередь говорило то, что ракеты, наводящие ночью немецкие самолеты на корабли, вошедшие в Неву, или на военные заводы, в первый год взлетали почти в каждую бомбежку. Однажды, стоя вместе с мамой рядом с подъездом в полной темноте на улице, мы увидели, как метрах в двадцати от нас с шипением взлетела ракета, осветив на мгновенье крепкую мужскую фигуру. Когда ракета погасла, мы услышали тяжелые шаги ракетчика, уходящего от нас на перекресток. Было облачно и так темно, что нельзя было отличить панель от проезжей части улицы. Мама сделала несколько шагов, пытаясь пойти следом, но я повисла на ней: «Куда ты идешь? Он пристрелит нас и все. Не ходи, ну пожалуйста! Пожалуйста!». Мама сдалась, и мы быстро вошли в подъезд и пошли домой. После войны на эту тему был снят фильм «Зеленые цепочки», и действительно, многих ракетчиков выловили сами блокадники.

На нашем участке остались в основном люди, давно и хорошо знакомые друг с другом. Большинство въехало в этот дом сразу по завершении его строительства. Многие работали на одном заводе или предприятии. И у всех кто-то воевал на фронте, кто-то голодал в осажденном городе, и ни у кого не было причин симпатизировать немцам. Новыми в наших домах были только беженцы, которых не успели эвакуировать из города. Одна из таких беженок – молодая женщина, направленная на жительство в наше домохозяйство, рыдая, рассказывала всем в конторе о гибели у нее на глазах всех своих родных и просила поселить ее в квартиру, где никого, кроме нее, не будет. Свою просьбу она объясняла сильным нервным срывом после всего пережитого: «Поймите, мне нужен покой, не могу никого видеть, не хочу ни с кем разговаривать». Ей пошли навстречу и прописали в одной из комнат полностью опустевшей квартиры в доме 4 по проспекту К. Маркса, на месте пересечения

его Клинической аллеей. Вскоре она устроилась работать на заводе и, как все работающие, поздно вечером по пути с работы домой заглядывала иногда в жилищную контору, чтобы узнать новости.

В один из дней самой тяжелой блокадной зимы, ближе к ночи, маму, только что задремавшую после тяжелого дня, разбудили громким звонком в двери. Как начальник группы самозащиты она была обязана сопровождать патрули, совершавшие ночные поквартирные обходы всех домов нашего участка. Ее знали все жильцы домов нашего участка и на ее голос открывали двери при обходах. На этот раз ее ждал патруль НКВД из трех человек. Старший патрульный начал с того, что спросил маму, кто живет в угловых квартирах дома № 4, выходящих окнами на Клиническую аллею и проспект Карла Маркса (людей в каждом доме оставалось так мало, что все всех знали наперечет). На первом и втором этажах этого дома была детская поликлиника. Начиная с третьего этажа и выше, находились жилые квартиры. В квартире на четвертом этаже жила в одиночестве женщина, бежавшая из-под Луги после гибели всей своей семьи. «Вот к ней давайте и пройдем» – сказал патрульный. На мамин голос женщина, которая часто заходила в жилищную контору и хорошо знала маму, открыла двери и, мило улыбнувшись всем, спросила, в чем дело, что случилось и что их интересует. «Мы пришли с обыском, вот постановление» и старший патрульный протянул ей бумагу. У женщины был чрезвычайно удивленный вид, она спокойно сказала:«Ищите, пожалуйста. Но хоть объясните мне, что вы у меня хотите найти? У меня и вещей-то никаких нет, в основном все мое на мне, я ведь бежала, когда немцы уже вошли в Лугу».

Маму, как свидетеля, посадили на стул, стоявший у стены в сторонке. Военные начали тщательно перетряхивать все вещи, находившиеся в этой комнате. Двери других комнат, хозяева которых были на фронте или эвакуированы, оставались опечатанными. Обыск, очень дотошный, длился уже не менее двух часов – в комнате было много книг, которые патрульные перелистывали постранично – когда женщина попросила разрешения отлучиться в туалет. Ее отпустили, но через несколько минут, вероятно, услышав что-то подозрительное, старший сделал знак одному из патрульных, и они вдвоем ударом вышибли дверь уборной. Женщину вытащили в коридор и стали разжимать рот, в который она запихивала бумагу. Отчаянно сопротивляясь, она пыталась эту бумагу проглотить, но после того, как женщине зажали нос, бумагу удалось вытащить почти неповрежденной. Когда бумагу аккуратно

разгладили, мама увидела на ней столбики цифр. «Вот и нужный нам шифр – сказал старший – хорошо, что воды в доме нет, а то успела бы все спустить в канализацию». Самый высокий парень встал на унитаз и, пошарив рукой, вытащил из пустого бачка, прикрепленного почти под потолком, передатчик. Маме, показав передатчик, сказали: «Вот видите, и шифр мы нашли, и радиопередатчик. Сколько дней потратили, пока запеленговали его работу. Видно хорошая школа была, раз так быстро эта дрянь работала». После обнаружения передатчика поведение женщины резко изменилось, теперь она, с ненавистью глядя на всех, кричала: «Ненавижу вас всех, все равно все передохнете!» Когда ее выводили из квартиры, она, проходя мимо мамы и третьего патрульного, постаралась каждого из них ударить ногой. Мама вернулась под утро в шоковом состоянии. «Ты только представь себе, какой она была актрисой! Как она у нас в конторе рыдала, когда рассказывала о расстреле немцами всех своих родных! А мы, простофили, все ей поверили. И нате вам, прекрасно подготовленная радистка, работающая на немцев. И никакого даже намека на акцент. Неужели русская могла так продаться?»

Через несколько недель маме опять пришлось сопровождать патруль, на этот раз в квартиру первого этажа трехэтажного дома, составляющего единое целое с нашим домом. Большую комнату в этой квартире, где уже не осталось никого (кто уехал, кто умер), занимал пожилой мужчина, которого старые жильцы дома с легкой иронией почему-то называли господином N. Где он работал и чем занимался, никто не интересовался и точно не знал. По манере одеваться и по поведению был он более всего похож на преподавателя вуза, то есть на человека, занимающегося интеллектуальным трудом.

Взглянув на документы старшего патрульного, он с улыбкой (которая поразила маму больше всего) сказал: «Долго же вы до меня добирались, я вас ждал значительно раньше». У мамы создалось впечатление, что приход патруля он принял с облегчением. Начался долгий тщательный обыск, затрудненный обилием книг. «Не тратьте зря времени на обыск. Неужели вы думаете, что я стал бы держать компрометирующие меня документы или вещи в комнате, в которой живу? Все, что вас интересует, я расскажу при встрече с вашим начальством», – сказал господин N. Перед уходом мамы домой старший патрульный сказал ей, что этот человек был завербован немцами еще в Первую мировую войну, когда попал к ним в плен.

С самого начала войны, еще до блокады, периодически из города начали выселять «на всякий случай» людей, по паспорту еще числя-

щихся немцами, финнами, латышами или уже числящихся русскими, но имеющих «подозрительную» фамилию. Как показали события нашего дома, делалось это поспешно и в основном непродуманно, и к борьбе с вражескими элементами в большинстве случаев никакого отношения не имело и не могло иметь. В конце января – начале февраля 1942 года после комендантского часа к нашему дому подъехали грузовики с брезентовыми тентами на кузовах. В таких машинах обычно перевозили людей – и солдат на фронт, и эвакуируемых на Большую землю по льду Ладоги. Человек в военной форме, проводивший эту операцию, вызвал в контору нашего управдома Шевелева (который на следующий день и рассказал маме обо всех ночных событиях) и стал по домовым книгам знакомиться со списком жильцов. Зачитывая вслух фамилии, он говорил своим подчиненным примерно следующее: «Квартира пять – два Ванхонена, квартира семнадцать – один Пуцитис, квартира 25 – одна Резекне» (номера квартир и фамилии были другие), и так по всем квартирам до конца. Далее в этих квартирах раздавался звонок. Открыв двери, люди видели военных, которые им говорили: «Срочная эвакуация, ровно пять минут на сборы и на выход к машинам».

В квартире напротив нас жила старая финка с четырехлетней внучкой Ирьей, копией ангелочка с картин эпохи Возрождения. Бабушка уже не поднималась с постели, соседка приносила ей и воду, и продукты по карточкам. Группа самозащиты вела переговоры с детским домом, куда хотели определить девочку после смерти бабушки. Военные вошли в квартиру, положили бабушку на одеяло и как на носилках снесли ее вместе с Ирьей вниз, к машинам.

Все делалось наспех. В результате финка, вышедшая замуж за Иванова и еле-еле изъяснявшаяся по-русски, осталась в городе, а русская женщина, бывшая замужем за финном, воевавшим на фронте, и носившая его фамилию, была в эту ночь выселена из блокадного города. Наш знакомый шофер из соседнего дома, постоянно ездивший взад-вперед по Дороге жизни, говорил потом, что многие машины дошли до Кобоны на Большой земле с людьми, замерзшими по дороге, так как никто толком не успевал собрать нужные вещи. Я не знаю никого из высланных жильцов нашего дома, кто вернулся бы обратно в наш город после войны.

Мама, спокойно проспавшая эту ночь и узнавшая обо всем от управдома Шевелева только рано утром, ужаснулась всему – и скоропалительности происходящего, и выбору намеченных к выселению лиц. Домой она вернулась страшно расстроенная. «Удивительно, как это с

нашей-то фамилией и нас с тобой не тронули», – сказала она и стала еще раз просматривать документы в балетном чемоданчике и носильные вещи в большой матерчатой сумке и рюкзаке. Только много позже мы узнали, что эти расспросы были связаны с награждением папы орденом Красной Звезды и назначением его на работу в шифровальном отделе штаба армии. Не исключено, что именно назначение его на весьма секретную работу и спасло нас от срочного выселения из города вместе со всеми другими «враждебными иностранцами».

У всех людей свое отношение к милиции и милиционерам. Лично у меня остались самые теплые воспоминания о наших участковых милиционерах блокадного времени. Николай Иванович, который был участковым на нашем участке еще до войны, знал всех жильцов поименно и в блокаду старался помогать всем нуждающимся в помощи, как только мог. При его непосредственном участии был раздобыт «титан» и в конторе домохозяйства постоянно кипел кипяток. Воду с Невы для титана приносил он сам и старался напоить горячей водой всех, кто заходил в контору домохозяйства – и уходящих на работу, и приходящих с нее. Во время обстрелов нашего участка он был первым помощником женщинам, помогал переносить на носилках раненых с улицы в укрытия и перевязывать их. Помогал живым после смерти их близких переносить умерших в старую конюшню. Но в один «прекрасный» день он принес с Невы воду, зашатался и рухнул без сознания. К нему кинулись все, кто был в конторе. Вначале даже биения сердца не услышали, начали трясти, делали искусственное дыхание. Из голодного обморока Николая Ивановича вывели с большим трудом. Позвонили его начальству, за ним приехала машина. Потом нам сообщили, что он остался жив и его благополучно эвакуировали на Большую землю. А у нас через несколько дней появился новый участковый – сибиряк по фамилии Воробейчик. Он был очень молодым, почти мальчиком, черноволосым и синеглазым, с ярким румянцем, таким необычным для нашего города вообще и тем более в блокаду, и в новенькой милицейской форме. В первые дни он был явно поражен всей обстановкой фронтового города – необходимостью перехода наших улиц короткими перебежками с падением за укрытия при обстрелах, длящихся неделями; смертельной опасностью для женщин нашего дома походов за хлебом в магазин, находившийся на другой стороне улицы; почти ежедневным сбором трупов в доме и на улице с доставкой их на конюшню, обходами патрулей квартир в вечернее и ночное время. Не более чем через месяц после своего перво-

го появления у нас он уже целиком вошел в заботы своего участка и начал помогать всем, кому в этот момент была нужна его помощь. Но выдержал он у нас не более года, вскоре потерял свой яркий румянец, затем осунулся и, наконец, в одно из дежурств тоже рухнул в глубокий голодный обморок. Если Николай Иванович принял свой обморок с философским спокойствием (жив, и слава Богу), то Воробейчик, придя в себя, стал перед женщинами оправдываться и извиняться, ему было стыдно, что он потерял сознание и упал. В результате все женщины как одна утешали «Воробышка», как могли, но необходимость его срочной эвакуации была очевидна всем. Расставание его с нами и с городом было очень трогательным – когда он прощался с нами и желал всем нам уцелеть, на глазах у него, как и у прощающихся с ним женщин, были слезы. Однажды, убедив маму закрыть глаза и какое-то время посидеть спокойно, я переложила дрова в печку, настрогала лучинок и подожгла бумагу. Огонь накинулся на лучинки, в комнате сразу стало теплее и веселее. Одеяла на окне были чуть сдвинуты в сторону и в оставшееся целым стекло весело светило солнце. В это время раздался звонок в квартиру. Я открыла дверь и увидела моряка, лицо которого почему-то показалось мне очень знакомым. Он спросил меня: «Быстров Алексей Петрович здесь живет? Я хотел бы его увидеть». Я ответила, что дядя эвакуировался вместе со своей Академией в Киров, но будет лучше, если он обо всем поговорит с мамой. На всякий случай я еще в коридоре предупредила его, что от голода у мамы сегодня сильно закружилась голова, она упала и очень плохо выглядит. Когда он прошел в комнату, при дневном свете я увидела, что моряк очень похож на дядю. Он представился – Хромов Константин Иванович, двоюродный брат дяди: «Моя мама – родная сестра отца Алексея Петровича». Интересно, что он был похож на дядю больше, чем дядины родные братья. Целью его прихода, как сказал Константин Иванович, было узнать, не может ли он чем-нибудь помочь своему брату. Узнав от мамы, что мы родственники его жены, он рассказал нам и о себе. После перегона кораблей Балтийского флота в Кронштадт и в устье Невы он участвовал в боях в составе морской пехоты. Получив серьезное ранение в ногу в боях на границе с Эстонией, он вернулся на свой корабль, который был пришвартован на Большой Невке, напротив «Русского дизеля». Его жена была эвакуирована в самом начале войны и ждала ребенка. Но он до сих пор не получил от нее писем и не знает, где она сейчас находится и кто у них родился, мальчик или девочка.

Расспросив все, что только можно, о дяде и взяв его новый почтовый адрес, Константин Иванович сказал маме: «Вы, конечно, понимаете, что женщину на корабль я пригласить не могу, но позвать пообедать у нас ребенка никому из нас не запрещено». Потом обернулся ко мне и сказал: «Приходи ко мне завтра на корабль. Выйдешь по Евпаторийскому переулку на Пироговскую набережную, увидишь стоящие один за другим два больших корабля, миноносца, а между ними и набережной – маленький корабль, морской охотник. На самой набережной перед сходнями стоит телефонная будка, в ней вахтенный матрос. Будка хоть немного, но спасает его от холода, там хоть ветра нет, а стеклянные стенки позволяют видеть все кругом. Подойдешь к нему и попросишь вызвать капитан-лейтенанта Хромова, БЧ5. Жду тебя к часу дня».

На следующий день в половине первого я отправилась на корабль, нашла часового в будке и попросила его вызвать Константина Ивановича так, как он велел это сделать. Часовой вышел из будки и крикнул: «Капитан-лейтенанта Хромова, БЧ5. На пост». Матрос на палубе морского охотника прокричал это же в сторону миноносца. Затем уже на миноносце то же самое прокричали еще раз или два. На палубу миноносца поднялся Константин Иванович и крикнул часовому: «Пропустите девочку ко мне». Я пробежала по сходням с набережной на «Морской охотник», потом по палубе охотника, потом по сходням от охотника на миноносец. Константин Иванович привел меня в свою каюту, где я вымыла руки, и мы отправились в кают-компанию обедать. За большим обеденным столом сидело 6 или 7 моряков, которые весело со мной поздоровались. Обед, о чудо, состоял из трех блюд. Я съела суп, съела второе – макароны по-флотски, которые на всю жизнь остались одним из моих самых любимых блюд. Передо мной поставили стакан компота. Это вообще было блаженство. Поглядев, как я ем, а я очень старалась не торопиться, все моряки, сидевшие за столом, отодвинули стаканы с компотом в мою сторону. Но когда я начала пить второй или третий стакан компота, в кают-компанию вошел еще один моряк с черной-пречерной бородой. Увидев меня и батарею стаканов, полных компота, передо мной, он подскочил к столу и быстро сдвинул все стаканы на другую сторону стола. Потом, глядя на сидевших за столом моряков, форменным образом зашипел на них: «Вот уж не думал, что вы настолько безграмотны! Вы же чуть ребенка не угробили». Моряки оправдывались, что хотели как можно лучше накормить девочку. А я глядела на отставленные им в сторону стаканы с компотом и думала: «Жадина какая, и сам на Бармалея похож». У меня же после съеденного обеда

не возникло ни малейшего чувства сытости, мне казалось, что я могу съесть еще десять таких обедов. А к Бармалею, которого все называли Иваном Ивановичем и который был корабельным врачом, я еще долгое время никаких теплых чувств не испытывала. Ужасно жаль было отнятого у меня компота.

Корабль мне очень понравился, дружный коллектив кают-компании сразу вызывал чувство симпатии к морякам. Многие мальчишки чуть-чуть постарше меня приходили на корабли, стоявшие на Неве, сперва подкормиться, а затем оставались на них. Их обучали какой-нибудь морской профессии, и они становились полноправными членами боевого экипажа, как Николай, один из друзей моей юности, с четырнадцати лет начавший службу радистом на морском охотнике.

Каждую неделю, в те дни, когда не было обстрелов нашего участка, я продолжала ходить обедать на миноносец. В один из дней, подойдя по набережной к знакомым сходням, я увидела разбитую искореженную телефонную будку, залитую кровью. Погиб вахтенный матрос от осколков снаряда, разорвавшегося накануне рядом с будкой. Будка спасала его только от ветра.

Возвращаясь в июле 1942 года домой после очередного посещения бабушки на Фонтанке, мы увидели афишу нового документального фильма «Ленинград в борьбе» и пошли на него. Конечно, для нас в этом фильме ничего нового про блокаду не было. Нас только очень удивило, что в фильм попало целых два эпизода, связанных непосредственно с нашей жизнью. В этом фильме был показан превращенный почти в решето автобус, остановившийся у нашего дома и получивший почти весь комплект осколков осколочной бомбы, разорвавшейся после удара о фундамент. Был показан и идущий вдоль решетки Летнего сада мужчина, вырвавший у нас в магазине, расположенном на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского, и съевший нашу суточную порцию хлеба и, вероятно, через несколько дней рухнувший мертвым в снег во время съемки документального фильма.

Рассказы моряков, в которых они вспоминали о своих друзьях, их подвигах, их гибели, зародили в моей душе любовь и уважение к людям этой профессии на всю мою жизнь. Особенно мне запомнился их рассказ о гибели близких друзей в начале войны при отступлении и переходе кораблей от островов на Балтике в Финский залив к Кронштадту и Ленинграду. Этот переход сопровождался непрерывными атаками на наши корабли немецких бомбардировщиков и истребителей с небес и

подводных лодок и торпедных катеров с моря. Командиры кораблей получили приказ – отходить, направив все силы на спасение своего корабля, даже не пытаться оказывать помощь другому кораблю, так как в этом случае погибнут оба. Вот поэтому миноносец, на котором находились рассказчики, прошел, отстреливаясь от пикирующих на него истребителей, мимо тонущего корабля, на корме которого, еще видневшейся над водой, стояли их друзья и знакомые. Поддерживая друг друга, моряки пели песню о «Варяге». А два немецких истребителя кругами заходили на них и расстреливали их из пулеметов. Единственное, что смогли сделать моряки этого миноносца, это направить огонь зениток на самолеты и сбить один из истребителей, успев увидеть, как он врезался в воду. Этому поколению, как и моему, не были нужны лекции о патриотизме. Кругом были люди, для которых само понятие Родины было выше всего остального, включая и их собственную жизнь.

Восемнадцатого января воздух города несколько часов гудел от артиллерийской канонады. Сила звука была такой мощной, что колебания воздуха ощущались не только ушами, а всем телом. Никто не мог понять, что происходит, то ли немцы нас штурмуют, то ли наши войска перешли в наступление и бьют немцев. Радио молчало. Только на следующий день мы узнали, что наши войска прорвали блокаду и город теперь будет связан с остальными территориями Северо-Запада России не только водной или ледовой дорогой через Ладогу, но и сухопутным путем.

После прорыва блокады немецкие войска все еще оставались вокруг города. Их артиллерия с еще большим остервенением продолжала его обстреливать, в февральские дни на нашем участке разрывы снарядов гремели с утра до ночи. Девятого февраля город обстреливался весь день. Шрапнелью, рвавшейся на Финляндском проспекте, утром убило и ранило несколько мужчин, спешивших на работу, а днем убило женщин, перебегавших улицу, чтобы попасть в магазин. В этот день я собиралась пойти обедать на корабль, но утром маме позвонил Константин Иванович и сказал, что у них убило часового и еще несколько человек, всей команде будет не до обеда.

Последующие дни были отмечены многочасовыми артиллерийскими обстрелами всего города. Поэтому все, кто мог, отсиживались в эти дни в помещениях, наиболее защищенных и от снарядов, и от осколков. Экзаменов весной сорок третьего года в нашей школе ни у кого не было, в результате мы закончили учебу уже в первых числах июня. В это время прилавки магазинов опять были завалены горками лебеды

и крапивы, скрашивающими наше однообразное питание. Очень жаль, что в то время почти все мы мало знали о свойствах многих растений, например, о том, что всеми огородниками ненавидимый пырей, образующий длинные белые корневища, использовался нашими предками для приготовления хлеба, богатого многими полезными микроэлементами. А этой травы было очень много во всех садах.

Несмотря на обстрелы, которые в июле были почти ежедневно, всех школьников привлекли к сельскохозяйственным работам и начали возить на совхозные поля. В начале лета мы пропалывали грядки с рассадой капусты, позже пропалывали турнепс. Еще позднее, в августе, выкапывали корнеплоды турнепса и складывали их в кучи. На тех полях, куда нас посылали работать, главной культурой был турнепс. К концу августа его корнеплоды стали крупными, белыми с ярко лиловым или фиолетовым верхом, по вкусу похожими на редиску, но со значительно более жесткой мякотью. Как-то раз мы разделили такой корнеплод на всю нашу группу и сгрызли его мякоть. Наш обед завершился тем, что у всех сильно разболелись животы, и наш интерес к турнепсу как к чему-то съедобному полностью был потерян. В августе начались избирательные обстрелы полей, на которых работали школьники. Нам повезло, среди нас никто не погиб, но другим везло меньше, были и раненые, и убитые.

В начале октября 1943 года начал работать водопровод, а в середине месяца был последний налет немецких самолетов на город. Однако регулярные обстрелы города продолжались по-прежнему.

Один раз в неделю мы всем классом ходили в госпиталь Военно-медицинской академии, расположенный в огромном темно-красном здании на углу проспекта Карла Маркса и Боткинской улицы (потом это здание называли клиникой Куприянова). Там в центральном корпусе в большом помещении второго этажа по центру стояло несколько сдвинутых вместе в один длинный ряд столов, на которых лежали горы выстиранного солдатского белья. У многих рубах были отрезаны один или оба рукава, или сама рубашка была разрезана вдоль. То же самое было и с кальсонами. Это белье снимали с раненых, стараясь как можно меньше причинять им боль. Нам выдавали швейные иглы и катушки с белыми нитками, и мы в меру своих сил и умения чинили это белье – пришивали обратно рукава и штанины, зашивали продольные разрезы, пришивали пуговицы и тесемки.

Примерно раз в месяц мы приходили к раненым со своими концертами. Программа концертов полностью зависела от наших возможностей – мы честно старались, кто во что был горазд. Ира Ильина в лицах читала сатирическое стихотворение «Юный Фриц», кто-то пел, кто-то даже пытался танцевать. Закончив наше представление в одной палате с лежачими ранеными, мы шли в другую, третью, стараясь никого не забыть. Меня же наша жизнь с почти ежедневными смертями, голодом, обстрелами, но с верой в победу без всяких сомнений, вдохновляла на написание стихов. Их я и читала раненым. Эти стихи были и про убитую девочку, и про погибших от голода друзей, и про веру в солдат, лежащих сейчас в госпитале, и про ожидание победы. Они полностью выветрились из моей памяти, я даже строчки вспомнить не могу, они пришли и ушли, как пришло и ушло то время. Правда, я помнила, что одно из стихотворений кончалось призывом: «Отомстите за нас! Отомстите за нас!» В зависимости от того, в какой палате я находилась, это стихотворение я читала по-разному. Если большинство раненых уже сидело на кровати или ходило, я заканчивала громким голосом, но если в палате многие еще лежали, часто с закрытыми глазами, последние строчки я произносила «трагическим» шепотом. Но в какой бы палате я не читала этот стих, после него кто-нибудь из раненых громко говорил мне: «Не беспокойся, доченька, вот как поправимся, обязательно отомстим». Потом раненые постарше звали меня: «Посиди немного со мной, у меня дочка такая же, как ты», и гладили меня по голове. Откуда-то появлялся сухарь или кусочек сахара, но мы, понимая, что раненым самим нужно все это, чтобы быстрее поправиться, отказывались брать от них их «заначки». Несмотря на это, когда я приходила домой, нередко в моей полевой сумке оказывалось что-нибудь съестное – «дар почитателей моего творчества».

Новый, 1944 год мы встречали в тесном кругу, вчетвером, я с мамой и Татьяна Ефимовна с Гариком. На этот раз у нас на столе вместе с отварной картошкой и кислой капустой были американские мясные консервы, которые народ прозвал «Улыбка Рузвельта», а также кусочки шоколада к чаю. На консервной банке была наклейка с фотографией молодого мужчины с улыбкой в 32 зуба, от уха до уха, а в самой банке было мясо в виде очень мелко смолотого колбасного фарша ярко-розового цвета. И цвет, и вкус этих консервов сильно отличались от наших мясных консервов и были для нас непривычными. Первое время многие думали, что к мясу просто добавлена какая-то неядовитая краска, и только значительно позже мы узнали про селитру. В отличие от мясных консервов всем очень понравился американский шоколад. Он лежал на

прилавках магазинов в виде больших «кирпичей» (примерно, 40х25х15 см), от которых продавщица острым топориком отрубала куски. Цвет шоколада был темно коричневым, почти черным. Шоколад под ударами топорика раскалывался на остроугольные куски, которые нам взвешивали по сахарным талонам, но сам шоколад был не очень сладким. Вероятно, это было сырье, поставляемое на кондитерские фабрики для изготовления конфет и шоколадок.

Первого января мы проснулись от непрерывного грохота разрывов снарядов. Немцы долго и упорно, массировано, обстреливали город, район за районом. Весь день стрельба продолжалась такая, как будто немцы решили стереть наш город с лица земли. Меня и Гарика посадили в квартиру окнами во двор. У нас были школьные каникулы, и мы взялись за поочередное чтение вслух романов Дюма и повестей Майн Рида. К сожалению, каникулы пролетели очень быстро, а мой день рождения 11 января теперь приходился на первый день учебы после каникул. Так что отпраздновали мы его с мамой вдвоем, поздно вечером, после маминого возвращения с работы.

Двадцать седьмого января день в школе прошел как обычно, но,когда я вместе с двумя девочками из моего класса шла домой и мы вышли на проспект Карла Маркса, началась массированная стрельба из орудий всех калибров, пушки стреляли и басом, и с визгом. Как в прошлогоднем январе воздух начал дрожать от стрельбы так, что пронизывал тебя звуками выстрелов и разрывов, начинало казаться, что слышишь каждой клеточкой своего тела. Длительное время стрельба доносилась со всех сторон города. Потом выстрелы смолкли, и в воздухе повисло тревожное ощущение неизвестности происшедшего. На следующий день мы узнали, что блокада нашего города снята, ее больше не существует. Наш город более не будут ни бомбить, ни обстреливать. В школу можно будет ходить по любой стороне улицы, а не только по четной! Это был огромный праздник для нас, хотя мы понимали, что война еще не окончена.

Я никогда не жалела и не жалею до сих пор, что осталась в блокадном городе, я на всю жизнь запомнила безусловную веру ленинградцев в победу и их готовность отстоять город любой ценой, даже ценой жизни. Город не был сдан врагу, и нас не покидало ни чувство свободы, ни чувство победы.

Часть II

Прошлое никуда не уходит

С.К. Бернев

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ПСКОВЕ

Уже с первых дней после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Русская православная церковь посвятила себя защите Родины. 22 июня 1941 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий[1] (Страгородский) обратился к верующим с посланием и благословил их на защиту Отечества.

26 июня в Ленинграде митрополит Ленинградский Алексий[2] в своем обращении к верующим «Церковь зовет к защите Родины» писал: «Послание митрополита Сергия к пастырям и Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим отечеством, к единодушной защите, каждого в полную меру сил, великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь «благославляет небесным благословением всенародный подвиг. Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося, у которых есть теперь одна дума, одна молитва – дай Бог победить коварного и злобного врага; сокрушить фашизм, несущий горе и разорение всему человечеству…»[3].

В то же время по другую линию фронта на оккупированной фашистами территории при их материальной и финансовой поддержке стали восстанавливаться и открываться православные храмы.

Публикуемая ниже докладная записка Управления НКГБ по Ленинградской области от 5 мая 1944 года, содержит сведения о положении Русской Православной церкви на территории ранее оккупированных немецкими войсками районов Ленинградской области, использовании оккупантами церкви в своих целях.

Данная докладная записка является одним из первых документов, обобщающих информацию, полученную следственным отделом УНКГБ по ЛО о деятельности Православной миссии в Пскове. После первых допросов священников Православной миссии, арестованных в городе Луге, стала выясняться их связь с оккупантами и деятельность, не связанная с церковью, что и послужило причиной ареста. В дальнейшем по мере освобождения Ленинградской области информация о предатель-

ской деятельности большей части миссионеров стала нарастать, что и привело в последствии к розыску и аресту ряда сотрудников миссии, вина которых была доказана. Одни миссионеры[4] бежали с немцами от наступающих частей Красной Армии добровольно, зная свою вину, другие, которых было совсем немного, помогали партизанам и ушли в лес, чтобы избежать угона оккупантами.

До публикуемой ниже докладной записки в Управление НКВД-НКГБ ЛО поступали только небольшие сообщения из партизанских отрядов и оперативных групп УНКВД ЛО, действовавших на оккупированной территории. Ими же присылались газеты, издававшиеся на русском языке для населения оккупированных территорий с информацией о деятельности Православной миссии.

Как правильно отметил А.А. Чернобаев: «…Сегодня, когда предпринимаются многочисленные попытки "переписать" историю Великой Отечественной войны, когда оскверняются памятники воинам-освободителям, подвергаются судебным преследованиям патриоты-партизаны, публикация подлинных документов той страшной и вместе с тем героической поры имеет актуальное общественно-политическое значение ».[5]

Поэтому актуальность публикации документальных архивных материалов, касающихся деятельности Псковской Православной миссии, является очень важной. Прежде всего ввиду того, что с начала 1990-х годов в России было опубликовано много различных воспоминаний лиц, сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками или служившими в различных подразделениях немецкой армии и РОА.[6] В этих воспоминаниях авторы пытаются оправдаться перед читателями и всячески обелить свое сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами.

Например, бывший сотрудник Псковской Православной миссии А. Ионов[7] в «Записках миссионера» пишет: «Работа Православной миссии действительно обнаружила в народе большой религиозный подъем, но никакого восхваления Гитлера в ней, естественно, не было, и к СД Церковь имела лишь то отношение, что была у него под наблюдением...».[8] А. Ионов, будучи эмигрантом, писал свои «Записки миссионера» для зарубежного читателя и, вероятно, не предполагал, что будет опубликован в России, где сохранилось множество документов о деятельности Миссии и ее «тесных» связях с немецкими оккупантами. Тем более, что в 2010 году режиссер В. Хотиненко снимет фильм «Поп» с Сергеем Маковецким в главной роли. Фильм, который далек от истины, фальсифицирует нашу историю, пытаясь обелить в очередной раз деятельность сотрудников Псковской миссии, хотя многим из них и до настоящего времени отказано в реабилитации.

Вот, например, что писала нацистская оккупационная газета «Правда» в статье «Жители освобожденных областей молились за Адольфа Гитлера»: «День рождения Адольфа Гитлера дал повод жителям освобожденных областей для выявления чувств искренней благодарности Вождю германского народа, как к освободителю от большевистского ига. Особенной торжественностью отличалось молебствие в рижском кафедральном соборе. Экзарх православной церкви освобожденных областей митрополит Сергий[9], совершивший молебствие, в сослужении с православным духовенством, обратился к собравшимся с горячим призывом вознести молитву за великого человека нашего времени, Вождя германского народа Адольфа Гитлера и за начатое им святое дело освобождения от адовых сил большевизма, и указал на священный долг каждого лично способствовать победе германской армии в ее величайшей миссии освобождения человечества, христианской религии и культуры от большевизма…»[10]

Экзарх Сергий в день рождения Гитлера не только молился за него, но и направлял телеграмму следующего содержания: «Его превосходительству Фюреру Великогерманской Империи Адольфу Гитлеру. Архиереи возглавляемого мною Экзархата, я и наша паства приветствует вас, нашего освободителя, по случаю дня вашего рождения и молит Всевышнего, да подаст Он вам крепости сил на многие лета, да увенчает Он скорой и полной победой руководимую вами борьбу против человеконенавистнического большевизма. Экзарх митрополит Сергий». По поводу сотрудничества с полицией безопасности и СД 12.12.1944 года Перминов Андрей Яковлевич показывал: «В беседе с начальником канцелярии экзархата, профессором Гримм[11] Иваном Давыдовичем в городе Риге 15 марта 1943 года он меня проинформировал о том, что Православная Миссия была в августе месяце 1941 года в городе Риге учреждена немецкими разведывательными органами СД по договоренности с митрополитом Сергием и с ним – профессором Гримм И.Д. и проводила и проводит практическую антисоветскую деятельность по заданиям СД и митрополита Сергия и в своей деятельности отчитывается перед СД и митрополитом Сергием. Как мне тогда заявил Гримм И.Д., основной задачей Миссии, помимо церковной деятельности, является оказание всяческой помощи немецким оккупационным властям в борьбе против

Братия и гости Псково-Печорского монастыря 28 августа 1943 года. В центре – сотрудники Псковской миссии, митрополит Сергий с немецкими офицерами

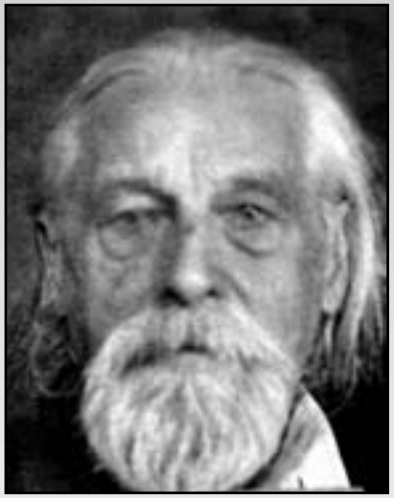
Жители освобожденных областей молились за Адольфа Гитлера

Энзарх Митрополит Сергий поздравляет Фюрера

Германская армия помогает православной церкви

Оккупационные газеты «За родину», «Правда» 1942–1943 гг.

Arbeitspass
Рабочий паспорт



Заблоцкий Н.Ф. и его паспорт

Амозов И.В. – командир Красной армии, фото 1928 г.

Налимов А.

Амозов

Амозов И.В. – сотрудник Псковской Миссии

коммунистической партии и Советского Союза, и немецкие оккупационные власти оказывают Миссии материальную и моральную поддержку. Когда я вступил 26 марта 1943 года в должность делопроизводителя Миссии, а с 5 июня 1943 года стал секретарем Миссии, я окончательно убедился в том, что Миссия является филиалом немецких разведывательных органов СД и проводит свою деятельность, по заданиям СД.[12]

Актуальность публикуемого ниже документа определяется еще и стремлением ряда современных авторов[13], основываясь на таких воспоминаниях, всячески героизировать деятельность Православной миссии, показав «правду о подвиге мучеников Псковской миссии»[14] и «ложь коммунистических историков».[15]

Свое отношение к лицам, сотрудничавшим с фашистами, иерархи Русской православной церкви выразили 8 сентября 1943 г. в Москве, подписав воззвание «Осуждение изменников вере и отечеству» в котором говорилось: «Среди духовенства и мирян находятся такие, которые, позабыв страх Божий, дерзают на общей беде строить свое благополучие: встречают немцев, как желанных гостей, устраиваются к ним на службу и иногда доходят до прямого предательства, выдавая врагу своих собратий, например партизан и других, жертвующих собою за родину. Услужливая совесть, конечно, всегда готова подсказать оправдание и для такого поведения. Но иудино предательство никогда не перестанет быть иудиным предательством. Как Иуда погубил свою душу и телом понес исключительное наказание еще здесь, на земле, так и эти предатели, уготовляя себе гибель вечную, не минуют и каиновой участи на земле. Фашисты понесут справедливую кару за свои грабежи, убийства и прочие злодеяния. Не могут ожидать себе пощады и эти приспешники фашистов, думавшие поживиться за их спиной на счет своих братий.

Святая Православная Церковь, как русская, так и восточная, уже вынесла свое осуждение изменникам христианскому делу и предателям Церкви. И мы, сегодня собравшиеся во имя Отца, Сына и Святаго Духа, подтверждаем это осуждение и постановляем: всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана! Аминь…».[16]Это воззвание относилось и к Псковской Православной миссии.

Текст публикуемого ниже документа передан с сохранением стилистики оригинала.

Совершенно секретно

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О положении русской православной церкви на территории, ранее оккупированных районов Ленинградской области и использовании немцами церкви в антисоветских целях

Немецкое командование немедленно после оккупации части районов Ленинградской области в 1941 году приступило к массовому открытию церквей и к активизации деятельности православного духовенства.

Мероприятия, проводившиеся духовенством по указанию немцев, и вся церковная политика немцев были подчинены задаче порабощения и истребления русского населения в оккупированных районах.

Враждебная деятельность русской православной церкви во временно оккупированных районах направлялась по линии:

проведения фашистской пропаганды, имеющей целью представить немцев в роли защитников русского народа, доказать прочность временных успехов фашистских захватчиков;

оказания активного содействия немцам в проведении экономических и политических мероприятий, направленных на порабощение и ограбление советского населения;

шпионско-предательской деятельности, сбора сведений о политических настроениях населения, экономическом положении районов и в выдаче советских патриотов немецким оккупационным властям.

Главой русской православной церкви немцами был привлечен отлученный от церкви изменник Родины экзарх Литвы и Эстонии – митрополит Сергий (ВОСКРЕСЕНСКИЙ), имеющий резиденцию в гор. Риге.

На оккупированной территории Ленинградской области руководство осуществлялось через созданную в августе 1941 года «Указом» Сергия так называемую «Православную миссию».

Управление миссии находилось в гор. Пскове и возглавлялось протоиереем ЗАЙЦ[17] , в прошлом крупным латышским миссионером.

В районах области были созданы девять благочинных округов, руководство которыми осуществлялось назначаемыми миссией настоятелями, в руках последних сосредотачивалось управление как духовной, так и административно-хозяйственной жизнью прихода.

Такая форма церковной организации исключала возможность конфликтов между настоятелем и приходом, обеспечивала и упрощала надзор за настроением прихода со стороны немецких властей.

Назначение всех священников производилось после тщательной их проверки и главным образом из числа лиц, враждебно настроенных к советской власти и репрессировавшихся за контрреволюционную деятельность.

Допрошенный по этому вопросу священник ЗАБЛОЦКИЙ[18] показал:

«Духовенство брали в основном из приезжих. Это были попы, бежавшие из ссылки. Они подавали заявления, и им разрешалось благочинным района совершать службу с последующим оформлением в управлении православной миссии».

О необходимости тщательного отбора и проверки кандидатов в настоятели и священнослужители миссия издала ряд циркуляров.

Циркуляр управления миссии от 6/II–1942 г. предписывал:

«Согласно распоряжения высокопреосвященнейшего экзарха митрополита Сергия к проверке прав и прошлого местных священнослужителей, особенно прибывших из других областей или оставивших служение при советской власти, надлежит относиться с чрезвычайным вниманием, ни в коем случае не оказывать им преждевременного доверия и отнюдь не торопиться выдачей им разрешения на священнослужение.

Высокопреосвященнейший экзарх находит, что в настоящее время в деле проверки местных священнослужителей обнаруживается излишняя доверчивость и недостаточная бдительность».

О специальном подборе миссией кадров духовенства из числа враждебных советской власти лиц свидетельствует также выдержка из опубликованного в газете «Северное слово» интервью с благочинным Гатчинского округа АМОСОВЫМ[19], который заявил:

«По распоряжению митрополита Сергия, в монастыри принимаются монахи, которые при большевиках находились в гонении».

Бывший благочинный Лужского округа, сам репрессировавшийся советской властью протоиерей ЗАБЛОЦКИЙ на допросе показал:

«К 1943 году в округе было открыто около 40 церквей. В числе священников были: ОБРАЗЦОВ Михаил, который отбывал наказание на Беломорканале. В качестве дьякона Казанского собора, из числа находившихся в лагере военнопленных, был по предложению коменданта лагеря взят военнопленный САМГИН Сергей. САМГИН ранее отбывал наказание в лагере под Москвой».

Служивший в гор. Гатчине в период немецкой оккупации священник ЗАБЕЛИН[20] по этому вопросу говорит:

«Выплыли на свет божий репрессированные советской властью священники: таков, например, настоятель Вырицкой церкви УСПЕНСКИЙ, иеромонах Анатолий СТАЛЬНИКОВ, протодиакон Гатчинского собора ВАСИЛЕВСКИЙ, бежавший с немцами настоятель церкви в селе Рождественно - протоиерей Петр КУДРИНСКИЙ[21] . Одним словом букет православного духовенства был определенного запаха и цвета».

Священниками церквей, открытых в Волотовском районе были:

НИКИТИН М.И. – быв. кулак, раскулачивавшийся в 1931 году;

ГЕОРГИЕВСКИЙ А.Г., отбывавший наказание с 1933 году по 1938 год за антисоветскую деятельность.

Священником церкви в селе Муссы Солецкого района являлся:

ВАСИЛЬЕВ Н.В. – сын осужденного за контрреволюционную деятельность священника, в прошлом бывший монах.

Настоятелем церкви в селе Погост-Михайловский Дновского района был назначен:

МАКАРЕНКО С.А. – дважды судившийся за антисоветскую деятельность и отбывавший наказание с 1933 по 1941 г.

В штате управления миссии состояли священнослужители из числа эстонцев и латышей, враждебно относящихся не только к советской власти, но и русскому духовенству.

Такими были: заместитель начальника миссии, священник БЕНИКСОН [22] , секретарь миссии протоиерей ЖУНДА[23], пом. начальника миссии протоиерей ЛЕГКИЙ [24] , секретарь канцелярии экзарха латышский священник ВЕЙГЛАС [25], начальник канцелярии – немец ГРИММ.

Представители командования фашистских войск, используя церковь в своих антисоветских целях, соответственно направляли деятельность церкви и оказывали ей поддержку и помощь.

Помощь эта выражалась в открытии большого количества церквей, в подготовке для них кадров, в оказании денежной и другой материальной помощи как миссии в целом, так и отдельным приходам и священнослужителям.

О характере этого руководства и помощи можно судить по следующим документам:

журнал «Православный христианин» в декабре 1942 года писал:

«27 ноября в Риге состоялось торжественная церемония. Представители германского государства и национал-социалистической партии передали в этот день высокопреосвященнейшему экзарху церковные книги, спасенные германским оружием от большевистского посрамления.

Представитель штаба Имперского водителя [26] РОЗЕНБЕРГА[27], д-р НЕРЛИНГ указал, что названный штаб, исполняя приказ, данный лично самим вождем, ведет духовную борьбу против основ большевистского мировоззрения и охраняет культурные ценности, созданные национальной традицией и поэтому уничтожаемые большевиками».

Выходившая в Дно фашистская газета «За Родину» писала:

«Теперь в освобожденных областях население снова пользуется не только свободным правом исполнять свои религиозные обряды, но и полным покровительством германского командования, которое помогло восстановить разрушенные храмы и отремонтировать те, которые большевиками были приведены в негодность.

Материально помогая священнослужителям, германское командование дает полную возможность населению беспрепятственно молиться в своих храмах, совершать священные таинства и устраивать крестные ходы». Один из активных деятелей миссии, священник АМОСОВ 4/XII-1942 года заявлял на страницах газеты «Северное слово»:

«Следует отметить очень чуткое отношение к делам церкви со стороны Германского командования. Германское командование оказало церкви большую помощь. Оно снабдило монастыри картофелем, овсом и рожью».

Приведенное заявление члена миссии АМОСОВА подтверждается также Гатчинским духовенством:

«Из разговора с Гатчинским духовенством: протоиереем ЗАБЕЛИНЫМ и священниками СМИРНОВЫМ[28] и АПРАКСИНЫМ[29] установлено, что Гатчинский собор получил безвозвратную ссуду из городского управления на восстановление храма в сумме 100.000 рублей.

Иоанно-Предтеченская церковь получила ссуду в сумме 5.000 рублей, а мужская монашеская община в Вырице поддерживалась большим клином отпущенной немцами земли и семенными ссудами, зерном и картофелем».

Фактической проверкой после освобождения районов установлено, что немцами было открыто в районах (не считая оккупированных Псковского, Палкинского и Островского районов) – 168 церквей.

Кроме материальной помощи оккупационные фашистские власти ставили миссию и подчиненное ей духовенство в привилегированное положение и создавая ему авторитет, необходимый для более эффективного использования духовенства в их целях.

Священник Гатчинской церкви ЗАБЕЛИН говорит:

«Авторитет священников и вообще церковных сотрудников поддерживался немцами высоко.

Церковная работа квалифицировалась немецкими властями, как активная работа в пользу германского фашизма».

Профашистский журнал «Православный христианин» в декабре 1942 года, описывая «Торжество» передачи священных книг, писал:

«Представитель Имперского комиссара правительственный советник г-н ТРАМПЕДАХ отметил, что Германия, уничтожая большевизм, с пониманием и уважением относится к религии и культуре освобожденных народов.

Германия вправе рассчитывать на то, что верующий русский народ высоко оценит подвиги освободительной германской армии и во всем окажет ей лояльную, деятельную жертвенную поддержку.

В своем ответном слове высокопреосвященнейший экзарх дал заверение о том, что чувство благодарности разделяют с ним все православные русские люди, как уже освобожденные от советского ига, так и все еще

под ним томящиеся.

Это чувство вновь побудит их молиться о поражении большевиков и честно, усердно, жертвенно помогать германцам».

Особую активность проявила миссия в деле проведения систематической фашистской пропаганды. Спекулируя на религиозных чувствах верующих, она широко использовала с этой целью устные проповеди, беседы, церковные службы и профашистскую печать.

Протоиерей Иоанн ЛЕГКИЙ в журнале «Православный христианин» в статье «Церковь в судьбах России» писал:

«И ныне верит русский народ, что воскреснет святая Русь, но тогда, когда воскреснет во всей полноте вера в Бога и его святую церковь и когда будет сброшено безбожное коммунистическое иго».

В обращении к пастырям о необходимости систематического чтения проповедей для народа начальник миссии протоиерей ЗАЙЦ писал:

«Члены миссии при посещении приходов будут обращать внимание, в каком положении находится дело проповеди. "Горе нам, если не благовествуем". Особенно в наше, чрезвычайно ответственное время».

О характере этих проповедей можно судить из указа митрополита Сергия от 11 июня 1942 года, в котором говорится:

«В ночь с 21 на 22 июня исполняется год той освободительной борьбы, которую ведет победоносная великогерманская армия с большевизмом во имя спасения человечества от сатанинской власти поработителей и насильников.

В связи с этим предписываю всему духовенству 21 сего июня, после божественной литургии и произнесения соответствующего слова, совершить молебствие о даровании Господом сил и крепости германской армии и ее вождю для окончательной победы над большевизмом».

Примером антисоветских проповедей служит проповедь, произносившаяся с амвона настоятелем Казанского собора в Луге ЗАБЛОЦКИМ:

«Благоденственное, мирное житие, здравие, во всем благое поспешение на врага, победу подай, Господи вождю народа германского – Адольфу Гитлеру, освободившему нас от тирании нечестивых людей, военноначальникам армии германской и сохрани их на многие лета.

Освободителям земли российской от нечестивых людей и избавителям православной веры от злого гнета большевизма, всем ревнующим о благе веры и церкви и всем предстоящим и молящимся многая лета».

Не ограничиваясь проповедями, миссия предлагала настоятелям приходов проводить среди населения беседы по определенной программе.

С этой целью в сентябре 1942 года благочинным была разослана инструкция, в которой говорилось:

«Согласно распоряжения владыки митрополита, предписывается

организовать в округах религиозные собеседования, особенно с молодежью и педагогами, чтобы привести ко Христу людей, которые в советских условиях ничего кроме лжи не слыхали о нем, его учении и его церкви.

Предметами собеседования должны быть:

а) выяснение слабости и несостоятельности материализма;

б) гибельность для человечества материалистического учения;

в) разъяснение тех оснований, на каковые указывают большевики;

г) выяснение несостоятельности их ссылки на науку и научные открытия для опровержения религиозных основ жизни;

д) согласованность науки с библией в вопросе о происхождении мира и жизни и т. п.

О бывших собеседованиях, характере их, о задаваемых слушателями вопросах и отношении их как к собеседованиям, так и к религии вообще – Управление миссии просит давать сведения ежемесячно, а об особых случаях доносить немедленно».

Профашистская пропаганда активно велась и через издававшиеся на русском языке газеты и журналы. Большую роль в этом играл журнал «Православный христианин», начавший выходить в июне 1942 года.

В первом номере этого журнала была помещена редакционная статья под названием «С нами Бог», в которой редакция писала:

«Православная миссия, выпуская первый номер «Православного христианина», от души желает, чтобы печатное церковное слово послужило общему делу восстановления нашей родины, делу воспитания нашего нового поколения, делу нашего духовного исцеления и выздоровления, в твердой вере в светлое будущее нашего народа, в искоренении силы зла на нашей земле».

В последующих номерах журнала также помещались резко клеветнические антисоветские статьи:

в журнале за июнь 1943 г. говорится:

«Мало разрушить большевизм, – необходимо воздвигнуть такой государственный строй, который бы зиждился на справедливых законах, воплощающих в жизнь волю народа».

В качестве дополнительных звеньев фашистской пропаганды в школах было введено преподавание «Закона Божия» и к населению были предъявлены требования обязательного совершения религиозных обрядов.

Об этом благочинный Дновско-Порховского округа, священник РУШАНОВ[30] в речи, произнесенной им на съезде духовенства округа говорил:

«Требовать от священников преподавать в открываемых школах «Закон божий». Требовать у населения совершать обряд крещения над некрещенными и церковного обряда брака над невенчанными в церкви».

Одной из задач проводившейся православным духовенством фашистской пропаганды, являлось активное содействие немцам в осуществлении мероприятий, направленных на экономическое и политическое порабощение советских людей.

В выпущенном миссией в марте 1942 г. воззвании по поводу проводимой германскими властями земельной «реформы» говорилось:

«Канули в вечность годы советского рабства, никто не переносил этих ужасов долгих и кошмарных лет так, как перенес их русский крестьянин. Он, этот бедный и честный труженик родной земли, злодейскою рукою был оторван от своего дела, от своего хозяйства, его трудолюбие получило позорное название "кулачества", "вредительства", "саботажа" и "разорений", он шел на советскую каторгу непосильно работать на своих угнетателей.

Сейчас все личные интересы должны быть принесены в жертву великому делу освобождения всего мира от пут сатанинской власти, делу восстановления и возрождения нашей Родины».

В циркуляре управления православной миссии от 4/III-42 г. сказано:

«8 марта с. г. по всей стране будет опубликован закон об отмене колхозной системы и новый порядок землепользования. В связи с этим вам надлежит отслужить в воскресение благодарственный молебен с провозглашением многолетия вождю народа германского и с оглашением прилагаемого воззвания управления миссии. В тех приходах, где имеются отделения германских хозяйственных комендатур, этот молебен предполагается соединить с гражданским актом.

Вам надлежит всячески разъяснять населению о великом историческом значении этой аграрной реформы, призывать население к труду и исполнению предписаний власти».

Циркуляр миссии от 8/VI-43 г., разосланный в связи с годовщиной проведения земельной «реформы», гласил:

«В день св. Троицы германское командование объявило торжество передачи земли в полную собственность крестьянства, а посему предлагается управлению миссии дать распоряжение всему ведомственному духовенству специально в проповедях отметить важность сего мероприятия».

По указанию германского командования православная миссия через местное духовенство в оккупированных районах области собирало сведения разведывательного характера, информацию о настроениях населения и выявляла антифашистски настроенных лиц, с целью выдачи их немецким властям.

В циркуляре миссии от 4/III-42 г. говорится:

«Предписуется вам, согласно распоряжения соответствующих учреждений германской власти, не реже чем раз в месяц доставлять в управление миссии подробный отчет о положении в ваших приходах: о

настроениях населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о вашей приходско-духовной деятельности».

Циркуляром от 9/VI-43 г. управление миссии предписывало всем благочинным:

«Представить в управление миссии сведения следующего характера: охарактеризовать популярность власовского[31] движения, отношение к нему местного населения.

Сделать сопоставление между отношением населения к власовскому движению и к партизанам, указав на чьей стороне находятся симпатии населения, какое из них пользуется большим доверием и сочувствием».

Циркуляром от 10/VIII-42 г. миссия предлагала настоятелям в кратчайший срок и с соблюдением строжайшей конспирации собрать сведения о наличии зерновых и овощей у населения, а также осветить настроения жителей.

Об этом в циркуляре сказано:

«Управление православной миссии просит Вас дать объективные и правдивые сведения о нижеследующем:

1. Каков в нынешнем году урожай хлеба с одного гектара: плохой, средний или выше среднего, а также какое количество хлеба можно снять с одного гектара, при плохом урожае, среднем и выше среднего. Эти сведения надо дать отдельно об урожае яровом и озимом;

2. Сколько зерна надо оставить на семена для одного гектара;

3. Сколько хлеба надо оставить на месячное прокормление одного человека;

4. Сколько хлеба надо было бы оставить с одного гектара для продажи на свободном рынке;

5. Сколько хлеба с одного гектара можно сдать хозяйственным учреждениям по официальной цене;

Точно такие же сведения надо дать на все вышеупомянутые 5 пунктов о картофеле, об овощах, как например: капуста, огурцы, морковь, брюква, свекла.

Все вышеуказанные сведения просим Вас собрать лично, никому не объясняя, для кого и для какой цели они собираются и дать нам в кратчайший срок».

Благочинный Лужского округа протоиерей ЗАБЛОЦКИЙ по этому вопросу показал:

«Миссия через благочинных и священников занималась сбором сведений о настроениях населения, об отношении его к власовскому "движению", о партизанах, а также собирала сведения о наличии запасов продовольствия, о видах на урожай».

На территорию, оккупированную немцами, были заброшены:

книга «Правда о религии в России »[32], патриотические воззвания митрополита, а впоследствии патриарха Сергия, Ленинградского митрополита Алексия, которые оказывали свое влияние на население и часть духовенства.

В связи с этим немецкое командование через миссию, печать и проповеди в церквях распространяло провокационные слухи, пытаясь опорочить эти документы.

Пытаясь организовать борьбу против Московской патриархии, немцы в тоже время жестоко подавляли проявление патриотизма со стороны духовенства на территории оккупированных районов.

За отказ от служения молебнов в честь германской армии и за призыв к населению сопротивляться насильственной эвакуации немцами были расстреляны Гатчинский священник ПЕТРОВ[33] Александр, священник Орлинской церкви СУСЛИН[34] и священник югостицкой церкви Лужского района ВОРОБЬЕВ[35] .

Факты проявления патриотизма и оказания сопротивления немцам отмечены в ряде районов Ленинградской области. Так, например:

Священник церкви в с. Хохлово Порховского района ПУЗАНОВ[36], 56 лет, в течение 2 лет был связан с партизанами и по заданию командования партизанской бригады неоднократно ходил в разведку в тыл к немцам.

ПУЗАНОВЫМ среди верующих в период оккупации были собраны средства в Фонд обороны.

Священник Христово-Рождественской церкви дер. Бельской Середкинского района БОГДАНОВ[37] оказывал помощь партизанам, в период оккупации района собрал в Фонд обороны среди верующих 6400 рублей деньгами и переслал их Ленинградскому митрополиту для передачи государству.

В Карамышевском районе священник церкви д. Дубановичи Кирилл также оказывал помощь партизанам, ходил в разведку в немецкий тыл.

Он же собрал в Фонд обороны 50 тысяч рублей деньгами.

По окончании богослужения священник Кирилл в церкви среди группы верующих проводил читку сводок Совинформбюро.

В «юбилейный» день годовщины взятия немцами Вырицы священник Вырицкой церкви НОЗДРИН[38] заявил с кафедры: «Радоваться нечему, когда повсюду кровь и страдания людей».

НОЗДРИНА вызвали к митрополиту, который предъявил ему обвинение в неправильности его рукоположения. НОЗДРИН вступил в спор с митрополитом и «дело» кончилось запрещением НОЗДРИНУ служить в церкви.

Враждебное отношение к советскому строю большинства духовенства в районах, подвергавшихся временной оккупации, обеспечивало, с его сто-

роны активную помощь немцам.

В связи с этим среди духовенства оказалось значительное количество предателей и активных пособников немцам.

Характерным примером активного сотрудничества с немцами является дело арестованного священника Гатчинской церкви, агента немецких контрразведывательных органов АПРАКСИНА В. Н., 1891 года рожд., русского, со средним образованием, окончившего духовную семинарию, до 1930 года священник, за контрреволюционную деятельность был осужден к 5 годам исправ. трудлагерей.

До Отечественной войны проживал в г. Пушкине, работал плотником ремстройконторы.

Проживая на временно оккупированной немцами территории, АПРАКСИН в 1942 г. был завербован начальником полиции для предательской деятельности.

По заданию немецкой разведки занимался выявлением политических настроений жителей поселка Мариенбурга и гор. Гатчины и о всех лицах, проявляющих антигерманские настроения, он доносил в гестапо.

Являясь сторонником укрепления власти немецко-фашистских оккупантов, АПРАКСИН, как священник использовал церковный амвон для антисоветской деятельности. В своих проповедях всячески восхвалял государственный строй фашистской Германии и Гитлера. Призывал верующих вступать в «Русскую добровольческую армию» и организовывал сбор денежных средств на содержание «РОА».

Об антисоветской деятельности АПРАКСИНА в период немецкой оккупации арестованный по другому делу ТЕРЕЩЕНКОВ показал:

«Антисоветскую пропаганду АПРАКСИН проводил как в церкви, так и среди своего окружения. В церковных проповедях он призывал "молиться, чтобы кончилась победно для немцев война". Среди окружения вне церкви он заявлял: «Немецкая армия совместно с "РОА" укрепит тот строй, при котором будет легко и зажиточно жить».

Свидетель ШУЕВ К.С., осужденный по другому делу, в отношении контрреволюционной деятельности АПРАКСИНА показал:

«В начале учебного 1942/43 г. в Мариенбургской прогимназии в присутствии городского головы РАССКАЗОВА и немецких офицеров АПРАКСИН перед учениками в своей речи провозгласил "Победоносному германскому воинству и вождю Адольфу Гитлеру многая лета"».

В годовщину нападения фашистской Германии на СССР АПРАКСИН отслужил благодарственный молебен, на котором он говорил:

«Верующие граждане! Пришел освободитель на нашу землю и освободил нас от большевизма. Надо собрать средства на содержание "РОА", которая будет вести борьбу против Красной Армии».

(Из показаний свидетеля ВИШНЕВСКОЙ Д.В.).

Арестованный АПРАКСИН подтвердил показания свидетелей о его антисоветской деятельности, признался в сотрудничестве с гестапо. По этому вопросу он показал:

«Проживая на оккупированной территории, я всячески помогал немцам в борьбе против советской власти. Летом 1942 г. я был завербован начальником полиции для шпионской работы...

Выполняя задание немецкой разведки, я предал советского патриота ЛЕВШИНА, которого немцы арестовали и расстреляли... Я сообщал об антинемецких настроениях ШЕСТОВОЙ, ЗОРИНА и др. лиц».

Следствие по делу заканчиваем.

Одним из агентов немецкой контрразведки являлся также: НАЛИМОВ Алексей Михайлович, 64 лет, русский, сын священника, священник Ольгинской церкви в г. Луга.

НАЛИМОВ служить в церкви начал при немцах. Был завербован немцами для предательской деятельности.

На допросе НАЛИМОВ показал:

«Я дал немецкому офицеру согласие выявлять людей, недовольных германской армией, и советских граждан.

Мое согласие, данное немецкому офицеру, выявлять людей, недовольных германской армией, и советских граждан было оформлено подпиской».

Выявляется практическая предательская работа НАЛИМОВА после чего будет решен вопрос об его аресте.

Дальнейшую работу по церковникам направляем по линии: выявления и ареста среди церковников на освобожденной территории агентуры немецких разведывательных и контрразведывательных органов; документации враждебной деятельности церковников и лиц из церковного актива, подозреваемых в проведении предательской и разведывательной деятельности в пользу немцев – для их ареста.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКГБ ЛО
Комиссар госуд. безопасности 3 ранга
(КУБАТКИН)

5 мая 1944 г.
№ 10312
г. Ленинград
В конце документа имеется помета карандашом: «Разослано: т. Жданову, т. Бумагину»

сноски

[1]*Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий – Страгородский Иван Николаевич (1867-1944) – патриарх Московский и всея Руси. С 1937 г. Патриарший Местоблюститель. 8.09.1943 г. избран патриархом.*

[2] *Митрополит Ленинградский Алексий – Симанский Сергей Владимирович (1877–1970) – патриарх Московский и всея Руси. С 1933 г. митрополит Ленинградский. С. 15.05.1944 г. Патриарший Местоблюститель. 2.02.1945 г. избран патриархом.*

[3] *Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. М., 1943. С.54.*

[4] *Бернев С.К. 1. Судьба святыни. Кто и как вывез чудотворную икону Тихвинской Божией Матери из России/Русь Православная. 2001. №11–12. С.3; 2. Русская святыня за рубежом//Жизнь и безопасность (СПб.) 2002. №4. С. 225–237.*

[5] *Чернобаев А.А. Это радость со слезами на глазах//Исторический архив. № 2. 2000. С.3.*

[6] *Жадан П.В. Русская судьба. Нью-Йорк.1989;Полчанинов Р.В. Псковская православная миссия//Православная Русь.1998. № 12; Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. Посев. 3-е издание. М. 1994 и др.*

[7] *Ионов Алексей Васильевич (1907–1977) – протоиерей. С 1941-1944 гг. священник-миссионер. Служил в Пскове, Острове, Гдове. В 1944 г. эвакуировался в Германию. Затем эмигрировал в США и служил на православных приходах.*

[8] *Ионов А. Записки миссионера (Псковская миссия) /Православная Русь. Джорданвиль. №22. 1982. Л. 9-11.*

[9] *Воскресенский Дмитрий Николаевич (1897–1944) – 24.02.1941 г. назначен митрополитом Виленским и Литовским и одновременно экзархом Латвии и Эстонии. При занятии немцами г. Риги остался на оккупированной территории в той же должности. Убит 28.04.1944г. Зайц К.И. 11.09.1944 г. показал: «Митрополит Сергий Воскресенский был убит, как прошел среди населения слух, немцами, такого же мнения был я и мои коллеги. В немецких газетах была распространена версия, что это дело большевиков чему придерживались русские белогвардейские и литовские буржуазные газеты. Митрополит Сергий Воскресенский был убит во время поездки на автомобиле из г. Вильно в Ковно, не доезжая 40 километров до г. Ковно (Это было в конце апреля месяца 1944 г.) Автомобиль митрополита Сергия Воскресенского, на котором ехал он, артист (фамилию забыл) с женой для участия в похоронах певца Смирнова – был остановлен обогнавшим автомобилем, с которого сошли убийцы и произвели из автоматического оружия выстрелы в сидевших в автомобиле и митрополита Сергия. В результате чего находившиеся в автомобиле митрополит Сергий, артист с женой и шофер машины были убиты, а также убита девушка, оказавшаяся в это время на дороге. Обстоятельства убийства известны по сообщениям немецких газет. Причем я должен сказать то, что описывалось в немецких газетах об обстоятельствах убийства, с указанием фактов и ссылок на партизан – большевиков, захвативших в гараже машину и бензин, как я, так и мои сослуживцы не верили. Я полагаю, что причиной убийства послужило то, что немцы перестали доверять митрополиту Сергию. Правда, хотя у меня веских доказательств нет, но должен сказать, что СД начиная с конца 1943 г. перестало давать пропуска на проезд митрополиту Сергию на территорию РСФСР, оккупированную немцами. С другой стороны, убийство митрополита Сергия было совершено с целью создания среди населения отрицательного отношения к советской власти и большевикам. Кроме того митрополит предвидел неизбежную свою смерть от немцев. Это подтверждается тем, что митрополит Сергий заранее заготовил завещание, с указанием своего заместителя на случай смерти». Архив УФСБ РФ по ПО. Д. А-10676. Т. 1. Л. 48–49.*

[10] *Нацистская оккупационная газета «Правда». № 18. 1942. Издавалась отделом немецкой пропаганды группы армий «Север» в г. Риге с 1941–1944гг. Подробнее см.: Бернев С.К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада России (1941-1944)// Вестник молодых ученых (СПб.). Сер. Исторические науки. 2006. № 2. С. 43-47.*

[11] *Газета «Северное слово» г. Ревель. № 47(139). 23 апреля 1943 г.*

[12] *Гримм Иван Давидович (1891–1970). Сын профессора римского права Петербургского университета Д. Гримма, члена Государственного совета. С декабря 1920 г. до лета 1922 г. проживая в Гельсингфорсе, принимал участие в подпольной антисоветской работе в Петербурге и Кронштадте, возглавлявшейся его отцом (дипломатическим представителем армии Врангеля в Финляндии). В период немецкой оккупации с начала июля 1941–1944 гг. – начальник канцелярии экзархата Сергия (Воскресенского) в г. Риге.*

[13] *Архив УФСБ РФ по ПО. Д. А-10676. Т. 3. Л. 545.*

[14] *Например: Голиков А., Фомин С. Кровью убеленные (Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Москва. 1999; Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород. 2000; Обозный К.П. История Псковской православной Миссии. 1941–1944 гг. М. 2008; Шкаровский М.В., священник Илия Соловьев. Церковь против большевизма. М. 2013.*

[15] *Голиков А., Фомин С. Кровью убеленные (Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). М. 1999. С.11.*

[16] *Там же. С.3.*

[17] *Журнал московской патриархии. 1943. №1. Это же воззвание распространялось партизанами на оккупированных территориях в виде листовки.*

[18] *Зайц Кирилл Иванович (1869–1948) – протоиерей (с 1943 г. протопресвитер). 3 декабря 1941 г. был назначен руководителем православной миссии в освобожденных областях России с местонахождением в Пскове. Миссией руководил по 18 февраля 1944 г., когда убыл из Пскова по эвакуации. Арестован 18.08.1944г. Осужден Военным трибуналом войск НКВД Ленинградского округа 12–15.01.1945г. по ст. 58-1а, 58-11 УК РСФСР к 20 годам ИТЛ. Реабилитирован 8.08.1956г.*

[19] *Заблоцкий Николай Фомич (1867-?) – протоиерей. С 1942–1944гг. служил в Казанском соборе г. Луга. Арестован 3.05.1944г. УНКГБ ЛО. Осужден ВТ войск НКВД Ленокруга 26.06.1944г. на основании ст. 2 Указа от 19.04.1943 г. к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет. Отказано в реабилитации в 2001 г.*

[20] *Амозов Иван Васильевич (1886 – 1960 гг.). Работал на партийной и советской работе в Москве и Ленинграде, в частности в 1926 г. являлся пом. Ленинградского губернского прокурора, в 1927 г. пом. зав. агитотдела Московского Горкома ВКП/б/, в 1936г. пом нач. Политотдела Ленинградской милиции. В 1936 г. был разоблачен как аферист, исключен из ВКП/б/, арестован и осужден на 5 лет лишения свободы за мошенничество – незаконное получение в 1922 г. ордена «Красного Знамени» и присвоение партийного стажа с 1910 г. Освобожден в июне 1941 г. С 1941 г. по 1944 г. проживал на территории Ленинградской области оккупированной немецкими войсками и выдавал себя за священника. Служил в с. Ушаки и в 1942 г. был назначен благочинным Ушаковского округа, а затем Гатчинского округа. В конце 1942г. служил в Орлино и др. местах. По его доносам немцами было расстреляно много патриотов, в том числе и священники: в Гатчине А.Петров, в Орлино И.Суслин. Арестован 6.10.1944г. УНКВД ЛО за предательскую деятельность.*

Осужден Военным трибуналом войк НКВД Ленинградского округа 12–15.01.1945г. по ст. 58-1а, 58-11 УК РСФСР к 20 годам ИТЛ. Реабилитирован 8.08.1956 г. В 1960 г. являлся пенсионером республиканского значения. И сейчас еще встречаются дела, в которых «жертвами политических репрессий» на волне реабилитации в разные годы стали лица обоснованно осужденные по ст. 58-1а и 58-3 УК РСФСР, такие как Амозов И.В.

[21] Забелин Федор Федорович (1868–1949) – протоиерей. С 1942-44гг. настоятель Павловского собора в г. Гатчине.

[22] Кудринский Петр Степанович (1887-1964) – священник. С 1941-1944гг. Служил в церкви с. Рождествено. С января 1944г. служил в Варлаамовской церкви в Пскове. Эвакуировался с немцами в Германию, затем в Чехословакию. В дальнейшем служил в Кресто-Воздвиженской церкви в г. Братиславе до 1949г. Перед арестом заместитель епископа Чехословакии в сане митрофорного протоиерея. Арестован 14.04.1949г. Отделом Контрразведки МГБ лагеря № 300 в Чехословакии. Осужден Военным Трибуналом войск МВД Ленобласти 6.03.1950г. по ст. ст. 58-12, 58-10 ч.2, с санкцией ст. 58-2 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. После пересмотра дела осужден Военным Трибуналом войск МВД Ленобласти 29.06.1951г. по ст.ст. 58-1а и 58-12 УК РСФСР к 25 годам ИТЛ.

[23] (Бениксон) Бенигсен Георгий Михайлович (1915–1993) – протоиерей. Секретарь Управления миссии в Пскове с 18.08.41г. – до начала 1942 г., затем начальник стола развития христианской культуры среди молодежи. Член НТСНП. Эмигрировал. Служил на приходах США.

[24] Жунда Николай Иосифович (1913–1953) –протоиерей. С июня 1942 г. до середины 1943 г. являлся секретарем Управления миссии в Пскове. Арестован 19.10.1944г. Осужден Военным трибуналом войк НКВД Ленинградского округа 12–15.01.1945г. по ст. 58-1а, 58-11 УК РСФСР к 20 годам ИТЛ. Реабилитирован 8.08.1956г.

[25] Легкий Иван Саввич (1907–1995) – священник. С 1941-1943 гг. служил в г. Гдове. В 1944 г. эвакуировался в Германию. В 1949 г. эмигрировал в США. С 1994г. епископ Рокландский.

[26] Вейглас Николай Андреевич, протоиерей (1907-1992) – православный священник, с 1941–1944 гг. служил на оккупированной территории Латвии в г. Риге, секретарь Экзарха Сергия. В 1944 г. эмигрировал. Проживал в Чехословакии, Германии и США.

[27] Так в тексте.

[28] Розенберг Альфред (1893–1946) –с 1934 г. заместитель А. Гитлера по вопросам духовной и идеологической подготовки членов партии. 17.07.1941 г. назначен рейхсминистром занятых восточных территорий. В 1946г. приговорен на Нюрнбергском трибунале к смертной казни и вскоре повешен.

[29] Смирнов Михаил Иванович (1899-1975) – священник. С 1941–1944 гг. служил в Павловском соборе и кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви г. Гатчина. Арестован 24.05.1944г. УНКГБ ЛО. Осужден Военным Трибуналом войск НКВД Ленокруга 7.07.1944г. по ст. 58-1а УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Отказано в реабилитации в 2004г.

[30] Апраксин Василий Николаевич (1891–1962) – Протоиерей. В 1942-1944 гг. служил настоятелем Покровской церкви в пос. Мариенбург рядом с Гатчиной. Арестован 11.04.1944 г. УНКГБ ЛО. Осужден Военным Трибуналом войск НКВД Ленокруга 2.06.1944г. по ст. 58-1а УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Отказано в реабилитации в 2003г.

[31] Рушанов Василий Евстратиевич (1909–1943) – священник. С 1941 г. благочинный Порховско-Дновского округа. Убит 15 марта 1943г. шальной пулей в поезде возле г. Порхова.

[32] Названо по фамилии Власова Андрея Андреевича (1901–1946), генерал-лейтенанта, с апреля 1942 г. командующего 2-й Ударной армией на Ленинградском, а затем на Волховском фронтах. При выходе армии из окружения Власов оставил войска и 12 июня 1942 г. сдался в плен немцам. Находясь в плену вел активную коллаборационистскую деятельность. Вместе с немцами формировал из военнопленных т.н. «Русскую освободительную армию» (РОА) и был ее командующим. 12 мая 1945 г. был задержан в Чехословакии контрразведкой «Смерш» 13 армии. 1 августа 1946 г. Власов и его 11 сообщников Военной коллегией Верховного суда СССР осуждены к смертной казни через повешение, как военные преступники.

[33] Правда о религии в России. - М. Издание Московской патриархии, 1942.

[34] Петров Александр Михайлович (1891-1942) – протоиерей. В 1942 г. настоятель Павловского собора в г. Гатчине. Арестован полицией безопасности и СД и расстрелян по доносу Амозова И.В. в августе 1942 г.

[35] Суслин Иван (1879–1942). В 1942 г. служил священником в церквях в Вырице, затем в Орлино. В Орлино был арестован полицией безопасности и СД по доносу Амозова И.В., подозревался в связях с НКВД. Расстрелян немцами 8.12.1942 г.

[36] Воробьев Николай Петрович(1866-1944) – священник. В с 1941-1943 г. служил в Заозерской церкви Лужского округа. Расстрелян немцами в д. Заозерье Наволокского с/с 13.02.1944 г.

[37] Пузанов Федор Андреевич (1888–1965) – священник. С 1942–44 гг. служил в церкви с. Хохлово, Порховского р-на, помогал партизанами, ходил в разведку в тыл к немцам. В сентябре 1943 г., после того как немцы спалили приход, а народ сбежал в леса, он пришел к партизанам и потребовал оружие. Ему выдали трофейный автомат и гранаты, после чего он достойно сражался с врагом и был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2 степени.

[38] Богданов Илья – священник. С 1941–1944 гг. служил в Христо-Рождественской церкви в селе Белом Середкинского р-на. Как свидетельствовали М.И. Клементьев и А.Д. Проценко, авторы книги «За линией Ленинградского фронта» [«Тайна Линии «Пантера»], в годы войны активно действовавшие, на оккупированной территории Северо-Запада в составе отдельного батальона специального назначения, священник Илья Богданов был привлечен к патриотической работе и не раз выполнял специальные задания. Через него «М.Ф. Лаврентьев направил два письма начальнику православной миссии в Пскове, Кириллу Зайц, в которых последнему предлагалось прекратить антисоветские выступления в фашистской газете «За Родину», издававшейся в Пскове на русском языке, и направить свою деятельность на борьбу с оккупантами». АУФСБ по СПб и ЛО. Д. 19/488. Л.217.

[39] Ноздрин Михаил Яковлевич (род. 1896) – протоиерей. С конца 1941 г. служил в с. Доброе, а затем в с. Тельгоры и в 1942 г. в Казанской церкви в Вырице.

[40] Налимов Алексей Михайлович (род. 1880)– священник. С 1941–1944 гг. служил в Ольгинской церкви г. Луга. Арестован 10.05.1944г. УНКГБ ЛО. Осужден ВТ войск НКВД Ленокруга 26.06.1944г. по ст. 58-1а УК к 15 годам ИТЛ. Отказано в реабилитации в 2001 г.

[41] Кубаткин Петр Николаевич (1907-1950) - Генерал-лейтенант (1945г.). С июля 1941г. – начальник 3-го спецотдела НКВД СССР, с 24 августа 1941г. – до 15 июня 1946г. начальник Управления НКВД-НКГБ-МГБ по Ленинградской области. С июня 1946г. – начальник 1-го Главного Управления МГБ СССР. 27.10.1950г. С осени 1946г. до ареста в 1950г. начальник Управления МГБ по Горьковской области. Военной Коллегией Верхов-

ного Суда СССР осужден по ст. 58-1а и 58-7 УК РСФСР (по так называемому «Ленинградскому делу»)) к высшей мере наказания и расстрелян. 26.05.1954 г. дело по обвинению Кубаткина П.Н. прекращено за отсутствием состава преступления.

[42] Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – Генерал-полковник (1944), с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно с декабря 1934 г. секретарь Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б). В период Великой Отечественной войны – член Военного совета Северо-Западного направления и Военного совета Ленинградского фронта. С 1944 г. – секретарь ЦК ВКП(б).

[43] Бумагин Григорий Харитонович (1904–1980). С 1939 г. секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). С июля 1941 г. возглавил оперативную группу, а затем «тройку» по организации и руководству боевыми действиями партизанских отрядов. С августа 1941 г. член Военного совета Ленинградского военного округа. В 1942 г. в связи с блокадой Ленинграда назначен председателем комиссии по руководству северо-восточными районами Ленинградской области. С июня 1944 г. 1-й секретарь Новгородского обкома и горкома партии. Военной коллегией Верховного суда СССР 30.10.1950 г. осужден по «Ленинградскому делу» на 25 лет лишения свободы. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР 19.05.1954 г. приговор от 30.10.1950 г. отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

[44] Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф.12. Оп. 2. Д. 47. Л. 89–96.

В качестве научной публикации статья опубликована в журнале ВАК «Исторический архив», №5, 2008 г., с.38–54.

НОЧЬ РАСПЛАТЫ

*Напоминанием о неизбежной судьбе потенциальных военных преступников служит опубликованный рассказ видного баварского политика **Вильгельма Хегнера**, который в качестве представителя Германии присутствовал на казни нацистских главарей, осужденных в Нюрнберге. Рассказ был опубликован в иллюстрированном еженедельном немецком журнале «Штерн», тиражом более 1,5 миллиона экземпляров, вскоре после исполнения приговора.*

14 октября 1946 года (это был понедельник) меня вызвал генерал Мюллер в ставку американской военной администрации на Тегершеер-ландштрассе в Мюнхене. Там я встретил прокурора Лейстнера из Нюрнбергского земельного суда. В беседе участвовали также полковник Джексон и капитан Дегнер. Генерал Мюллер сказал, что на следующий день мы с генеральным прокурором должны явиться утром в Нюрнберг. О цели поездки нам ничего не сообщили. Мы не имели абсолютно никакого представления о том, что нам придется делать в Нюрнберге, но это нас не слишком удивило. Американцы требовали от нас порой самых невероятных вещей.

Затем полковник Джексон провел нас в свай кабинет и договорился с ксапитаном Дешером из управления общественной безопасности о том, чтобы назначить наш отъезд из Мюнхена на завтра в 7 часов утра. Я собирался ехать в Нюрнберг в своем служебном автомобиле, но офицеры сказали, что лучше воспользоваться американской машиной.
На следующее утро мы выехали по автостраде в направлении Нюрнберга. По дороге остановились у закусочной, куда мы, немцы, не имели права входить. Капитан Дегнер принес бутерброды и горячий кофе. Ровно в 11 часов мы были в огромном здании Нюрнбергского дворца юстиции. Нас вызвали к генералу Тейлору, но он не был информирован о цели нашей поездки, и нам пришлось прийти к нему еще раз во второй половине дня.

Свидетель под псевдонимом

В два часа дня американский полковник сообщил мне, что я буду жить на квартире одной польской графини на Новалисштрассе, 24, под именем некоего «доктора Шмитта». На время этого разговора американец отослал из кабинета свою секретаршу-немку, чтобы сохранить в

Здание Дворца Юстиции, где проходил Нюрнбергский процесс

Международный военный трибунал. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе генерал-лейтенанта Р.А. Руденко.

Геринг и Гесс на скамье подсудимых

Шахт, фон Папен и Фриче с полковником армии США Б. Эндрюсом. Трое подсудимых были единственными, кто были оправданы на Нюрнбергском процессе. Впоследствии все они были приговорены к различным срокам заключения на процессах по денацификации.

Один из корпусов тюрьмы в Нюрнберге

Коридор тюрьмы, где содержались главные нацистские преступники, круглосуточное наблюдение за которыми вели охранявшие тюрьму американские солдаты

Внутренний вид одиночной камеры, где содержались главные немецкие военные преступники

Охранники тюрьмы Нюрнберга идут по коридору

Труп приговоренного к смертной казни рейхсмаршала Геринга, покончившего жизнь самоубийством за 2 часа до казни

Тела казненных немецкого фельдмаршала Вильгельма Кейтеля и Ф. Заукеля

тайне, где и под каким именем я остановлюсь. Далее полковник сказал, что в 8 часов вечера нас с генеральным прокурором Лейстнером будут ждать в здании суда. Капитан Дегнер, отвечающий за нашу безопасность, зайдет за нами в назначенное время.

Я поехал на Новалисштрассе. Дом находился под тщательной охраной полиции. Польская графиня, которая в действительности оказалась немкой, вышедшей замуж за венгерского графа, спросила: «Вы доктор Шмитт?» Получив подтверждение, графиня проводила меня в соседний дом, где меня встретила пожилая женщина и показала отведенную мне комнату. От нее я узнал, что здесь, в доме, конфискованном оккупационными властями, обычно размещались свидетели, вызванные на Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками.

Меры предосторожности

На ужине, куда я был приглашен, присутствовало человек шесть, среди них две женщины. Говорили о том, что некоторых уже вызывали в суд, но что никто из них больше не возвращался. Один из господ выразил мнение, что, обжегшись один раз на занятиях политикой, он впредь заниматься ей не будет.

Господин Ринтелен из Вестфалии спросил меня о моем происхождении и, казалось, был удовлетворен, когда узнал, что я их Мюнхена. Разговор не был откровенным. Это скорее напоминало обоюдное прощупывание. Атмсфера царила совершенно необычная. Я уверен, что и остальные присутствовавшие скрывались под чужими именами. Конечно, мне никто не поверил, что я назвался «доктором Шмиттом».

В назначенный час за мной пришли. По дороге в суд к нам присоединился Лейстнер. В суде один полковник сообщил, что мы должны будем в качестве свидетелей присутствовать при казни военных преступников. С этого момента мы больше не имели никаких контактов с внешним миром.

Нас привели в помещение, где размещалось пресс-бюро. Там были только журналисты – представители союзных государств. В других комнатах стояли кровати. Мы могли полежать, полистать журналы.

Позже с полковником мы прошли в темный коридор, затем поднялись наверх и оказались в большом помещении, по обе стороны которого находились тюремные камеры. У потайного окошечка каждой камеры стоял американский солдат. Их обязанность – не спускать глаз с

арестованных. Журналисты ходили от двери к двери и с любопытством заглядывали в камеры приговоренных к смерти. У Лейстнера и у меня не было такого желания.

Мы осмотрели очень чистую кухню, кабинет врача, работающие там немецкие заключенные стояли на вытяжку. Потом мы возвратились в комнату журналистов. Все входные двери были закрыты. Повсюду стояли американские часовые.

Последнее дезертирство Геринга

Около половины одиннадцатого ночи появился комендант тюрьмы, американский полковник Эндрюс, и предложил Лейстнеру и мне следовать за ним. В комнате, куда он привел нас, находились офицеры и врачи. Здесь нам сообщили, что Геринг покончил жизнь самоубийством – отравился. Нас провели в камеру Геринга. Он лежал на кровати. Его ноги в пижамных брюках торчали из-под черного шелка, верхняя часть туловища была наполовину прикрыта светлой курткой в голубой горошек. Казалось, от обнаженных ступней ушла вся кровь – они уже начали синеть. Глаза были закрыты.

Насколько я знаю, никто так и не смог объяснить, каким путем Геринг раздобыл яд. Мне кажется невероятным, чтобы он смог сохранить капсулу с ядом со дня своего ареста до ночи казни. Несомненно, у Геринга было много возможностей достать яд. В тюрьме ему разрешили, например, принимать посетителей. Немецкие военнопленные работали фельдшерами при американских врачах, их использовали на кухне. Русские упрекали американцев в том, что один из этих людей передал Герингу яд.

Затем нам был оглашен приказ Контрольного совета о том, что необходимо еще раз зачитать приговор всем осужденным на смертную казнь в присутствии двух немецких свидетелей. Вместе с полковником Эндрюсом, переводчиком и огромного роста американским офицером в каске, мы должны были зайти в каждую камеру. Большинство приговоренных молчало. Штрейхер же грубо заметил, что уже слышал приговор. Заукель ругался: он уважает американских солдат и офицеров (полковник Эндрюс всегда хорошо обращался с ним), но он никогда не испытывал ни капли уважения к американскому судопроизводству.

После объявления приговора на заключенных надели кандалы, чтобы больше никто из них не смог покончить жизнь самоубийством.

Эшафот

Затем нас повели в самый конец тюремного двора, где находился гимнастический зал. Там мы увидели три виселицы, сооруженные на деревянных помостах. К маленьким четырехугольным платформам каждой виселицы вели тринадцать ступенек. Над каждой из этих платформ – прямоугольник из двух балок. В центре поперечной балки – большой железный крюк, на котором раскачивалась веревка.

Помост от платформы донизу со всех сторон был покрыт черным сукном. Потом нас проводили в комнату журналистов. Никто не спал. Время тянулось мучительно медленно.

Около часа ночи нас опять повели в зал. На этот раз здесь было много иностранных журналистов и американских солдат. От Контрольного совета присутствовали: американский, русский, английский и французский генералы.

В этом зале Лейстнер и я были единственными немцами. Со мной по-немецки дружески беседовал англичанин. Француз, молодой морской офицер, курил сигареты и часто улыбался. Он представился мне. Американец не обращал на меня никакого внимания. Русский генерал тоже едва ли замечал меня. Присутствующие русские вообще выделялись своей сдержанностью.

Мы стояли слева от входной двери в самом конце гимнастического зала. Дверь была заперта. Около часа ночи в дверь постучали. Американский солдат открыл ее. Вошел полковник Эндрюс, затем тюремные священники – католик и протестант, а за ними, между двумя американскими солдатами, бледный и растерянный, шел бывший гитлеровский министр иностранных дел.

Бесславный конец

Его подвели к ступенькам. Американец спросил: «Фамилия? Имя?» Переводчик перевел. Арестованный ответил: «Иоахим фон Риббентроп». Он поднялся на 13 ступенек. Допрашивающий и переводчик поднялись вместе с ним.

Наверху на платформе американец спросил: «Имеете ли Вы что-нибудь еще сказать?» Риббентроп сказал: «Господи, защити Германию! Господи, прими с миром душу мою! Мое последнее желание, чтобы Германия вновь обрела свое единство, чтобы наступило взаимопонимание между Востоком и Западом во имя мира на земле».

Стражник связал Риббентропу ноги. Палач, приземистый американский солдат с красным лицом, набросил на голову приговоренного черный мешок, завязал его, а потом накинул веревку на шею своей жертвы.

Евангелический священник произнес короткую молитву. Палач отступил на несколько шагов и сделал что-то позади. Люк с грохотом опустился, и приговоренный повис. Примерно через 10 минут русский врач с двумя американскими коллегами исчез за черным сукном на помосте. У него в руках был стетоскоп. Через некоторое время он появился снова, медленно подошел к генералам и констатировал смерть повешенного.

Около двадцати минут второго ввели генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. На нем были генеральские брюки с красными лампасами. Он был бледен и растерян. Его последние слова: «Я взываю к Всемогущему, дабы он смилостивился над немецким народом. До меня более двух миллионов немецких солдат отдали жизнь за свое отечество. Я следую за моими сыновьями. Во имя Германии!»

Казнь происходила поочередно на двух виселицах. Третья не использовалась.

В половине второго под виселицей стоял Кальтенбруннер. На вопрос, имеет ли он что-либо сказать, Кальтенбруннер ответил: «Я прошу дать мне высказаться. Я всем сердцем служил своему народу и своему отечеству. Я выполнял мой долг по законам моего отечества. Я сожалею, что в это тяжкое время моим народом руководили не только люди солдатской закалки. Я сожалею, что были совершены преступления, но я не был участником этих преступлений. Желаю Германии счастья!»

Затем ввели Альфреда Розенберга. На вопрос, имеет ли он что-либо сказать, он коротко ответил: «Нет». Его казнь произошла молниеносно.

Около двух часов в зале стоял Ганс Франк. Уже в камере при зачтении смертного приговора, у него был взгляд сумасшедшего, и он казался сломленным. Франка сопровождал священник – францисканец. Голос Франка скорее напоминал шепот: «Я благодарю за доброе обхождение со мной во время ареста. Я прошу Господа, чтобы он милостиво принял меня». Затем все очень быстро кончилось.

За ним последовал Вильгельм Фрик. Он шел твердой походкой, громко крикнул: «Да здравствует вечная Германия!»

Когда перед тринадцатью ступеньками стоял Штрейхер, он громко крикнул: «Хайль Гитлер!» На вопрос, как его фамилия, он гру-

бо ответил: «Вы же знаете». Вопрос спокойно повторили. «Ну ладно. Юлиус Штрейхер». В сопровождении священника он поднялся на ступени. Стоя наверху, Штрейхер крикнул: «Вы справляете пурим 1946 года! (Ссылаясь на этот традиционный еврейский праздник, издатель «Штюрмера» хотел и перед виселицей подчеркнуть, что он антисемит.) Ладно, теперь к Богу!» Затем он еще что-то вспомнил и закричал: «Когда-нибудь вас повесят большевики». Обращаясь к священнику, Штрейхер добавил: «Я ухожу с Богом, патер». Когда ему на голову накинули черный мешок, он воскликнул: «Аделе, моя дорогая жена!»

Около половины третьего ночи ввели Фрица Заукеля. Он был очень возбужден и кричал: «Я умираю невиновным. Приговор несправедлив. Господи, сохрани Германию и возвеличь ее! Да здравствует Германия! Господи, защити мою семью!»

После него в военном мундире вошел генерал-полковник Альфред Йодль. Его последние слова были: «Я приветствую тебя, моя Германия!»

Последним казнили Артура Зейсс-Инкварта. Было примерно без четверти три. Он хромал и с трудом поднялся по ступенькам. Он сказал: « Я надеюсь, что приведение в исполнение этого приговора будет последним актом трагедии Пторой мировой войны и что из этой мировой войны будет извлечен урок, чтобы на земле наступили мир и взаимопонимание между народами. Я верю в Германию».

Между казнями курили. Когда ввели одного из приговоренных, у меня в руках еще была сигарета. Американец крикнул: «Брось сигарету, немец!» Я видел также, как между казнями выносили трупы. Лица еще были закутаны в черное, рубашки расстегнуты, так как врачи прослушивали сердца.

В заключение был внесен труп Геринга и представлен нам на обозрение. Очевидно, это сделали для того, чтобы мы еще раз смогли убедиться, что он мертв.

После казни мы вместе с журналистами прошли в их комнаты. Позднее там произошла стычка между русскими и американцами. Дело в том, что русские журналисты немедленно передали в печать сообщение о смерти Геринга, а американцы явно хотели скрыть эту неудачу.
В эту ночь мы не спали.

* * *

20 ноября 1945 года в немецком городе Нюрнберг начался знаменитый трибунал над бывшими руководителями нацистской Германии. Главным итогом процесса стало 12 смертных приговоров для военных преступников;

Мартин Борман, начальник партийной канцелярии НСДАП, личный секретарь Гитлера – приговорен к повешению (заочно).

Герман Геринг, главком ВВС рейха, рейхсминистр авиации – приговорен к повешению. За несколько часов до повешения выпил яд.

Рудольф Гесс, обергруппенфюрер СС и СА, заместитель Гитлера по НСДАП – приговорен к пожизненному заключению. В 1987 году обнаружен повешенным в беседке тюрьмы.

Альфред Йодль, генерал-полковник, начальник оперативного управления верховного командования вермахта – повешен.

Эрнст Кальтенбруннер, начальник главного управления имперской безопасности – повешен.

Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного командования вооруженных сил рейха – повешен.

Карл Дениц, главком ВМС рейха, рейхспрезидент – приговорен к 10 годам заключения. Отсидел срок полностью, на свободе получал от правительства ФРГ адмиральскую пенсию. Скончался в 1980 году.

Иоахим фон Риббентроп, рейхсминистр иностранных дел – повешен.

Альфред Розенберг, руководитель внешнеполитического управления НСДАП, рейхсминистр восточных оккупированных территорий – повешен.

Фриц Заукель, генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, ответственный за использование остарбайтеров – повешен.

Густав Крупп, фюрер военной экономики – впал в маразм, в связи с чем был освобожден от уголовной ответственности. Умер в 1950 году.

Смертные приговоры были приведены в исполнение в ночь на 16 октября 1946 года в спортзале Нюрнбергской тюрьмы (не все были повешены: Геринг накануне казни отравился. Есть подозрение, что ампулу с цианидом принесла ему жена).

После казни тела положили в ряд, представители всех союзнических держав осмотрели и расписались в свидетельствах о смерти. Потом каждого завернули в матрас и вместе с веревкой, на которой они были повешены, положили в гробы. В 4 утра гробы на грузовиках повезли в Мюнхен к крематорию, владельца которого предупредили, что привезут 14 трупов американских солдат – была такая легенда. Трупов на самом деле было 11, но так сказали, чтобы усыпить подозрения. Кремация продолжалась весь день. Прах развеяли с самолета.

А где развеяли? Это засекречено. Чтобы избежать в будущем возможных поклонений там неонацистов.

«Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», 23 ноября 2015 года.

Материал подготовлен Л. И. Барковым

Л. И. Барков

ШПИОНАЖ КАК ПРОФЕССИЯ – ОЦЕНКА ЕГО СПЕЦСЛУЖБАМИ США

Часто считается, что для того, чтобы стать хорошим шпионом, человеку требуются специфические черты характера, многие из которых отрицательны. Иначе, мол, данный человек не избрал бы такой странной профессии. Правда, тайный агент следует специальному моральному кодексу, в котором общепринятые принципы, естественно, отодвигаются на второй план требованиями моментов, которые часто далеко не этичны. И, поскольку сущностью шпионажа является тщательно продуманный обман, отсюда часто приходят к выводу – если шпион в начале своей деятельности и не был беспринципным негодяем, то сама работа неизбежно сделает его таковым.

Без сомнения, история показывает, что среди шпионов бывали и люди не совсем нормальные. Некоторые из них были позерами и эгоистами, которых Уильям Болито называл «беглецами от обязанностей». Другие являлись просто авантюристами, искавшими и находившими удовлетворение не в цели, которой служит шпионаж, а в связанных с ним приключениях. Встречались и такие, которых толкнула к занятию шпионажем зависть или преследование, осознание собственной неполноценности, чрезмерное тщеславие, ненависть и глубокие предрассудки. Либо просто любовь к деньгам или сильная в них нужда.

Ходили сплетни о том, что некоторые из самых знаменитых шпионов нашего времени были гомосексуалистами. На деле же во всей истории шпионажа есть только два крупных шпиона, чей гомосексуализм был доказан, и только один, чей гомосексуализм послужил причиной того, что он занялся шпионажем. Эта легенда основана на мнении, что люди с половыми извращениями легко становятся объектами шантажа и, таким образом, бывают вынуждены заняться шпионажем. В действительности же число гомосексуалистов, попавших в ловушку из-за своих половых отклонений, ничтожно в сравнении с тем громадным количеством нормальных мужчин, которые были соблазнены прелестями противоположного

пола, использовавшимися спецслужбами в качестве приманки.

Научное изучение психологии шпионажа свидетельствует, что из психопатов и людей с психическими отклонениями хорошие шпионы не получаются. Наоборот, хорошо работающий шпион – не психопат и не ненормальный. Чаще всего это «шпион-гражданин», который действует под влиянием высокого патриотизма и для которого обман и интрига являются только временными средствами, которые он умеет контролировать.

Проблема личности в течение долгого времени не поддавалась разрешению ни одному учреждению, занимающемуся шпионажем. Были испробованы всевозможные методы, чтобы установить образец того, что можно назвать «идеальным шпионом», хотя все исследователи признают, что подобное совершенство недостижимо.

В разных странах различно представляют себе совершенного шпиона. Например, англичане считают, что идеальный шпион должен быть молодым спортсменом, иметь хорошее происхождение, должен обладать личными средствами, иметь высокое образование, быть умеренно красивым, разумно храбрым, настойчивым и слегка склонным к философствованию. Он носит маску снобизма, тупости, цинизма, равнодушия, склонности прихвастнуть, тогда как на деле – тонок, умен, сдержан, эрудирован и любопытен. Характеры английских шпионов, с которыми мне приходилось сталкиваться, обычно складывались из этих качеств, как естественных, так и притворных.

Русский подход к проблеме личности в шпионаже одновременно и прагматичен, и догматичен. Русские представляют своих шпионов жизнелюбивыми, практическими интеллигентами, обладающими громадными книжными знаниями, серьезными, трудолюбивыми, полными внутреннего уважения к законам и правилам и невозмутимо сдержанными, для которых любое действие является условным рефлексом. В действительности русский агент в целом представляет собой хорошо смазанный автомат, работающий безупречно, пока все идет гладко, но немедленно теряющийся при любом кризисе, так как он не знает, как поступать в тех случаях, которые не описаны в его учебниках.

В общественном мнении Соединенных Штатов Америки шпион представляется добродушным, грубоватым индивидуалистом, отнюдь

не блистающим во всех областях, зато волшебником в своей специальности, изобретательным, обладающим большой интуицией, не склонным к чистой рассудочности, любителем приключений, мужественным, умеющим приспособляться к обстоятельствам, симпатичным, находчивым, умеющим найти выход в любой ситуации, чуть-чуть неосторожным и сорви-головой. В действительности хорошие шпионы до известной степени обладают всеми этими чертами.

Было предпринято несколько научных попыток (особенно в США, где крайне развита прикладная психология) определить личные качества идеального шпиона. В результате этих исследований было составлено перечисление 10 основных групп тех черт характера, которые должны быть присущи хорошему шпиону, чтобы он подошел для этой работы:

1 – он должен быть принципиален и искренне заинтересован предстоящей работой;
2 – энергичен, добросовестен и предприимчив;
3 – изобретателен, быстр и практичен, обладать способностью здраво судить и уметь использовать предметы, людей и идеи; должен иметь какую-нибудь деловую квалификацию;
4 – обладать эмоциональной устойчивостью, уметь проявлять громадную выдержку при большом на него давлении, быть хладнокровным, спокойным и здоровым человеком;
5 – уметь ладить с людьми и работать в коллективе, использовать чужие слабости, не поддаваясь самому подобным слабостям;
6 – обладать организаторскими и административными способностями, уметь вести за собой людей и делать из них своих сотрудников, не бояться ответственности;
7 – быть сдержанным, скромным, уметь молчать и хранить тайну;
8 – пользоваться обманом и блефом только тогда, когда они необходимы;
9 – быть подвижным, целеустремленным и готовым пойти на риск;
10– обладать способностью замечать все, подробно и точно запоминать все детали, а также ясно и точно сообщать свои наблюдения, оценивать их и связывать со всем происходящим.

Естественно, что найти человека, который обладал бы всеми перечисленными чертами, трудно. Умные люди часто оказывались хорошими руководителями, превосходными наблюдателями и обозревателями, умеющими подать товар лицом. Но при этом, их эмоциональная устойчивость бывает невелика, их выдержка оставляет желать лучшего, они не умеют ладить с людьми и обычно, недостаточно крепки физически. А люди, обладавшие достаточной выдержкой, оказываются хорошими руководителями, достаточно сдержанными и хорошими спортсменами, но бывают менее умными, к тому же мало наблюдательны и не точны при передаче сведений и подачи «товара лицом».

Было обнаружено, что идеальный шпион – это не столько блестящий, сколько средний, обыкновенный человек. И эта обыкновенность распространяется даже на его внешность.

Разведка США полагала, что коммунизм – такая система, которая жестоко обходится со всеми, кроме ее фанатических приверженцев и тех, кто нашел способ пользоваться ее благами, так как в каждой коммунистической стране много людей, пострадавших от рук государственных органов или имеющих пострадавших среди близких им людей. Таких людей, зачастую, достаточно лишь слегка подтолкнуть, чтобы они согласились заниматься шпионажем против обидевшего их режима, в котором они разочаровались и который не уважают.

Агент, работающий по идеологическим мотивам, обычно не считает себя изменником своих соотечественников. Им движет прежде всего стремление добиться падения ненавистного режима. Поскольку Соединенные Штаты ведут борьбу против коммунистических режимов, а не против народов коммунистических стран, имеется основа для общности целей агента, действующего по идеологическим мотивам, и разведывательных служб свободных государств.

Особенно убежденные агенты такого рода не легко идут на шпионаж. Вначале они могут предпочесть присоединиться к какому-нибудь подпольному движению, если такое существует, либо принять участие в политической деятельности эмигрантов, прямо добивающихся ликвидации тиранического режима, господствующего в их стране.

«Во время Второй мировой войны один из моих лучших агентов в Германии, информация которого имела величайшее значение для

военных действий союзников, все время пытался убедить меня в том, что ему следует присоединиться к разраставшемуся тогда подпольному движению, ставившему цель – избавиться от нацистов. При каждой встрече я должен был разъяснять ему, что, поступив таким образом, он привлечет к себе внимание, поставит себя под угрозу и что гораздо ценнее сохранить имеющиеся у него возможности и впредь, добывать для нас очень важную информацию. Было видно, что он разочарован, что он хочет вступить в борьбу. У него было и другое соображение: он полагал, что его положение после окончания войны будет гораздо лучше, если он станет помогать свержению нацистов. Никто не сочтет его героем за то, что он снабжал союзников разведывательной информацией. К сожалению, в этом он был прав. Другой агент – антифашист, сотрудничавший со мной в то время, готов был давать любую информацию, за исключением сведений, которые могли бы непосредственно привести к гибели солдат – его соотечественников в бою. Такие оговорки делают люди с чистой совестью. Агент-профессионал выполняет роль руководителя, организатора, вербовщика, а также специалиста, который на месте оценивает ту разведывательную продукцию, которую дают его сотрудники. Человек, которого он подыскивает, нанимает, обучает и направляет на сбор информации и работу которого он оценивает, – это агент. Агент (им может являться лицо любой национальности) может сам добывать информацию или же получать ее посредством контактов и информаторов "на место". Его связь с разведывательной службой обычно продолжается до тех пор, пока обе стороны считают, что она их удовлетворяет и выгодна».

Если разведчику удается найти человека, представляющего интерес для разведывательной службы в силу того, что он располагает информацией или имеет доступ к информации, он должен прежде всего определить, на какой основе потенциальный агент захочет сотрудничать с ним или с помощью каких средств его можно заставить пойти на сотрудничество. Если агент сам предлагает свои услуги, подобные вопросы не встают перед разведчиком, но он все же должен установить, что привело агента к нему, чтобы понять этого человека и правильно им руководить. Это нужно также потому, что агент мог быть направлен противником.

В качестве основы для сотрудничества агента с разведыватель-

ной службой на первом месте стоят идеологические убеждения и патриотические чувства. В преданности агента, добровольно изъявившего желание сотрудничать по идеологическим мотивам, если он искренен, редко бывает необходимость сомневаться, тогда как в отношении людей, работающих главным образом за деньги или из жажды приключений и интриг, у вас всегда должно быть сомнение.

Собственно говоря, идеология – это не самый точный термин для характеристики того, о чем мы говорим, однако, мы пользуемся им ввиду отсутствия лучшего. Мало кто из агентов путем абстрактных рассуждений приходит к выводу, что одна общественная система лучше другой. Мало кто отыскивает оправдание совершаемым актам измены, как это делал, например, Клаус Фукс, который заявил, что он мог бы принести клятву верности британской короне и вместе с тем передавать английские секреты Советскому Союзу. «Посредством моей марксистской философии, – сказал он, – я разделил свой ум на две изолированные части». Вероятнее всего, взгляды и суждения будут основываться на чувствах и на вполне практических соображениях. Чиновники бюрократической коммунистической машины, которые хоть сколько-нибудь разбираются в том, как функционирует государство, нанимающее их, не могут не заметить цинизма и борьбы за власть, характерных для высших сфер, а также того, что людей ежедневно обманывают с помощью марксистских лозунгов.

Некоторых привлекает атмосфера секретности и обмана, так как они испытывают некое извращенное чувство удовлетворения от того, что являются неведомыми пружинами развития событий. Среди коммунистических заговорщиков часто встречаются люди с такой чертой. Знавшие Уиттэйкера Чамберса утверждают, что он явно относился к их числу. В перевернутом мире шпионажа можно встретить и таких людей, которыми движет жажда власти, самомнение – чувства, которые они не могут удовлетворить, занимаясь обычной работой. Агент часто занимается большими делами. Он может сделать себя интересным и важным человеком для правительства и иногда получает доступ в очень высокие сферы. У Сомерсета Моэма в шпионском рассказе времен Первой мировой войны хорошо сказано о человеке, который взялся за шпионаж. Моэм пишет:

«Он не думал, чтобы (Кайпор) стал шпионом лишь из-за денег. Он был человеком с умеренными запросами... Быть может, он принадлежал к числу тех людей, которые предпочитают окольные пути прямым, поскольку, идя такими путями, испытывают некое сложное чувство удовольствия от того, что одурачивают своих ближних. Может быть, он стал шпионом, желая взять верх над важными персонами, которые даже и не знали о его существовании. Быть может, им двигало тщеславие, ощущение того, что его таланты не получают должного признания, или просто озорное стремление напроказить».

То, о чем здесь пишет Моэм, известно каждому хорошему писателю и психологу, а также каждому хорошему работнику разведки; побудительные мотивы редко действуют отдельно, в их чистом виде, чаще всего они переплетаются. Возможность получения денег и защиты зачастую является фактором, склоняющим к действию человека, которым руководят идеологические побуждения, но у которого нет достаточного мужества, чтобы бороться за свои убеждения. Некоторые разведывательные службы считают очень полезным, чтобы агент, сотрудничающий с ними на идеологической основе, время от времени принимал деньги, подарок или какое-нибудь одолжение, поскольку все это в известной мере привязывает агента к разведке. Как Уиттэйкер Чамберс, так и Элизабет Бентли рассказывали, что Советы, организуя проникновение в государственный аппарат Соединенных Штатов во время Второй мировой войны, настойчиво навязывали денежное вознаграждение даже «преданным» американским коммунистам, работавшим для них.

Для человека, занявшегося шпионской деятельностью, его служба начинается с того дня, когда он был завербован, и кончается завершением поставленного ему задания. Задание может завершиться либо его арестом, либо его возвращением на свою базу. Естественно, наиболее известные случаи шпионажа кончались несчастливо, хотя бывают и случаи, когда шпион, выполнив свое поручение, сам рассказывает о нем, если обстоятельства или необходимость самосохранения не требуют больше от него молчания. Часто те агенты, которые возвращаются, вырываются из когтей смерти. Как бы напыщенно это ни звучало, в шпионаже это – мрачная реальность.

Рассказ знаменитого «Белого Кролика» – Ф. Ф. Е. Йо – Тома-

са, одного из крупнейших английских агентов во Второй мировой войне и личного связного мистера Черчилля между ним и французским подпольем – является драматической Одиссеей превратностей, постигающих даже лучшего шпиона. История его приключений, рассказанная Брюсом Маршаллом, занимает 256 страниц. Но выполнение им задания обрывается на странице 99 захватывающим дух описанием его ареста гестапо в Париже, после того как он нарушил основное правило своего ремесла и на несколько минут задержался, ожидая запоздавшего знакомого. Остальная часть рассказа посвящена допросам и пыткам, которым он подвергался, годам его страданий в немецких концентрационных лагерях, где он каждую минуту ожидал, казалось, неизбежного конца.

Другой крупнейший английский агент, Одетта Сансом, единственная живущая женщина-шпион, которая имеет Крест Георга, была также схвачена, как были схвачены примерно 90% ее товарищей.

Возможность сохранить жизнь в военном шпионаже невелика. Процент смертности высок. Баланс шпионажа показывает, что, несмотря на громадные денежные вложения и усилия, потраченные на эту крайне сложную, самую трудную из областей человеческой деятельности, ее результатом гораздо чаще является неудача, чем успех. Многие из лучших шпионов мира не дожили до того, чтобы рассказать о себе, хотя большинство из них сумело до своей безвременной смерти сообщить бесценные сведения.

Бывает так, что действующие агенты работают как одинокие волки, выполняя возложенные на них задания без посторонней помощи. Но такие задания редки и еще реже увенчиваются успехом. Они даются только в тех случаях, когда данный мужчина или женщина прочно укрепились в организации противника.

Гораздо чаще шпионов посылают группами, обычно парами, когда один человек добывает сведения, а другой передает их. Самая маленькая группа нуждается для своей работы в связи. Ей требуется контакт с пославшим ее органом, который продолжает руководить издали.

СЕМЕЙНЫЙ ШПИОНСКИЙ ПОДРЯД СУПРУГОВ СМЕТАНИНЫХ

1 июля 1986 г. ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР рассмотрела в закрытом судебном заседании дело по обвинению гражданина СССР подполковника Сметанина Геннадия Александровича, родившегося 12 октября 1949 года в городе Чистополе Татарской АССР, русского, исключенного из членов КПСС, с высшим образованием, ранее не судимого, женатого, имеющего на иждивении несовершеннолетнюю дочь, до ареста проживавшего в городе Москва; гражданки СССР Сметаниной Натальи Васильевны, родившейся 19 июля 1955 года в городе Москва, русской, беспартийной, со средним образованием, ранее не судимой, замужней, имеющей на иждивении несовершеннолетнюю дочь, до ареста проживающей в городе Москва, – обоих, в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР.

В августе 1982 года Сметанин Г. А. вместе с женой Сметаниной Н.В. был направлен в длительную служебную командировку в Португалию. В 1983 году он, вследствие политического перерождения и на этой основе враждебного отношения к Советскому Союзу, решил изменить Родине и остаться на жительство в одной из капиталистических стран, склонив к этому и Сметанину.

Действуя в ущерб государственной безопасности и обороноспособности СССР, с октября 1983 года Сметанин стал заниматься сбором сведений особой важности, а также совершенно секретных и секретных сведений для последующей их передачи за денежное вознаграждение разведке капиталистического государства. В то же время он установил конспиративную связь с военным атташе при посольстве США в Португалии полковником Хамилтоном, а через него с другими сотрудниками спецслужб США, которым предложил свои услуги в качестве платного агента американской разведки.

1 марта 1984 года Сметанин дал подписку разведорганам США

о сотрудничестве и предложил привлечь к шпионской деятельности его жену Сметанину. На конспиративной встрече, состоявшейся 3 марта 1984 года, Сметанина, работавшая секретарем-машинисткой в советском посольстве, согласилась сотрудничать со спецслужбами США. После этого она стала заниматься сбором интересующих американскую разведку сведений, всю собранную информацию отдавала мужу для передачи ее иностранному государству.

С феврала 1984 года по август 1985 года Сметанин провел с сотрудниками американской разведки около 30 конспиративных встреч, в ходе которых выдал США собранные им сведения особой важности, совершенно секретные и секретные сведения, составляющие государственную и военную тайну, а также собранные им самим и Сметаниной иные сведения, предназначенные для использования их спецслужбами США во враждебной деятельности против СССР.

Летом 1985 года в связи с предстоявшим отъездом из Португалии в Советский Союз в отпуск Сметанин получил от представителя разведоргана США инструктивные указания по сбору шпионской информации на территории СССР, ознакомился с инструкциями по способам связи с американскими спецслужбами, был снабжен шпионским снаряжением, которое путем сокрытия в личном багаже ввез в Советский Союз.

За преступное сотрудничество с иностранным государством Сметанин получил от его представителей 265 тысяч американских долларов, часть которых израсходовал на приобретение драгоценностей, изъятых у него в процессе предварительного следствия по делу.

Очки, в дужке которых была спрятана ампула с ядом, и инструкция с указанием способа связи Г. Сметанина с ЦРУ

Подсудимый Сметанин виновным себя в измене Родине признал полностью, дал в судебном заседании подробные показания об обстоятельствах установления связи с представителями американской разведки и активного сотрудничества с ними в качестве платного агента, о характере выданных иностранному государству сведений, о способах их сбора,

хранения и передачи, о получении за свою шпионскую деятельность денежного вознаграждения. Сметанин показал также о вовлечении в преступную деятельность своей жены Сметаниной, о характере собранных ею и переданных ему для выдачи американской разведке сведений служебного характера.

Объясняя суду мотивы содеянного, Сметанин утверждал, что вражды к советскому общественному и государственному строю он не испытывал, а преступные действия совершил на почве недовольства оценкой должностными лицами результатов его труда.

Подсудимая Сметанина виновной себя в совершении преступных действий признала полностью и показала, что под влиянием мужа изменила Родине, по заданию представителей американской разведки собирала доверенные ей по службе сведения и отдавала их Сметанину для передачи иностранному государству.

Вина Сметанина и Сметаниной в совершении указанных в приговоре преступных действий, кроме их личного признания, подтверждается изъятием у Сметанина шпионского снаряжения: радиоаппаратуры, предназначенной для приема радиограмм, укрытых в тайниках ампулы с ядом и инструкции с указанием способов связи на случай невозвращения из отпуска в Португалию; обнаружением у Сметаниных драгоценностей на сумму свыше 100 тысяч рублей, приобретенных на деньги, полученные за шпионаж; содержащимися в дневнике Сметанина записями о характере собранной и переданной американской разведке информации; показаниями свидетелей о том, что Сметанин и Сметанина имели доступ к сведениям, выданным иностранному государству; заключениями экспертов о том, что выданные Сметаниным сведения составляют государственную и военную тайну.

Утверждение Сметанина о несправедливом к нему отношении со стороны должностных лиц не соответствует действительности. Показаниями свидетелей и анализом служебных документов установлено, что служебная деятельность Сметанина его руководителями оценивалась объективно.

Свой вывод о совершении Сметаниным преступления из враждебного отношения к советскому общественному и государственному строю суд сделал на основании того, что он, вступив в преступный сговор с представителями империалистического государства, в течение длительного времени умышленно совершал исключительно опасные действия в ущерб безопасности Советского Союза.

О политическом перерождении Сметанина свидетельствуют сделанные им в дневнике записи с клеветой на советский общественный и государственный строй, его подготовка к бегству заграницу и к написанию книги антисоветского содержания.

По заключению экспертов-психиатров Сметанин и Сметанина психическими заболеваниями не страдают, могли отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, вменяемы.

Содеянное Сметаниным и Сметаниной Военная коллегия Верховного суда СССР расценивала как измена Родине в форме шпионажа и квалифицировала их преступные действия по ст. 64 п. «а» УК РСФСР. При решении вопроса о наказании Сметанина Военная коллегия Верховного Суда СССР исходила из особой опасности совершенного им из низменных побуждений государственного преступления. С учетом этих обстоятельств суд решил, что Сметанин представляет повышенную общественную опасность, и поэтому применил к нему исключительную меру наказания.

При назначении наказания Сметаниной суд, учитывая тяжесть содеянного, вместе с тем принял во внимание, что в преступную деятельность она была вовлечена своим мужем; сама же она до совершения преступления характеризовалась положительно, на ее иждевении состоит несовершеннолетняя дочь, родители Сметаниной также нуждаются в помощи. С учетом этих обстоятельств Военная коллегия Верховного суда СССР нашла возможным применить к Сметаниной ст. 43 УК РСФСР и назначить ей наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией ст. 64 п. «а», УК РСФСР.

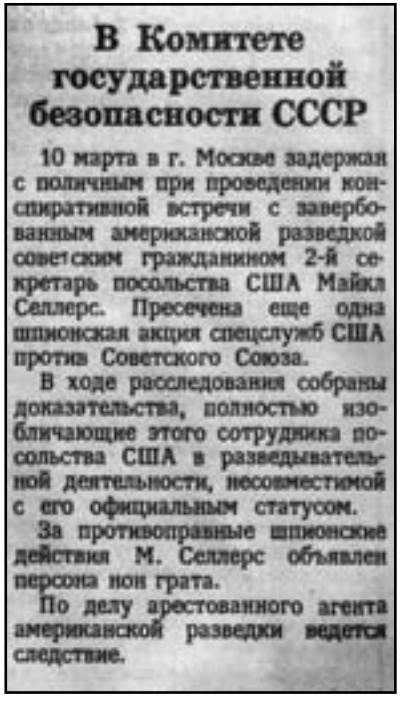
Принимая во внимание изложенное, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Сметанина Геннадия Александровича и Сметанину Наталью Васильевну признать виновными в измене Родине в форме шпионажа, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 64 п. «а» УК РСФСР, Сметанина «подвергнуть смертной казни – расстрелу с конфискацией имущества».

Приговор суда приведен в исполнение. Предатель также лишен воинского звания «полковник» и государственных наград.

Сметанина Наталья Васильевна лишена свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима на пять лет с конфискацией имущества без ссылки.

РЕНЕГАТСТВО И ШКУРНИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ПРЕДАТЕЛЯ ВОРОНЦОВА

15 марта 1986 года в газете «Правда» было опубликовано следующее сообщение: «В Комитете государственной безопасности СССР 10 марта в г. Москва задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином 2-й секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.


В Комитете государственной безопасности СССР

10 марта в г. Москве задержан с поличным при проведении конспиративной встречи с завербованным американской разведкой советским гражданином 2-й секретарь посольства США Майкл Селлерс. Пресечена еще одна шпионская акция спецслужб США против Советского Союза.

В ходе расследования собраны доказательства, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом.

За противоправные шпионские действия М. Селлерс объявлен персона нон грата.

По делу арестованного агента американской разведки ведется следствие.

В ходе расследования собраны доказательства, полностью изобличающие этого сотрудника посольства США в разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом.

За противоправные шпионские действия М. Селлерс объявлен персоной нон грата. По делу арестованного агента американской разведки ведется следствие».

12 августа 1986 года Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрела в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению гражданина СССР Воронцова Сергея Яковлевича.

Воронцов родился в 1946 году в Москве, был членом КПСС, имел высшее образование, ранее награжден одним орденом и двумя медалями. Руководствуясь низменными побуждениями и преследуя корыстные цели, умышленно действуя в ущерб государственной безопасности СССР, в июле 1984 года он принял решение за денежное вознаграждение установить преступные отношения с американской разведкой для передачи ей сведений, составляющих государственную тайну. С этой целью Ворон-

цов 21 июля 1984 года вызвал на конспиративную встречу в Москве сотрудника американского посольства и передал через него письмо-предложение, в котором указал о своей принадлежности, а также документ, содержащий сведения, составляющие государственную тайну.

25 июля 1984 года Воронцов конспиративно встретился с сотрудником резидентуры ЦРУ, которому сообщил не подлежащие оглашению сведения и новые условия связи. На этой встрече Воронцов получил инструкции по связи и задание на сбор шпионских сведений, а также деньги в сумме 20.000 рублей.

18 апреля 1985 года Воронцов осуществил очередную встречу с американским разведчиком М. Селлсом, в ходе которой сообщил ему составляющие государственную и служебную тайну сведения, передал секретные материалы. В ходе встреч Воронцов получил от американского разведчика шпионские инструкции, задание на дальнейший сбор разведывательной информации и в качестве вознаграждения за переданную информацию – 30.000 рублей.

17 февраля 1986 года он вновь выходил на очередную конспиративную встречу, которая по независящим от него причинам не состоялась. В соответствии с графиком очередная встреча должна была состояться 10 марта 1986 года, но 19 февраля преступная деятельность Воронцова была пресечена.

В судебном заседании Воронцов признал свою вину в измене Родине и дал подробные показания о том, как он установил связь с представителями разведорганов США, о проведении с ними конспиративных встреч, в ходе которых выдал известные ему, составляющие государственную тайну сведения, о полученных шпионских заданиях, а также о вознаграждениях за преступное сотрудничество.

Виновность Воронцова в измене Родине в форме шпионажа, кроме его личных объяснений, подтверждалась:

– опознанием Воронцовым сотрудника американского посольства США, через которого он установил связь, а также опознанием Воронцовым американских разведчиков, с которыми он имел конспиративные встречи 25 июля 1984 года и 18 апреля 1985 года;

– протоколом задержания от 10 марта 1986 года второго секретаря посольства США М. Селлерса, из которого усматривалось, что у последнего были изъяты предназначенные для передачи Воронцову инструкция-задание, новый план связи, деньги в сумме 25.000 рублей, а также предметы разведоснащения;

– протоколом осмотра вопросов шпионского задания, предназначенного для вручения Воронцову, из которых объективно видно, что они содержат сведения, содержащие государственную тайну, переданных подсудимым американской разведке за период сотрудничества с ней;

– показаниями одного из свидетелей, из которых усматривается, что у него после 1983 года не оказалось документа, который содержал сведения, составляющие государственную тайну;

– показаниями Воронцова о том, что этот документ он передал сотруднику американского посольства 21 июля 1984 года;

– протоколом обыска в квартире Воронцова, в ходе которого в специально оборудованном тайнике было обнаружено 5.000 рублей, являющихся, по объяснению Воронцова, остатком от 30.000 рублей, полученных в апреле 1985 года;

– показаниями ряда свидетелей о том, что с лета 1984 года материальное положение Воронцова заметно улучшилось, он купил легковой автомобиль, приобрел другие дорогостоящие вещи, рассчитался с кредиторами и сам стал давать деньги взаймы;

– заключением экспертов, согласно которым сведения, переданные Воронцовым спецслужбами США, являлись совершенно секретными и составляли государственную тайну, разглашение их нанесло серьезный ущерб обеспечению государственной безопасности и политическим интересам СССР, а также являлись секретными и составляли служебную тайну, а отдельные – не подлежали оглашению.

Утверждение Воронцова о несправедливом к нему отношении со стороны должностных лиц не соответствует действительности. Показаниями свидетелей и анализом других доказательств установлено, что служебная деятельность Воронцова его руководителями оценивалась объективно. Взыскания, наложенные на Воронцова за нарушения служебно-партийной дисциплины, и последовавшее понижение в должности, вызывали у него злобу на своих руководителей и желание отмстить им.

Воронцов в преступный сговор с представителями империалистического государства вступил по своей инициативе. В течение значительного времени умышленно совершал опасные действия в ущерб государственной безопасности СССР, за что получил 50.000 рублей и, как он пояснил, заявлять о совершенном не был намерен и более того, выходил на очередную связь с врагом, что свидетельствует о его политическом перерождении.

А К Т

10 марта 1986 года гор. Москва

Сотрудник КГБ СССР Климов, в присутствии представителя МИД СССР т. Белова И.Г. и представителя посольства США в Москве ______________ составили настоящий акт в том, что 10 марта с.г. в 22 часа 07 минут в г. Москве при проведении шпионской акции – конспиративной встречи с советским гражданином, был задержан неизвестный, назвавший себя в момент задержания сотрудником посольства США в Москве – СЕЛЛЕРСОМ Майклом.

Для выяснения личности задержанный был доставлен в приемную КГБ СССР, у которого при личном обыске обнаружено:

– 1. Шпионские инструкции – план связи и вопросы-задания, исполненные на русском языке на 9-ти листах, в том числе на 3-х – схематическое изображение мест постановки сигнальных меток и места конспиративной встречи; (упакованы в целлофановом пакете).

– 2. Блокнот из листов белой бумаги в целлофановой упаковке (запаяно, не вскрывалось);

– 3. Советские деньги, купюрами: 100, 50, 25, 10 и 5 рублей на общую сумму 22600 рублей, упакованные в три пакета из целлофана;

– 4. Магнитофон "Сони" – "ТСМ-9" с компакт-кассетой;

– 5. Средство маскировки:

– шапка-ушанка из меха кролика черного цвета с пришитой сзади частью парика с длинными русыми волосами;

– шапочка спортивная с больши[м] козырьком и надписью над ним "Катейн" латинскими буквами;

– двое очков с простыми стеклами (без диоптрий в металлической и пластмассовой оправе;

– куртка нейлоновая темно синяя на поролоне с вшитым аппаратом для звукозаписи в металлическом корпусе.

2.

– 6. Личные документы на имя второго секретаря посольства США М. Селлерса:

– дубликат дипломатической карточки №822/84, выданный МИД СССР от 11 февраля 1986 года, с фотографией Селлерса без бороды, усов и бакенбардов:

– водительское удостоверение, выданное УВД г. Москвы 31 октября 1984 года с цветной фотокарточкой Селлерса, имеющего бакенбарды, усы и бороду. Часы марки "Сейко" в корпусе из белого металла с браслетом.

~~Перечисленные предметы и~~ документы, за исключением перечисленных в п. 6 ~~–~~ схема маршрутов городского транспорта г. Москвы на русском языке.

Представитель посольства США ПАРКЕР Стюарт опознал задержанного как второго секретаря посольства США в Москве СЕЛЛЕРСА Майкла и подтвердил подлинность обнаруженных при нем личных документов.

Перечисленные в настоящем акте предметы и документы, за исключением указанных в п. 6б изъяты как вещественные доказательства, изобличающие СЕЛЛЕРСА М. в проводимой им на территории СССР шпионской деятельности.

Личные документы задержанного (дубликат дипломатической карточки и водительское удостоверение) возвращены владельцу.

Настоящий акт нам прочитан, записано правильно.

Задержанный Селлерс М.

Сотрудник МИД СССР Белов И.Г.

Представитель посольства США ПАРКЕР Стюарт

Сотрудник КГБ СССР Климов

Представитель посольства США Паркер и задержанный Селлерс, не заявив замечаний, от подписи акта отказались.

Сотрудник КГБ СССР Климов

Содеянное Воронцовым является изменой Родине в форме шпионажа, поэтому Военная коллегия квалифицировала его действия по п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

При назначении наказания Воронцову Военная коллегия исходила из особой опасности совершенного им из корыстных и низменных побуждений государственного преступления, нанесшего серьезный ущерб обеспечению государственной безопасности и политическим интересам СССР, свидетельствующих и о его исключительной опасности для общества, с учетом чего суд счел необходимым применить в отношении Воронцова исключительную меру наказания.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Воронцова Сергея Яковлевича признать виновным в измене Родине в форме шпионажа, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, на основании которой подвергнуть его смертной казни – расстрелу с конфискацией имущества.

В соответствии со ст. 44 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежал и вступал в законную силу с момента его провозглашения.

В помиловании Воронцову было отказано. Приговор суда приведен в исполнение.

ЖАДНОСТЬ, ИГНОРИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИВЕЛИ ПОЛКОВНИКА ВАСИЛЬЕВА К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ

В начале 1983 года сотрудник ГРУ ГШ ВС СССР полковник Васильев, находясь в служебной командировке за пределами СССР, изменил Родине и из корыстных побуждений по собственной инициативе стал сотрудничать с разведывательными органами США.

Умышленно действуя в ущерб государственной безопасности и обороноспособности СССР, он в период 1983 – 1985 годов неоднократно встречался с представителями этих органов, за денежное вознаграждение выдал известные ему сведения, составляющие государственную тайну СССР, совершенно секретные и секретные сведения, собрал и подготовил к передаче в 1986 году аналогичные сведения для использования их спецслужбами США во враждебной деятельности против СССР, однако был изобличен и арестован.

При обыске в квартире арестованного наряду с другими шпионскими материалами был изъят переданный ему в ноябре 1984 года в Будапеште спецслужбами США американский журнал «Нейшнл Джеографик» за февраль 1983 года.

Экспертными исследованиями, проведенными ЦНИИСИ ОТУ КГБ СССР, установлено, что на 5 листах журнала в вертикальных и горизонтальных типографских окантовочных линиях имеется скрытое сообщение (микротекст) в виде уменьшенного, не обнаруживаемого без специальных увеличительных приборов, явного текста на английском языке, представляющего собой условия связи Васильева с американской разведкой в Москве, а также конспиративный адрес, которым он мог бы воспользоваться в случае выезда на Запад.

По мнению экспертов, микротекст вносился в уже имевшиеся в журнале типографские линии путем удаления красящего вещества с их поверхности с помощью луча лазера. Высота букв скрытого сообщения составляет 200 микрон, ширина штриха – 10 микрон. Механическим путем нанести такой текст невозможно. Результаты проведенного специалистами ЦНИИСИ эксперимента подтверждают возможность удаления красящего вещества с типографских линий воздействием мощного оптического излучения (пучок лазера). Наиболее близким по использованию данной технологии нанесения информации является широко применяемое в практике маркирование изделий микроэлектроники. Характер шрифта микротекста свидетельствует об использовании ЭВМ, как для генерации букв (формирование штрихов, из которых состоит буква, по определенной программе), так и для управления процессом их нанесения при одновременном визуальном контроле. По данным ЦНИИСИ, указанный вид скрытого сообщения ранее в практике органов КГБ не встречался.

Как заявил на допросах обвиняемый Васильев, американцы, передавая ему этот журнал, предупредили о том, что после ввоза его в СССР, выявления и перенесения имеющегося в нем микротекста на другие листы сам журнал необходимо сразу же уничтожить, что Васильев сделать не успел.

11 февраля 1987 года Военная коллегия Верховного суда Союза ССР рассмотрела в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению полковника ГРУ Васильева Владимира Михайловича, 1941 года рождения, женатого, имеющего двоих детей, в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР. Виновным в измене Родине подсудимый Васильев признал себя полностью, в судебном заседании дал подробные показания об обстоятельствах установления им преступной связи с представителями американской разведки, о характере выданных им сведений, способах их сбора, хранения и передачи, о подготовляемых

им новых материалах шпионского характера и системах связи с разведкой США в условиях Москвы.

О мотивах своих действий Васильев пояснил, что вражды к советскому государству он не испытывал, преступление совершил из корыстных побуждений.

Виновность Васильева в совершении указанных в приговоре действий, кроме его личного признания, подтверждается: изъятыми у Васильева предметами шпионского снаряжения, иностранным журналом с микротекстом условий связи с американской разведкой в Москве и за рубежом, подготовленным текстом шпионского донесения на 18 страницах, черновыми записями в блокнотах, рабочей тетради, а также на отдельных листках бумаги с указанием элементов связи, конспиративных встреч, а также сведений, составляющих государственную тайну, предназначенных для передачи иностранной разведке; показаниями свидетелей о том, что Васильев имел возможность встречаться с представителями американской разведки, а также имел доступ к сведениям, выданным иностранному государству; заключением экспертов о том, что выданные Васильевым сведения составляют государственную и военную тайны.

По заключению экспертов-психиатров Васильев психическим заболеванием не страдает, в период с 1983 по 1986 г.г. не обнаруживал и признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности, мог и может отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, вменяем.

Содеянное Васильевым Военная коллегия Верховного суда СССР расценивала как измену Родине в форме шпионажа и квалифицировал его преступные действия по п. «а» ст. 64 УК РСФСР.

При назначении наказания Васильеву Военная Коллегия Верховного суда СССР исходила из исключительной опасности, совершенного им из корыстных побуждений преступления. В соответствии со своим образованием и жизненным опытом, он хорошо осознавал ответственность за такое преступление, что свидетельствует и об особой опасности для общества его личности. Суд приговорил Васильева Владимира Михайловича признать виновным в измене Родине в форме шпионажа, т. е. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ст. 64 УК РСФСР, на основании которой подвергнуть его смертной казни – расстрелу с конфискацией машины «Нива», 8400 руб., 4368 руб. 20 коп. чеков В/о «Внешпосылторга», 1450 форинтов ВНР, 20 канадских долларов.

Данный приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежал, приговор суда приведен в исполнение.

И.Е. Морозов

ПРОВАЛ ПОПЫТКИ УГОНА ПАССАЖИРСКОГО САМОЛЕТА ЗА ГРАНИЦУ БРАТЬЯМИ АРЕНБЕРГАМИ

В конце октября, начале ноября 1978 года мне позвонил начальник отдела в аэропорту «Пулково» полковник Ратковский Евгений Петрович и попросил приехать для консультации и совета по очень важному в оперативном отношении делу.

На другой день я приехал к Ратковскому в отдел, он усадил меня за стол, и мы стали пить чай, при этом он рассказывал существо дела.

Есть данные, что преступная группа лиц намерена угнать пассажирский самолет Ленинград–Рига за границу, угрожая экипажу применить оружие, и вынудить его посадить самолет в одной из стран «НАТО», Голландии.

Я сказал Ратковскому Е.П., что опыт организации работы за такой категорией объектов у меня имеется, поэтому задание на наружное наблюдение первоначально следует выписать на 3 дня. За это время мы изучим обстановку в районе дома, других местах, пути следования из Пушкина в Ленинград, ознакомим сотрудников отдела с личностью объектов и целый ряд других вопросов.

Эта категория объектов наблюдения (из моего опыта) постоянно ведет себя настороженно, прибегает к различным методам проверки, выставляют контрнаблюдение, поэтому в плане взаимодействия необходимо оговорить, как в таких ситуациях действовать оперативно-техническим силам. Главное, на мой взгляд, в этой работе – это сохранение конспирации, определить обязанности сторон: «Вы, Евгений Петрович, отвечаете за решение вопросов по обеспечению работы оперативно-техническими возможностями, и своевременным обменом информацией, а я за все остальное.

Пообедав в столовой аэропорта, мы сразу же отправились в Управление на распределение сил и средств. Здесь доложили генерал-майору С.Е. Мануйлову наши соображения, и он подписал задание. После чего работа началась.

Я приехал в отдел, вызвал начальника 1 отделения майора Хмелевского А.И., очень профессионального руководителя, передал задание, рассказал о важности и ответственности, и рекомендовал с утра взять необходимых людей и отправиться в г.Пушкин, выполнять задание.

К вечеру он вернулся и доложил, что обстановка в районе местожительства очень сложная и тяжелая. Этот район находится на окраине г.Пушкина, целый ряд домой сдали недавно, осенью. Дом объекта находится у самого лесного массива, парадные дома выходят на сторону леса и закрытый наблюдательный пост организовать невозможно. А уже наступили холода. А.И. Хмелевский предоставил схему растоновки сил и средств в районе дома, кольца автобусов, как организовано движение к центру г.Пушкина, в г. Ленинград автобусом и электричкой. Я внес определенные коррективы и дал указание подготовить проект плана. Днем следующего дня вместе с Е.П. Ратковским доложили проект плана генерал-майору С.Е. Мануйлову, он в принципе согласился, но еще раз напомнил о строгом соблюдение конспирации. По выходе от генерала, я передал Е.П. Ратковскому план, попросил его перепечатать и к 14 часам следующего дня, чтобы его утвердить у генерала.

Но утром следующего дня неожиданно позвонил генерал С.Е. Мануйлов и спросил: «Где план». Я объяснил, что к 14 часам подъедет Е.П. Ратковский и мы его Вам доложим. Буквально через 2-3 минуты звонок, на линии начальник Особого отдела генерал-майор Середин Н.Т. Любезно поздоровался и спросил: «Иван Егорович, работаю ли я за братьями Аренбергами». Я ответил, что готов план организации работы, который я доложу генерал-майору С.Е. Мануйлову вместе с Е.П. Ратковским в 14 часов.

Встретившись с Е.П.Ратковским, я рассказал о звонке генерала Н.Т. Середина. Вошли в кабинет к генералу С.Е. Мануйлову, там же находился генерал-майор Середин Н.Т. и его сотрудник. Разговор начался между генералом Н.Т. Серединным и Е.П. Ратковским. Первый спросил, знал ли он, что Аренберг работает на военном заводе, который обслуживает особый отдел. Ответ второго был: «Нет, не знал». Такой разговор длился около 10 минут, он мне показался бессмысленным и я попросил слова: «Давайте переделаем план. Новый план будет подписан обоими генералами, а оперработник пусть внесет свои мероприятия. Время не ждет надо работать». Все согласились с моими предложениями и через день план был утвержден и мы начали работать.

Первые три дня Аренберг, кличку которому дали «Акелла», это был молодой мужчина высокого роста, плотный, производил впечатление очень сильного человека. С работы следовал домой, больше не выходил. В субботу «Акелла» в 12 часов вышел из дома, внимательно осмотрел людей, находящихся на кольце автобуса. Прошел две остановки и сел в подошедший автобус у железнодорожного вокзала. Вышел, прошел на платформу, билет не приобретал. Тактикой наблюдения предусматривалось, что в г. Пушкине наблюдение ведется малыми силами, а в городе Ленинграде в наблюдение включаются новые люди и большими силами.

В городе у метро «Пушкинская» «Акелла» встретился с женщиной, которая в последствии была установлена и ей оказалась Листвина. Они несколько часов гуляли по городу, кушали в кафе. Самое важное и интересное, что проходя по Невскому проспекту мимо центральных касс Аэрофлота, объект остановил женщину у входа, а сам зашел в кассы. Через 2-3 минуты вышел. За это время, возможно, прочитать, ознакомится с расписанием отправления самолетов. Наблюдаемый вернулся домой поздно вечером.

Это навело нас на мысль, что Аренберг будет приобретать билеты на самолет в центральной кассе.

«Акелла» неоднократно выезжал в город Ленинград, встречался с Листвиной, через нее познакомился с ее знакомыми Макитенко и Лебедем, которых втянул в свою преступную деятельность. Когда эта группа и младший брат «Акеллы» собирались вместе то, они создавали определенную сложность для сменных нарядов.

Они сговаривались, делились на группы, проявляли явные попытки выявить наблюдение, применяли даже контрнаблюдение. Если в первый раз мы не сразу сообразили об их намерениях, то в дальнейшем, благодаря гибкой тактики, самостоятельностью старших сменных нарядов принимать решения по обстановке, решили эту задачу по сохранению конспирации. Их оставляли без наблюдения, перекрывали их места жительства, вокзал и автобусную станцию для следования домой в г. Пушкин. Иногда эта группа совершала безобразные и хулиганские поступки. А именно. Однажды, находясь в старой части города, следуя по панели, увидели у парадной стоит огромный рояль (вероятно, кто-то выезжал или въезжал в дом) на металлических колесиках. Они, смеясь дружными усилиями, укатили рояль далеко от парадной и стали на нем наигрывать какие-то дикие мелодии.

У парадной старший оставил сотрудницу. Вскоре из парадной вышел здоровенный мужик, увидев, что нет рояля опешил. Наша сотрудница рассказала, что рояль укатили хулиганы и показала направление.

Увидев бегущего к ним здоровенного мужика, да еще с металлической трубой, они трусливо разбежались.

Другой пример. Следуя мимо клуба иностранных моряков «Акелла» захотел купить там водки и иностранных сигарет, но охранник его в клуб не пустил. Но объект на спор со своими друзьями заявил, что пройдет в клуб и купит что надо. По водосточной трубе поднялся до крыши, залез на крышу и далее через 10-12 минут вышел из интерклуба с бутылкой и папиросами, сигаретами. Вот так.

Морозы на улице держались сильные, мы с нетерпением ждали, когда «Акелла» отправится приобретать билеты на самолет.

Уже к концу подходил декабрь. Встречи объекта со связями уменьшились, а если и случались, то в основном в помещении. В один из дней, ближе к Новому году «Акелла» вместе с женой и младшим братом вышли из дома. Это нас сразу насторожило, особенно когда наблюдаемые сели в электропоезд в Ленинград. Я сразу дал указание: «закрыть адреса Листвиной, Лебедя, Микитенко, центральные кассы Аэрофлота на Невском пр., выслать усиленную бригаду к вокзалу.

С каждой минутой наше нетерпение росло. Я вместе с двумя сотрудницами выехал в центральные кассы, на Невском проспекте дом 7/9. Одна сотрудница сразу же зашла в кассы, мы начали изучать окружение на наличие возможного контрнаблюдения. Как только у нас появился сигнал, что наблюдаемые прибыли в город, вскоре на углу Кирпичного переулка появилась Листвина. Она внимательно изучала обстановку на остановках транспорта, зашла в билетные кассы и вновь вернулась на Кирпичный переулок. Наблюдаемые у вокзала сели в такси и следовали в нашем направлении. Мы предупредили сотрудников о контрнаблюдении, из автомашин никому не выходить без команды. Ко мне подойдет только старший, я в «Гастрономе». Такси остановилось в начале Дворцовой площади. Наблюдаемые вышли из автомашины, «Акелла» с женой перешел на нечетную сторону Невского проспекта, а Алексей пошел по четной стороне.

Все собрались у входа в кассы, постояли несколько минут, предположительно между «Акеллой» и Листвиной был установлен визуальный контакт. Было замечено, что Листвина несколько раз покачала головой, это означало – все нормально, предварительная договоренность. После этого Листвина под наблюдением вернулась домой.

«Акелла», жена и младший брат вышли из билетных касс, остановились недалеко от входа, у стены и стали рассматривать билеты, документы, тихо о чем-то разговаривая. Затем «Акелла» передал жене все билеты и документы, а последняя убрала их в сумку. Здесь же перешли на четную сторону Невского проспекта, в доме 20 зашли в пирожковую, набрали целую тарелку различных пирожков, чай и стали кушать. Как отмечается в сводке: «ели без особого удовольствия, разговаривали тихо без видимого интереса, чувствовалась внутренняя скованность».

Мне доложили, что билеты они взяли на 6 января 1979 года на дневной рейс «Ленинград-Рига».

Через час вышли, по Невскому, Владимирскому, Загородному прошли на Витебский вокзал. Далее электропоездом, автобусом вернулись домой. После возвращения их домой, я доложил С.Е. Мануйлову, он дал указание вместе с Е.П. Ратковским прибыть к нему в 14 часов.

На другой день в 14 часов мы были в кабинете генерал-майора С.Е.Мануйлова, туда вскоре прибыл генерал Н.Т.Середин с оперработником.

Встал вопрос как дальше вести работу в связи с наступающим Новым годом. Слово первому предоставили мне. Я высказал свои соображения: 31 декабря, 1 и 2 января 1979 г. наблюдение за «Акеллой» не вести. 3-4 января наблюдение вести по тактической схеме, заложенной в плане, 5-6 января наблюдение вести за всеми: «Акеллой», его женой, младшим братом Алексеем, Листвиной, Лебедем, Микитенко, что касается наблюдения в залах Аэропорта и прилегающей территории, то там сопровождающее наблюдение не вести. Для этих целей необходимо использовать силы и средства оперативных подразделений и особого отдела. Подготовить помещение для размещения штаба и помещения для задержания. Обговорить вопросы обеспечения связи и видеосъемки.

Создать комиссию для выполнения этих вопросов и немедленно приступить. Наступила тишина. После паузы вопросы, обсуждение длилось 30-40 минут, но в основном все было согласовано. На другой день была создана комиссия, которая до Нового года составила расчет сил и схему их расстановки в Аэропорту.

3 января документ был доложен генерал-майору С.Е.Мануйлову и генерал-майору Н.Т. Середину, внесли некоторые дополнения и изменения. 5 января провели общий инструктаж оперативного состава, проводили генералы С.Е.Мануйлов и Н.Т.Середин, детали разъяснили я и Е.П.Ратковский, главное чтобы каждый сотрудник имел при себе для

маскировки действий-дорожные вещи: рюкзак, сумку и т.д.

5 января под наблюдением находились Листвина, Лебедь, Микитенко. «Акелла» около 12 часов вышел из дома, имея при себе портфель темного цвета. По внешнему виду было заметно, что на дне портфеля лежит что-то тяжелое, оно продавливало дно. В дальнейшем было видно, что «Акелла» очень оберегает портфель, ни разу не выпустил его из рук. Электропоездом проехал в Ленинград, от вокзала городским транспортом проследовал к дому Листвиной и зашел к ней.

Через несколько часов вышел вместе с Листвиной, но без портфеля.

В пути следования Листвина внимательно изучала окружение, на вокзале они разошлись. «Акелла» пошел в кассы, а Листвина прошла к платформе, где внимательно осмотрела граждан, а когда «Акелла» проходил на платформу к поезду, Листвина стояла в стороне 40-50 метров и опять сотрудники заметили ее горизонтальное движение головой.

Учитывая ситуацию с портфелем, за Листвиной установили круглосуточное наблюдение.

«Акелла» вернулся домой и больше не выходил.

Вечером 5 января, когда преступная группа дома готовилась к отлету, между ними и сестрой Крыловой Светланой состоялся длительный и острый разговор. Светлана отговаривала их всех отказаться от исполнения их преступной затеи, «не успеете вы ахнуть, как окажитесь в КГБ на параше». Этот разговор, а также прощальное обращение «Акеллы» к родителям, а также программа, с которой они будут выступать за границей, она носила очень жесткий характер-требование: «Выплатить им 1 миллион долларов, при отказе Правительства в выплате они через каждые полчаса будут расстреливать пассажиров и экипаж». Все это было записано на соответствующую технику.

Однако вскоре из-за экстремальных условий техника прекратила работать и наступила нервно-тревожная ночь, появились возможные новые варианты:

- отказ от захвата самолета;
- явка с повинной.

6 января 1979 год, 8 часов утра. Все определенные ранее точки закрыты.

9 часов утра. Аэропорт «Пулково». Оперсостав, согласно схеме, расставлен по местам. Я нахожусь в штабе, Е. П. Ратковский на объекте.

В 10 часов в штабе появляются 5 генералов, С.Е.Мануйлов, Н.Т.Середин и 3 генерала из Москвы. Я представился и доложил обстановку. Затем спросил, кто будет руководить оперативной связью. Генералы помолчали, потом один из них (москвич) сказал: «Иван Егорович Вы опытный специалист, у Вас все хорошо получается и продолжайте, а мы будем оценивать ситуацию и давать рекомендации.

Первая информация была получена о выходе из дома Листвиной с портфелем. Очень важная информация. Напряжение нарастает, сигнал о выходе из дома Лебедя через 10-15 минут. Далее сигнал о выходе из дома Микитенко, нет главного сигнала…Нервное состояние усиливается, растет возбуждение… Наконец, Аренберги все вышли из дома с вещами. Настроение резко изменилось и стало радостным и ликующим. Далее следует информация-все сели в автобус, который следует в Аэропорт.

Указание с моей стороны: «Строжайшая конспирация. Оперсостав поставлен в известность о начале движения объектов.

Первыми в Аэропорт прибывают Аренберги, с вещами прошли в зал регистрации, но в очередь по регистрации билетов не встали. Держаться кучно, вместе. Всеми распоряжается «Акелла».

Поступает информация, что к Аэропорту подъезжает Листвина. Вышла из автобуса с портфелем, сразу в зал регистрации не зашла. 10-15 минут ходила по пандусам, внимательно осматривая граждан, автомашины, вела себя очень насторожена.

Затем зашла в зал регистрации, поднялась на 2-ой этаж, вероятно, оттуда установила с «Акеллой» визуальный контакт, ибо тот сразу же встал в очередь по регистрации. Регистрируя билеты, представил какую-то сумку, которую осмотрела регистраторша и повесила на нее бирку. В это же время в Аэропорту через небольшой интервал появился Лебедь, а затем Микитенко. Оба, не общаясь друг с другом, внимательно изучали окружение. Затем по одному зашли в регистрационный зал, прошли мимо «Акеллы» и вышли из зала.

В зале постоянно, скрытно велась видеосъемка.

Взяв сумку с биркой «Акелла» отошел подальше от окна регистрации и подошел к Листвиной. Здесь передал ей сумку, она тут же сняла бирку с сумки, перевесила ее на портфель и вручила его подошедшему мужчине (Трофимову). Последний на глазах у наблюдаемых прошел через служебный ход на летное поле. Кивком головы Листвинова распрощалась с Вадимом и ушла на автобусную остановку, села в автобус и под наблюдением уехала в сторону города, а Аренберги и Крылова, когда объявили посадку на их самолет, прошли в зону специального контроля.

Передав средства связи и управления помошнику я отправился также в зону специального контроля.

На меня возлагалась обязанность в нужный момент дать сигнал о захвате преступной группы. Чтобы облегчить работу группе захвата, перед выходом из спецзоны был поставлен большой пассажирский автобус. Этим мы рассекали выходящий поток пассажиров из спецзоны: одна часть обходила автобус сзади, а другая спереди. Когда я подам сигнал о начале захвата, шофер должен продублировать мой сигнал (тональный) включением фар и подать звуковой сигнал. В спецзоне я стал недалеко от Аренбергов.

Они крепко (даже сцепивши) за руки, наклонившись друг к другу стояли молча, в нервном оцепенении. Группа захвата стояла впереди у выхода. Когда дали команду выходить на летное поле, они в таком состоянии медленно двинулись в толпе пассажиров. Я визуально видел всю группу захвата и дал указание сближаться с Аребергами, а спустя 30-40 секунд дал сигнал о захвате.

Двое сотрудников группы захвата схватили Вадима за руки, оторвали от жены. Он попытался оказать сопротивление, но подскочил в помощь еще 1 человек, и сопротивление было сломлено.

Алексей-брат от неожиданности даже не понял что происходит, Крылов впала в ступор. Всю группу здесь же завели в помещение для допросов. Я зашел в комнату в тот момент, когда из портфеля вынимали обрез и камуфляж гранаты, правдоподобно изготовленный, о чем, кстати, не знал оперработник особого отдела.

После этого вернулся в штаб и доложил результаты операции генералам. Они поблагодарили меня и дали указания отпустить оперсостав в подразделения, а со своими сотрудниками решайте сами.

Задержанных Листвинову, Микитенко и Лебедя передали в распоряжение следствия. Я дал указание всем своим сотрудникам следовать в подразделение, отработать документы и ждать моего возвращения в отдел. Далее я разыскал Ратковского Е.П., решил с ним ряд вопросов, а он в свою очередь просил передать всему личному составу благодарность за ювелирную работу.

Прибыв в отдел, дал указание собрать всех сотрудников, а также сотрудников из других подразделений, которые участвовали в работе, пригласил куратора отдела полковника Валентина Егоровича Ходырева, который от имени генерал-майоров С.Е Мануйлова и Н.Т.Середина, полковника Е.П.Ратковского объявил всем участвующим в работе за

Аренбергами благодарность. После того как ушел Валентин Егорович, я в своем выступление более подробно рассмотрел положительные и отрицательные моменты в работе. Особо отметил тех, кто внес наиболее ощутимый вклад в работу.

Для этих людей важнее зарплаты и материальных благ всегда было самоощущение причастности к выполнению особо важных заданий по обеспечению государственной безопасности. Это Хмелевский А.И., Паринкин В.Н., Жиганов А.П., Гордеева В.В., Копейкин В.А., Игонин В.Н., Мурзаев П.Г., Прозоров Л.Н., Поляков В.Б., Крючков Н.С. и многие другие. Лично я горжусь добрыми отношениями и дружбой со многими из них.

Прошло 35 лет, а я до сих пор благодарен судьбе, профессиональной удаче, что мне выпала такая честь организовать работу по противодействию братьям Аренбергам в угоне за границу пассажирского самолета. Я рассматриваю пресечение угона самолета, как важнейшая часть этой работы, но есть и другой не менее важный фактор-это приобретение профессионального опыта, умения, знаний от генералов до рядовых сотрудников по организации и взаимодействию крупными оперативно-техническими силами и средствами при выполнении особоважных заданий органов безопасности.

Вот этот опыт очень мне пригодился, когда я читал лекции руководителям оперативных подразделений госбезопасности иностранных государств.

Работа сотрудников отдела была высоко оценена как руководством Управления, так и центром. Когда я находится в комнате задержания Вадима Аренберга, я думал, что эта встреча наша последняя, но судьба играет с человеком.

* * *

В 1990 году в сентябре-октябре, когда на Ленинградском 5-м канале захватила власть бандитская группировка Бэллы Курковой, была передача. В один из дней я прихожу с работы домой, включаю телевизор и вижу и слышу истерический вопль Курковой, которая ругает, конечно, сотрудников госбезопасности. Пригляделся, а рядом с ней сидит Вадим Аренберг и поддакивает ей. Но я не слышу от него ни слов о расстреле пассажиров и огромном выкупе. Меня это страшно возмутило, сотрудники в зимних условиях, в сильнейшие морозы гробили свое здоровье, а

их обзывают самыми гнусными словами. Аренберг отбывал наказание в самом строгом лагере «Пермь-35», как он туда попал. Еврейское лобби, протекция, деньги. На другой день я встречаюсь с начальником Управления генерал-полковником Курковым А.А. и ему все рассказываю про трудности в работе, про то, что Аренберг требовал и что обещал. Все это можно подтвердить документами. Я ему говорю: организуйте мне выступление на телевидении, если не мне, то другому человеку, и мы посадим Куркову в лужу.

Анатолий Алексеевич долго молчал и ходил по кабинету, потом говорит: «К сожалению, ничем помочь не могу». Я ему говорю: «Вы же 3-й человек во власти». Он пожал мне руку, и я ушел.

Огромная благодарность и добрые пожелания всем с кем мне за долгие годы приходилось работать в Ленинградском Управление и Высших курсах КГБ СССР.

В. И. Аксаков
АНАТОМИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ

Как часто что-нибудь мы сделавши худого,
Кладем вину в том на другого,
И как нередко говорят:
«Когда б не он, и в ум бы мне не впало!»

А.И. Крылов

В апреле 1980 года в результате двухмесячной работы оперативников Водного отдела Ленинградского Управления КГБ было возбуждено уголовное дело по признакам незаконного перемещения ценностей через государственную границу Российской Федерации в отношении Ленинградского адвоката Татьяны Рюппе. Этому событию предшествовала ее тщательная оперативная разработка, в результате которой преступная деятельность Рюппе и связанных с ней преступной деятельностью других лиц была пресечена, она была задержана по подозрению в покушении на контрабанду антикварных изделий и произведений живописи в крупных размерах в составе группы лиц, специально организовавшихся для совершения этого преступления.

Для питерских чекистов работа по уголовным делам с такой окраской давно не была в диковину. В нашем портовом городе, с богатейшим историческим и культурным прошлым всегда находились охотники поживиться предметами старины с перспективой переправить их за рубеж. При этом режим государственной границы и суровое уголовное законодательство для спекулянтов и контрабандистов их не останавливали. Предстоящие барыши заставляют таких авантюристов идти на большой риск быть пойманными и вынуждают доверяться сообщникам по преступному бизнесу. Интрига же данного дела была примечательна тем, что нам предстояло выяснить, почему главным фигурантом вырисовывалась хрупкая, образованная, довольно привлекательная молодая женщина.

Изворотливый ум, энергичный характер и юридическое образование Татьяны Рюппе, а также обширные связи среди «деловых» людей в Ленинграде и Таллине привели ее к решению сколотить себе в Финляндии материальную базу, после чего выехать в эту страну на посто-

янное жительство вместе с дочкой. Ясное дело, что для такого серьезного предприятия нужны были надежные соучастники, также готовые рисковать и обладающие соответствующими возможностями. Рюппе совместно со своим близким «другом» Владимиром Кличко с энергией и изобретательностью, достойными другого применения, принялась за дело.

В ходе разработки и следствия, которое сопровождалось активными оперативными мероприятиями, выяснилось, что контрабандная деятельность Рюппе носила широкий и длительный характер. В преступную орбиту в период с начала 1979 по апрель 1980 года она вовлекла большое количество людей, проживающих в Ленинграде и Таллине. В этом деле квалифицирущий признак (организованная группа) предполагает повышенную общественную опасность, поскольку в результате происходит утечка за границу культурных ценностей, являющихся национальным достоянием, а с другой стороны, как правило, нарушается монополия государства на внешнюю торговлю. И все это совершается системно, в течение длительного периода, с распределением ролей соучастников, с ухищрениями и мерами противодействия правоохранительным органам. В Ленинграде в итоге были привлечены к уголовной ответственности пять человек, в Эстонию направлены материалы на шестерых жителей Таллина.

Целью очерка не является подробный рассказ об уголовном деле в полном объеме (его материалы заслуживают не одной публикации), но некоторые цифры необходимо привести, чтобы проиллюстрировать масштаб преступного промысла и аппетиты его организаторов. За сравнительно небольшой период Рюппе и ее команда переправили из СССР в Финляндию: 46 картин, акварелей, рисунков таких художников, как Айвазовский, Лагорио, Суриков, Шишкин, Левитан, Коровин, Кандинский, Марч, Зуев, Волков, Сверчков, Васнецов и других, а также три иконы. Всего на сумму 92240 рублей. По тем временам это были очень большие деньги.

Одновременно, как и положено в такого рода «бизнесе», из-за «бугра» был налажен контрабандный поток товаров, пользовавшихся в те времена повышенным спросом в нашей стране: 300 золотых цепочек на сумму не менее 25 тысяч рублей, кожаные мужские и женские вещи на сумму около 200 тысяч рублей, а также 100 тысяч рублей наличными. Кроме того, Рюппе совместно со своими соучастниками, жителями Ленинграда Ю. Быстровым, В. Кличко, С. Чернявским покушалась на переправку в Финляндию очередной партии ценностей – картин художников Клевера, Галактионова, Жубера и других, двух фарфоровых изделий. По оценкам экспертиз, общая стоимость предметов контрабанды, переправленных и подготовленных к отправке за рубеж, составила не менее 207 тысяч рублей.

Преступный конвейер работал слаженно и четко. Уж больно хороши были стимулы. Ведь средств, выручаемых за границей от реализации предметов контрабанды, с лихвой хватало для того, чтобы обогащались их получатели – гражданин Эстонии, постоянно проживающий в Финляндии А. Балмагес и гражданин Финляндии М. Райтонен. Хватало для того, чтобы приобретать в Суоми и отправлять в Ленинград для продажи золотые цепочки, кожаные изделия и предметы одежды и чтобы оплачивать «работу» перевозчиков предметов контрабанды и других пособников. На эти же средства участниками группы приобретались новые картины и предметы антиквариата для незаконной переправки в Финляндию. Однако любое преступление, как известно, не совершается ради самого процесса, это не рыбалка.

Наши герои имели серьезные намерения и виды на будущее. Татьяна Рюппе готовилась к выезду в Финляндию вместе с дочерью на постоян-ное жительство. С помощью Балмагеса она хотела обеспечить себя денежными средствами за границей и к этой цели упорно шла преступным путем, самонадеянно доверившись соучастникам. Основные поставщики и скупщики предметов контрабанды братья Быстровы, так называемые «центровые», всегда были готовы выгодно купить, выгодно продать, не перегружая себя муками совести относительно того, тяжкое ли они преступление совершают или «не очень». Корысть и жажда наживы – вот мотивы, которые движут такими индивидами.

Подобные стимулы настолько существенны в жизни некоторых людей, что заставляют их пускаться в заведомые авантюры, осознанно идти на большой риск, совершать умышленные преступления. При этом наличие или отсутствие высшего образования, семейное положение, социальный статус часто никак не связаны с такими мотивами.

В ходе расследования уголовного дела были установлены и допрошены многие лица, в той или иной степени причастные к контрабанде. Часть из них позднее была привлечена к ответственности по выделенным материалам, другие дошли до суда в качестве свидетелей. Кто эти люди? На первом этапе Рюппе задействовала несколько водителей и сотрудников «Совтрансавто». За «долю малую», пользуясь халатностью таможенников, они неоднократно вывозили картины в Финляндию. К концу 1979 года Татьяна за-

вербовала нужных ей людей в Таллинской таможне, и дело пошло быстрее. Схема была та же, проверенная. За вознаграждение «подключенные» к делу инспекторы и грузчик пропускали предметы контрабанды, укрытые в мебели, вывозимой лицами, которые выезжали на постоянное жительство за границу. Задокументирован также эпизод, когда Балмагес лично вывез в Хельсинки картину, прикрепленную к спине липкой лентой. Несомненно, что были и другие люди, не установленные следствием, которые по поручению Рюппе и Балмагеса за вознаграждение использовали свое тело как транспортное средство. Применялись и более ухищренные средства для сокрытия предметов контрабанды, о которых здесь не место рассказывать, дабы они не послужили учебным пособием для некоторых.

Все имеет свое начало и свой конец. В одной замечательной песне Владимира Высоцкого есть точные слова: «Сколь веревочке ни виться, все равно совьется в плеть». В поле зрения оперативных работников Ленинградского Управления КГБ деятельность преступной группы оказалась за два месяца до ареста Рюппе. С этого момента началась активная разработка будущих фигурантов уголовного дела. «Веревочка» налаженных хитросплетений преступного сообщества неуклонно и методично свивалась в тугую плеть его грядущего разоблачения и неизбежной расплаты за преступление, отнесенное законом к государственному. С помощью внедренной в окружение Рюппе агентуры устанавливались связи подозреваемых, источники приобретения художественных ценностей, ближайшие планы контрабандистов, места сосредоточения предметов, подготовленных для переправки за границу. Оперативно-технические мероприятия и наружное наблюдение позволяли непрерывно контролировать ситуацию, проверять достоверность получаемой информации. Как только минимальный объем доказательств, необходимый для возбуждения уголовного дела, был собран, тщательно изучен и оценен следователями деятельности группы наступил конец. Очень важно, что сообщники Рюппе, остававшиеся до времени на свободе, были лишены возможности перепрятать, вывезти в другой город или за границу ценности, ожидавшие печальной участи. Как сказал бы живописный персонаж отечественного, уже исторического, фильма, тридцать шесть обысков по одному делу – это что-нибудь значит.

Мне довелось работать в расследовавшей это уголовное дело бригаде, которую возглавил старший следователь по особо важным делам Владимир Васильевич Егерев. Должен признать, что мне повезло, поскольку я получил неоценимый опыт по расследованию по-

добного рода дел, и он хорошо помогал мне в дальнейшем. Работа по таким делам дает возможность осознать, что настоящий профессионал тот, который всегда учится, потому что нет ни одного дела, похожего на другое. А это означает, что для следователя не существует шаблонов. Следствие по организованной контрабанде всегда отличается большим напряжением и требует полной отдачи. Зато и успех приносит большое удовлетворение результатом. Преступная группа сильна своей организованностью, продуманностью действий, круговой порукой. Но она же подвержена и большой уязвимости, поскольку состоит из отдельных звеньев, далеко не одинаковых по прочности. Этот фактор и должен использоваться следователем в полной мере. И вот наглядный пример, который отчетливо демонстрирует типичное развитие событий в казавшейся ранее сплоченной группе подельников, когда «своя рубашка» всегда оказывается «ближе к телу».

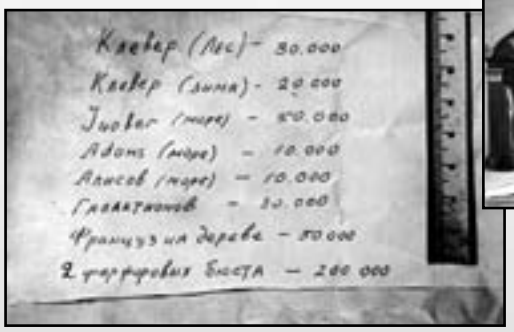
Как только Рюппе, будучи юристом, трезво оценила свое незавидное положение «паровоза» в уголовном деле, она стала сотрудничать со следствием «де факто». В то время еще не существствовало института заключения сделки со следствием, которое сейчас прописано в законе. Свою защитную линию Рюппе построила довольно грамотно. Она, по существу, признавала всю фактическую сторону содеянного, так как понимала, что все добротно доказано и без ее участия. Но фигурировать в деле главарем шайки мужиков, которые к тому же оставались пока на свободе, Татьяна была не согласна. На допросах она твердо стояла на том, что обогащение криминальными методами вовсе не было ее истинной целью. В преступление ее втянули спекулянты живописью и предметами антиквариата, а она хотела всего лишь спокойной сытой жизни для себя и дочки в Финляндии. Обозначила и конкретные цели: хорошая работа с доходом в шесть тысяч марок в месяц, хорошая квартира, бесплатные курсы языка и хорошая школа для дочери. Все эти блага, по расчетам Татьяны, должны были обеспечить ее финские друзья А. Балмагес и М. Райтонен. Кем же являлись эти люди, которые склонили бывшего адвоката к преступному промыслу?

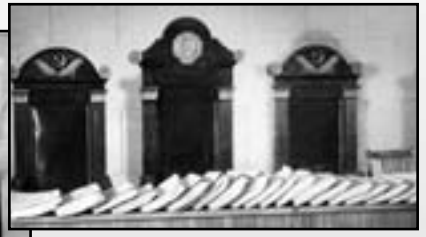
К моменту задержания Рюппе оперативным путем были установлены почти все лица, причастные к контрабанде ценностей. Вырисовывалась группа соучастников, каждый из которых выполнял свою функцию: Рюппе – организатор «концессии», братья Быстровы – добытчики и поставщики картин и антиквариата, Балмагес и Райтонен – получатели предметов контрабанды в Финляндии. Мужду ними «солдаты» – перевозчики Шамин, Богданов, Чистяков и другие.

Предметы антиквариата и художественные ценности, изъятые у Рюппе

Оперработник В. Харин и следователь В. Егерев

Рисунки художника Филонова





Записка с перечислением картин, отправленных Рюппе за рубеж

В работе следственной бригады мне была поручена документация преступной деятельности одного из участников группы жителя Ленинграда В.И. Кличко. Довольно скоро стало ясно, что этот человек играл особую роль в преступном сообществе. По существу, он являлся правой рукой Рюппе во всех доказанных эпизодах и координировал действия соучастников. Фигура именно этого «любителя неординарных женщин и призведений живописи» представляется мне более значимой, чем даже сама Рюппе, не говоря уже о других компаньонах в деле.

Кличко оказался в орбите следствия позднее других, можно сказать, случайно: был обнаружен в квартире Рюппе, когда в нее пришли с обыском. Он предъявил свой паспорт и представился другом семьи Татьяны. Как поз-же выяснилось, во время проведения обыска он в туалете написал записку для своей жены, которую просил срочно спрятать хранящиеся в квартире ценности. Записку незаметно передал сестре Рюппе, находившейся в квартире во время обыска. Утром следующего дня это сообщение попало по назначению. Несомненно, в данном случае мы допустили серьезный промах из-за недостатка оперативной информации о личности Кличко и его роли в преступной группе. А роль его была, как выяснилось по ходу дела, очень значительной. Владимир Иванович, человек с высшим образованием, кандидат экономических наук, с коренастой массивной фигурой и тяжелым взглядом исподлобья внушал своим подельникам уважение. Его интимные отношения с Татьяной Рюппе были всем известны и не скрывались им от собственной жены. Как установлено следствием, начиная с осени 1979 года, то есть с самого начала преступной деятельности, Кличко был рядом с Татьяной. Удивительно, когда он находил время для преподавательской деятельности, для научной работы в ВУЗе?

Ни одна контрабандная отправка не обходились без его участия. В качестве эксперта он осматривал картины, антикварные золотые и серебря-ные вещи и фарфоровые изделия, определял их стоимость . При этом мне-ние Кличко по оценке вещей и целесообразности отправки за рубеж никогда соучастниками не оспаривалось. Его авторитет был защищен самой Рюппе. В случае сомнения он находил возможность проконсультироваться у специалистов. У Кличко были хорошие связи в искуствоведческой среде Ленинграда, что позволяло ему пользоваться познаниями ее представителей под видом страстного любителя, коллекционера живописи и других предметов старины. По мере расследования на фоне Кличко личности братьев Быстровых, Райтонена, Балмагеса,

перевозчиков стали выглядеть бледно, просто барыгами, любителями «срубить бабло по- быстрому». Не удивительно, что Татьяна очень ценила участие в деле Владимира Ивановича и всецело доверяла ему. К тому же их личные отношения далеко выхо-дили за рамки деловых, и именно это обстоятельство определяло его мате-риальный интерес и большую активность в «команде».

На Кличко были возложены также челночные поездки в Таллин с целью перевозки или сопровождения предметов контрабанды. В Таллин он отвозил отобранные картины и антиквариат для отправки и передвал их Балмагесу, либо другим соучастникам по предварительной договоренности. От них же получал привезенные из Хельсинки и предназначенные для реализации на черном рынке кожаные носильные мужские и женские вещи, золотые цепочки, а также большие суммы советских денег. Все это доставлял поездом в Ленинград на квартиру Татьяны. Следствием установлено не менее пяти подобных деловых «комардировок». Выполнение таких ответственных операций явно свидетельствало о том, что «ученый – экономист» пользовался неограниченным доверием Рюппе и в этой части.

Реноме Кличко, как «главного бухгалтера» и хранителя секретов, в полной мере нашло подтверждение уже в самом начале расследования дела. До того момента, когда Кличко был арестован, Татьяна фанатично верила, что он сумеет «вытащить» ее из следственного изолятора и обеспе-чит ей защиту своими показаниями в ее пользу. Ведь он был ее мужчиной, ее верным другом, знал все подробности и степень участия каждого в контрабанде. От адвокатов Рюппе сразу отказалась, заявив, что не нуждается в «плакальщиках на ее могиле» (своеобразна характеристика своей и товарищей по цеху профессии адвоката!) Правда, амбициозная Рюппе себя лично считала замечательным юристом. На этом основании полагала, что прокурор и судья, увидев ее на скамье подсудимых, не пощадят бывшего серьезного противника по судебным прениям. Подобные опасения служили дополнительной причиной панического страха Рюппе перед предстоящим судом.

Господин Кличко выступал в группе еще в одной роли – некоего «контрразведчика», который, по мнению Татьяны и других, обеспечивал безопасность всех операций и контролировал соблюдение мер конспира-ции. Среди «своих» он слыл как «полковник КГБ». Кто и почему «присвоил» ему это звание мы не установили, но Кличко всячески поддерживал свой имидж и старался ему соответствовать. Похоже он

и сам верил, что обла-дает способностями контрразведчика. Доходило до смешного. Известен случай, когда Кличко, подходя к своему дому, резко подошел к молодой женщине, которая прогуливалась с ребенком, заглянул в коляску и отогнул край одеяльца, напугав женщину. Зато он убедился, что в коляске действительно находится младенец, а не муляж и, следовательно, женщина – настоящая мама, а не сотрудница наружного наблюдения. Кстати, как раз наша наружка и зафиксировала этот факт. Это был период активной разра-ботки Кличко незадолго до его ареста, и он обоснованно опасался слежки. Амбиций и высокого мнения о себе у Владимира Ивановича было не меньше, чем у его любовницы Татьяны Рюппе, что в итоге и привело его на скамью подсудимых. Вот цитата из его показаний:

«Когда я приходил на свою кафедру в институт, разговоры присут-ствовавших быстро прекращались, они начинали потихоньку выходить из помещения, причем без всякой видимой причины. Просто моего взгляда, моего присутствия было для этого достаточно…».

Наличие в команде эдакого «супермена» придавало соучастникам уверенность в своих действиях, а Рюппе, находясь в изоляции, долгое время надеялась на всемогущество «своего мужчины», а кроме того, на его преданность и благородство – как она их понимала.

Однако после ареста Кличко в июле 1980 года «могущества» у него сильно поубавилось. Он потерял возможность влиять на свидетелей и соучастников, остававшихся на свободе, а его «тяжелый взгляд» отныне упирался лишь в стенку камеры. На допросах, как мне помнится, он вообще старался не встречаться глазами со следователем, поскольку его показания до самого конца, как правило, были далеки от правдивых. В отличие от Рюппе «полковник» не собирался сотрудничать со следствием. Мы решили не скрывать от него, что Татьяна дает исчерпывающий «расклад» по делу и что братья Быстровы и другие стараются не отставать от нее в своих показаниях. Защищал обвиняемого Кличко в период следствия один из лучших адвокатов Ленинграда С.А. Хейфец. Опытнейший специалист в работе по уголовным делам, он правильно оценил положение обвиняемого и мог бы оказать большую помощь в защите своего подопечного. Но этого не случилось по причине упрямства и самонадеянности Кличко, который привык доверять только себе. Он оспаривал каждое приводимое против него доказательство, включая заключения многочисленных искусствоведческих и других экспертиз,

не подтверждал ни одного изобличающего его показания, упорно отрицал свое участие в преступных эпизодах. Примечательно, что Кличко не шел в так называемый глухой отказ, а наоборот, непрерывно излагал на протокол свои версии по каждому эпизоду. Готовясь к допросам, в камере рисовал графические схемы перемещения картин и антиквариата, расписывал по датам денежные расчеты с Рюппе и всю эту «бухгалтерию» упорно использовал в своих показаниях. По его версии, многое из того, в чем его обвиняли, он действительно делал, но исключительно из благих намерений, выполняя просьбы Татьяны по атрибутации и оценки, и только. При этом якобы совершенно не подозревал, для чего это нужно.

Его показания на следствии начали меняться по мере того как Кличко убеждался в том, что подельники «нараспев» рассказывают все и обо всех. Но они появились в деле не сразу. Надо сказать, находясь в изоляции, он и в этом положении пытался «рулить» и давать руководящие указания «полковника» на волю соучастникам и свидетелям. Решив, что адвокат в этом деле ему не помощник и ему нельзя доверять, Кличко отважился на рискованную авантюру – опять же по причине гипертрофиро-ванного самомнения. Он решил воспользоваться тем, что приблизительно представлял объем имеющихся у следователей доказательств. Такая осведомленность вытекала из того, что время от времени в соотвествии с законом ему предъявлялись изобличающие его доказательства. Мелким убористым почерком он написал в камере подробную инструкцию для нескольких людей в Таллине и Ленинграде, в которой каждому опреде-лил линию поведения на следствии буквально в приказном порядке.

Наверное, попади эта «малява» по назначению, она могла бы создать для нас определенные проблемы. Не получилось. «Матерый контрразведчик» не смог сообразить, что чекистами оперативная поддержка по уголовному делу осуществляется до окончания расследования. Записка была должным образом легализована и в соответствии с законом приобщена к материалам в качестве «неубиенного» вещественного доказательства. Адвокат Хейфец, узнав о случившемся, только развел руками и воскликнул: «Ну что же Вы наделали, Владимир Иванович!». После тако-го чудовищного промаха Кличко «сломался» и неохотно, под давлением уличающих его вещественных доказательств, показаний соучастников и свидетелей, начал подтверждать свое участие в преступ-

ных эпизодах. Естественно, в первый ряд злоумышленников он выставлял своих подельников, а себе отводил роль подручного Рюппе, которого втянули во все тяжкие.

Рюппе также пыталась смягчить свою участь, не полагаясь на по-мощь адвокатов, но расчет ее строился на другом. Она искренне уповала на то, что ее заслонит своей могучей грудью «полковник» Кличко и даст на допросах нужные ей показания. По ее замыслу, Кличко должен был рассказать, что якобы основными организаторами и исполнителями преступления являлись братья Быстровы, ее же использовали в своих интересах, зная о мечте Татьяны во что бы то ни стало уехать в Финляндию и обеспечить себе и своей любимой дочери безбедную жизнь. Она хорошо понимала, что многое в ее положении в деле зависит от показаний «любимого». Умоляла следователя дать ей очную ставку с Кличко, на которой хотела убедить его в необходимости подтвердить ее версию и давать впредь нужные ей и, как она полагала, спасающие Владимира Ивановича показания по делу. Наивная, хватающаяся за соломинку женщина… Однако оперативная поддержка и в этом случае дала результаты. Следователь был прекрасно осведомлен о замысле Татьяны и не торопился с очной ставкой. Как говорится, ситуация должна была «созреть».

Настал момент, когда Кличко решил, что все в деле сложилось про-тив него и лучшая защита – это нападение и нельзя с этим опаздывать. Он стал «топить» своими показаниями Рюппе, не жалея красок. Их показа-ния стали не просто противоречивыми, а исключающими друг друга. По-дошло время путем очной ставки между ними устранить противоречия в целях установления истины. Мы были уверены, что Кличко настолько озлобился на своих бывших «соратников», что никакие чары бывшей любовницы на него не могли подействовать, и он будет до конца бороться только за себя. Так оно и произошло. На очной ставке он подобно восточному хозяину своей женщины сразу заявил Татьяне, что не желает ее слушать и будет настаивать на своих показаниях.

«Володя, помоги мне! Ты в этом деле ни при чем, а я жертва. Во всем виноват этот негодяй Быстров. Дай показания против него, пусть он получит свое – и мы спасены!» – воскликнула Рюппе в порыве отчаяния. Это был ее последний шанс изменить ситуацию в деле в свою пользу. Напрасная попытка. В ответ – насупленный «фирменный» тяжелый взгляд «любимого» и его требование прекратить очную ставку. Если бы не суровая действительность, то происходившее в тот момент в кабинете следователя можно было принять за сцену из драматического спектакля. Но для Рюппе это был не театр, а настоящая трагедия.

После перенесенного Татьяной потрясения из-за предательства «всемогущего» произошло то, что и ожидалось. Приведу выдержку из ее заявления на имя следователя. Она звучит как прощание со своим недавним «верным другом»:

«В связи с необходимостью возместить ущерб, причиненный государ-ству преступными действиями моими и Кличко, прошу Вас произвести все необходимые следственные действия для изъятия ценностей и передачи их государству…». Здесь имелись в виду картины и предметы антиквариата, предназначенные для переправки и хранящиеся у разных лиц.

В своих дальнейших показаниях Рюппе сосредоточилась исключи-тельно на роли и личности Кличко в деле и рассказала в подробностях обо всем, что знала. Даже более того, что было нужно и достаточно для уголовного дела. Ее информация в этой части послужила ценным материалом для оперативных работников в делах разработок других, не дружащих с законом, субъектов. Естественно, реакция Кличко на это была крайне негативной. Настолько, что в суде, выбрав момент, он пригрозил Татьяне в будущем физической расправой.

Все участники группы были осуждены в соответствии с «заслугами». Кличко после отбытия наказания прожил не долго. Рюппе после освобож-дения воссоединилась со своей семьей и, хочется верить, правильно воспитала дочь, учитывая свой печальный опыт.

Я подробно описал ход именно этой части расследования, поучительной с точки зрения психологии, потому что в данном случае хорошо видны мотивы и внутренняя сущность такого сообщества, как преступная организованная группа, созданная именно для извлечения наживы. Когда у ее участников промысел налажен и в карманы течет желанный ручей добычи, все идет отлично, ««друзья» рядом и в безопасности компаньонов заинтересован весь «коллектив». Но как только грянет гром, тут каждый за себя. Этот фактор всегда учитывается в расследовании подоб-ных дел и дает преимущество правоохранителям.

Уголовное дело №23 может служить настоящим учебным пособием для специалистов. В нем можно увидеть тонкости работы с источниками информации, тактику использования оперативно-технических средств,

умелую профессиональную работу сотрудников наружного наблюдения. А самое главное – оно служит наращиванию профессиональных навыков следователей и предотвращению незаконного вывоза за границу национальных ценностей.

В. В. Егерев

НАС СВЕЛ СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВОЖДЯ

АПРЕЛЬ 1970 г.

Свою службу в Управлении КГБ при СМ СССР по Ленинградской области я начал 1 июля 1968 года, после окончания юридического факультета ЛГУ им. А.А. Жданова. Как выяснилось позднее, меня во время учебы выделил среди других студентов для работы в органах сотрудник следственного отдела майор П.М. Степанов. В тот период этот отдел расширялся в связи с большим объемом уголовных дел, связанных с антисоветской агитацией, валютной спекуляцией, контрабандой. Вместе со мной в следственный отдел был зачислен мой однокурсник А.С. Лепетунов.

Начальником отдела в то время был полковник М.М. Сыщиков, участник Великой Отечественной войны, служивший в органах безопасности с 1945 года. В 1969 году его сменил Леонид Иванович Барков, полковник, заслуженный юрист.

В апреле 1970 года исполнялось 100 лет со дня рождения В.И. Ленина. Партком Управления обязал оформить в отделе наглядную агитацию к этой дате.

Помню, что меня вызвал Л.И. Барков, в кабинете которого находился секретарь парторганизации Ю.А. Меньшаков. Ко мне, как к члену редколлегии нашей стенной газеты, они обратились с предложением оформить стенд. Мне хотелось сделать его необычным, запоминающимся и потому своими мыслями я поделился с оперработниками из Служб, спросив, нет ли у них на примете художника, к которому можно было бы обратиться с просьбой о помощи в оформлении стенда.

Обслуживавший Эрмитаж оперработник сказал, что в музее работает молодой художник, которого можно попросить об этом. Он является членом городского комитета художников.

На следующий день кто-то из сотрудников привел в отдел необычно одетого, длинноволосового, с матерчатой сумкой на плече молодого человека, который представился художником Михаилом Шемякиным, заявившим, что у него есть опыт работы по оформлению

различных объектов. Упомянул, что даже оформлял квартиру заместителя министра иностранных дел.

Я показал ему место, где будет размещаться стенд, объяснил замысел. Он сразу высказал свои предложения по поводу оформления и размещения экспозиции. Сошлись на том, что основа стенда будет изготовлена из древесно-стружечной плиты, на нем планировалось закрепить портрет В.И. Ленина, разместить фотографии из его жизни. В нижней части стенда Шемякин посоветовал сделать из нержавейки абрис крейсера «Аврора» на фоне Петропавловской крепости. Всю эту работу он брал на себя, нам оставалось изготовить сам стенд и покрасить его в голубой цвет.

Спустя неделю М. Шемякин пришел с готовой работой. Портрет Ленина был точной копией изображения, висящего на занавеси Кремлевского Дворца Съездов во время открытия очередного съезда КПСС. Все это выглядело внушительно и хорошо по тем временам смотрелось.

Общими усилиями предметы закрепили на стенде. Шемякин нанес краской изображение воды, подрисовал у носа «Авроры» волны, что придавало видимость движения крейсера по воде. Оформление стенда руководство одобрило. Посоветовавшись с начальником отдела, я попросил его выразить Шемякину благодарность в виде грамоты за участие в изготовлении юбилейного стенда.

Спустя некоторое время, я вызвал Шемякина в следотдел, где от имени руководства вручил ему грамоту – благодарность, подписанную заместителем начальника Управления генерал-майором В.Н. Блеером. Михаил был очень доволен таким вниманием, подарил мне фотоиллюстрации рисунков к книге Достоевского Ф.М. «Преступление и наказание» и пачку сигарет «Мальборо», которые тогда были большим дефицитом.

Через некоторое время Михаил обратился ко мне с просьбой выдать такую же грамоту его напарнику, который активно помогал ему в работе (не помню его фамилию). Я поставил об этом в известность Леонида Ивановича, тот не отказал в просьбе Шемякина и через несколько дней я передал ему вторую грамоту-благодарность, также подписанную В.Н. Блеером

На этом мое личное общение с Михаилом прервалось, но вскоре возобновилось в другой – заочной форме.

ПОДГОТОВКА К БЕГСТВУ ЗА ГРАНИЦУ

Примерно через год один из оперработников 5-й службы, которая занималась борьбой с антисоветской агитацией и измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй, обратился в отдел с просьбой проанализировать и дать оценку материалам дела оперативной разработки, заведенного на художника М.Шемякина по признакам преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР («Измена Родине в форме бегства за границу»).

Барков Л.И. вызвал меня, распорядился ознакомиться с делом и дать оценку имеющимся в нем материалам. Принесли несколько внушительных томов, в которых были подшиты сводки наружного наблюдения, слухового контроля, телефонных разговоров, сообщения агентов и доверенных лиц КГБ, справки из различных государственных учреждений, в том числе из психиатрического диспансера.

Из материалов дела усматривалось, что мой знакомый – художник Михаил Шемякин, 1943 года рождения, проживающий в Ленинграде, вынашивал намерения бежать за границу. С этой целью вступил в контакт с гражданкой Франции, которая являлась искусствоведом и владелицей выставочной галереи в Париже, периодически посещала Ленинград и активно собирала работы т.н. «непризнанных» художников. Различными способами она вывозила их из Советского Союза.

Иностранка действительно неоднократно вывозила рисунки, гравюры Шемякина, что подтверждалось различными источниками. Было ясно, что художник готовится к нелегальному бегству из СССР. Выполняя задуманное, он выехал летом на побережье Черного моря, по-моему, в район Сухуми, где ежедневно совершал тренировочные заплывы в сторону водной границы Советского Союза. Это давало повод предполагать, что Шемякин готовится вплавь пересечь границу с Турцией, так как приобрел снаряжение – компас, ласты. Все его действия контролировались агентурой и нашим оперработником, находившимся там в командировке. В деле просматривались интересные подробности его подготовки к бегству.

Контроль за его действиями оперработник осуществлял постоянно. Через месяц Шемякин возвращается в Ленинград и начинает искать другие способы бегства за рубеж. Что-то его не устраивало. Все его встречи с друзьями –художниками контролировались. Сотрудники наружного наблюдения в течение месяца делали отчеты о посещавших его лицах. Позднее от одного из них я узнал – как проводилось на-

блюдение за его квартирой. Бригада останавливалась около его дома и ожидала выхода посетителей со сборища.

Под техникой слухового контроля было понятно, что делается в квартире. Так, наружка узнала, что Шемякин отправляет кого-либо из знакомых выяснить, нет ли вблизи дома машин с сотрудниками КГБ. Узнав это, сотрудники перемещались в район Витебского вокзала, где было много машин. Знакомый возвращался и говорил, что подозрительных машин не заметил. После этого все расходились. Все это наружка знала и вновь подъезжала к подъезду.

Поскольку я лично знал Шемякина, то мне было интересно узнать подробности его личной жизни, поведение с товарищами и знакомыми. Отражение это находило в агентурных сообщениях из его окружения. Это были такие же свободные художники по разным причинам, вступившие в сотрудничество с КГБ. Много было информации из техники слухового контроля, так я узнал, что Михаил любил ночные пьяные вечеринки.

Для привлечения к уголовной ответственности Шемякина по 64-й статье, кроме его намерения бежать за границу требовался еще антисоветский умысел, т.е. реальные действия, высказывания, направленные на дискредитацию советского государственного и общественного строя. В материалах дела я этого не нашел. Правда, агенты сообщали о его антисоветских высказываниях в кругу знакомых, рисунках с порочащими изображениями красноармейцев, сотрудников НКВД и др. Но всего этого было недостаточно для возбуждения уголовного дела.

На совещании у руководства следственного отдела с оперработниками 5-й службы я высказал свое мнение, что не вижу оснований для привлечения Шемякина к уголовной ответственности по 64-й статье УК РСФСР. Подчеркнул, что его действия не могут подпадать даже под 70-ю статью УК РСФСР («Антисоветская агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти»).

Возможно, что его поступки могут быть квалифицированы статьей 190-1 УК РСФСР («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих Советский государственный и общественный строй»), но все равно материалов недостаточно.

Барков Л.И. согласился с моим мнением. Конечно же, оперработники стали оспаривать и приводить сообщения агентов, из которых усматривался якобы его антисоветский настрой. Им было предложено легализовать все сообщения, но сделать это было невозможно без расшифровки агентуры.

На этом мое следственное знакомство с Шемякиным закончилось.

ИЗГНАНИЕ

Только спустя много лет я узнал подробности отъезда Шемякина за границу от начальника 5-й службы Юрия Ивановича Попова. Он рассказал, что после несостоявшегося привлечения Шемякина к уголовной ответственности было принято решение о его профилактике и выдворении из Советского Союза.

Беседу с Шемякиным Попов проводил лично в 1971 году. Эта встреча произвела на Попова хорошее впечатление. Он охарактеризовал художника умным, эрудированным и талантливым, сообщил, что вокруг него была агентура из числа завистливых художников, которая давала нелицеприятные, порой лживые агентурные сообщения, из которых создавалась картина врага Советской власти и ненавистника государственного и общественного строя. Еще он отметил, что были все предпосылки упрятать его в психушку, но этого делать не хотелось. Попов посоветовал Шемякину срочно покинуть Советский Союз иначе его судьба – психушка. Попов также посодействовал Михаилу в оформлении документов для быстрого выезда за границу.

Мне было приятно услышать такое мнение от Юрия Ивановича, так как с момента моего знакомства с Михаилом я был самого лучшего мнения о нем, как о молодом, энергичном, талантливом художнике. Попов сказал, что Шемякин подарил ему на память свои гравюры и, по-моему, что-то из рисунков.

Так закончилось дело оперативной разработки в отношении Шемякина, которое было сдано в архив Ленинградского Управления КГБ.

ЗАГРАНИЦА

На протяжении многих лет меня интересовала судьба Михаила Шемякина. Однако личного общения не было. Я мог отслеживать его деятельность только по средствам массовой информации. Так, видимо, в знак уважения к сотрудникам КГБ Шемякин в 1978 году оформляет обложку книги воспоминаний французского контрразведчика Пьера Лавержуа, на которой делает надпись: «Посвящается Владимиру Егереву с Литейного д.4 с иронией». В том же году он направил эту книгу в Управление КГБ при СМ СССР по Ленинградской области для вручения мне. Однако, я эту книгу тогда не получил. Михаил презентовал мне ее

только 21 февраля 2003 г. в Санкт-Петербурге.

В дальнейшем, будучи в командировке в Афганистане в 1985-88 гг. я узнаю, что Шемякин, находясь в Америке, создал международный комитет по вызволению советских солдат из афганского плена. Это меня заинтересовало, так как, являясь советником в следственном Управлении МГБ ДРА, я занимался подбором арестованных душманов для обмена их на советских солдат. Обычно менялись один солдат на десять-двадцать душманов. Сам процесс был трудным и долгим.

Как оказалось, Михаил с супругой Сарой проявили большую активность в подобных вопросах. Зная военную обстановку в Афганистане в то время, сам я не решился бы на то, что предпринял Михаил. В 1991 году он нелегально перешел границу Пакистана с Афганистаном в районе города Хост и прибыл в банду главаря Хекматиара, где провел переговоры по обмену советских солдат. Чем они закончились – я не знаю.

Что касается стенда, посвященного 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, то он хранился в следственном отделе до 2010, затем был передан в музей Политической истории, в отдел «Гороховая, 2», где хранится и сейчас, являясь историей того времени.

Своими воспоминаниями об этом человеке я хотел поделиться с читателями – не только как о талантливом художнике, скульптуре, ученом, но и о гражданине, который и сейчас ставит свой гражданский долг перед нашим обществом выше всего. И я очень рад, что в те далекие и непростые годы органы КГБ в лице Ю.И. Попова, Л.И. Баркова увидели в нем не врага, а достойного гражданина своего Отечества.

А. Л. Вассоевич

В ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ

или воинское преступление на большом противолодочном корабле «Сторожевой»

В «лихие 90-е годы» XX века, когда рушились последние социальные идеалы советского общества, когда предавалось и продавалось всё и вся, на памятном многим петербуржцам «толчке» около станции метро Удельная, где я обычно покупал диски с записями немецкой кинохроники, мне вдруг предложили приобрести «по сходной цене» ксерокопии уникальных советских документов. Продавец утверждал, что всё это материалы «из личной коллекции генерала Д.А.Волкогонова, а до этого они хранились в «Главпуре». Восприняв такое утверждение скептически, я, тем не менее, решился ксерокопии приобрести, так как на некоторых из них увидел собственноручные подписи высших руководителей СССР. К тому же документы рассказывали о неизвестном мне прежде воинском преступлении, которое произошло на большом противолодочном корабле «Сторожевой» в ноябре далекого 1975 года.
Тогда на второй день ноябрьских праздников, что по иронии судьбы совпадало с 94-й годовщиной со дня рождения Л.Д.Троцкого , в устье реки Даугавы снялся с якоря и ушел из парадного строя военных кораблей в Рижский залив БПК «Сторожевой». Однако, перед этим несанкционированным выходом в открытое море дежурной по рейду на реке Даугава, где и выстроились корабли морского парада, вахтенный офицер подводной лодки «Б-49», заметил человека, спустившегося по швартовому концу на якорную бочку. Человек размахивал руками и, чтобы его с бочки снять, за ним был послан катер. Доставленный на подводную лодку человек, оказался старшим лейтенантом Владимиром Викторовичем Фирсовым,1948 года рождения, русским, членом КПСС, командиром электротехнической группы большого противолодочного корабля «Сторожевой».Фирсов сразу же сообщил командиру подводной лодки, капитану 2-го ранга Светловскому, что, бежал с большого противолодочного корабля «Сторожевой», чтобы сообщить о бунте который поднял замполит корабля, капитан 3-го ранга Саблин, арестовавший командира и

собирающийся угнать военный корабль. Капитану 2-го ранга Светловскому даже поверить в такое было трудно. Пока вызывали начальство, пока оно добиралось, а затем разбиралось, поступил доклад вахтенного офицера: «Сторожевой» снимается с якоря. Становилось понятно, что рассказанное В.В.Фирсовым, скорее всего может оказаться правдой.

Действительно, замполит большого противолодочного корабля, капитан III ранга В.М. Саблин в 18.30 изолировал своего командира А.В.Потульного. Далее, вооружившись пистолетом, В.М. Саблин собрал в кают-компании всех офицеров и мичманов корабля, чтобы изложить им свои радикальные политические взгляды и посвятить их в планы своих дальнейших действий. По указанию В.М. Саблина по внутренней радиосети корабля транслировалось его выступление, записанное на магнитофонную ленту: «Всем! Всем! Всем! Граждане! Говорит свободный корабль “Сторожевой”. Отечество в опасности! Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь. Необходимо срочно вернуться к ленинским принципам демократии и социальной справедливости...». Именно так, начинали разворачиваться события, которые для высшего политического руководства СССР, безусловно, омрачили последний квартал достаточно благополучного 1975 года.

В массовом сознании постсоветской общественности 1975 год до сих пор не относится к числу лет особенно значимых. Лишь историки, да специалисты в области политических наук по-прежнему не забывают о том, что четыре десятилетия тому назад Советский Союз достиг максимальных внешнеполитических успехов как на Азиатском, так и на Европейском континентах. В 1975 году во Вьетнамской войне была одержана победа над Соединенными Штатами Америки, а затем в Хельсинки на совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе были подписаны соглашения, зафиксировавшие нерушимость послевоенных границ. И в то же самое время наша страна оказалась в положении витязя на распутье, то есть, выражаясь наукообразно, в точке бифуркации. Дело в том, что по меткому выражению генерал-лейтенанта Н.С.Леонова «Заключительный акт Хельсинского совещания» лишь «на первый взгляд оставлял впечатление большой победы Советского Союза» . «…Уступки по вопросам гуманитарного сотрудничества, свободы передвижения людей, обмена идеями и информацией (“третья корзина”) оказались разрушительными для советской системы. Международное сообщество навязало, таким образом, Советскому Союзу свои понятия о демократии, вынуждало его принять игру, к которой он не был готов» .

Западное радиовещания на страны Варшавского договора, включая Советский Союз, как до, так и после Хельсинских соглашений методично вело работу по дискредитации «Доктрины Брежнева». Именно так именовались основные положения программной статьи «Защита социализма — высший интернациональный долг» , опубликованной в 1968 году в «Правде» в связи с вводом войск в Чехословакию. Разумеется, в этой внешнеполитической «доктрине» как и в народной мудрости: «Коготку увязнуть – всей птичке пропасть» была своя безупречная логика. К сожалению, в 70-е годы помимо внешнеполитической «Доктрины Брежнева» сложилась еще и внутриполитическая «Доктрина». И оказалась она связана с расхожей формулой: «Есть у нас еще отдельные недостатки …» .На этой формуле, конечно же, тоже лежала печать специфической гениальности. Ведь она позволяла каждому отдельному руководителю, каждому отдельному трудовому коллективу рапортовать наверх, что в целом дела обстоят благополучно, а, следовательно, жизнь до поры до времени становилась спокойней. Так формировалась безмятежная уверенность в завтрашнем дне. Однако, в отличие от прежних сталинских утверждений об обострении классовой борьбы по мере построения социализма, когда любые недостатки общественной жизни легко объяснялись происками внутреннего врага, внутриполитическая «Доктрины Брежнева», неуклонно увеличивала в сознании граждан явления когнитивного диссонанса, когда возникает отношение несоответствия между элементами знания об окружающей реальности.

«Я долго был либералом, – написал жене в прощальном письме капитан III ранга В.М. Саблин, – уверенным, что что-то надо чуть-чуть подправить в нашем обществе, что надо написать одну-две обличительные статьи, что-то надо сменить…Это было примерно до 1971 года. Учеба в академии окончательно убедила меня в том, что существующая государственно-партийная машина настолько тверда, что любые удары в лоб будут превращаться в пустые звуки…Надо сломать машину изнутри, используя ее же броню. С 1972 года я стал мечтать о свободной пропагандистской территории корабля» .

Вчитываясь в признания подобного рода, не сложно заключить, что в сугубо психологическом плане (на самом глубинном уровне) В.М.Саблин сделался жертвой того, что можно было бы назвать «межсигнальным диссонансом», который может развиться в силу сходства психофизиологических реакций на первые и вторые сигналы . Поясню. Если исходить из того, что первую сигнальную систему составляют кор-

Саблин В. М.

С П Р А В К А

13 июля 1976 года Военной коллегией Верховного Суда СССР осуждены:

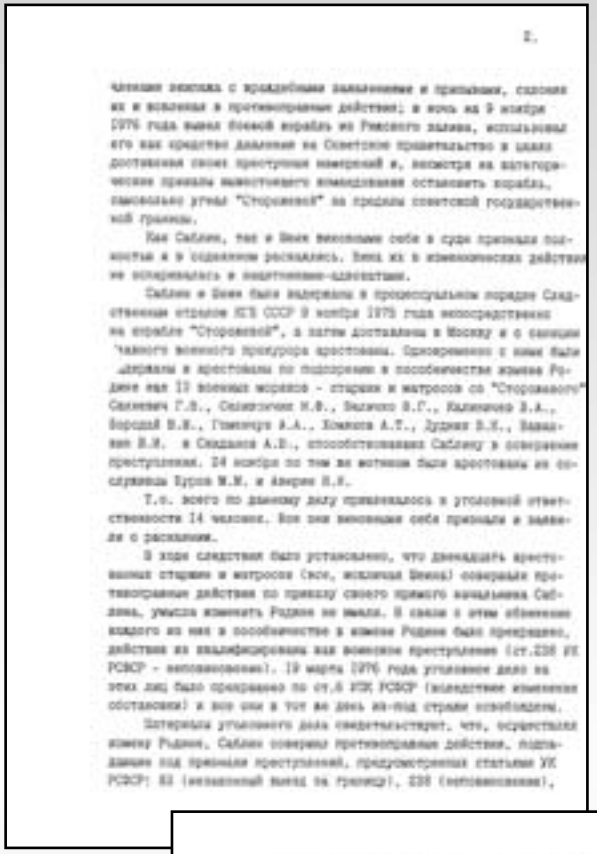
капитан 3 ранга Саблин В.М., 1939 г.рождения, уроженец гор.Ленинграда, русский, с высшим образованием, исключенный из членов КПСС, заместитель командира большого противолодочного корабля "Сторожевой" по политической части

за измену Родине в форме заговора с целью захвата власти по пункту "а" статьи 64 УК РСФСР к исключительной мере наказания - расстрелу (приговор исполнен 3 августа 1976 года) и

матрос того же корабля Шеин А.Н., 1955 г. рождения, уроженец гор.Рубцовска Алтайского края, русский, со средним образованием, исключенный из членов КПСС

за пособничество в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти по статье 17 пункту "а" ст.64 УК РСФСР к лишению свободы сроком на 8 лет с отбыванием первых двух лет в тюрьме.

Как отмечено в приговоре, Саблин, проходя службу в военно-морском флоте, длительное время вынашивал изменнические замыслы о захвате власти на надводном боевом корабле, обладающем обособленной территорией, автономностью существования, достаточной маневренностью, мощными радиостанциями и вооружением, чтобы использовать такой корабль для враждебных выступлений, направленных на изменение государственного и общественного строя в СССР, и, в частности, как средство давления на Советское правительство при предъявлении ультимативных требований. 8 ноября 1975 года, реализуя эти преступные замыслы и умышленно действуя в ущерб военной мощи, территориальной неприкосновенности и государственным интересам Советского Союза, арестовал командира корабля; путем злоупотребления своим служебным положением и доверием экипажа, а также применения демагогических и обманных приемов захватил власть на боевом корабле, выведя его из-под власти Министерства обороны СССР; привлек Шеина в качестве соучастника (пособника) преступления и неоднократно выступил перед



2.

членами экипажа с враждебными заявлениями и призывами, склоняя их и вовлекая в противоправные действия; в ночь на 9 ноября 1976 года вывел боевой корабль из Рижского залива, использовал его как средство давления на Советское правительство в целях достижения своих преступных намерений и, несмотря на категорические приказы вышестоящего командования остановить корабль, самовольно угнал "Сторожевой" за пределы советской государственной границы.

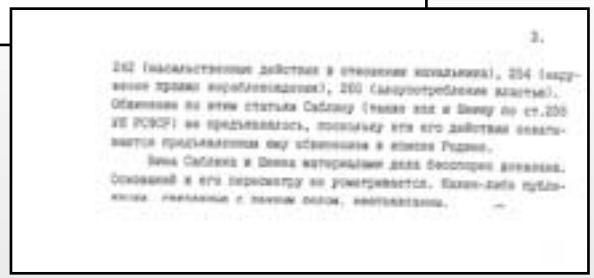
Как Саблин, так и Шеин виновными себя в суде признали полностью и в содеянном раскаялись. Вина их в изменнических действиях не оспаривалась и защитниками-адвокатами.

Саблин и Шеин были задержаны в процессуальном порядке Следственным отделом КГБ СССР 9 ноября 1975 года непосредственно на корабле "Сторожевой", а затем доставлены в Москву и с санкции главного военного прокурора арестованы. Одновременно с ними были задержаны и арестованы по подозрению в пособничестве измене Родине еще 13 военных моряков - старшин и матросов со "Сторожевого" Селиевич Г.В., Селивончик Н.Ф., Беличко В.Г., Калиничев В.А., Бородай В.В., Гоменчук А.А., Хомяков А.Т., Дудник В.Н., Завадзин В.И. и Скадаков А.В., способствовавших Саблину в совершении преступления. 24 ноября по тем же мотивам были арестованы их сослуживцы Буров М.М. и Аверин Н.Н.

Т.о. всего по данному делу привлекалось к уголовной ответственности 14 человек. Все они виновными себя признали и заявили о раскаянии.

В ходе следствия было установлено, что двенадцать арестованных старшин и матросов (все, исключая Шеина) совершали противоправные действия по приказу своего прямого начальника Саблина, умысла изменить Родине не имели. В связи с этим обвинение каждого из них в пособничестве в измене Родине было прекращено, действия их квалифицированы как военное преступление (ст.238 УК РСФСР - неповиновение). 19 марта 1976 года уголовное дело на этих лиц было прекращено по ст.6 УПК РСФСР (вследствие изменения обстановки) и все они в тот же день из-под стражи освобождены.

Материалы уголовного дела свидетельствуют, что, осуществляя измену Родине, Саблин совершил противоправные действия, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных статьями УК РСФСР: 83 (незаконный выезд за границу), 238 (неповиновение),



3.

242 (насильственные действия в отношении начальника), 254 (нарушение правил кораблевождения), 260 (злоупотребление властью). Обвинение по этим статьям Саблину (также как и Шеину по ст.238 УК РСФСР) не предъявлялось, поскольку эти его действия охватываются предъявленным ему обвинением в измене Родине.

Вина Саблина и Шеина материалами дела бесспорно доказана. Оснований к его пересмотру не усматривается. Какие-либо публикации, связанные с данным делом, неоправданны.

ковые связи, лежащие в основе чувственного познания, а вторую сигнальную систему представляют связи, лежащие в основе отвлечённого мышления, то даже конформист-умник, усвоивший для карьерной пользы отвлечённую от реальной жизни теорию «отдельных недостатков» неизбежно ощущал диссонанс со своим чувственным познанием действительности. Что уж говорить о человеке, который, будучи еще лейтенантом, не остерегся направить письмо Первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву, с изложением своих соображений по поводу чистоты партийных рядов. Далеко не случайно и типологическое сходство поступков: В.М.Саблин писал руководителю страны, а матрос А.Н.Шеин в «Правду» - главный печатный орган ЦК КПСС.«У меня были негативные суждения о существующих порядках в нашей стране, – читаем мы в “Показаниях подсудимого Шеина”, – и я даже написал письмо в “Правду” о том, что ряд должностных лиц скрывают действительное положение дел в нашей стране, обманывают руководство партии».

Несомненно, что к середине 70-х годов социально активные граждане СССР (а их, разумеется, всегда меньшинство) уже четко разделялись на тех, кто видел выход в совершенствовании советской системы и тех, кто уверовал в необходимость ее окончательного слома. «Я предвижу это счастливое (и раздольное) время (о, если бы до него дожить!), когда мы будем из клеток выпускать на волю своих окраинных пленников, – мечтал еще с середины 60-х годов А.И.Солженицын. – Будет непонимание, будут обиды великодержавные и малодержавные, но все это осветится слезами радости, самыми высокими слезами человечества» . Однако крайне неверно, следуя установившейся сегодня моде, представлять дело так, будто бы «политическая крамола» в СССР 70-х годов XX века носила исключительно «антиимперский», прозападный, либеральный и, конечно же, антикоммунистический характер. В действительности «крамола» была куда многообразней. Так 7 декабря 1971 года по 70 статье УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда» был арестован кандидат филологических наук Ким Сайфулович Давлетов, о котором “Biographical Dictionari of Dissidents in the Soviet Union, 1956 – 1975” сообщает нам следующее: «Давлетов Ким Сайфулович, муж.,1932 года рождения, филолог, член КПСС с 1971 г. работал в Институте мировой литературы им. А.М.Горького, позднее старший научный сотрудник сектора диалектического материализма Института философии АН СССР, член парткома ИФ АН, с 1959 г. публикации по фольклору. Диссидентская активность: арестован 7 декабря1971 г. по 70

статье УК РСФСР в связи с анонимной публикацией в Албании брошюры сталинистской направленности, 30 декабря исключен из партии; 31 декабря 1974 года помещен в Казанскую специализированную психиатрическую больницу» .

Эта, составленная западными советологами краткая биографическая справка, уместна здесь только потому, что существуют признаки некоторой идейной близости во взглядах кандидата филологических наук К.С.Давлетова и заместителя командира большого противолодочного корабля «Сторожевой» по политической части, капитана III ранга В.М.Саблина. Во всяком случае, и гражданский и военно-морской «крамольник», безусловно, принадлежали к лицам, не мыслившим будущего своей страны вне советского общественного и государственного строя, основывающегося на коммунистической идеологии. По свидетельству О.Н.Москвина, регулярно общавшегося с К.С.Давлетовым в «Казанском спеце» с 1978 по 1982 год, Ким Сайфулович «занимался написанием теоретических работ, которые передавал с оказией в Албанию и Китай. Первые две работы были переданы им и туда и туда. Первая работа называлась “Ответ старого большевика”. Это ответ на критику китайцев со стороны Суслова – в свое время кремлевского идеолога. Вторая книга называлась:“Вопросник революции”, где он излагал сталинистский взгляд на развитие СССР, где основная идея заключалась в том, что Советскому Союзу нужна своя культурная революция, как единый момент, не постоянно как у Мао Дзыдуна – “каждому поколению своя культурная революция”, а единый момент, который очистит, наконец, это брежневское болото» .Эти «казанские воспоминания» о взглядах К.С. Давлетова легко сопоставляются со следующим отрывком из речи заместителя командира большого противолодочного корабля «Сторожевой» по политической части, капитана III ранга В.М. Саблина, записанной им на магнитофон: «Главная задача сейчас вселить в людей непоколебимую веру в жизненную необходимость коммунистической революции, что иного пути нет, все иное приводит к внутренним, еще большим осложнениям и мучениям… итак, если составить краткую последовательность развития революции, то вырисовывается следующая картина. Используя все формы информации, развертывается агитация и пропаганда необходимости революционных действий среди широких народных масс до создания революционных кружков и различных общественных организаций, т.е. создания широкого всенародного фронта борьбы за изменение социальной структуры общества, за свободу сло-

ва, печати, собрания, радио и телевизионных передач, создание партии нового типа, способной и готовой вести массы к коммунизму на штурм государственных укреплений старого общества…» . В этой связи небезынтересно затронуть вопрос, каким представлялось «старое общество», то есть общество «развитого социализма» политическим крамольникам «левого» толка.

По свидетельству О.Н. Москвина «Ким Сайфулович Давлетов рассматривал социализм ни как первую фазу коммунизма, а как последнюю стадию эксплуататорских обществ, который в себя вбирал наиболее высшие пики предшествующих общественных состояний: рабство, феодализм и наемный труд, то есть рабство в лагерях, феодализм в колхозах и наемный труд в тех социалистических предприятиях, которые существовали реально, где рабочий жил в строго ограниченных условиях» .

Первичное приближение к подобного рода взглядам можно усмотреть и в следующем фрагменте речи В.М.Саблина, записанной на магнитофонную ленту: «…Сразу же возникает вопрос – кто, какой класс будет гегемоном революции? Это будет класс трудовой, рабоче-крестьянской интеллигенции, к которому мы относим, с одной стороны, высококвалифицированных рабочих и крестьян, а с другой стороны – инженерно-технический персонал в промышленности и сельском хозяйстве. За этим классом – будущее. Этот класс, который постепенно превратиться в общество без классов после коммунистической революции. А кто будет противостоять этому классу? Каково социальное лицо противника? Класс управляющих. Он не является многочисленным, но у него сконцентрировано руководство экономикой, средствами информации, финансы. На базе него построена вся государственная надстройка и за счет него она держится….» .

Не подлежит сомнению, что замполит большого противолодочного корабля «Сторожевой» в этих своих размышлениях всецело основывался как на марксистском учении «о базисе и надстройке», так и на ленинском определении классов: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в

определенном укладе общественного хозяйства» .

В «Протоколе закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР» приведены любопытные показания подсудимого Шеина, проливающие свет на особенности мировоззрения Валерия Михайловича Саблина: «Примерно в апреле месяце 1974 года, узнав о том, что я неплохо рисую и пишу, Саблин поручил мне оформлять наглядную агитацию, различные стенды и стенную газету, в связи с чем я стал находиться почти постоянно в Ленкаюте и выполнял распоряжения Саблина. В этот период времени я от Саблина не слышал каких-либо антисоветских высказываний и суждений. Саблин советовал изучать мне труды В.И.Ленина, я конспектировал работы В.И.Ленина, и Саблин помогал мне в этом» .

При этом В.М.Саблину, похоже, удалось даже приблизиться к постижению «главной тайны» советского общества – наличию «класса управляющих».На большом противолодочном корабле «Сторожевой» в ноябре 1975 года к «управляющим», безусловно, относился командир корабля А.В. Потульный, которого В.М.Саблин первым делом изолировал от команды. Согласно «Показаниям свидетеля Потульного» все произошло так: «Утром 8 ноября Саблин мне предложил погулять по городу, но я отказался. В 19 часов я находился в своей каюте, зашел Саблин и предложил мне пройти во 2 пост РТС. Это на 2 платформе, в носу корабля. Я подумал, что возможно там пьянствуют матросы, и решил зайти. Я шел впереди, Саблин за мной. Я спустился через I люк в помещение, но там ничего не заметил, тогда Саблин сказал спуститься дальше, и я через 2 люк спустился в помещение 2-го поста, а Саблин остался наверху. Затем Саблин закрыл люк на замок и сказал: “Посиди, подумай, там есть 3 книжки”. Действительно, когда я осмотрелся, то увидел на столе 2 книжки и в одной из них находилось письмо. Были матрац, одеяло. В письме сообщалось, что Саблин и поддерживающие его лица не изменники Родины, а революционеры» .

Но вернемся к вопросу о классовой структуре советского общества, «неправильное» соотношение элементов которой подтолкнуло замполита большого противолодочного корабля «Сторожевой», капитана III ранга В.М. Саблина к «революционным действиям». К середине 70-х годов XX века в Советском Союзе реальное распоряжение государственной собственностью на средства производства, рабочими местами, землею и прочим постепенно оказалось в руках большой группы людей, называемых по-русски управленцами, а по-латыни админи-

страторами. В СССР по мере развития государственного администрата (при отсутствии должных научно- технических средств) концентрация всей власти в руках главного административного лица становилась уже физически не возможной, как и эффективное управление огромной системой из единого центра. Так 11 сентября 1975 года А.С.Черняев в своем дневнике записал: «Все заметнее недееспособность Брежнева. Вернулся из отпуска…29 августа, но нигде еще не появился. А поскольку все сколько-нибудь существенное замкнуто на него, дела стоят» . Такое положение дел с неизбежностью вело к делегированию определенных властных полномочий на места. Так закладывались предпосылки для будущего дробления власти, вызывавшие в последствие живые ассоциации с феодальной раздробленностью и системой вассалитета. Образцовая исполнительность периода «культа личности» со временем уступала место целому комплексу согласований, соглашений и сделок между структурными единицами административной системы. Наиболее сильные лидеры, осознав себя реальными властителями в рамках своих подсистем, со временем обозначили, не только свое стремление к максимальной автономии, но и к решению судеб главного административного лица страны. В этой связи хотелось бы сослаться на воспоминания последнего председателя КГБ СССР В.А.Крючкова о событиях отстоящих не многим более чем на 10 месяцев от воинского преступления капитана III ранга В.М. Саблина. Речь пойдет о многозначительном телефонном разговоре Юрия Владимировича Андропова с Дмитрием Федоровичем Устиновым – членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС от 30 декабря 1974 года, свидетелем которого стал В.А.Крючков:«Тут раздался звонок по спецсвязи – это был Устинов. Я поднялся, чтобы уйти, но Андропов жестом остановил меня, предложив присутствовать при разговоре. Устинов поинтересовался, как выглядит Брежнев, – видно, хотел проверить собственные впечатления.

– Совсем плохо, вот и на Крючкова его вид произвел удручающее впечатление. Пора, наверное, найти какой-то мягкий и безболезненный вариант постепенного отхода Брежнева от дел. Продолжать и дальше управлять страной в таком состоянии он уже не может физически.
Устинов ответил, что придерживается такого же мнения. Я часто потом вспоминал этот разговор, думая о том, что «постепенный отход» затянулся на целых восемь лет!».

Деградация системы государственного управления во внутренней жизни страны естественным образом вела к ослаблению извечного

противостояния государственности и криминалитета. Не мудрено, что всевозможные идеалисты, преисполненные веры в коммунистические идеалы, переживали это особенно болезненно. К их числу, безусловно, принадлежал и капитан III ранга В.М. Саблин. Свидетельство тому «Показания подсудимого Саблина», в которых мы читаем: «…Когда я учился в Военно-политической академии, мне пришлось там встретиться с нехорошей обстановкой. Так, весной 1973 года в академии было исключено из партии несколько человек, а одного коммуниста, который более всех был виновен в спекуляции, не исключили из партии, а направили на партийную работу в ВМФ на Дальний Восток. Это здорово меня взорвало и тогда у меня появилась мысль захватить власть на боевом корабле Военно-Морского Флота СССР, который бы обладал обособленной территорией, автономностью существования, достаточной маневренностью, мощными радиостанциями и вооружением, чтобы использовать его для выступлений по радио с разоблачением существующих недостатков в нашей стране» .

Подобного рода признания являются еще одним доказательством того, что В.М. Саблин был и оставался приверженцем коммунистических идеалов. Другое дело, что жизнь в условиях реального социализма далеко не всегда этим идеалам соответствовала. И воинское преступление, совершенное на БПК «Сторожевой», было порождением столь же страстного, сколь и нереального желания замполита В.М.Саблина привести жизнь в соответствие с официальными партийными (марксистско-ленинскими) идеалами.

Драматизм положения усугублялся еще и тем, что к середине 70-х годов уже многие высшие партийные руководители (речь не только о М.С.Горбачеве – члене ЦК КПСС с 1970 года) были абсолютно чужды тем марксистско-ленинским идеологемам, которые они по-прежнему воспроизводили с высоких партийных трибун. Новейшие обстоятельные исследования доктора исторических наук А.В.Островского показывают, что и Ю.В. Андропов (в 1975 году – председатель КГБ при СМ СССР) был сторонником либерализации , то есть рассматривал возможность реформирования Советского Союза на совершенно иных основаниях, нежели заместитель командира большого противолодочного корабля «Сторожевой» по политической части, капитан III ранга В.М. Саблин или же (к тому времени уже пребывавший на принудительном лечении в Казанской специализированной психиатрической больнице) кандидат филологических наук К.С.Давлетов .

Разумеется, это обстоятельство также самым негативным образом скажется на судьбе В.М.Саблина, после того как мятежный замполит будет обезврежен своими же подчиненными. Но смирить мятежника удалось не с первой попытки.

«Около I часа ночи 9 ноября 1975 года, - говорится в тексте приговора, - группа офицеров и мичманов, в том числе и офицер Степанов, предприняла попытку затащить Саблина в одну из кают, обезоружить и арестовать. Однако Саблин, угрожая применением оружия, с помощью нескольких членов экипажа пресек эти действия и приказал изолировать выступивших против него. Шеин принимал участие в изоляции этих офицеров и мичманов во вторую агрегатную».

Получается, что в точке бифуркации в какой-то момент оказалась и команда большого противолодочного корабля «Сторожевой». По крайней мере, 9 ноября 1975 года в час ночи попытка ареста мятежного замполита провалилось. Арест В.М.Саблина удалось осуществить лишь после того, «когда матросы заметили сопровождение БПК военными судами и самолетами, и когда началась предупредительная бомбардировка авиацией» . Лишь тогда, по меткому выражению В.Н.Жерлицына наступило «отрезвление».

Полковник ФСБ В.Н.Жерлицын оставил воспоминания о том, как по указанию Следственного отдела КГБ при СМ СССР он вместе с двумя другими следователями Следственного отдела УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области М.С.Тотоевым и А.П.Цыганковым были направлены в город Ригу в связи с расследованием уголовного дела, возбужденного по факту попытки угона большого противолодочного корабля «Сторожевой».

В Ригу, как вспоминает В.Н.Жерлицын, «срочно была направлена большая группа следователей из других следственных подразделений КГБ Северо-Западного региона нашей страны. Уголовное дело изначально было принято к производству Следственным отделом КГБ при СМ СССР, возглавлял бригаду следователей Н.М.Коньков. Весь экипаж БПК «Сторожевой» был снят с корабля и помещен на гарнизонную гауптвахту, охранялся в это время специальным подразделением морской пехоты. Первостепенной задачей следователям ставилось, как можно скорее допросить всех членов экипажа, произвести следственный осмотр корабля, определить роль в произошедших событиях каждого члена экипажа, выявить наиболее активных участников бунта,

подробно задокументировать все события». С этими задачами бригада следователей, безусловно, справилась. «Мне в Риге, – свидетельствует В.Н.Жерлицын, – пришлось допрашивать матроса Аверина, принявшего активное участие вместе с другими матросами и старшим матросом Шеиным, угрожавшим имевшимся у него пистолетом офицерам в их насильственной изоляции. Из показаний Аверина было видно, что он и некоторые другие матросы находились под обаянием замполита Саблина, который, надо отдать ему должное, длительное время настойчиво внушал матросам свои представления о необходимости коренных перемен в государственном устройстве СССР и пр. Однако, когда матросы заметили сопровождение БПК военными судами и самолетами, и когда началась предупредительная бомбардировка авиацией, наступило отрезвление. Матросы освободили офицеров, командира корабля, корабль был остановлен экипажем. Ракетами или бомбами были пробиты надстройки корабля, но больших повреждений и, к счастью, жертв среди личного состава не было. Следует также отметить, что находившиеся запертыми в одном из отсеков корабля офицеры, отключили силовой кабель, который питал основные системы вооружения, и БПК уже не мог противостоять преследовавшим его кораблям и самолетам».

Здесь, вероятно, целесообразно прервать текст воспоминаний В.Н.Жерлицына, чтобы дополнить их фрагментом «Показаний свидетеля Потульного» – командира большого противолодочного корабля «Сторожевой».

«…Около 3-х часов я услышал шум, Копылов пытался освободить меня, но Шеин, видимо, ему помешал. Около 10 часов утра 9 ноября 1975 года я услышал шум самолетов и пулеметную очередь. Затем был взломан люк, я вылез и бросился к арсеналу. Лейтенант Овчаров дал мне пистолет. Сметанин принес патроны. Я дал соответствующие распоряжения, в частности, захватить ходовой мост. Когда я туда поднялся, то увидел Саблина. Я выстрелил в ноги Саблина, он упал…».

А далее по просьбе председательствующего свидетель Потульный уточнил: «Я выстрелил. Саблин упал. Его обыскали. Пистолета не нашли, он находился в каюте». И еще: «На ходовом мосту я не разговаривал с Саблиным. Он только сказал, зачем я стрелял в него».

В.М.Саблин и А.Н.Шеин были задержаны в процессуальном порядке Следственным отделом Комитета государственной безопасности при СМ СССР 9 ноября 1975 года непосредственно на большом противолодочном корабле «Сторожевой». Одновременно с ними были

задержаны и арестованы по подозрению в пособничестве измене Родины еще 10 военных моряков – старшин и матросов с БПК «Сторожевой»: Г.В.Сахневич, Н.Ф.Селивончик, В.Г.Величко, В.А.Калиничев, В.М.Бородай, А.А.Гоменчук, А.Т.Хомяков, В.К.Дудник, В.И.Вавилкин и А.В.Скиданов, способствовавших Саблину в совершении преступления. 24 ноября по тем же мотивам были арестованы их сослуживцы М.М.Буров и В.Н.Аверин. Таким образом, первоначально по данному делу к уголовной ответственности было привлечено 14 человек. Все они виновными себя признали и заявили о раскаянии.

Но вернемся к тексту воспоминаний В.Н.Жерлицына, принимавшего участие в расследовании того, что произошло на БПК «Сторожевой»: «В командировке мы находились с 11 по 25 ноября 1975 года и после этого, выполнив поставленную перед нами задачу, вернулись в свои подразделения. Наиболее активные участники, так называемого бунта, были арестованы и этапированы в Москву в Следственный изолятор Лефортово, где с ними продолжали работать сотрудники Центрального аппарата.

В последствие уголовные дела в отношении Аверина и других матросов были прекращены, а под суд пошли только замполит капитан III ранга В.М. Саблин и старший матрос Шеин».

Действительно, в ходе следствия было установлено, что 12 арестованных старшин и матросов (исключение составлял А.Н.Шеин) совершали противоправные действия по приказу своего прямого начальника замполита большого противолодочного корабля «Сторожевой», капитана III ранга В.М. Саблина, «умысла изменить Родине не имели. В связи с этим обвинение каждого из них в пособничестве в измене Родины было прекращено, действия их квалифицированы как воинское преступление (ст. 238 УК РСФСР – неповиновение)». Такая переквалификация, тем не менее, также таила в себе внутреннее противоречие: ведь 12 арестованных старшин и матросов повиновались приказам своего прямого начальника, а, к примеру, содержание шифрограммы № 175 от Главкома МФВ с приказом возвратиться в г. Ригу и встать на якорь было скрыто от них капитаном III ранга В.М. Саблиным. В итоге 19 марта 1976 года уголовное дело на упомянутых лиц было прекращено по ст. 6 УПК РСФСР (вследствие изменения обстановки) и все они в тот же день были освобождены из-под стражи.

Здесь нет необходимости подробно описывать ход закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР, Следует

лишь подчеркнуть, что капитан III ранга Саблин Валерий Михайлович был обвинен в преступлении, «предусмотренном пунктом “а” ст. 64 УК РСФСР (измена Родине). Такой квалификации конечно же противоречило то, что В.М.Саблин захватывал корабль не для угона в Швецию, а для перебазирования в Кронштадт с иллюзорной целью обрести право выступить по телевидению с политической оценкой положения в СССР. Более того, В.М.Саблин ни сколько не привлекал западный вариант развития страны. «…Он, - как сказано в “Показаниях подсудимого Шеина”, - изучал труды В.И.Ленина и пришел к выводу, что не везде следуют указаниям В.И.Ленина, что ряд государственных вопросов решается не так, как этого хотел В.И.Ленин, и он пришел к выводу, что нужно бороться с этим, что нужны преобразования в стране. Саблин процитировал высказывание В.И.Ленина о том, что в Центральный комитет КПСС должны входить люди пролетарского происхождения, и сказал, что этого у нас нет, поэтому у нас в стране много недостатков». Какая уж тут измена социалистической Родине?! Тут «крамола» совершенно иного рода.

Что же касается старшего матроса Шеина Александра Николаевича, то он, по мнению Верховного Суда,«совершил преступление, предусмотренное ст. 17 и пунктом “а” ст. 64 УК РСФСР (соучастие в измене Родине в качестве пособника)». Соответственно Саблин Валерий Михайлович был приговорен к расстрелу «без конфискации имущества за отсутствием такового» , а Шеин Александр Николаевич к лишению свободы на 8 лет, «из которых первые два года содержать в тюрьме, а остальной срок – в исправительно-трудовой колонии строгого режима, без ссылки и без конфискации имущества за отсутствием такового».

После осуждения к смертной казни В.А.Саблин обращался в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о помиловании, но 2 августа 1976 года его ходатайство было отклонено. Приговор (вопреки существовавшей в СССР традиции откладывать исполнение смертной казни на 15 дней, на случай, если вдруг вскроются какие-либо новые обстоятельства дела) был приведен в исполнение на следующий же день после отклонения Президиумом Верховного Совета СССР ходатайства о помиловании. Свидетельство тому – письмо председателя КГБ при СМ СССР Ю.В.Андропова председателю Верховного Суда СССР товарищу Смирнову Л.Н., где сказано:

«Сообщаем Вам, что приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 июля 1976 года в отношении САБЛИНА Валерия Ми-

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

4 августа 1976 г.
№ 1742-А
гор. Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

товарищу СМИРНОВУ Л.Н.

На № СП-001/76/00932 от 2 августа 1976 года

Тов. Бушуеву Г.И.
Л. Смирнов
5.VIII.76.

Сообщаем Вам, что приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 июля 1976 года в отношении САБЛИНА Валерия Михайловича, 1939 года рождения, уроженца гор.Ленинграда, приведен в исполнение 3 августа 1976 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

АНДРОПОВ

В дело
5.VIII.76.

Верховный Суд СССР

191

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

экз.№ 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отклонении ходатайства о помиловании Саблина В.М., осужденного к смертной казни

Рассмотрев ходатайство о помиловании Саблина В.М., осужденного к смертной казни, предложения в связи с этим Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР, ввиду исключительной тяжести совершенного им преступления, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Отклонить ходатайство о помиловании САБЛИНА Валерия Михайловича, рожд.1939 года, уроженца гор.Ленинграда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (В.Сергадзе)

Москва, Кремль.
2 августа 1976 г.
№ 4305-IX.
№979сс

хайловича, 1939 года рождения, уроженца гор. Ленинграда, приведен в исполнение 3 августа 1976 года».

Пройдет 12 лет. И уже на исходе существования советского общественного и государственного строя три доктора юридических наук С.В.Дьяков, А.А.Игнатьев и М.П.Карпушин дадут научное обоснование тому, «что было бы целесообразно заговор с целью захвата власти выделить в законе в качестве самостоятельного состава преступления, не связывая его только с изменой Родине. Когда заговорщики действуют совместно с иностранным государством, по его заданию, то их действия как форма измены Родине не вызывает сомнений. Но ведь заговорщики могут действовать и без контактов с иностранным государством, по своей инициативе, на свой страх и риск. В этом случае их действия также представляют большую общественную опасность, но, очевидно, не для внешней безопасности СССР, а для его внутренней стабильности. Меняется объект, меняется существо действий заговорщиков. Это по сути самостоятельное преступление, а не форма измены Родине» .

Это теоретическое обобщение, сделанное через 12 лет после расстрела Валерия Михайловича Саблина, в полной мере подходит для характеристики преступления, совершенного 8 – 9 ноября 1975 года на большом противолодочном корабле «Сторожевой».

В 1994 году Военная коллегия Верховного суда РФ пересмотрела дело Саблина «с учётом новых обстоятельств» и переквалифицировала его с «измены Родине» на статьи о воинских преступлениях (превышение власти, неповиновение и сопротивление начальству), по совокупности которых изменила приговор на 10 лет лишения свободы. При этом в определении от 12 апреля 1994 года было указано, что полной реабилитации Саблин и его соратник матрос Александр Шеин (приговорённый в 1976 г. к 8 годам лишения свободы) не подлежат

Часть III

Следствие продолжается!

М.Ю. Милушкин
ЕЩЕ РАЗ О СЛЕДСТВИИ

Предложение руководителя ветеранской организации Следственной службы Управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области В.В. Егерева подготовить статью в юбилейный десятый сборник под общим названием «Следствие продолжается…», признаться, поставило в тупик. В очередной раз предаваться воспоминаниям о расследовании конкретного уголовного дела, которое проводилось десять или более лет тому назад, безусловно, можно. Но вряд ли такой рассказ заинтересует требовательного читателя. Сейчас новые дела, другие реалии. В связи с этим возник соблазн прикрыться известным постулатом: «Если можешь не писать – не пиши». Но с другой стороны, подводить уважаемого руководителя, который вкладывает в подготовку каждого сборника и силы, и время, переживает, доказывает необходимость подобной работы сомневающимся, короче говоря, по сути, сделал работу над этой серией публикаций делом своей жизни – представлялось абсолютно невозможным.

А если не зацикливаться на истории расследования какого-то конкретного уголовного дела, а попытаться поразмышлять над следствием как таковым, благо определенный опыт работы в течение тридцати лет (с 1978 года по 2008 год) имеется? Правда, следует оговориться, что первые пять лет следственной работы протекали в прокуратуре. Естественно, не претендуя на глубокий анализ (для этого потребовался бы другой формат, а не статья в сборник), решился на выполнение практически невыполнимой миссии. Что из этого получилось – судить не мне, а тому, кто попытается дочитать «непричесанный мысли» до конца – терпения и выдержки.

После известных событий 1991 года, «смены вех», если правомерно будет так выразиться, стало очень модным критиковать, а по сути –шельмовать следствие советского периода. У человека, который далек от уголовного процесса, могло сложиться мнение, что следователи (в особенности следователи КГБ) с упорством, достойным лучшего применения, нарушали законность и права подозреваемых и обвиняемых, выступали в роли неких «держиморд». Моя деятельность на следствии

началась 1 августа 1978 года в прокуратуре Выборгского района города Ленинграда. Прокурором района в то время был Дмитрий Михайлович Веревкин (в будущем – прокурор Ленинграда), великолепный процессуалист, который требовал неукоснительного соблюдения закона. Важным было также то обстоятельство, что зональным прокурором от прокуратуры города за нашей районной прокуратурой был Артемий Яковлевич Тарасов, до этого служивший в военной прокуратуре. По мнению абсолютного большинства работников прокуратуры, он лучше всех, практически наизусть знал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (кто забыл – была такая республика в составе СССР). Таким образом, за законностью расследования уголовного дела осуществлялся двойной надзор: и со стороны руководства районной прокуратуры, и со стороны прокуратуры города. Поэтому следователь не только не мог, но даже не допускал самой возможности нарушить действующее законодательство. Через пять лет я был принят на службу в КГБ СССР и зачислен следователем Следственного отдела Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Без какого-либо преувеличения могу утверждать, что был удивлен, если не поражен тем, какие требования предъявлялись и к самому следователю, и к его работе по делам, и, наконец, к составлению любого процессуального документа. Отдел возглавлял заслуженный юрист республики Василий Иванович Третьяков, который требовал скрупулезного соблюдения норм уголовно-процессуального права, не говоря уже о надзирающем прокуроре Инессе Васильевне Катуковой. Даже ветераны следствия, которые бывали в разных переделках (в том числе и фронтовики, прошедшие дорогами Великой Отечественной войны), с огромным уважением и даже священным трепетом внимали ей. В конце 1983 года по сложившейся традиции проводилось годовое совещание следственного подразделения под руководством начальника Управления генерал-полковника Д.П. Носырева с приглашением руководителей оперативных служб. Совершенно неожиданно для себя перед самым совещанием получил предложение (читай – указание) начальника Службы кадров А.П. Корсакова выступить. Попытка возразить, что я в отделе всего чуть более трех месяцев, была пресечена на корню, отступать было поздно и да некуда. До сих пор помню, что в коротком выступлении говорил об отношении к соблюдению Закона (специально с заглавной буквы) в отделе даже по сравнению с требованиями в бытность следователя прокуратуры.

Чтобы не быть голословным и в ответ на возможное возражение, что «всяк кулик свое болото хвалит», маленький пример. При расследовании самого первого дела в отделе в бригаде под руководством В.А. Качкина (впоследствии был период, когда он возглавлял Управления юстиции города), он дал поручение подготовить постановление о продлении срока следствия. Об этом процессуальном действии я скажу еще чуть позже. В принципе ничего сложного в этом не видел, так как в прокуратуре неоднократно приходилось готовить такого рода документы, но на деле все оказалось не так просто и быстро. Сначала черновик документа изучил и одобрил бригадир, затем я отдал его на согласование начальнику отделения В.Н. Егорову (мой первый непосредственный начальник, профессионал с большой буквы, к великому сожалению, ушедший из жизни в 2014 году). Виктор Николаевич внес свои коррективы, после чего, по его же просьбе, машинистка подразделения перепечатала текст постановления и только после этого документ (по сути – черновой вариант) был передан начальнику отдела. Он внимательно прочитал его, внес уже свои замечания, которые я учел при окончательной редакции. А ведь это было не постановление о привлечении в качестве обвиняемого и не обвинительное заключение. Можно возразить, что требования в данном случае были избыточны, он они заставляли думать при составлении любого документа, работать над ним. Как учили старшие товарищи, любой процессуальный документ должен нравиться самому автору. Написал – отложи его, через некоторое время прочитай его снова, наверняка, возникнет потребность что-то изменить и исправить.

Еще один штрих. Отношение с подследственными. В мою бытность к свидетелям, подозреваемым и обвиняемым обращались по имени и отчеству (независимо от того, насколько тяжкое преступление явилось предметом следствия и какие бы отношения в процессе не сложились с ними). В декабре 1993 года было ликвидировано Министерство безопасности России, а предварительное следствие признано не свойственной функцией этого ведомства (уже в апреле 1994 года тогдашний Директор Федеральной службы контрразведки С.Д. Степашин на совещании в Большом доме отметил, что со следствием «несколько погорячились» и его следует восстановить). Естественно, что все уголовные дела мы передали в прокуратуру для направления по подследственности. По одному из таких дел старший следователь Ю.В. Базаров поделился своими наблюдением за работой следователя прокуратуры, которому передавал

уголовное дело по обвинению жителя Санкт-Петербурга в контрабанде. Наш коллега вызвал подследственного, чтобы объявить о передаче дела. На допросе присутствовал следователь прокуратуры, который сразу стал обращаться к обвиняемому по фамилии в довольно резкой форме. На первый взгляд, разговор ни о чем. Как вопрошал один из героев сериала «Рожденная революцией»: «Что же, целоваться с ними, что ли?». Конечно, нет, но корректное обращение – отличительная черта следователей КГБ-ФСБ.

Теперь о сроках следствия. Срок предварительного следствия составляет два месяца, о чем известно любому студенту юридического факультета (по крайней мере, тому, кто хотя бы иногда посещает лекции). При определенных условиях срок может быть продлен (более подробно на этом вопросе останавливаться нет необходимости, кто заинтересуется, может изучить статью 162 УПК РФ). В начале девяностых годов прошлого столетия один из депутатов сделал «архиреволюционное» предложение: надо работать быстрее, меньше формализма, а если следователь не может расследовать уголовное дело за два месяца, его надо увольнять, таким, мол, не место в следственном цехе. Не исключаю, что этот депутат когда-то прочитал «Учебник русского гражданского судопроизводства» (5-е издание, исправленное и дополненное. СПб., 1913), в котором на странице 368 его автор А.Х. Гольмстен размышлял: «К некоторым делам применение всех формальностей процесса либо бесполезно, благодаря их простоте, либо вредно, благодаря тому, что они требуют быстрого разрешения, либо несправедливо, благодаря тому, что тяжущиеся не желают применения всех формальностей. Вот почему во всех законодательствах допускается рядом с общим и сокращенный порядок рассмотрения гражданских дел». Но в данном случае речь шла о гражданских делах, а уголовные дела – все же иного рода и автоматический перенос неких постулатов абсолютно не верен.

Депутат просто не знал, что уголовные дела бывают разной категории сложности (от очевидного хулиганство в присутствии десятков людей – до расследования многоэпизодного дела, совершенного организованной преступной группой, которое расследовать в два месяца даже теоретически невозможно). Естественно, что такая «новация» не нашла понимания у депутатского корпуса.

Возможно, кого-то из действующих руководителей следствия обратит внимание на то, как происходило в то время становление молодого следователя в системе безопасности. С этой целью поделюсь своими наблюдениями о первом дне работы в прокуратуре и в КГБ. Итак, 1 августа 1978 года. В числе четырех выпускников юридического факультета ЛГУ имени А.А. Жданова я прибыл в отдел кадров прокуратуры города, которая находилась тогда на улице Якубовича, дом 4 (в настоящее время здесь располагается Арбитражный суд Северо-Западного округа). Начальник отдела кадров Зоя Ивановна Лаврова раздала нам направления по районным прокуратурам, пожелала удачи в работе, после чего мы разъехались по местам работы. В моем представлении первый день будет ознакомительным как с руководством, так и с собственно рабочим местом. Поскольку прокурор района находился в отпуске, секретарь прокуратуры Анна Петровна Симановская направила меня к заместителю прокурора района. Николай Евстратович Завьялов после моих слов: «Здравствуйте, я направлен к Вам по распределению», с удовлетворением потер руки и ввел в курс дела: «Сейчас я приглашу следователя, который даст дело». Через пару минут подошла Виталия Алексеевна Бутакова, мой будущий наставник, которой я и был представлен. Мы прошли к ней в кабинет, где она дала мне уголовное дело и пояснила, что «дело на сроке» (для не посвященных уточню – это означает, что приближается к концу тот самый двухмесячный срок следствия), но надо завершить расследование без «отсрочки», поэтому задача к утру подготовить план расследования, назначить судебно-техническую экспертизу (дело возбуждено по факту нарушения техники безопасности, в результате которого работник стал инвалидом) и вообще активно включиться в работу.

22 августа 1983 года, первый день в Следственном отделе Управления безопасности. Также руководитель в отпуске. Курирующий следствие от Службы кадров А.И. Галкин представил меня заместителю начальника отдела Александру Степановичу Лепетунову (будущему «афганцу», требовательному руководителю и душевному человеку, отличному спортсмену-волейболисту, печально, но его уже также нет среди нас). Он дал команду занимать кабинет № 273, вооружиться бланками и приступить к изучению приказов. Бланками меня согласился снабдить следователь Медведев Владимир Николаевич, в будущем мой добрый товарищ. Получая бланки процессуальных документов, обратил внимание на то, что отсутствует протокол задержания и поинтересовался, в чем дело. Володя посмотрел на меня с таким удивлением, как будто я спросил что-то неприличное. Немного придя в себя после подобного вопроса, он поведал, что задержанием подозреваемых занимаются

старшие следователи по особо важным делам, старшие следователи и, в крайнем случае, следователи с опытом работы, а ты - молодой еще, начать надо будет с осмотров и допросов свидетелей. Это было воспринято совершенно нормально, без каких-либо обид, как говорится « в чужой монастырь …». Но мне все-таки это было несколько удивительно, тем более, что в прокуратуре задержание являлось весьма распространенным следственным действием (еще бы, если приходилось специализироваться на преступлениях против личности). Тут же я вспомнил семинар по уголовному праву в университете по теме: «Особо опасные государственные преступления». Преподаватель заметил, что уголовные дела этой категории расследуют старшие следователи по особо важным делам КГБ, нам до этого как «до Луны», поэтому перешел к другим вопросам. Тогда я не мог и мечтать, что окажусь среди таких «важняков».

Возвращаюсь к вопросу о том, какой подход лучше в обучении молодого следователя. Как обычно, каждый имеет свои плюсы и минусы. В прокуратуре был подход по принципу «выплывешь» – значит, будешь следователем (кстати, мои однокурсники, оказавшиеся в прокуратуре, столкнулись с такой же ситуацией – с первых же дней уголовные дела и живая работа). С одной стороны, ты сразу понимаешь, почем фунт лиха, с другой – можно и не стать тем самым следователем. В спецслужбе первое время тебя только что за руку не водили, ты постепенно осваиваешь это нелегкое следственное дело, но ведь можно и остановиться в развитии, зачахнуть на осмотрах. Представляется, что нужно учитывать все нюансы (возраст, особенности психики, возможный опыт работы и т.п. характеристики), короче говоря, нужна «золотая середина». Естественно, что очень многое зависит и от самого молодого следователя, от того, каким он видит себя на следствии, чего хочет добиться и зачем вообще занялся этим делом. Тот, кто выбрал эту профессию, должен ясно представлять, что на первом месте должна быть работа и соответственно выстраивать отношения в семье, чтобы избежать не нужных конфликтов (к сожалению, в практике следственного подразделения это было нередко). Приводить конкретные примеры и бередить раны своих товарищей по службе считаю излишним.

Возможно, я так рассуждаю, вспоминая один из эпизодов работы в прокуратуре. Были реализованы материалы оперативного подразделения уголовного розыска, провели обыски, задержали ряд лиц из числа работников Южного кладбища (надо сказать, та еще публика!). В ходе допроса один из задержанных неожиданно заявил мне, что следователь (в действительности это был сотрудник УР) высказал ему претензию, что «у меня дети не кормлены, а я должен с тобой по ночам возиться». И после этого добавил, что в таком случае «нечего было в следователи идти». Сначала хотел ему возразить, но потом подумал, что как бы это не звучало парадоксально, но по существу он прав. Мы сами выбрали этот путь, поэтому жаловаться на ненормированный рабочий день, на бессонные ночи не стоит либо надо менять профессию. Скажу высоким стилем. Следствие – порой неблагодарное, но очень важное дело и учиться ему необходимо постоянно. Не важно – первый ты год на следствии или несколько десятков лет. Перефразируя классика, можно твердо сказать, что следствие неисчерпаемо, как и атом. Не уставать сомневаться, не быть равнодушным к людям, которые преступили закон, и никогда не останавливаться на достигнутом. Наконец, не бояться отстаивать свою позицию, так как никто лучше следователя не знает материалов дела (по крайней мере, так должно быть). Помнить и держать на рабочем столе Циркуляр Морского технического комитета. Ноября 29 дня 1910 года № 15: «Никакая инструкция не может перечислить всех обязанностей должностного лица, предусмотреть все отдельные случаи и дать вперед соответствующие указания. А посему господа должны проявлять инициативу и руководствоваться знаниями своей специальности и пользой дела, прилагать все усилия для оправдания своего назначения».

В заключение хотелось бы пожелать начинающим следователям удачи и успеха в «безнадежном деле».

М. В. Аршинский
ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В ходе расследования уголовного дела №617718 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, сотрудников Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Организатор перевозок» (далее ГКУ), к уголовной ответственности был привлечен директор ГКУ Михайлов В.А.

Михайлов признал свою вину, с ним было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в рамках которого он обязался сообщить об ином преступлении, совершенном с его участием. Выполняя условия досудебного соглашения, Михайлов рассказал о преступной схеме, которая была организована им в ГКУ по указанию первого заместителя председателя Комитета по транспорту правительства Санкт-Петербурга Маилова И.В.

По предварительному сговору с Маиловым, Михайлов организовал незаконное поступление денежных средств от подрядчиков по государственным контрактам, заключаемым ГКУ в 2011 году. Данные контракты касались как поставок бортового оборудования системы электронного контроля оплаты проезда, так и поставки пластиковых карт для нужд ГКУ и города. Существовала негласная договоренность, что Комитет по транспорту и ГКУ обеспечат получение контрактов только для конкретных компаний, устанавливая удобные сроки проведения конкурсных процедур, не мешаяимнормально исполнять контракты, принимая работы без придирок, проволочек исвоевременно оплачивая. Подобные злоупотребления со стороны Заказчика в принципе исключали какое-либо участие сторонних организаций, обеспечивали возможность нормально исполнить контракты только в случае выплаты вознаграждения. Таким образом, деньги выплачивались не только за то, что и без этих условий должно было выполняться исполнителями, но и за согласование сроков исполнения контрактов и поставок карт.

Действовали по следующей схеме – проводился конкурс, который признавался не состоявшимся ввиду «единственного участника», с которым и заключался государственный контракт. После его выполнения и перечисления денежных средств на счет подрядчика, около 10 процентов выплачивалось директору ГКУ. Деньги передавались в наличном виде советнику директора Михайлова – Шипунову М.М, который аккумулировал денежные средства и хранил их. Раз в месяц он приходил к Михайлову для распределения денег. Распределялись они следующим образом: 180 тысяч рублей ежемесячно – директору Михайлову, 160 тысяч рублей – советнику Михайлова и держателю кассы – Шипунову, по 100 тысяч рублей – двум заместителям директора Михайлова, задействованным в контрактных проектах, Толмачеву и Алешковскому.

Отдельный конверт готовился для Комитета по транспорту. Туда передавалось 800 тысяч рублей ежемесячно. Деньги Михайлов передавал Первому заместителю председателя Комитета Маилову. В ходе следствия Михайлов пояснил, что, скорее всего Маилов делится с председателем комитета Поповым и заместителем председателя Комитета Матвеевым, так как председателя обидеть было нельзя, а от Матвеева зависело согласование бюджетной заявки ГКУ.

Всего органом предварительного следствия было установлено 10 выплат за 2011 год.

Естественно, следствие было заинтересовано в том, чтобы привлечь к уголовной ответственности как минимум Первого заместителя председателя Комитета Маилова. Материалы дела указывали на признаки состава преступления, предусмотренного статьей 290 УК РФ (получение взятки).

В ходе совещания с участием следственного комитета его представители не двусмысленно дали понять, что без предмета взятки и ОРМ (оперативно-розыскных мероприятий), на одних показаниях Михайлова привлечь заместителя председателя комитета Маилова будет сложно.

В связи с тем, что объективная сторона данного преступления могла квалифицироваться и по статье 285 УК РФ, мы стали думать, возможно ли в принципе возбудить уголовное дело по данной статье. Возник первый серьезный вопрос, ответ на который не содержится в УПК, по крайней мере – не содержится однозначного толкования. В части 6 статьи 151 УПК РФ сказано, что предварительное следствие по ст. 285 УК РФ производится следователем того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело. В этой же части статьи 151 УПК РФ указаны такие статьи, как заведомо ложный донос, отказ свидетеля от дачи показаний и прочие. То есть прослеживалась связь между сопутствующими

статьями и основным преступлением. Наше же преступление не является сопутствующим. Оно могло быть возбуждено постольку, поскольку Михайлов сам рассказал в рамках досудебного соглашения об ином преступлении, не связанным с первичным.

В то же время, по формальным признакам мы все же могли возбудить уголовное дело. Ведь ст. 159 у Михайлова выявили мы, досудебное соглашение он заключил в результате ранее возбужденного дела, а значит преступления связаны.

Второй серьезный вопрос касался того, что действительно в отношении Маилова доказательств было недостаточно. Фигура серьезная, пост ответственный и на одних прямых показаниях Михайлова и косвенных Шипунова и Толмачева (якобы они что-то слышали) привлекать Маилова было чревато.

Поговорив с Михайловым, который активно способствовал следствию (к этому времени он уже помог получить признательные показания от своих заместителей и советника о том, что они действительно брали деньги), мы получили информацию, что наиболее слабым звеном является курирующий финансы заместитель председателя Комитета по транспорту Матвеев О.А. В течение 2011 года был период, когда Михайлов не передавал деньги в Комитет. В этой связи Матвеев подходил к Михайлову и интересовался, действительно ли выплаты временно приостановлены, из чего Михайлов сделал вывод, что Матвееву также передаются деньги от Маилова.

В силу этих обстоятельств было принято решение поработать непосредственно с Матвеевым. Помогая нам, Михайлов предположил, что сможет склонить его к признательным показаниям и сотрудничеству со следствием. Был разыгран небольшой спектакль. На встречу с Матвеевым привели следственно арестованного Михайлова, который ранее предложил подстричься покороче, отпустить щетину, что собственно и сделал. Был он в наручниках. Для Матвеева, который раньше видел Михайлова только холеным, внешне благополучным, аккуратно подстриженным и выбритым, вид его произвел шокирующее впечатление. Сам Михайлов даже подыграл, зайдя в кабинет с неким гонором, поздоровавшись с матерком… У Матвеева, мягко говоря, не оставалось никаких сомнений, что ему нужно признаться и сотрудничать со следствием.

Матвеев сообщил, что Маилов действительно ежемесячно выплачивал ему деньги в конверте (по сто тысяч рублей) ежемесячно с комментариями, что «это из ГКУ». Таким образом, преступная схема

замкнулась. У нас не было предмета преступления, но у нас был тот, кто давал деньги Маилову – это Михайлов, и тот, кто получал деньги от Маилова – это Матвеев.

Маилов был задержан на рабочем месте, в своем кабинете, что, естественно, было для него неожиданностью. В ходе обыска в кабинете он написал заявление об увольнении со службы по собственному желанию.

На следующий день Дзержинский районный суд избрал в отношении Маилова меру пресечения в виде заключения под стражу. (Примечательно, что квартира, в которой проживал Маилов, находилась прямо напротив Дзержинского суда).

На начальных этапах Маилов не признавал себя виновным, полагая, что к его освобождению и прекращению уголовного преследования подключатся его многочисленные связи из среды чиновников и транспортного «сообщества». Однако, после того, как он понял, что помогать ему просто никто не собирается, стал ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое возможно только в случае признания своей вины.

Маилов признал себя виновным, в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве дал развернутые показания о незаконном получении им, а также председателем Комитета по транспорту Поповым, заместителем председателя Комитета по транспорту Матвеевым денежных средств от Михайлова, а именно – десять раз по 800 тысяч на всех в течение 2011 года. Также Маилову было известно, что Михайлов выплачивал своим заместителям Алешковскому и Толмачеву аналогичное вознаграждение, о чем Маилов также дал показания. Таким образом, к уголовной ответственности были привлечены 6 человек: два заместителя председателя Комитета по транспорту и четыре сотрудника ГКУ «Организатор перевозок».

Привлечь к уголовной ответственности самого председателя Комитета по транспорту Попова не представилось возможным. Передача денежных средств Маиловым ему происходила тет-а-тет, поэтому кроме показаний Маилова и ввиду большого промежутка времени после совершения преступления, собрать дополнительные доказательства получения Поповым денежных средств не удалось. До губернатора и вице-губернаторов была доведена информация о коррупционных правонарушениях со стороны Попова.

Из шести привлеченных к уголовной ответственности лиц, четверо были осуждены. Первый заместитель Комитета Маилов, с учетом

нахождения под стражей на предварительном следствии 5 месяцев, был приговорен к трем годам лишения права занимать государственные должности. Мягкость приговора обуславливалась заключенным досудебным соглашением и рядом смягчающих обстоятельств: выдачей преступно нажитых трех миллионов рублей, сотрудничеством со следствием, изобличением иных соучастников преступления. Характеризовался исключительно положительно. Кроме того, отягчающие обстоятельства отсутствовали.

Михайлов получил 5 лет 6 месяцев лишения свободы условно, что также было обусловлено заключенным досудебным соглашением, выдачей преступно нажитых денежных средств, активным способствованием раскрытию преступления (именно он помог получить признательные показания от всех соучастников, за исключением одного из своих заместителей – Алешковского В.А.).

В отношении заместителя председателя Комитета по транспорту Матвеева и советника директора ГКУ Шипунова уголовное преследование было прекращено в связи с актом об амнистии.

Толмачев и Алешковский (заместители директора ГКУ Михайлова) были признаны виновными и приговорены к 1 году лишения свободы условно, от наказания освобождены в связи с актом об амнистии.

В противовес мягкости наказаний, можно добавить, что привлечения к уголовной ответственности большого количества лиц такого уровня (четырех руководителей одного из наиболее крупных предприятий города и двух сотрудников аппарата Правительства Санкт-Петербурга) в Санкт-Петербурге ранее не было. Сам по себе факт их осуждения говорит о большом объеме сложнейшей работы, проведенной мною и старшим оперуполномоченным Службы КРООТ Афицким А.В.

Кроме того, при расследовании данного уголовного дела, как и многих других, успешно решались оперативные задачи, основная из которых – разворошить коррупционный улей в отрасли транспорта Санкт-Петербурга.

В процессе работы был и ряд курьезных моментов. Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении оставшихся обвиняемых Алешковского и Толмачева (в отношении остальных дела были выделены в отдельное производство и рассмотрены в особом порядке) возникла необходимость в допросе в судебном заседании свидетеля, данные о личности которого были сохранены в тайне в соответствии с нормами УПК РФ. Проблема состояла в том, что в суде не было соответствующей

комнаты и оборудования (изменение голоса) для допроса такого рода свидетелей. В нашем Управлении, как оказалось, пока такого оборудования также не имеется.

Судья то ли серьезно, то ли в шутку предложил допросить свидетеля с пакетом на голове. Оперативные сотрудники наотрез отказались, так как необходимо было не только скрыть личность, но и изменить голос, так как по нему легко было узнать кто это. Возникла затруднительная ситуация…

Оперативные сотрудники поехали в специальный магазин с целью поиска устройств для изменения голоса. Им удалось найти такое устройство, но продавалось оно в разобранном виде, его необходимо было паять, так как для свободной продажи таких устройств в собранном виде требуется лицензия. Сделав покупку, сотрудники передали ее для сборки в РОТС Управления. Однако в виду срочности допроса свидетеля, собрать к необходимой дате устройство не успели.

Утром, до начала слушания и допроса, оперативники посетили детский магазин, где они поинтересовались у продавцов об игрушечных устройствах подобного рода. Продавцы немало удивились, что взрослые люди интересуются такими вещами, но, видимо решив, что это для детей, предложили им шлем мультипликационного героя Оптимуса Прайма из мультика «Трансформеры». Шлем мог свободно одеваться на голову взрослого человека, скрывая ее полностью. На шлеме имелось три режима. Первый – при нажатии кнопки тяжелым металлическим голосом героя из мультиков произносится фраза: «Я транформируюсь». Второй – при нажатии кнопки слышны звуки трансформации (это когда по сюжету мультика трансформер превращается из робота в машину). И третий – при нажатии кнопки можно свободно говорить, а устройство в шлеме будет искажать голос под голос Оптимуса Прайма, что в нашем случае позволяло избежать идентификации личности. Вроде бы все устраивало… Но когда стали оформлять покупку –сломалась касса, а продавцы отказывались принять оплату без выдачи чека. Оперативникам даже пришлось рассказать истинную цель покупки, на что продавцы от души посмеялись, но не поверили и отправили их к директору. Директор магазина, выслушав объяснение, также долго смеялся, но все же решил пойти навстречу и продал шлем, еще и сделав скидку.

Когда же свидетеля в шлеме Оптимуса Прайма заводили в зал заседания (а было принято решение на период допроса посадить его в совещательной комнате судьи, которая является смежной с залом суда и

отдельного входа не имеет), реакция участников заседания была соответствующей.

Приступили к процедуре допроса. Когда пришло время отвечать свидетелю, для чего ему было необходимо нажать только третью кнопку, он кнопки перепутал и стал хаотично нажимать одну за другой. Выглядело это так – сначала была фраза «Я трансформируюсь», затем звуки трансформации, и потом собственно сама речь свидетеля «Оптимуса Прайма».

Кое-как его удалось допросить.

Меня же также вызывали в суд для допроса в качестве свидетеля. Видел там и обвиняемых. Один из них, подмигивая мне, сказал: «А, Макар Валентинович, я узнал Вас в шлеме, это ведь Вы были?»…

И. В. Здорик
МИЗАНТРОПЫ ИЛИ ЖЕРТВЫ АЛЧНОСТИ?

«Реальные истории порой круче фантазии авторов детективов» – звучал заголовок статьи одной из петербургских газет, посвященной результатам расследования очередного уголовного дела Следственной службой УФСБ. Действительно, порой следователь сталкивается с ситуациями, когда сложно понять, кто преступник, а кто жертва, а бывает, что по сути это один и тот же человек.

Знойным летом в городе Краснодаре сотрудниками регионального Управления ФСБ с поличным была задержана молоденькая местная жительница по имени Эвелина, которая, выступив в качестве «маленькой лошадки, что стоит очень много денег», осуществила незаконную перевозку из Санкт-Петербурга более 300 граммов амфетамина в целях последующей перепродажи местным знакомым. Наркотик был на любой вкус и цвет: в порошке и в виде таблеток, белого и розового цветов, как говорится – все для клиента. Необходимо отметить, что указанный синтетический наркотик отнесен законодателем к психотропным веществам, особо крупный размер для которого установлен в 200 граммов, а за сбыт такого количества наркотика предусмотрено наказание либо в виде лишения свободы сроком от пятнадцати до двадцати лет, либо в виде пожизненного лишения свободы.

Поскольку срок за уже совершенное Эвелине светил не малый, долго отпираться она не стала и в ходе очередного допроса указала на своего поставщика в Санкт-Петербурге, которым оказался проживающий в Санкт-Петербурге уроженец города Пикалево Ленинградской области некий Павел. В ходе того же допроса почтенный следователь краснодарского следственного подразделения лукаво кивнул головой, мол: «Молодец, Эвелина, на правильный путь встаешь», прекрасно зная, что весь ее визит в Санкт-Петербург находился под пристальным вниманием петербургских коллег, а северный наркосбытчик уже давно установлен.

Далее события развивались следующим образом. Делая все необходимое, дабы облегчить свою участь, Эвелина согласилась принять участие в проверочной закупке. В ходе указанного мероприятия около

700 граммов амфетамина, немного разбавленного Павлом для увеличения его массы ноотропным медицинским препаратом, перекочевали от последнего через Эвелину к следователям ФСБ в Санкт-Петербурге. Стоит отметить находчивость Павла. Такую «присадку» к наркотику не заметит даже самый искушенный потребитель- наркоман, а стоимость зелья на незаконном рынке определяется его массой и одурманивающим эффектом, которые были существенно увеличены добавленным психостимулятором.

На этом Павел останавливаться не собирался и, продолжая стремиться к обогащению через продажу наркотиков, обратил свой взор на родную Ленинградскую область, в частности город Тихвин, где он ранее проживал и был знаком с представителями различных социальных слоев. Со слов очевидцев, несмотря на стремительное развитие самого города Тихвина, нравы ряда его жителей до сих соответствуют лихим 90-м, словно скопированы с образов героев бандитских фильмов. Одной из таких «копий» являлся некий Василий – «подрастающий авторитет», со всеми присущими таковому внешними данными. Представляя собой лысую 120-килограммовую гору мускулов, позиционируя себя не принимающим плюрализма мнений, и не брезгуя физическим воздействием на оппонента, Василий сформировал о себе устойчивый «бандитский» образ, подкрепляя его конкретными действиями. Словом, в Тихвине о нем ходили обрастающие сплетнями местечковые легенды. Поговаривают, что ему присущи различные «подвиги», среди которых погоня по городу за должником среди белого дня, сопровождавшаяся пальбой из ружья в стиле заокеанских вестернов. Также Василию приписывали, что он «держал» часть Тихвина, постоянно отстаивая и расширяя сферу своего криминального влияния в соответствующей среде. Как писали газетчики, до смертоубийства вроде не доходило, но автомобили, как бы намекая, пылали, в том числе и элитный внедорожник самого местного авторитета.

В какой-то момент судьбам Павла и Василия было суждено пересечься. Оба они были друг другу «полезны», поскольку Павел мог обеспечить поставки в Тихвин крупных партий дури, а Василий, обладая определенными возможностями и влиянием – широкий криминальный рынок сбыта. Для каждого из них это были легкие деньги, и плевать, что сделаны они на судьбах и здоровье тысяч детей, взрослых и их близких. Но об этом наркоторговцы в тот момент не думали. Во главе угла – деньги, деньги, деньги…

И закрутилось. Встретившись в очередной раз в Тихвине, Василий передал Павлу крупный задаток денег и обозначил свой заказ – килограмм амфетамина, что составляет несколько тысяч среднеразовых доз потребления указанного психотропного вещества. Тот, в свою очередь окрыленный возможностью обрести легкий доход, помчался за зельем в Санкт-Петербург. Приобрести столь крупную партию оказалось не так просто, Павлу пришлось потратить на это несколько дней, поскольку его поставщик, в отношении которого выделено в отдельное производство уголовное дело, все-таки подвел – смог продать немногим более 800 граммов наркотика. К таким крупным партиям торговцы оказались не готовыми.

А Василий из-за задержки с поставкой начал волноваться. Сделка по формуле «деньги–товар–деньги» находилась под угрозой, чего он в силу собственного имиджа допустить никак не мог. Тем более, что к тому времени он уже проделал большую «работу», в том числе нашел мелкооптовых сбытчиков наркотиков и оговорил с ними все условия незаконного бизнеса. Словом, все было готово, не хватало только самого зелья. Такое положение дел привело к недовольству со стороны заказчика. Павел на одном из допросов пояснил следующее: «В тот момент лишь расстояние между Тихвином и Петербургом отделяло меня от физического воздействия, но при желании это расстояние может превратиться в несколько часов в дороге». Поскольку клиент был серьезный, Павлу ничего не оставалось, как везти то количество наркотика, что есть.

Предварительно спрятав наркотик под обшивку своего старенького БМВ, поздно вечером Павел спешно выехал из Северной столицы в Тихвин. В очередной раз он проявил не дюжую находчивость и прихватил с собой мопед, который, как ни странно, уместился на заднем сидении седана. С какой целью? На подъезде к Тихвину Павел намеревался оставить свой автомобиль на трассе. После чего с наркотиком в ночи на двухколесном транспортном средстве известными ему лесными тропами в объезд возможных полицейских постов добраться до города и совершить сделку.

Планам Павла не суждено было сбыться. На трассе по дороге к месту назначения, до места предполагаемого оставления автомобиля, «совершенно случайно» осуществлялся межведомственный антинаркотический рейд. При приближении к посту наряда ДПС автомобиль Павла был остановлен. Также «случайно» посреди ночи на автотрассе в

окружении густого леса находился дознаватель и специалист ФСКН, а также пара понятых. Незадачливому курьеру тут же предложили выдать наркотики. Со слов очевидцев, опешив от происходящего, Павел принял «единственно верное» на его взгляд решение – попытался броситься под проезжающий мимо грузовик. От столь необдуманного поступка его удалось спасти. Придя в себя, Павел осознал происходящее и добровольно выдал крупную партию амфетамина, после чего был помещен в ближайший местный следственный изолятор.

Спустя несколько дней в указанном заведении Павла навестил гонец, настоятельно рекомендовавший последнему держать язык за зубами, да и в принципе забыть про существование Василия, что Павел и делал на протяжении достаточно длительного времени. Но гнет грядущего возмездия за совершение трех особо тяжких преступлений и понимание возможности минимизации срока предстоящего лишения свободы, в очередной раз сделали свое дело. Будучи переведенным в следственный изолятор на Шпалерной улице Петербурга, и почувствовав себя в безопасности, Павел начал откровенно разговаривать со следователем. Кроме того, к тому времени сопровождающим расследование оперативным подразделением была получена значимая для дела информация о преступной деятельности Василия, которая получила свое подтверждение при производстве следственных действий. Такие обстоятельства не могли не привести к очередному витку расследования дела и привлечению к ответственности уже известного читателю областного авторитета. При этом достаточно подробные и правдивые показания Павла и свидетелей по делу, которые, опасаясь за свои жизни, давали показания только под псевдонимами, конечно, подлежали тщательной проверке.

Далее события развивались следующим образом. В ходе произведенной на территории Тихвина проверки показаний обвиняемого Павел указал на конкретную квартиру, в которой проживал Василий. Указать на жилище подельника Павел смог только непосредственно на месте. Незамедлительно было принято решение о производстве обыска в указанном жилище, благо Павла конвоировали, в том числе вооруженные до зубов сотрудники Службы специального назначения «Град» Управления, которые, понимая, кто находится в интересующей квартире, не отказали следователю в помощи. Как выяснилось, участие спецназа оказалось весьма кстати.

Открыв изнутри дверь в квартиру и увидев экипированных спецназовцев, Василий не придумал ничего лучше, чем оказать последним физическое сопротивление, но потуги местного авторитета оказались моментально пресечены профессионалами. В тот же миг, оказавшись на полу, Василий в горизонтальном положении ознакомился с постановлением о производстве обыска и пояснил, что никакого отношения к амфетамину Павла не имеет, никаких наркотиков он никогда не видел, в руках не держал и дома у него никогда не было. Врал. В ходе обыска, помимо прочего, в квартире был обнаружен внушительный по объему пакет, содержащий высушенную марихуану в крупном размере. Дальше дело техники: обыски, задержание, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, допросы, экспертизы, признательные показания, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, снова допросы, проверки показаний на месте, приговор. По совокупности наказаний за приготовление к сбыту амфетамина в особо крупном размере, который Василий так в руках и не подержал и даже не увидел, а также за марихуану – пять с половиной лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строго режима со штрафом.

Жажда легких денег любой ценой повлекла за собой наказание и Павла, и ранее упомянутой Эвелины, с которой вся эта история начиналась. Несмотря на юный возраст, раскаяние и активные действия по выявлению иных лиц, причастных к совершению особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, Эвелина была также приговорена к длительному реальному сроку лишения свободы. Приговором суда за совершение трех особо тяжких преступлений Павлу было назначено наказание в виде десяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строго режима со штрафом.

Отбросив в сторону уголовно-правовую квалификацию, общественную опасность совершенных деяний и моральную составляющую, можно привести установленные материалами дела «экономические результаты» преступной деятельности Павла и Василия. В результате трех сделок с наркотиками Павел предполагал в общей сложности обогатиться на 107500 рублей. Василий, в свою очередь, был более удачливым бизнесменом – в результате предполагаемых сделок он намеривался обрести около 200000 легких рублей. Таким образом, один месяц отбывания наказания в колонии строго режима Павел оценил в 896 рублей, а Василий в 3030 рублей. Стоило ли все это того? Жертвы собственной алчности? Не мне решать.

Но это еще не вся история. Под конец расследования уголовного дела, когда, казалось бы, все обстоятельства совершенных преступлений были уже установлены, к следователю обратилась мать Павла и сообщила, что ей весьма навязчиво «в интересах Паши» предлагает встретиться некий Михаил, позиционирующий себя влиятельным сотрудником правоохранительной системы. Такие сведения не могли остаться без внимания следствия, а значит, встрече суждено было случиться, естественно, под контролем оперативных сотрудников петербургского Управления. Встреч было несколько и в ходе каждой Михаил «надувал щеки», козыряя фамилиями известных в юридической среде города людей и употребляя в разговорах профессиональные термины. Достаточно быстро стало понятно, с какой целью он это делал – в очередной раз нажива. Матери сына, находящегося под следствием и содержащегося под стражей, дальнейшая судьба которого была напрямую сопряжена с грядущим обвинительным приговором суда, Михаил предложил, естественно, за денежное вознаграждение в размере одного миллиона рублей, повлиять на принятие решения судом, дабы срок лишения свободы существенно снизить. При этом на утверждение матери, что в ее распоряжении нет столь крупной суммы денег, Михаил предложил ей продать единственную квартиру, ссылаясь на то, что недвижимость дело наживное, а тюрьма может сломать жизнь ее сына.

В дальнейшем личность Михаила была установлена. Им оказался водитель председателя одного из районных судов города. Конечно, никаких возможностей влиять на судей он не имел, и, видимо, на работе нахватался юридических терминов и узнал фамилии известных в городе людей, с которыми даже не был знаком.

Также интересно, что в тот момент времени, когда автор этой статьи, находясь в рабочем кабинете, производил процессуальные действия с участием матери Павла, которая уже принимала участие в ОРД в отношении Михаила, на ее телефон позвонили. «Михаил» – сказала она следователю. «Отвечайте. И говорите по громкой связи» – услышала в ответ. Далее состоялся разговор, в ходе которого Михаил сообщил, что у него хорошие новости. Мол, только что вышел из кабинета следователя, который пообещал свою лояльность в решении вопроса о назначении Павлу не сурового наказания (даже обыватель должен понимать, что назначение наказания постановляется приговором суда, и никакого отношения к следователю не имеет), а также, что судьи, которые будут рассматривать дело, готовы по просьбе Михаила назначить мягкое наказание. В общем, мошенник потерпел полный крах.

Потом дело техники: задержание с поличным при передаче первой части причитающихся мошеннику денег, мера пресечения и предъявление обвинения в совершении покушения на мошенничество в особо крупном размере. Далее был суд. Иронично, но именно тот суд, председателя которого возил Михаил, а дело слушал один из тех судей, с которыми Михаил «договорился» о назначении Павлу мягкого наказания. И как результат приговор – три с половиной года лишения свободы. По-моему, не так уж и много за попытку украсть последнее у подавленной горем матери и опорочить честь незаслуживающих этого людей.

М.С. Ботов

«О БЕДНОМ СТУДЕНТЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО» ИЛИ О КОРРУПЦИИ В НАУКЕ

В последнее время всеми правоохранительными органами, в том числе и органами ФСБ России, ведется активная борьба с преступлениями коррупционной направленности, особенно связанными с хищениями бюджетных средств государства, результатами которой являются многочисленные уголовные дела. Одним из них и было уголовное дело № 104707, возбужденное 11 февраля 2013 года в отношении неустановленной группы лиц из числа сотрудников Санкт-Петербургского Государственного Политехнического Университета, совершивших хищение путем обмана государственных бюджетных средств в особо крупном размере с использованием своего служебного положения.

В ходе осуществления проверок, проводимых в стратегических важных для государства учебных заведениях в рамках реализуемой Министерством образования и науки реформы высших учебных заведений, в поле зрения сотрудников УФСБ России по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области попали несколько сотрудников Санкт-Петербургского Государственного Политехнического Университета (Политеха). Они присваивали себе денежные средства, выделяемые из бюджета государства на выплаты материальной помощи и повышенных стипендий для студентов-отличников с целью стимулирования обучающейся молодежи к максимально ответственному и прилежному постижению науки и основ профессии.

При проверке документов ВУЗа, внимание оперативника было обращено на ряд нестыковок. В частности, привлекла очень высокая успеваемость большого количества студентов Политеха, гарантирующая дополнительные бонусы от государства в виде повышенных академических стипендий. В пересчёте на каждого студента эти суммы были не так уж и высоки – в районе полутора тысяч рублей на одного студента, но мошенники брали количеством, что в итоге составило почти

полтора миллиона. В состав преступ¬ной группы входили три человека – заместитель декана технологического факультета Людмила Т. (фактически она также исполняла обязанности личного секретаря и правой руки руководителя подразделения ВУЗа), а также две сотрудницы бухгалтерии института – кассиры Марина Г. и Елена К.

Работала схема хищения следующим образом. Людмила Т. пользовалась в институте непререкаемым авторитетом. Будучи секретарем и правой рукой руководителя, она относила документы на подпись декану и пользовалась мак-симальным его покровительством, ввиду чего никто из работников факультета не хотел с ней конфликтовать. Пользуясь своим положением, мошенница давала указания сотрудникам деканата вносить в составляемые ими списки студентов, которым положена повышенная стипендия, десятки откровенных дво¬ечников и разгильдяев, которые, как позже выяснилось, вообще месяцами не посещали институт, и, разумеется, никаких прав на получение повышенной стипендии не имели. Для этого сначала Людмила Т. распоряжалась вывешивать у деканата списки студентов, не прошедших аттестацию, с требованием к ним явиться на приём. Как и стоило ожидать, почти никто из прогульщиков на эти требования не реагировал, после чего мошенники начинали действовать. Составлялся подложный список отличников, за которых преступники потом получали деньги в виде выделяемых государством повышенных стипендий.

На практике это выглядело так. Людмила Т. приходила с бумагой в деканат технологического факультета и фактически заставляла его работников внести в список повышенных стипендиатов фамилии из своего списка. Приказ на начисление денег за отличную учёбу подписывался не глядя и без соответствующих проверок внесенных в них данных, и в течение следующего семестра государство перечисляло псевдоотличникам дополнительные средства. Но эти суммы не отправлялись на пластиковые карты студентов, как это принято в ВУЗах, а поступали в наличном виде в бухгалтерию, где две пособницы Людмилы Т. просто забирали их из кассы и передавали ей. Подписи за студентов, якобы получивших указанные деньги, мошенницы подделывали сами, а вырученную добычу делили между собой.

Допрошенные студенты, которые якобы получали повышенную стипендию в связи с отличной учебой, сообщили следствию, что учатся на тройки, никаких денег не получали и подписи в ведомостях от их

имени исполнены не ими. Сведения о том, что им назначена повышенная стипендия в связи с отличной учебой, воспринимали как шутку и сильно удивлялись, видя свою фамилию в списках круглых отличников. Более того, один из студентов вообще не посещал институт ввиду того, что лежал в больнице в другом регионе и считал, что давно уже отчислен.

По аналогичной схеме мошенницы воровали бюджетные деньги и из фонда материальной помощи студентам, оказавшимся в трудной ситуации. Как правило, на неё могут рассчитывать учащиеся из бедных семей или иногородние студенты. Матпомощь выплачивается раз в год (в особых случаях – два раза в год) и составляет около восьми тысяч рублей. Людмила Т. выбирала несколько фамилий, вносила их в список и передавала его в профком, работников которого заставляла вносить этих студентов в приказы на выплаты материальной помощи каждые три месяца. В общей сложности мошенницы таким способом смогли украсть у государства около полутора миллионов рублей.

Оказавшись в кабинете следователя, Людмила Т. поначалу вроде бы согласилась дать показания, но на следующем допросе отказалась от сотрудничества со следствием. Как потом выяснилось, этому решению поспособствовал и адвокат подозреваемой, убеждающий ее в том, что раз «за руку не пойман – не вор», и у следствия нет возможности доказать ее причастность к совершению расследуемого преступления. Это было в корне неправильное решение, потому что мне удалось найти листки, на которых рукой Людмилы Т. были написаны фамилии студентов-двоечников, вносимых в списки отличников. Одна из работниц института сохранила их у себя на всякий случай, а экспертиза полностью доказала авторство Людмилы Т.

При этом с экспертизой возникли определенные сложности. Когда у Людмилы Т. отбирали образцы почерка для проведения экспертизы на предмет подделки подписей в ведомостях на выдачу денег, она, до этого посоветовавшись со своим адвокатом, намеренно искажала свой почерк, чтобы усложнить идентификацию, что также подтвердили и эксперты в ходе проведенной экспертизы. Указанный факт удалось установить. Были предусмотрительно получены так называемые «свободные образцы почерка» Людмилы Т. в виде ее заявлений, личных дел и прочих подобных документов с предыдущих мест работы, учебы и т.д., собранных со всех концов России, где только побывала Людмила Т., вплоть до самого Воронежа, уроженкой которого она является. Наличие

указанных документов и позволило экспертам установить как факты намеренного искажения почерка Людмилой Т., так и факты подделки ею подписей студентов в ведомостях. Более того, Людмила Т. до последнего утверждала, что это не она. Про список студентов-двоечников сказала, что это список студентов, которых необходимо направить на одну из научных конференций. В дальнейшем даже пыталась уничтожить ведомости и оказать давление на свидетелей, в частности на студентов и сотрудников института, в связи с чем пришлось изменить ей меру пресечения в виде подписки о невыезде на заключение под стражу.

Кассиры Марина Г. и Елена К. поначалу также все отрицали. Марина Г. даже после этого легла в больницу с целью подправить здоровье, поэтому часть следственных действий с ее участием пришлось проводить в приемных покоях медицинского учреждения, на удивление его постояльцев, заручившись предварительно справкой лечащего врача о возможности их проведения. В дальнейшем, после предъявления кассирам результатов экспертиз, они поняли, что отпираться бесполезно и полностью признали свою вину, дав показания по всем обстоятельствам совершенного преступления.

Спустя две недели, проведенные в изоляторе, Людмила Т. написала заявление о том, что желает дать показания. При этом она рассказала и про себя, и про кассиров-подельников, которые, в свою очередь, также все признали, хотя, по большому счёту, в их признании уже не было необходимости – все экспертизы и свидетельские показания доказывали их вину. Тем не менее, по результатам проведенной экспертизы в подделанных ведомостях помимо Людмилы Т. и кассиров были установлены третьи лица, подделывавшие подписи студентов. При этом кассиры клялись и божились, что не знают, кто это. Они говорили, что часть подписей они подделывали сами, а для подделки остальных подписей ведомости периодически забирала сама Людмила Т., а потом возвращала с уже подделанными подписями. Ввиду возникших противоречий, пришлось проводить очные ставки между мошенницами, в результате которых Людмила Т. все же «раскололась» и рассказала, что для подделки подписей она также использовала друга своей дочери, который работал на стройке. Она передавала ему ведомости, сказав, что надо помочь студентам, чтобы их стипендии не ушли на так называемый «депонент» и проставить за них подписи, а она потом отдаст им полученные деньги, и что тем самым они делают благое дело, помогая студентам. Приятель дочки относил ведомости на стройку и просил подчиненных ему гастар-

байтеров проставить росписи за студентов, чтобы они не были похожи друг на друга и все выглядело по-настоящему. Данные факты подтвердил и сам друг дочери Людмилы Т., допрошенный в рамках уголовного дела. Он даже пояснил, что некоторые гастарбайтеры не умели читать и писать по-русски и спрашивали, как расписываться, на что он советовал просто поставить закорючку, что они и делали. Таким образом, были установлены все подделанные подписи, вина обвиняемых доказана, а уголовное дело в декабре 2013 года пошло в суд.

Суд назначил троим мошенницам наказание в виде двух лет лишения свободы условно. Кроме того, они обязаны выплатить государству похищенные деньги и вряд ли смогут теперь устроиться на работу в госорганы. Но самое главное, что по итогам расследования мною было направлено в Минобрнауки представление, после которого чиновникамибыли проведены проверки во всех ВУЗах страны и усиленконтроль за расходованием средств, выделяемых из бюджета на стипендии и матпомощь. По новым правилам, принятым после проведенных проверок, ответственность за эти действия несёт непосредственно декан или ректор, утверждающие соответствующие документы, а значит, совершить подобное хищение станет очень сложно, в чем не последнюю роль сыграло следствие УФСБ России по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области, которое, как показала практика, эффективно борется с преступлениями коррупционной направленности.

С. А. Мякин

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РУССКОМУ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

(на примере расследования уголовного дела №395202)

В марте 2014 года оперативным работником 1 отдела службы защиты конституционного строя и борьбы с терроризмом Управления, в ходе служебной деятельности был выявлен ранее судимый гр. Калиниченко Максим Сергеевич, 1977 года рождения. В ходе ОРМ было установлено, что этот человек поддерживает лиц, устроивших государственный переворот в Украине в 2014 году, и при определенной финансовой и методической поддержке может участвовать в подготовке аналогичных акции на территории России, а главное – желает этого.

Также было установлено, что с 2013 года Калиниченко является одним из организаторов якобы спортивного мероприятия «Русская пробежка», целью которого первоначально декларировались пропаганда здорового образа жизни и отказа от вредных привычек. Однако, после того как данное мероприятие набрало от 50 до 100 участников, к Калиниченко начали поступать предложения о проведении «Русских пробежек» с лозунгами и флагами различных политических партий, об использовании участников «Пробежки» для силового решения вопросов, связанных с конкуренцией различных коммерческих структур. На данные предложения Калиниченко соглашался, по оперативной информации – регулярно получал денежное вознаграждение за свои действия.

Одним из примеров таких действий являются «Русские зачистки». Калиниченко и лица, с которыми он организовывал спортивные мероприятия, отбирали из привлеченных лиц радикально настроенных и физически крепких молодых людей, которых мотивировали необходимостью устрашения выходцев с Кавказа, торговавших на окраинах Санкт-Петербурга. После чего устраивали погромы, торговцы уходили, а на их место приходили новые, как правило, ставленники Софийской овощебазы, такие же выходцы с Кавказа. Таким образом, Калиниченко смог привлечь от 50 до 100 человек и отобрать из них 15-20 лиц,

которыми фактически манипулировал и использовал их устремления в своих корыстных целях. Вместе с тем необходимо отметить, что по данным фактам какие-либо заявления в правоохранительные органы не подавались, информация распространялась только в узкой этнической среде.

17 февраля 2014 года Калиниченко, находясь по месту своего жительства в г. Санкт-Петербурге, вошел в сеть Интернет на общедоступный ресурс социальной сети «ВКонтакте», используя регистрационное имя «Макс Калиниченко», с расположенного в его жилище принадлежащего ему персонального компьютера, с подведенной к нему линией связи, имея умысел на организацию, подготовку и подстрекательство к воспрепятствованию законной деятельности органов местного самоуправления. Он разместил в сети Интернет на общедоступном ресурсе в группе «Русский Марш 2014», зарегистрированной в социальной сети, то есть публично, следующие информационный материал: изображение с текстом «Революция в Украине показала, как нужно разговаривать с преступной не легитимной властью! У нас есть урок манежки, нужно лишь отточить навыки и повторить!».

В ходе проверки сообщения о преступлении, в целях принятия законного и обоснованного процессуального решения, была назначена комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза и два исследования указанного информационного материала. 21 января 2015 года, после получения заключений, было возбуждено уголовное дело №395202 по факту размещения в сети Интернет публичных призывов к осуществлению экстремисткой деятельности.

При планировании следственно-оперативных действий учитывались данные о личности Калиниченко, а именно: судимость в 2006 году по ч. 4. ст. 159, судимость в 2013 году по ч. 3 ст. 212, ст. 33 ч. 4 ст. 318 УК РФ, склонность лица к псевдосуицидальным действиям (в периоды нахождения в местах лишения свободы, он неоднократно показательно перерезал вены на руках, безуспешно пытался вскрыть себе брюшную полость), крайне негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов, нежелание давать какие-либо показания.

12 февраля 2015 года, при поддержке сотрудников РССН «Град», Калиниченко был задержан по месту своего жительства. В ходе задержания, предполагая, что к нему пришли сотрудники полиции, а именно ЦПЭ, Калиниченко своими показательными криками пытался привлечь внимание к происходящему у него дома в целях дальнейших провокационных действий и жалоб в надзорные органы на превышение сотрудниками должностных полномочий и необоснованного применения силы и специальных средств. Однако благодаря глубокой оперативной проработке была выбрана единственно верная тактика проведения следственно-оперативных действий, которая дала положительный результат, Калиниченко впервые в своей «карьере» полностью признал свою вину, дал показания по существу уголовного дела, попросил рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке.

В ходе проведения обыска в его жилище был обнаружен компьютер, посредством которого он разместил экстремистский материал в сети Интернет, обнаружены предметы и документы националистического характера. При дальнейшей работе по делу, на компьютере и других изъятых носителях информации был обнаружен огромный массив информации, характеризующий Калиниченко, как радикального экстремиста, желающего смены власти в России по Украинскому сценарию. Кроме того, после получения сведений о соединениях между абонентами от оператора сотовой связи было установлено, что в момент совершения преступления он находился по месту своего проживания. Сведения, полученные из ООО «ВКонтакте» прямо указывают на то, что вышеуказанный информационный материал разместил именно Калиниченко, и на то, что иные лица не имели доступа к учетной записи Калиниченко на момент совершения преступления. Также установлено, что посредством социальной сети на Калиниченко выходили представители Украинской стороны с предложениями подготовки «Майдана», однако по неизвестным причинам на определенном этапе обсуждения Калиниченко прекращал с ними переговоры в сети. Иные средства общения с указанными лицами обнаружены не были. От комментариев по этому поводу он отказался. От компании Интернет-провайдера получены сведения, подтверждающие причинно-следственную связь между учетной записью в сети «ВКонтакте» и Калиниченко. В ходе допросов свидетелей вся вышеуказанная информация подтвердилась, были получены пояснения по поводу личности обвиняемого, его устремлений и преступной деятельности.

Однако необходимо отметить, что промедление в оперативной работе, а именно несвоевременное получение сведений из ООО «ВКонтакте» не позволило установить IP-адрес, с которого был размещен конкретный экстремистский материал, что на стадии предварительного расследования вызвало необходимость сбора большого массива раз-

личных материалов, информация в которых многократно пересекается и взаимодополняется. Также, в случае отказа Калиниченко от дачи показаний это могло бы значительно затруднить расследование уголовного дела и рассмотрение его судом.

Указанная совокупность доказательств, а также иные сведения, полученные в ходе расследования уголовного дела, позволяли сделать вывод о том, что 12 февраля 2015 года, в Санкт-Петербурге пресечена противоправная деятельность лица, которое имело силы и средства для подготовки различных противоправных действий, в том числе массовых беспорядков, и активно распространяло информацию об этом.

Своими возможностями оно не смогло воспользоваться всего по двум причинам:

– контрразведывательная деятельность органов ФСБ, а именно наличие разветвленной агентурной сети и помощь иным правоохранительным органам в подготовке доказательной базы для привлечения его подельников к уголовной ответственности по другим эпизодам преступной деятельности;

– отсутствие финансирования и конкретного заказа на масштабные противоправные действия, на подобии событий на Украине, а учитывая саморекламу указанного лица, финансирование и заказ рано или поздно поступили бы.

Часть IV

Их голоса припоминая

П. К. Кошелев

…ИХ ГОЛОСА ПРИПОМИНАЯ
(рассказ о моих сослуживцах)

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая.
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая…
Давид Самойлов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Последняя среда месяца… В конце рабочего дня я собираюсь посетить петербургский Дом архитектора, где уже почти двадцать лет проходят традиционные встречи клуба ветеранов контрразведки «Дом-4». Вместе с членами клуба, моими сверстниками, уже давно ветеранами-пенсионерами, я иду на своеобразную встречу со своей молодостью, проведенной в стенах известного в нашем городе Большого дома на Литейном проспекте, 4. Нам хочется вновь и вновь общаться друг с другом, предаваться, говоря словами француза Антуана де Сент-Экзюпери, «роскоши человеческого общения».

Мы обсуждаем последние события в стране и за рубежом, делимся впечатлениями от совместного посещения музеев, просмотров театральных и кинопремьер. Не перестаю удивляться, какие интересные, хорошо образованные и эрудированные, преданные своей Родине люди собираются под сводами особняка Половцева в эти дни. Вольно или невольно в разговорах всплывают эпизоды давно прошедших лет уже прошлого XX века, когда каждый из нас принял осознанное решение посвятить свою жизнь служению Отечеству и народу. Проскочит порой в этих стариковских воспоминаниях и горечь, как бессовестно и несправедливо были оболганы органы госбезопасности СССР в период горбачевской перестройки-«катастройки» и ельцинской псевдодемокра-

тии. Несмотря на возраст, члены нашего клуба еще хорошо помнят, какими мы были офицерами, профессионалами спецслужбы. Но знают ли об этом нынешние молодые россияне, правильно ли понимают они нас, принявших когда-то ответственность за страну, за ее независимость, спокойствие и благополучие, которые в те годы, как и сегодня, нуждались в защите?

Нам самим уже ничего не надо объяснять и доказывать друг другу. Нам не в чем оправдываться и каяться как перед своими родными, так и незнакомыми нам людьми. Мой рассказ о поколении чекистов 70–80-х годов ушедшего века адресован, прежде всего, тем, кто молод и не жил в то время, не имеет возможности отделить зерна от плевел, наглую ложь и клевету от горькой правды реальной жизни. Пусть они, молодые, представят из кратких, эскизных портретов дорогих моему сердцу сослуживцев – чем и кем был воспитан наш патриотизм, преданность идеям справедливости и добра, потрясающий энтузиазм и работоспособность. Я хочу, чтобы наши внуки понимали, как и почему мы сделали свой выбор служению безопасности государства, от которого подавляющее большинство не откажется, не открестится вплоть до неизбежного ухода из жизни.

Любые мемуары, личные воспоминания всегда субъективны, а зачастую «отлакированы» прошедшими годами и приходящей с возрастом мудростью. Я совсем не претендую на детальный и скрупулезный анализ всех личных и деловых качеств моих сослуживцев, которых смог и захотел вспомнить по прошествии почти тридцати лет. Не считаю себя вправе анализировать результаты работы моих товарищей по службе в КГБ, отдавших свою молодость, энергию и здоровье служению защиты безопасности Отечества. Оценки эти – в личных делах бывших сотрудников: в аттестациях, характеристиках, наградных листах. Мне надлежит попросить прощения у всех тех, кого знал, с кем работал, о ком не смог написать по объективным или субъективным причинам. Извиняюсь перед всеми, о ком рассказал, наверняка, недостаточно подробно, не так, как они того заслуживали, так же как и перед теми, о ком не смог, а возможно – и не захотел вспомнить. Ведь «помнить» и «вспомнить» – понятия, хотя и похожие, но по сути своей разные. Помнить можно гораздо больше того, о чем хочется вспоминать, а также о чем можно

публично упомянуть с учетом того, что герои очерка – сотрудники спецслужбы. Именно поэтому установочные данные некоторых героев изменены по их просьбе. Фамилии же тех, с кем не удалось связаться для разрешения на упоминание, обозначены в тексте заглавной буквой.

Признаюсь, работа над рукописью воспоминаний давалась весьма нелегко. Не трудно вспомнить, но очень непросто рассказать о человеке в нескольких фразах, чтобы образы людей были узнаваемы. Несколько раз я порывался бросить начатую работу, сомневаясь в том, что мне удастся «объять необъятное». Но в кризисные моменты меня вдохновляла фраза мемуариста, фамилию которого за давностью времени забыл: «Если я об этом не напишу, то это умрет вместе со мной…»

МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Все мы родом из своего детства.
Антуан де Сент-Экзюпери

В начале 70-х годов XX века в Управление КГБ СССР по Ленинградской области пришли десятки, сотни молодых сотрудников, родившихся в конце 40-х – начале 50-х годов. Их родители в подавляющем большинстве были фронтовиками и тружениками тыла в период Великой Отечественной войны. Молодость наших отцов и матерей пришлась на полные энтузиазма годы социалистических строек 30-х годов. Эти люди были носителями непревзойденного, искреннего чувства советского патриотизма, воспитанного прекрасными распевными песнями («Широка страна моя родная», «По долинам и по взгорьям», «Там, вдали за рекой»), а также кинофильмами, такими как «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Александр Невский»… Эти фильмы и песни с ранних лет вошли в наше сознание, запали в душу.

Первыми кинокартинами, которые мы смотрели в кинотеатрах и клубах, сидя у родителей на коленях (телевидения в то время еще не существовало), были фильмы «про войну». Помню, как мои друзья-ровесники стискивали зубы и сдерживали слезы, переживая за судьбу пионера-героя Вали Котика из кинофильма «Орленок». Мы восхищались подвигом юного подростка, последней гранатой подорвавшего себя и окружавших его фашистов. По десять и более раз могли мы смотреть снятый в годы войны фильм «Два бойца», переживая за жизнь и судьбы двух фронтовых друзей Саши Синцова (актер Борис Андреев) и Аркадия Дзюбина (Марк Бернес). А разве можно забыть наше ликование, когда мы видели советские танки, утюжащие вражеские позиции в замечательной кинокартине «Парень из нашего города»?.. С молоком матерей, на уровне генном входило в нас осознание того, что мы являемся наследниками Великой Победы, одержанной нашей Родиной, нашими родителями над чумой человечества – фашизмом!

Наше детство было «дворовым», потому что все наши детские игры проходили во дворах. Для родившихся в Ленинграде это были дворы-колодцы. Для таких, как я, мальчишек из рабочих поселков, это были

пустыри и маленькие палисадники возле шлакоблочных двухэтажных коммунальных домов. Рожденные в деревнях и селах, мы дни напролет проводили на пыльных улицах, превращая их в футбольные поля, беговые дорожки стадионов, импровизированные концертные эстрады. И в этом мы повторяли путь наших родителей, воспитанных такими же дворами. Помните, как прекрасно пел не голосом, а душой Булат Окуджава: «Я дворянин Арбатского двора, своим двором введенный во дворянство…»

Практически все наши детские игры были коллективными: прятки, пятнашки, штандер, беговая лапта, «али-баба», волейбол-картошка, дворовый футбол. В отличие от нынешних виртуальных компьютерных, они развивали чувство коллективизма, выявляли первых лидеров, приучали не ныть и не сдаваться. Не случайно в ныне, кажется, совсем забытой игре в прятки последний из оставшихся незапятнанным «во́дой» игрок мог, обогнав «во́ду», стукнуть ладонью по стене или по дереву и громко прокричать: «За себя и за всех!!!» И тем самым выручить своих уже «запятнанных» товарищей, радовавшихся за свое спасение –«во́да» должен был «води́ть» вторично, и потому он снова закрывал глаза и снова начинал отсчет, а участники игры с визгом и криком убегали прятаться.

Простая и незатейливая игра в «пятнашки» (или, как говорили в старину, «салочки», «горелки») развивала не только скорость бега и выносливость. Она учила терпению и умению «держать удар»! Ведь в этой универсальной игре участвовали и мальчишки, и девчонки, причем разного возраста. Те, кто были постарше, а значит, физически сильнее, имели преимущество. Иногда «во́де», особенно если он был младшим по возрасту, было очень трудно запятнать тех, кто был старше и физически сильнее. Вспомните, ровесники, как часто было обидно до слез, когда ваши товарищи по игре убегали от вас, а вы никак не могли их догнать! Ведь в этот момент многие начинали дразниться, подначивая слабого «во́ду». До сих пор помню очень обидные, задевавшие меня слова: «Во́да-во́да, неотво́да, поросячья порода!»

Дворовая игра учила, закусив губу, преодолевать трудности, добиваться результата «через не могу», выявлять самое слабое звено, чтобы добиться пусть маленькой, пусть локальной, но Победы. А еще вольно или невольно пятнашки учили нас сочувствовать более слабым.

Ведь не случайно, если «во́да» начинал бегать за одним игроком, который к тому же был младше по возрасту, а значит, слабее физически, то остальные игроки начинали кричать: «За одним не гонка, поймаешь поросенка!» (Или другой вариант кричалки: «За одним не гонка, человек тебе не пятитонка!») После такого позора «во́да» обязан был погнаться за кем-то другим, оставив запыхавшегося и усталого малыша незапятнанным.

Да, все наши детские игры были прежде всего коллективными, подвижными. Они физически закаляли нас, учили взаимовыручке, презрению к хлюпикам и «жилам». И почти всегда дворовые игры были трамплином к серьезным занятиям физкультурой и спортом, который с середины 50-х годов начал массово развиваться во всех союзных республиках СССР.

Наше детство и юность пришлись на годы триумфа советских спортсменов во многих видах спорта на всех международных соревнованиях вплоть до Олимпийских игр. Мои сверстники восхищались силой советских тяжелоатлетов Юрия Власова, Леонида Жаботинского, позднее Василия Алексеева. Мы рукоплескали олимпийским чемпионам, блестящим конькобежцам Лидии Скобликовой и Виктору Косичкину, гордились чемпионом Олимпиады и рекордсменом мира по прыжкам в высоту Валерием Брумелем. Вся страна отчаянно болела за сборную СССР по футболу на чемпионате мира 1966 года в Великобритании, где наши мастера кожаного мяча добились своего наивысшего достижения – бронзовых медалей чемпионата за четвертое место.

О том, что советский хоккей 60-х годов был самым сильным в мире, даже и говорить не приходится! Страна восхищалась мастерством и мужественностью Фирсова, Рагулина, Старшинова, братьев Майоровых, Харламова, Петрова, Михайлова, Третьяка, других талантливых хоккеистов, ставших многократными чемпионами мира и Олимпийских игр. Советские люди по именам и по фамилиям знали наших прославленных фигуристов, с волнением и гордостью вспоминали слезы Ирины Родниной, стоящей на высшем пьедестале почета под торжественные звуки гимна Советского Союза.

Примеры чемпионов-олимпийцев приводили в спортивные секции тысячи наших сверстников. Государственная политика тех времен была направлена на создание максимально доступных условий для занятия спортом. И мальчишки нашего поколения самозабвенно занимались в секциях и спортивных школах борьбы, бокса, гимнастики, легкой атлетики и других, активно участвовали во всесоюзных соревнованиях по футболу и хоккею «Кожаный мяч» и «Золотая шайба».

В годы нашей студенческой молодости мы имели все условия для развития своих физических и спортивных возможностей. Нынешние молодые люди, наверняка, даже не знают о том, что советские студенты имели свое собственное спортивное общество «Буревестник», располагавшее хорошей базой стадионов, спортивных лагерей и пансионатов. Не ведают нынешние молодые и о всесоюзных студенческих играх и регулярно проводившихся зимних и летних Спартакиадах народов СССР.

Не случайно среди моих коллег по службе в УКГБ ЛО были прекрасные легкоатлеты-разрядники. До сих пор с восхищением вспоминаю технику бега на средние и длинные дистанции Евгения Плюснина, Юрия Николаева, Геннадия Силинского, Владимира Войтюка. Среди молодых оперуполномоченных выделялся красивой накачанной фигурой мастер спорта по гимнастике Игорь Николаевич Кошелев; гибкостью и прыжками мастер спорта по фигурному катанию на коньках Олег Иванович Шушкин (оба, увы, покойные). В бассейне не было равных мастеру спорта международного класса по плаванию Евгению Васильевичу Спиридонову, члену сборной СССР в Олимпийском Мехико (1968 год). И ныне всей стране и миру известен мастер спорта по борьбе дзюдо чемпион Ленинграда тех лет Владимир Владимирович Путин.

Регулярные занятия спортом и физкультурой в детстве и студенческой юности очень помогали нам, молодым чекистам, сохранять себя в отличной физической форме, успешно сдавать нормативы по легкой атлетике и офицерскому многоборью (бег, прыжки в длину, подтягивание на турнике, метание гранаты, плавание, стрельба), обязательные для каждого офицера-чекиста.

В нашей студенческой молодости также было очень много того, что окончательно сформировало те взгляды и убеждения, которые стали основой для принятия решения о службе в органах государственной безопасности.

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Жить взахлеб!
Это здорово кто-то придумал!
Роберт Рождественский

Наше студенчество пришлась на конец 60-х – начало 70-х годов. Только-только закончившие школы молодые семнадцатилетние парни были лохматыми и растрепанными – время «битломании» и расцвета бардовской авторской песни в Советском Союзе. Гитара – любимый музыкальный инструмент моих сверстников. И те, кто умел на ней играть и петь под гитару песни, всегда становились центром студенческих компаний, особенно на осенних работах в колхозах, в летних студенческих строительных отрядах.

В те годы в нашей жизни не было социальных сетей и виртуальных компьютерных игр. Парни знакомились с девушками не по интернету, а на танцах в студенческих общежитиях и актовых залах наших институтов, в процессе так называемых «вечеров отдыха», на которых танцевальную музыку играли самодеятельные вокально-инструментальные ансамбли, коих в те годы в Ленинграде было великое множество. Все эти ВИА были похожи на кумиров нашего поколения – ансамбли «Биттлз», «Роллинг стоунз», советские «Поющие гитары», «Самоцветы», «Песняры» и др. Как щемило сердце во время танца с понравившейся вам девушкой под шлягер Пола Маккартни «Girl» или «Восточную песню» в исполнении Валерия Ободзинского. О, как мы любили плясать популярный в те годы быстрый танец «шейк» под песни композитора Давида Тухманова с пластинки «По волне моей памяти», поднимая пыль с пола широченными брюками-клеш! Вспомним, друзья-ровесники, как долго и «по-заводному» гремела музыка и слова «Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете»!

На студенческих вечерах во всех вузах нашего города, да что там города, всей страны звучали замечательные танцевальные мелодии популярного молдавского вокально-инструментального ансамбля «Норок», а с песней «Я пьян от любви», которую на турецком языке исполнял всенародно любимый грузин Вахтанг Кикабидзе, мы действительно в медленном танце хмелели от нашей любви и молодости… Пели и самозабвенно танцевали будущие юристы, физики, историки, инженеры, врачи.

В студенческие годы мы влюблялись. Ярко и страстно. Сходились и расходились. Ссорились на всю оставшуюся жизнь, а через неделю вновь бросались в объятия друг друга. А те, кто действительно расходились на всю жизнь, чаще всего делали это без излишних аффектаций, громких восклицаний и дележа имущества. Мы жили полной и яркой жизнью нашей молодости. И нам совершенно не мешали ни комсомольские собрания, посвященные столетию В. И. Ленина (1970 год), ни изучение и конспектирование толстых «кирпичей» классиков марксизма-ленинизма в курсе «Истории КПСС», ни многочисленные лабораторные и проектные работы, ни экзамены и зачеты, которые надо было сдать (или «спихнуть»). Нас не угнетали многочисленные практики, проведенные на заводах, в научно-исследовательских институтах, клиниках, судах и прокуратурах.

Начало 70-х годов было НАШИМ ВРЕМЕНЕМ! Временем нашей молодости, так же как для наших родителей таким временем были суровые 30-е годы, о которых мы уже знали много страшного. И об эти тридцатых годах родители вспоминали, как о годах своей Молодости и Счастья, только хорошее.

Студенческие годы формировали наши характеры, взгляды на жизнь, идейную убежденность и ответственное отношение к будущей профессии, выявляли лидерские качества, в том числе через общественную работу в институтских комитетах комсомола, штабах студенческих строительных отрядов. На последних курсах обучения многие создавали свои семьи, в которых, совершенно естественно, появлялись дети.

Как и я, многие из моих бывших сослуживцев уже в студенческие годы были «взяты на контакт» сотрудниками отдела кадров Ленинградского Управления КГБ, которые вели изучение, проверку личных и деловых качеств на предмет возможного зачисления в органы государственной безопасности.

Наши крестные отцы

Мы выбираем, нас выбирают.
Как это часто не совпадает…
(Михаил Танич)

Во главе кадровой службы Управления КГБ по Ленинградской области стоял уникальный, не побоюсь этого слова, человек – Александр Петрович Корсаков (1926–2005 гг.). Во время моего зачисления в 1974 году он только-только получил звание подполковника, в дальнейшем до ухода из органов АП (как его уважительно называли сотрудники) главный кадровик ленинградских чекистов имел высокое звание генерал-майора.

Александр Петрович пришел в органы государственной безопасности с комсомольской работы, где получил отличный опыт работы с людьми. Всю свою службу с 1966 по 1988 год в УКГБ ЛО (более 20 лет!) посвятил подбору и воспитанию кадров ленинградских чекистов. Этот человек умел тонко разбираться в человеческих характерах, уделял особое внимание идейной убежденности кандидатов на службу, а также умению общаться с людьми, располагать их к себе. Своеобразным девизом Александра Петровича было – «вырастить из молодого сотрудника-чекиста профессионала человеческого общения».

Все, кому довелось служить в нашем Управлении, восхищались феноменальной памятью А. П. Корсакова на имена, фамилии, дни рождения сотрудников. Кажется, он помнил даже имена жен и родителей отдельных сотрудников, зачастую поражая молодых «оперов» такой уникальной осведомленностью. «Что же он еще знает и помнит обо мне, если имя-отчество моей жены правильно назвал?» – приходилось иногда слышать от тех ребят, кому довелось попасть к А. П. на так называемую «профилактическую беседу». Поэтому, мимо кабинета 401 мы старались проходить как можно реже, чтобы лишний раз не попадаться на глаза Александру Петровичу, строгому руководителю, который мог совершенно неожиданно, остановив оперработника, высказать что-либо о его поведении, продемонстрировав потрясающую осведомленность о фактах и обстоятельствах того или иного события.

Своим внешним видом (некоторая полнота, одутловатое лицо, слегка оттопыренная полная нижняя губа), а также взрывным темпераментом А.П. Корсаков напоминал мне знаменитого хоккейного тренера ЦСКА и сборной СССР Анатолия Владимировича Тарасова, славившегося своей жесткостью и требовательностью, но умевшего вдохновить коллектив сборной на волевые победы. Такие люди не всегда справедливы и деликатны. Их настроение и реакцию на просьбу подчиненного трудно предугадать. Они, несущие на своих плечах огромный груз ответственности за результат своей работы и всего коллектива, за воспитанных ими сотрудников (спортсменов), кажутся зачастую «людьми настроения». Но только такие личности, беспощадные к любому проявлению непрофессионализма и формализма в работе со стороны починенных, способны «поднять» людей на большие, грандиозные свершения.

А. П. Корсаков

Может быть, в 2016 году, к 90-летию со дня рождения А. П. Корсакова, подобранные и выращенные им чекисты-кадровики, как пенсионеры, так и ныне продолжающие свою ответственную кадровую работу в органах государственной власти, создадут книгу воспоминаний об этом уникальном человеке.

В течение более двадцати лет АП строил работу отдела кадров таким образом, чтобы каждый из сотрудников занимался подбором кандидатов по определенным направлениям службы или по конкретным подразделениям. Какой-то особенный сверхъестественный «нюх» на людей проявлял он в подборе своих собственных подчиненных, офицеров-кадровиков. Подавляющее большинство сотрудников отдела кадров были в прошлом оперативными работниками, но некоторые прошли школу службы в комендатуре или во вспомогательных оперативно-технических подразделениях. Многие из них служили под началом Корсакова десятилетиями. Некоторые, по инициативе Александра Петровича, выдвигались на руководящую оперативную работу, с которой справлялись на удивление успешно. По крайней мере, я не помню ни одного случая, чтобы выдвиженец Корсакова из числа кадровиков «завалил» тот или иной участок работы.

Владимир Васильевич Вахричев, Владимир Андреевич Бережнов, Николай Григорьевич Кулешов, Анатолий Федорович Щербаков,

Виктор Петрович Иванов, Евгений Георгиевич Плюснин, Юрий Николаевич Волгин, Юрий Александрович Гаврилов, Александр Михайлович Хромов, Виктор Константинович Кузнецов, Николай Васильевич Климашин, Александр Иванович Галкин – список профессиональных, грамотных кадровиков «корсаковской школы» можно продолжить на целую страницу! Каждый из них, подбирая кандидатов для службы в органы государственной безопасности, руководствовался набором личных и деловых качеств, обозначенных Александром Петровичем. Именно «кадровик», неся личную персональную ответственность за всесторонность и объективность изучения кандидата на службу, старался поддерживать контакт со своими «воспитанниками» на протяжении всего срока службы, даже если бывшие кандидаты превосходили кадровиков в своей карьере.

А. П. Корсаковым была создана стройная система подбора кадров во всех ленинградских вузах. Об эффективности его кадровой команды свидетельствует тот факт, что в числе зачислявшихся при нем в органы госбезопасности есть нынешний губернатор Санкт-Петербурга, заместители министров, директора Федеральной службы безопасности и Федеральной службы охраны, секретарь Совета Безопасности РФ, главы федеральных служб по контролю за оборотом наркотиков и исполнения наказания, глава Администрации Президента РФ и – сам нынешний Президент Российской Федерации!!!

«Моим» кадровиком был замечательный человек – Николай Федорович Николаев (1932–2010 гг.) – в 1973 году еще капитан, а впоследствии подполковник кадровой службы. Николай Федорович начинал в контрразведке, был замечен А. П. Корсаковым и приглашен в отдел кадров. Николаев обладал приятной внешностью, был всегда собран, доброжелателен, говорил хорошо поставленным, негромким голосом, четко формулируя свои вопросы. Он совершенно неподражаемо, с особой внимательностью умел чутко слушать собеседника. Казалось, он будто «пропускает через себя» ответ на поставленный вопрос, успевая осмыслить каждое услышанное слово. Николай Федорович никогда не перебивал собеседника, даже если тот говорил долго и путано. А затем в уточняющих вопросах демонстрировал потрясающую память и способность «выхватить» из потока слов главные, в которых должна была

содержаться нужная кадровику-профессионалу информация.

В обязательном порядке кадровики встречались и беседовали с женами кандидатов на службу в органы КГБ, бывало, посещали квартиры кандидатов, чтобы составить более полное представление о жизни и быте будущих офицеров. Сотрудники кадрового аппарата «корсаковской» школы высоко ценились как профессионалы HR-менеджмента. Уже после службы в органах госбезопасности Евгений Георгиевич Плюснин, как кадровик, стоял у истоков формирования петербургской налоговой полиции, дослужившись до звания генерал-майора (он и сейчас востребован в качестве топ-менеджера-кадровика в ПАО «Газпром»). Виктор Петрович Иванов, ныне глава ФСКН РФ, длительный период времени возглавлял кадровую службу администрации президента России.

Окончательное решение о зачислении на службу в КГБ всегда было за А. П. Корсаковым. Вывод «брать» или «не брать» (отказать) делался Александром Петровичем только после длительной, тщательно продуманной им скрупулезной беседы, в которой Корсаков зачастую, провоцируя кандидата, стремился понять степень его психологической устойчивости. По итогам этой беседы, в случае положительного решения о зачислении кандидата, начальник отдела кадров также принимал решение – в какое оперативное подразделение наиболее подходит для службы вновь принятый на работу молодой чекист. Самое удивительное, что выбор А. П. Корсакова был всегда, как говорится, «в десятку»!

Лично я, несмотря на то, что моя карьера никогда не была легкой и безоблачной, не имею ни малейшего повода обижаться на кадровиков, многие из которых были моими сверстниками и стали хорошими товарищами. С любовью и теплом вспоминаю мудрые, рассудительные советы и человеческие разговоры не только с зачислявшим меня Н. Ф. Николаевым, но и моими сверстниками Виктором Константиновичем Кузнецовым, его другом Николаем Васильевичем Климашиным, Виталием Владимировичем Засыпкиным, которые умели сочетать высокую требовательность кадровиков-наставников с простыми, дружескими человеческими взаимоотношениями с сотрудниками.

Следует отметить, что, кроме своего «первого» кадровика, у каждого будущего офицера был еще сотрудник, первым установивший с ним контакт и порекомендовавший кадрам рассмотреть его кандида-

туру для службы в КГБ. В моем случае это был Михаил Михайлович Павлов, 1946 года рождения, сотрудник второй службы Управления, в те годы осуществлявший противодействие контрабандной деятельности иностранных моряков, посещавших ленинградский Морской Порт. Мы познакомились через оперативный комсомольский отряд Ленинградского университета, где как студент юрфака я получал первый опыт типично милицейской оперативной работы. Михаилу нужны были молодые ребята, готовые выступать в роли понятых при проведении следственных действий, а при необходимости быть и заявителями о преступной деятельности контрабандистов.

Михаил уже при первом знакомстве показался мне очень взрослым, зрелым, умудренным жизнью человеком. Будучи выпускником Ленинградского политехнического института по редкой (для КГБ) специальности «инженер-строитель гидротехнических сооружений», М. М. Павлов осознанно принял решение служить в КГБ, где «можно было жить активной жизнью, реализовать себя, как личность».

«Мих. Мих.», как любовно называли Павлова сослуживцы, обладал спокойным, уравновешенным характером, сангвиническим темпераментом. Среднего роста, плечистый и накачанный борец-самбист, он своим внешним видом и манерой речи очень напоминал московского театрального артиста Авангарда Леонтьева, также хорошо, по-русски открыто улыбался и заразительно смеялся. Может, только взгляд у чекиста Павлова был жестче и попристальнее, чем у драматического артиста.

В первые годы своей службы, особенно в период работы в следственном отделе, мне неоднократно приходилось обращаться к Михаилу за советом в непростых для себя служебных или личных ситуациях. Я всегда получал исчерпывающий, мотивированный анализ ситуации, которую мне было трудно разрешить самому, за что очень благодарен ему, человеку чрезвычайно ответственному, за оказанную поддержку и помощь.

М. М. Павлов закончил свою службу в органах ФСБ на руководящей должности в звании подполковника. 13 ноября 2015 года я поздравил его с днем рождения, в шуточной форме подчеркнув, что он «встал на годовую предъюбилейную вахту, которую нужно провести результативно», чтобы в будущем году достойно встретить свой юбилей.

Мне приятно, что жизнь Михаила после окончания службы сложилась счастливо: у него есть стабильная, дающая материальное благополучие работа, его радуют два внука и внучка, подаренные единственной дочерью. Рядом с ним уже скоро сорок четыре года верная и мудрая жена Татьяна. Мир и благополучие вашему дому, друзья!

У каждого из моих товарищей-сослуживцев, впервые переступивших порог Большого дома, был свой «дебютный» чекистский коллектив, в котором всем новичкам приходилось делать первые шаги по овладению новой, еще непривычной для них профессией. Для меня таким коллективом стало первое отделение первого направления (впоследствии отдела) второй службы – контрразведка.

ПЕРВЫЙ ЧЕКИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Топ, топ, очень нелегки
В неизвестность первые шаги…
Алексей Ольгин

1 августа 1974 года я впервые вошел в здание Большого дома со второго подъезда, расположенного на углу Литейного проспекта и улицы Каляева (ныне Захарьевская). Мой кадровик Н. Ф. Николаев отвел меня, молодого выпускника юридического факультета университета, зачисленного в КГБ по государственному распределению (!), в приемную «кадрового бога» А. П. Корсакова.

В. С. Гусев, П. К. Кошелев

Пришлось очень долго ждать вызова в кабинет, проявляя терпение и выдержку. Александр Петрович должен был сообщить мне главное: будет ли моя служба в УКГБ ЛО начинаться в Ленинграде или же, с учетом моей областной прописки, в одном из подразделений Ленинградской области. Рядом со мной на диване в приемной сидел и, также, как и я, волновался молодой человек моего возраста, как я понял, уже служивший в оперативном подразделении. Этим парнем оказался Владимир Гусев, с которым уже через несколько месяцев у нас возникла крепкая, ис-

кренняя дружба.

Как рассказал мне позже Володя, Александр Петрович вызвал его в свой кабинет за тем, чтобы поздравить с днем рождения (ему исполнилось 24 года) и выразить пожелания успешной службы. В дальнейшем не один раз молодые сотрудники будут восхищаться совершенно уникальной памятью А. П. Корсакова, который, остановив в коридоре сотрудника, мог поинтересоваться здоровьем жены или успехами в школе его детей. При этом он никогда не путал имен, храня их в памяти, как в хорошем компьютере!

Мне не запомнилось содержание пожеланий, высказанных А. П. Корсаковым, хотя они, безусловно, были. Произошло это потому, что я с восторгом услышал новость о службе в контрразведывательном подразделении в Ленинграде, а также о том, что если успешно закончу спецшколу, Управление предоставит моей молодой семье из трех человек жилую площадь в городе. О таком подарке в 22 года в то время невозможно было даже мечтать! Радость от этого известия была настолько сильной, что я даже не огорчился от того, что вместо престижных «красных корочек» удостоверения младшего оперуполномоченного, лейтенанта КГБ, я получил на руки для прохода в Большой дом… зеленое удостоверение вольнонаемного сотрудника отдела правительственной связи. Корсаков объяснил, что «из-за независящих от Управления проволочек» документы на мое воинское звание еще «не подошли», но через месяц-другой, сразу при присвоении звания «лейтенант», буду получать оклад младшего оперуполномоченного в 110 рублей, плюс 90 рублей за воинское звание.

По окончании разговора А. П. Корсаков представил мне моего первого непосредственного начальника – Валерия Григорьевича Суслопарова, тогда еще майора по званию, который и отвел меня на рабочее место в кабинет на пятом этаже здания окнами на улицу Войнова (ныне Шпалерная). В этом помещении, как и в подавляющем большинстве других, работали четыре оперативных сотрудника. Мне указали на стол, стоявший у окна, справа от входа. Возле моего письменного стола был большой металлический шкаф (сейф) для хранения секретных документов. По соседству были еще два кабинета, в которых работали оперработники нашего отделения. Начальник отделения и заместитель имели отдельные кабинеты.

Валерий Григорьевич Суслопаров, начальник 1-го отделения 2-го направления 2-й службы (контрразведка) принял меня в своем кабинете весьма радушно. Его обаятельная улыбка, взгляд светящихся глаз с легким прищуром исключительно располагали к себе собеседника. В дальнейшем я не раз убеждался в умении Валерия Григорьевича вести беседу, убеждать людей не только силой своих аргументов, всегда четко логически выстроенных, но также искренней, неподдельной доброжелательностью. Суслопаров первым сообщил, что моим участком работы будет «контрразведывательное противодействие подрывным действиям зарубежных спецслужб противника на канале выезда за рубеж ленинградских ученых и специалистов».

Честно говоря, во время разговора я не очень понял, что такое «контрразведывательное противодействие». Хотя из краткого рассказа о задачах нашего подразделения выходило, что под «противником» подразумеваются спецслужбы США, Великобритании, ФРГ и других капиталистических стран, стремящиеся к осуществлению вербовок в качестве агентов советских ученых в целях получения разведывательной информации и организации провокаций, подрывающих научно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными фирмами, а также исследовательскими центрами.

Разговор с моим новым начальником был неожиданно прерван звонком красного телефона без циферблата, по которому В. Г. Суслопарову позвонил начальник 2-й службы А. А. Курков, пригласив обоих к себе кабинет для знакомства с молодым сотрудником. Короткая встреча с Анатолием Алексеевичем Курковым, будущим начальником УКГБ ЛО, всеобщим любимцем и умницей, произвела на меня сильное впечатление. Анатолий Алексеевич поразил простотой и раскованность общения, начиная с обращения ко мне словом «коллега».

Уже через несколько дней я узнал, что А. А. Курков готовился к отъезду в загранкомандировку в Германскую Демократическую Республику в качестве руководителя представительства КГБ СССР в ГДР, а значит, никак не мог располагать «лишним» временем, которого, к слову сказать, всем чекистам, особенно руководителям, всегда не хватало. Именно в эти дни он занимался передачей дел своему преемнику – полковнику К. И. Горохову, однако, несмотря на занятость, счел необходимым подробно описать мне контрразведывательные задачи, стоящие перед нашим отделением. Он также рассказал об особенностях моего будущего участка работы, обратил внимание, каким специальным дисциплинам мне следует уделить особое внимание в спецшколе КГБ, куда я должен был направиться на пять месяцев. Ана-

толий Алексеевич разъяснил, что с учетом моего юридического образования руководство службы сочло возможным ограничиться самым минимальным сроком специального обучения, не отправляя меня на год в Минск на высшие курсы КГБ. Завершил нашу встречу начальник службы словами: «С учетом Вашего образования и личных качеств, мы считаем, что Вы, коллега, уже к февралю 1975 года будете допущены к самостоятельной оперативной работе. А иностранным языком рекомендую заняться на наших управленческих курсах». Сам А. А. Курков еще в пятидесятые годы окончил Институт иностранных языков МГБ, располагавшийся на Пионерской улице Петроградской стороны, совершенно свободно говорил по-английски и по-немецки, чем однажды поразил американских сотрудников ФБР, посещавших Ленинград с официальным визитом.

В первые дни службы в УКГБ ЛО я познакомился со своими коллегами по нашему чекистскому коллективу. Уже через неделю-другую, после участия в оперативных совещаниях отдела и службы, встреч с другими руководителями, я понял, как повезло мне, что моим первым начальником стал Валерий Григорьевич Суслопаров (1931–2012 гг.), мягкий, интеллигентный человек, умевший «переживать внутри себя», никогда не срываясь на подчиненных. Высокий, красивый, черноволосый, всегда доброжелательно улыбающийся, Суслопаров никогда «не сдавал» подчиненных, даже если ему приходилось по всей строгости отвечать за их действия перед вышестоящим начальством на служебных совещаниях и особенно на партийных собраниях. В те годы Валерию Григорьевичу было немногим более сорока лет, но нам, начинающим чекистам он казался уже очень и очень умудренным человеком. В неформальном общении, в частности, во время семейных профессиональных праздников в День ЧК (20 декабря) руководитель раскрывался контактным, компанейским, веселым человеком, сочетая доброжелательность и открытость в общении с умением «держать дистанцию».

Заместителем В. Г. Суслопарова был капитан, ставший затем майором, Сергей Данилович Кузьмин 1936 г.р. (установочные данные изменены). Он прекрасно владел немецким языком, поскольку в 1963 году закончил отделение германистики филологического факультета ЛГУ. Примечательно, что студентом престижного вуза Кузьмин стал после трехлетней службы в Советской Армии в ВВС, где даже закончил офицерскую школу боевого применения дальней авиации, два

года летал на самолетах, совершал прыжки с парашютом. (Готовя этот очерк, я неожиданно узнал, что во время одного из прыжков у Кузьмина не раскрылся основной парашют, и только благодаря самообладанию и везению ему удалось приземлиться на двух запасных, чудом оставшись живым.)

В 1963 году, после окончания ЛГУ, С. Д. Кузьмин был призван на службу в органы КГБ, начав свою чекистскую карьеру переводчиком в представительстве КГБ СССР в Германской Демократической Республике, где прослужил до 1969 года. Его часто привлекали в качестве переводчика во время приезда в Большой Дом делегаций коллег из МГБ ГДР, и во время этих встреч С. Д. Кузьмина вполне можно было принять за немца. По своему темпераменту и характеру он был очень спокойным, уравновешенным, внешне, казалось, неулыбчивым человеком, среднего роста, сухопарым, медлительным в движениях и в разговоре. Как же я был удивлен, увидев его на стадионе «Динамо» при сдаче нормативов по бегу. Сергей Данилович демонстрировал прекрасную технику бега, отлично держал дыхание, пробегая зачетную дистанцию.

С. Д. Кузьмин ушел на пенсию в 1988 году в звании полковника. Длительное время работал в одном из первых советско-финских предприятий «Сфинкс», успешно осуществлявшем коммерческую деятельность между финскими и российскими предприятиями.

На должности заместителя начальника отделения Сергей Данилович сменил уходившего на пенсию по возрасту В.В.А. Тот был полной противоположностью С. Д. Кузьмина – нервный, заводной, темпераментный. В его поведении бросалось в глаза редкое для чекистов качество: внешнее отсутствие интеллигентности и хороших манер, которыми отличались В. Г. Суслопаров и С. Д. Кузьмин. Иногда молодым сотрудникам приходилось сталкиваться с проявлениями грубости со стороны В.В.А., доходило даже до сильно покоробившей меня ненормативной лексики.

Лишь через некоторое время я понял причину иногда плохо скрываемого раздражения В.В.А. по отношению к молодым сотрудникам. Он принадлежал к поколению фронтовиков, пришедших на службу в органы государственной безопасности после армейской службы в годы войны. Эти люди, несомненно, понимали, что мы, молодые, более образованные и эрудированные, выросшие в мирное время, приходим на смену заслуженным ветеранам-фронтовикам. Осознание

неизбежного ухода зачастую вызывало раздражение к молодым «операм», которые, по высказываемым ими вслух оценкам, были «еще не операми, а оперетками!».

Впрочем, могу привести совсем другой пример поведения ветерана по отношению к молодым сотрудникам. Напротив моего стола было рабочее место участника Великой Отечественной войны, майора Ивана Григорьевича Поторыкина (1923 г.р.). Его фронтовая и военная судьба была типичной для тех лет. В начале войны он, уроженец Тамбовской области, учился в электросварочном техникуме. Уже летом 1941 года вместе со своими товарищами был мобилизован для работы на оборонном заводе, производившем минометы для армии. Потом Поторыкина направили в Нижний Тагил, на танковый завод, где юноша по 12 часов в сутки сваривал детали знаменитых танков Т-34.

В 1942 году 19-летнего Ивана Григорьевича призвали в Красную армию, направив после короткой военной подготовки на фронт, где под Сталинградом он принял свой первый бой. Сержанту-артиллеристу Поторыкину было что вспомнить о страшном военном лихолетье. В одном из боев прицел орудия был разбит, и Поторыкин наводил свое орудие «по стволу», подбив один вражеский танк. В силу своей удивительной природной скромности и деликатности, Иван Григорьевич чаще не получал заслуженные награды. За подбитый танк медаль и орден получили вышестоящие начальники. Годы спустя, уже в КГБ, при реализации материалов по изобличению и задержке с поличным агента западногерманских спецслужб Шафхаузера, которым занимался лично Иван Григорьевич, правительственные награды вновь получили другие люди.

После тяжелого осколочного ранения И. Г. Поторыкин был демобилизован и вернулся на родину. Молодой, энергичный человек, бывший сержант-фронтовик был замечен сотрудниками МГБ, зачислен в штат органов госбезопасности и направлен на учебу. Служебный путь чекист прошел от должности младшего разведчика наружного наблюдения до старшего оперуполномоченного, получив к юбилею Победы 9 мая 1975 года высокое звание подполковника.

Внешне всегда спокойный, уравновешенный, Иван Григорьевич не мог похвастаться особой эрудицией, присущей молодым сотрудникам. Юридический факультет Ленинградского университета он заканчивал заочно, без отрыва от службы. Старший коллега очень дружелюбно, по-отечески относился к нам, молодым, часто помогая

ненавязчивыми, мудрыми советами, обращаясь к младшим оперуполномоченным только на «Вы» и только по имени-отчеству.

В мае 1975 года весь коллектив чествовал Ивана Григорьевича, удостоенного ордена Великой Отечественной войны 1-й степени, дополнившего его солдатские военные медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Долгие годы после ухода на пенсию И. Г. Поторыкин служил в режимно-секретном органе знаменитого на всю страну Государственного Института прикладной химии (ГИПХ), пользуясь уважением научных сотрудников и рабочих института за свои положительные личные качества: принципиальность, требовательность, в сочетании с доброжелательностью и порядочностью.

Я был искренне рад поздравить Ивана Григорьевича с его 90-летним юбилеем, поблагодарив за все доброе, что он сделал для меня в первые годы моего профессионального становления. Сейчас И. Г. Поторыкин, ветеран, офицер-чекист, до сих пор носящий в своем теле осколки фашистского снаряда, готовится встретить свое 93-летие. Здоровья Вам, дорогой Иван Григорьевич! Здоровья и благополучия. Живите как можно дольше! Вы нужны нам, россиянам, как живой пример мужества, стойкости, верности Родине.

Моим официальным наставником, отвечавшим за освоение начинающим сотрудником участка работы, был майор Виктор Викторович Лукьянов (1931–2007 гг.), высокий, седой, красивый мужчина за сорок лет. (Примечательно, что в год моего выпуска из университета его сын Владимир также стал студентом юридического факультета. А через семнадцать лет доцент кафедры уголовного права Владимир Викторович Лукьянов преподавал уже моему сыну Максиму, родившемуся в 1974 году.)

«Вик.Вик.», как по-доброму называли его сослуживцы, был просто сгустком энергии и темперамента. Он отнесся ко мне доброжелательно и, хотя не был «добрым дяденькой», никогда не позволял себе демонстрировать свое превосходство, а тем более унижать младшего по званию и по должности. Греха таить нечего, у некоторых моих товарищей не всегда складывались с наставниками идиллические отношения. Бывали стычки, даже конфликты. В отдельных случаях могло доходить даже до «разборок» на партийном бюро. В те годы это было очень серьезно, провинившимся мало не доставалось на партбюро и партсобраниях!

Полковник в отставке В. В. Лукьянов уже на пенсии был так-

же активен и жизнерадостен. Даже заболев тяжелым онкологическим заболеванием, он не сдавался, боролся с тяжким недугом, не позволяя себе раскисать и не давая возможности друзьям из числа бывших коллег выражать свои сочувствия и переживания. Виктор Викторович Лукьянов достойно жил и достойно ушел из этой жизни.

Вторым наставником, передававшим мне весной 1975 года участок оперативного обслуживания, был капитан Юрий Николаевич Журавский (1937 г.р.). Динамичный, целеустремленный человек в уже зрелом возрасте, он прямо-таки излучал из себя позитивную энергию, стараясь добиться положительных результатов в работе, и активно помогая товарищам по службе.

Жизненный путь Юрия Николаевича не был усыпан розами. Он родился в порту Андерма, на берегу Карского моря. Его родители завербовались на три года для работы на Крайнем Севере, поскольку происходили из семьи раскулаченных крестьян Архангельской области. Они вернулись в родную деревню перед самым началом войны. Юрию Николаевичу, тогда еще совсем ребенку, пришлось пережить военный голод, тяжелое послевоенное детство, когда ради учебы в школе приходилось запрыгивать на подножки товарных поездов, добираться до школы в страшные зимние северные холода. Маленький Юрий грезил авиацией, влюбившись в романтичную профессию полярного летчика, поэтому очень старался хорошо учиться. Кажется, он перечитал все издававшиеся в СССР книги о довоенной полярной авиации. Но мечта об учебе в военном летном училище так и не реализовалась. После трехлетней службы в армии на Карельском перешейке Журавский стал студентом Ленинградского института авиационного приборостроения, а затем «с подачи» комсомольских органов пришел служить в КГБ.

Закономерно, что Журавского вскоре перевели на работу, связанную с защитой государственных секретов в авиационно-космической отрасли, а затем на руководящую должность в один из районных отделов УКГБ. Юрий Николаевич закончил службу в звании полковника, начальника Ленинского райотдела, пройдя через длительную двухгодичную командировку в Афганистан. От своих друзей, работавших под его началом, мне было приятно слышать положительные оценки о нем, как о руководителе. Подчиненные его любили, а это всегда дорогого стоит!

Ю. Н. Журавский и сейчас по-прежнему энергичен, активно

работает в Совете ветеранов Управления ФСБ, передавая лучшие традиции преданности делу защиты Отечества молодому поколению сотрудников контрразведки.

Еще одним зрелым, опытным старшим оперуполномоченным нашего отделения был Евгений Александрович Иванов (1938–2013 гг.). Внешне Евгений Александрович производил впечатление очень простого человека. Его можно было принять за инженера, начальника цеха, прораба на стройке, но никак не за чекиста. Иванов был исключительно уравновешен, доброжелателен к своим товарищам по службе, в особенности к молодым сотрудникам. Он умел ненавязчиво, по-свойски, без демонстрации превосходства давать дельные советы. Говорил неспешно, убедительно, своеобразным голосом с характерной хрипотцой. Свою работу Е. А. Иванов выполнял без внешних эффектов и демонстрации своей значимости. Он учил молодых своим примером делать работу не ради процесса работы, а ради достижения результата.

В 80-е годы Е. А Иванов был выдвинут на руководящую работу в одно из районных подразделений, откуда его откомандировали в Афганистан. Он закончил службу в должности начальника райотдела, в звании полковника. Подчиненные ценили своего шефа за мудрость, порядочность, доброжелательность. К сожалению, в 2013 году Е. А Иванов ушел из жизни. Светлая ему память!

Моим соседом по кабинету, кроме И. Г. Поторыкина, был старший оперуполномоченный Владимир Евгеньевич Петров (1940-1998 гг.). Еще молодой человек, крепкого телосложения, Владимир обладал замечательным чувством юмора. Его ирония в отношении себя самого и товарищей была незлобивой, доброй, а главное – всегда уместной. Владимир Евгеньевич очень хорошо умел разряжать напряженные ситуации, которые нет-нет и возникали в мужском коллективе, где каждый ощущал себя сильной личностью и умел отстаивать собственное мнение.

Владимир Петров очень дружил с Владимиром Зосимовичем Нечаевым (1935–1994 гг.), своим товарищем еще со времен работы в городском комитете ВЛКСМ. Они дружили семьями, любили вместе проводить свободное время в выходные дни, когда они у них бывали – ездили на рыбалку в Эстонию на автомашине «Жигули», принадлежавшей Нечаеву.

С этой автомашиной была связана забавная история. Ежегод-

но все офицеры должны были сдавать нормативы по легкой атлетике, гимнастике, плаванию, стрельбе и рукопашному бою. Самым нелюбимым и трудным для сдачи был норматив по легкоатлетическому кроссу на 3000 метров. В начале мая 1975 года при сдаче нормативов сотрудниками 2-й службы случилось следующее происшествие. Забег проводился на стадионе «Динамо», трасса была размечена таким образом, что выбежав из ворот главного входа, далее нужно было двигаться вдоль ограды стадиона, вне его пределов, а потом вновь вбегать на спортивную дорожку в зону финиша через небольшую калитку в ограде.

Два близких друга, два Владимира, всерьез опасались, что Петров не сможет уложиться в норматив. Он набрал лишнего веса, но еще не достиг 35 лет, до которых было положено бегать 3000 метров. В работе Петрова и Нечаева всегда отличала оперативная смекалка и творчество. Вот и в этот раз они решили во время кросса облегчить себе задачу: Нечаев заранее поставил свои «Жигули» на проезжей части Константиновского проспекта в зоне, не просматривавшейся от главного входа. Друзья, кажется, все рассчитали верно: пробежав первую часть дистанции, завернув за угол ограды, сели в автомобиль, включили мотор и с ветерком проехали около километра до заветной калитки!

Д. П. Носарев

Вот только у калитки произошло непредвиденное – возле прохода стоял, одетый в генеральскую форму… начальник Управления КГБ генерал-полковник Носырев! И здесь седовласый генерал, бывший «смершевец», полностью перекрывший узкое дефиле ведущей на стадион калитки, взял друзей-спортсменов, как говорится, тепленькими! Какие слова услышали наши хитрецы от него, сейчас уже не рискну передать.

После этого случая на одном из партийных собраний в Красном зале Большого дома Даниил Павлович уделил им в своем выступлении достаточно много времени. Провинившиеся, кажется, были готовы сгореть от стыда, сидя в зале на своих местах. Генерал, умевший выступать публично, сравнил поступок двух офицеров чуть ли не с предательством на поле боя… Трехкилометровые кроссы после этого происшествия мы стали бегать по беговой дорожке вокруг футбольного поля, что по факту было гораздо труднее. И возможности у бегунов сократить или «срезать» дистанцию уже не было никакой.

Эту историю с улыбкой иногда вспоминают бывшие коллеги В. Петрова и В. Нечаева, с грустью отмечая, что неразлучные друзья один за другим ушли из жизни. Светлая память о друзьях-чекистах живет в сердцах их товарищей.

Зрелым, состоявшимся старшим оперуполномоченным нашего отделения был Виктор Иванович Логинов (1939 г.р.). Среднего роста, худой с аскетичными чертами лица, он обладал умением объяснять таким, как я, молодым сотрудникам, задачи и методы ведения оперативной работы в деталях, буквально «раскладывая по полочкам» – что и как нужно делать для достижения результатов. Он никаким образом не стремился поставить себя выше молодых, еще неопытных сотрудников. У него получалось «учить, не поучая». Виктор Иванович с удовольствием отвечал на вопросы о жизни в далекой, такой незнакомой нам Японии, где ему удалось побывать в краткосрочной зарубежной командировке.

Виктор Иванович в полной мере реализовал свои качества чекиста-наставника, посвятив длительный период службе в должности начальника одного из крупных районных подразделений нашего города. Выйдя на пенсию, Логинов вместе с друзьями-однокашниками по учебе в Высшей школе КГБ Б. В. Лавочкиным и В. А. Удальцовым стал одним из создателей клуба ветеранов УКГБ ЛО «Дом-4».

К «среднему поколению» сотрудников нашего отделения можно отнести Бориса Николаевича Вязового, Евгения Васильевича Олейника и Евгения Борисовича Улина.

Борис Вязовой (1946 г.р.) с первых же минут общения проявлял себя как сильный физически и нравственно человек, сдержанный в эмоциях, принципиальный и требовательный, как к другим, так и к себе. Вязового отличало крепкое, энергичное рукопожатие при встрече, при этом его взгляд был всегда направлен в глаза товарищу. Выпускник знаменитого Ленинградского военно-механического института, Вязовой получил отличное профессиональное образование, два года проучившись в Высшей школе КГБ. В те годы Борис был партгрупоргом нашего подразделения, относясь к своим общественным обязанностям со всей ответственностью. Не могу забыть, как строго, и нужно признать – по делу, отчитал он меня при принятии моего заявления о приеме кандидатом в члены КПСС. Никакие оправдания и ссылки на

плохой почерк и нехватку времени не были приняты. Вязовой заставил переписать заявление, разъяснив серьезность и ответственность этого события в моей жизни: «Ты что думаешь, в партию можно вот так небрежно вступить?» Хотя с формальной точки зрения не было проблем: все оперативные сотрудники и следователи органов КГБ были коммунистами! Не случайно в те годы был популярен лозунг: «Сотрудники органов государственной безопасности – это передовой вооруженный отряд коммунистической партии!»

При выполнении любых оперативных поручений Б. Н. Вязовой был исключительно ответственен, основателен, нацелен на результат. Эти личные и деловые качества помогли Борису Николаевичу сделать достойную карьеру. После командировки в Афганистан Вязовой служил на различных руководящих должностях в Управлении ФСБ, закончив службу в 2000 году в должности заместителя начальника Управления в звании генерал-майора.

Соседом Вязового и его другом (они пришли на службу в Управление в один день в 1972 году) был Евгений Борисович Улин (1945 г.р.), сухопарый, подтянутый, спортивный человек, кандидат в мастера спорта по плаванию, отличный бегун-стайер. Евгений с отличием (с «красным дипломом», как тогда говорили) закончил Горный институт, причем учился уже после трехгодичной срочной службы в армии, что было весьма непросто.

После окончания высших курсов КГБ в Минске Улин начал службу в нашем отделении. Евгений обладал хорошей, открытой улыбкой и прекрасно поставленной речью. Был в самом хорошем смысле слова нацелен на результаты в работе, а не на карьеру. В те годы он активно изучал английский язык на наших управленческих курсах, мечтая об учебе в 101-м Краснознаменном институте КГБ СССР, готовившем сотрудников разведки. Упорство и трудолюбие Улина было вознаграждено: он успешно окончил Краснознаменный институт, был направлен на службу в разведывательное подразделение, где служил до выхода на пенсию в 1992 году в должности начальника отдела и в звании полковника. (О причинах и обстоятельствах ухода со службы Евгения и многих других высокопрофессиональных сотрудников в годы, последовавшие за развалом Советского Союза, постараюсь рассказать в другой главе.)

«На гражданке» Е. Б. Улин проявил себя прекрасным организатором, создав и возглавив одно из первых крупных охранных предприятий Санкт-Петербурга, где и трудится по сию пору в должности президента ЧОП. Он по-прежнему подтянут, спортивен, посещает бассейн и замечательно выглядит в свои 70 лет! На память о Евгении у меня в личном архиве сохранился фотоснимок, на котором мы с Женей, работая на субботнике в пионерском лагере «Дзержинец», толкаем тяжелую вагонетку с дровами. Евгений широко улыбается своей обаятельной, располагающей улыбкой. В те годы мы были молоды, с удовольствием улыбались и искренне смеялись, когда удачно шутили. Мои сверстники, молодые сотрудники-чекисты, так же, как и я, еще не были биты жизнью, не прошли и не преодолели свои первые испытания и разочарования. Нелегкая, но очень важная и ответственная служба на благо Родины была у нас еще впереди.

В нашем отделении образца 1974 года работал еще один Евгений – Евгений Васильевич Олейник (1948–1997 гг.) В органы государственной безопасности Женя пришел после того, как после окончания вуза отслужил в качестве офицера-лейтенанта два года в Советской армии. В те годы это было обычным явлением: призывать в войска выпускников институтов в качестве офицеров запаса. Евгений был спокойным, уравновешенным человеком, говорил размеренно, тщательно взвешивая каждое свое слово. Всегда аккуратно подстриженный и безукоризненно одетый, старший лейтенант Олейник производил отличное впечатление. Его чувство юмора и необидная для собеседников ирония помогала ему устанавливать контакты с людьми. Профессионализм, работоспособность, требовательность к себе и подчиненным помогали Евгению делать успешную карьеру.

Однако жизнь Евгения Олейника сложилась драматично, а закончилась трагически. В 80-е годы Евгений оказался в числе тех чекистов, которые по инициативе бывшего председателя КГБ, а затем генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, были откомандированы на руководящие должности в органы МВД в целях их укрепления и чистки от усилившейся коррупции. Олейник занял один из руководящих постов в УБХСС (Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности). Во время службы в милиции на Евгения было совершено покушение на убийство. Олейник получил несколько тяжелых огнестрельных ранений, однако сумел восстановиться и в 1996 году принял активное участие в избирательной кампании будущего губернатора Санкт-Петербурга В. А. Яковлева. После избрания Яковлева на высшую государственную должность нашего

города Е. В. Олейник стал начальником управления административных органов правительства Санкт-Петербурга.

В 1997 году Евгений Олейник погиб в нелепой автомобильной катастрофе в результате лобового столкновения с грузовиком на Киевском шоссе. Вместе с ним ушел из жизни находившийся в машине его единственный сын. Проводить Евгения в последний путь пришли сотни его сослуживцев из КГБ и МВД. Больно и горько было видеть согбенную фигуру красавицы Лизы Олейник, в одночасье потерявшей двух самых близких ей людей и оставшейся одинокой вдовой…

Помимо меня, только что окончившего ЛГУ, в 1974 году в наше отделение пришли служить два выпускника Высшей школы КГБ: Валентин Николаевич М. (1945 г.р.) и Игорь Владимирович Н. (1952 г.р.). Валентин М. после срочной службы в Кремлевском полку КГБ был рекомендован для поступления в «Вышку» (Высшая школа КГБ) и успешно сдал вступительные экзамены. Уравновешенный, спокойный человек, с размеренной четкой речью, Валентин располагал к себе своей человечностью, основательностью, надежностью. На него можно было положиться, как товарищам по службе, так и руководителям. Еще в армии, став сержантом, он научился нести ответственность за людей, зачастую ненавязчиво, по-братски, давал советы мне и Игорю Н., исподволь воспитывая совсем еще молодых по возрасту сотрудников. Валя нечасто улыбался. Как правило, выражение его красивого, мужественного лица было серьезным. Однако когда М. был в настроении, особенно в неформальной обстановке, его улыбка источала неповторимую доброжелательность и обаяние. С ним было очень приятно совместно работать.

Мой ровесник Игорь Н. был одним из немногих, кто прошел строжайший отбор и был зачислен в «Вышку» после окончания средней школы. По диплому Игорь был юристом-правоведом со знанием… вьетнамского (!) языка. Невысокий, худой, с копной черных, как смоль, вьющихся волос, он действительно напоминал уроженца Востока. Семья Игоря была очень дружной, интернациональной: отец – украинец, мать – татарка. Возможно, благодаря этому замечательному смешению кровей Игорь вырос эрудированным, хорошо интеллектуально развитым, начитанным человеком. Он хорошо разбирался в классической и современной литературе, не пропускал ни одной театральной премьеры, с ним всегда было интересно обсудить новые кинофильмы и театральные постановки.

Вел себя Игорь скромно, иногда даже, как казалось, стеснительно, был хорошо воспитанным, умным, интересным собеседником, обладал хорошим чувством юмора, любил пошутить и не обижался на шутки в свой адрес. В то время старшие по званию офицеры зачастую подкалывали нас, молодых новичков. «Игорь, скажи нам что-нибудь по-вьетнамски», – просил Евгений Олейник, сидя за праздничным столом в честь дня ВЧК-КГБ. Игорь, немного поотнекивавшись, произносил какие-то мяукающие слова типа: «Сяо, ляо мяо, тяо»… Раздавался громкий смех, на который Игорь никогда не обижался, улыбаясь в ответ своей доброй, слегка смущенной улыбкой.

В дальнейшей службе Игорь Н. успешно использовал свои знания вьетнамского и английского языков, став одним из ведущих сотрудников оперативного подразделения, организовывавшего работу среди иностранных студентов и аспирантов. Мне довелось участвовать с ним в одном серьезном оперативном мероприятии, требовавшем смелости, находчивости и умения скрыть свою чекистскую принадлежность. Я был искренне восхищен тем, как непринужденно и легко Игорь общался с людьми, у которых даже ни на минуту не возникло предположения, что перед ними сидит чекист-профессионал, сотрудник спецслужбы. Игорь Н. ушел на пенсию в 1994 году в звании подполковника, отдав органам КГБ ровно 25 лет своей жизни.

Последние годы мы часто встречаемся с Н. на заседаниях клуба «Дом-4». Он поседел, но сохранил свою обаятельную улыбку и оптимизм, несмотря на пережитые семейные драмы. Для меня Игорь попрежнему остается молодым и энергичным человеком, каким он был при нашей первой встрече, состоявшейся уже более сорока лет назад!
В 1975 году в наше подразделение пришел из оперативно-технической службы еще один мой ровесник – Александр Викторович Лисовский (1952–2013 гг.). В ОТС Управления КГБ Александра зачислили после окончания восточного факультета ЛГУ. Саша свободно владел турецким и французским языками, имел глубокие знания об экономике, политике и культуре Турции. Лисовский очень мечтал стать оперативным работником КГБ, ради этого он, страдавший врожденным дальтонизмом, в прямом смысле слова выучил наизусть все офтальмологические таблицы цветности, сумев перехитрить строгую медицинскую комиссию. Мне, как уже «оперившемуся» сотруднику, было поручено опекать Александра и даже передать ему свой участок

работы, поскольку уже осенью 1976 года меня перевели на службу в следственный отдел.

С первой же встречи мы на долгие годы подружились с Сашей, его замечательной женой Ириной. В их квартире на улице Жуковского в наши первые годы службы проводили встречи в редкие часы выдававшегося свободного времени. Александр был невысок ростом, хорошо физически развит, прекрасно бегал, отчаянно играл в футбол, любимую игру молодых чекистов. Черные густые волосы и такие же пышные усы делали его очень похожим на турка, уроженца Ближнего Востока.

Комсомольское собрание в Красном зале, докладчик – зам. секретаря комсомольской организации УКГБ ЛО Татьяна Белова, справа – секретарь комитета ВЛКСМ Александр Лисовский

Через меня Александр Лисовский познакомился и подружился с моими одногруппниками по Ленинградской школе КГБ Владимиром Викторовичем Ивановым (1947–2002 гг.) и Владимиром Сергеевичем Гусевым (1950 г.р.). Между нашими семьями установилась искренняя дружба, которая украсила нашу чекистскую молодость и осталась в памяти одним из лучших воспоминаний.

Уже в 1976 году Александр был выдвинут на должность секретаря комитета комсомола УКГБ ЛО. Количество пришедших зачастую прямо со студенческой скамьи на службу молодых людей было к тому времени так велико, что даже в оперативных подразделениях появилась потребность в создании первичных комсомольских организаций, не говоря уже о технических и вспомогательных подразделениях (комендатура, секретариат, машинописное бюро и т. п.). Лисовский «не рвался до власти», да и опыта комсомольской работы у него было гораздо меньше, чем, например, у В. Гусева, возглавлявшего комитет ВЛКСМ знаменитого Ленинградского технологического института. Однако, очень быстро, без отрыва от служебных обязанностей, Саша стал настоящим комсомольским вожаком, занимаясь не только зачастую скучными комсомольскими собраниями и так называемыми «Ленинскими зачетами», но и проведением вечеров отдыха, летних и зимних туристских слетов,

концертов и КВНов. Активность Лисовского и возглавляемого им комсомольского бюро была столь высокой, что вскоре Сашу, как и последующих за ним комсомольских секретарей, перевели на освобожденную общественную работу.

До сих пор уже не молодые и изрядно постаревшие (телом, но не душой!) бывшие комсомольцы-чекисты встречаются 29 октября в день рождения комсомола, чтобы спеть наши любимые песни, вспомнить, какими энергичными, искренними мы были в те годы. Эти встречи доставляют нам, уже дедушкам и бабушкам, огромную радость, дают энергетический импульс, которым многие из нас живут до следующей встречи.

Саша Лисовский всегда был объединяющим центром этих вечеров. Говорю «был», потому что 13 октября 2013 года к нам пришла страшная новость: Саша скоропостижно скончался в своей квартире от разрыва сердца, которое к этому времени было изношено тяжелыми жизненными испытаниями. В 1988 году Александр пережил смерть любимой жены Ирины. С этой утратой он не смог примириться до конца жизни. У него на руках осталась дочь-подросток 1976 г. р. и сын-младенец, о котором, как о наследнике, Александр долгие годы мечтал. Лисовский не сломался, он пережил внутри себя страшную потерю, сделал все, что мог для того, чтобы поднять детей, не думая ни о собственной карьере, ни о благополучном будущем. Он не снискал высоких должностей и званий, выйдя на пенсию в звании подполковника.

В день похорон Александра в Большой зал крематория пришли сотни его друзей и сослуживцев, чтобы проститься с дорогим для всех нас человеком и почтить память Друга, Руководителя, Офицера-чекиста. Символично, что сын Александра продолжает дело отца и служит в Управлении ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

За время моей непродолжительной двухлетней службы в первом чекистском коллективе в наше отделение пришли еще два молодых перспективных сотрудника, имевших опыт освобожденной комсомольской работы. Один из них – Вячеслав Николаевич П. (1949 г. р.), выпускник Ленинградского политехнического института был отличным спортсменом-гандболистом, вратарем студенческой команды Политеха, в те годы очень известной своими спортивными достижениями. Умению «держать себя в руках», «не заводиться», а спокойно, без суеты делать свое дело его приучил спорт. Вратарь в гандболе ни при каких условиях не должен выходить из себя и мандражировать, а, наоборот

– должен стараться излучать из себя уверенность в своем превосходстве перед нападающими. Особенно при исполнении семиметровых штрафных бросков. Славе не было равных, когда мы, сотрудники второй службы, играли в футбол на стадионе «Динамо» пять на пять или шесть на шесть, используя гандбольные ворота. Забить в его ворота гол футбольным мячом было просто невозможно!

Вячеслав П. крепко подружился с пришедшим на службу немногим позже него Владимиром И. С-м. (1954 г. р.). Этому способствовало то, что они работали на одном участке оперативного обслуживания. Владимир С-й был зачислен в Ленинградское Управление КГБ с должности секретаря комитета комсомола НИИ командных приборов, куда пришел работать по государственному распределению после окончания Ленинградского института авиационного приборостроения. С самого начала проявил себя энергичным, в хорошем смысле слова амбициозным сотрудником, сумевшим в короткий срок освоить участок работы и добиться положительных результатов.

В дальнейшем, завершив службу в органах государственной безопасности, Владимир и Вячеслав продолжили свою работу в тандеме, «с нуля» организовав успешный бизнес. Владимир сделал карьеру в Москве в правительственных структурах, а затем длительный период времени успешно возглавлял в качестве генерального директора одно из крупнейших российских предприятий горнодобывающей промышленности. Вячеслав П. всегда был рядом с Владимиром С., добросовестно работая, как говорят среди пулеметчиков, в качестве второго номера. В этом, на мой взгляд, нет совершенно ничего обидного. Их человеческие и служебные взаимоотношения всегда были для меня образцовым примером умения дружить и совместно работать, соподчиняясь не тому, кто был выше на руководящей ступени, а делу, работе, результату.

ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

Крепко-накрепко дружить,
С детства дружбой дорожить
Учат в школе, учат в школе,
Учат в школе…

(Михаил Пляцковский)

Очень часто личные дружеские отношения между молодыми чекистами складывались не по принципу совместной работы в оперативном подразделении, а исходя из того, кто кого близко знал по учебе в институте или с кем вместе учился в специальной школе. Проведенный на Высших курсах КГБ СССР в Минске год, или пять месяцев учебы в ленинградской 401-й школе КГБ, или пять лет на казарменном положении в московской ВКШ сплачивали молодых людей на десятилетия. Я знаю множество примеров, когда мои коллеги, чьи койки стояли рядом в армейской казарме, в дальнейшем на протяжении многих лет поддерживали друг с другом теплые, человеческие отношения, даже если их служебные пути не пересекались. Мне известно, что большие начальники, сделавшие карьеру в органах госбезопасности, приглашали к себе на службу бывших коллег, ушедших на чекистскую пенсию с весьма скромных должностей. Делали это наши бывшие руководители потому, что были, несомненно, уверены в человеческой порядочности, ответственности и самоотдаче своего конкретного подчиненного.

Такие близкие друзья появились и в моей жизни уже осенью 1974 года, во время учебы в 401-й школе КГБ на «курсах повышения квалификации оперативного состава органов КГБ». С сентября 1974 по январь 1975 года на этих курсах учились около сотни молодых сотрудников, разделенных на три учебных группы примерно по 30 человек. Бок о бок набирались знаний молодые чекисты из Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Архангельской, Мурманской, Московской областей, а также из Ленинграда. Практически все они были новичками в органах КГБ, пришедшими по рекомендации трудовых коллективов, комсомольских организаций, армейских особых отделов. Среди нас были бывшие инженеры, учителя, юристы, работники транспортных отраслей (железнодорожный, водный транспорт, авиация). Мы усердно ежедневно по восемь часов, шесть дней в неделю штудировали юриспруденцию, специальные дисциплины, психологию, овладевали навыками рукопашного боя, сдавали нормативы по легкой атлетике и плаванию, учились стрелять из пистолета Макарова и автомата Калашникова.

Жили и учились дружно, поскольку все тяготы службы были общими для всех. Такая учеба сплачивала людей. Не случайно годы спустя, во время командировки в Таллинн, мне оказал огромную помощь в работе мой одногруппник Александр Б. Открытый, физически сильный, идейно убежденный русский парень, он сделал карьеру, став впоследствии одним из руководителей контрразведки Эстонской ССР. С волнением думаю о том, как сложилась его судьба после 1991 года, когда в «свободной Эстонии» началась «охота на ведьм». На примере моего

латышского друга, бывшего полковника КГБ, знаю, каким унижениям и преследованиям подвергались и подвергаются до сих пор честные и добросовестные профессионалы, сотрудники КГБ. Их даже обвиняют в «сотрудничестве с враждебным Латвии государством».

Мои вновь обретенные друзья Олег Е-н и Владимир К-ма, сотрудники КГБ Молдавской ССР, предложили провести в Кишиневе мой первый чекистский отпуск 1975 года. Приняли однокашники просто замечательно! Из Кишинева я возвращался в Ленинград через Москву, посетив Тулу, где мой одногруппник, историк по профессии, Борис Т. лично провел для меня экскурсию в имение Льва Толстого Ясная Поляна, где до призыва на службу в КГБ работал в качестве экскурсовода. В 401-й школе я наиболее сблизился и подружился с двумя Володями: уже упомянутым Владимиром Сергеевичем Гусевым (1950 г.р.) и Владимиром Викторовичем Ивановым (1947–2001 гг.). Оба они были ленинградцами. В. Иванов был постарше нас с Гусевым и успел после окончания Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС) отслужить два года в армии в качестве лейтенанта, откуда его и рекомендовали в органы КГБ. Уже во время учебы мы стали проводить вместе свободное время, подружившись также и семьями. Владимир Гусев был холост, и наши жены всегда старались «подкормить Вовчика», который был замечательным собеседником, обладал прекрасным чувством юмора и проникновенно пел песни на стихи Марины Цветаевой, Бориса Пастернака и других поэтов.

Нам было искренне интересно общаться друг с другом. Позднее, уже в конце 1975 года, в нашу компанию влился Александр Лисовский. Именно у него в квартире мы отмечали дни рождения, Новый год, 8 марта. На этих вечеринках со скромным столом пели песни, зачастую собственного сочинения, посвященные именинникам; пили вино, шутили, смеялись, танцевали. Мы никогда не обсуждали на этих встречах никаких служебных вопросов. Супруги понимали, что, будучи женами чекистов, стали «декабристками» и что самым главным для нас является Наша Работа, о которой нельзя задавать вопросов и которую не принято обсуждать вслух. Наши женщины очень быстро нашли общий язык: все они были вынуждены принимать как должное то, что их мужья сутками пропадают на работе, зачастую и в выходные дни. Всем им приходилось терпеть то обстоятельство, что по вечерам нам очень часто звонили по служебным делам не только мужчины, но и женщины. Конечно же, не

обходилось без ревности и обид, но мудрые профессиональные кадровики еще на стадии нашего изучения перед зачислением в органы КГБ сумели сформировать у жен правильное отношение к особенностям нашей (и своей) чекисткой службы.

Уверенно могу сказать, что подавляющее большинство жен молодых сотрудников гордились тем, что их мужья служат в КГБ, решая важные государственные задачи. Они по праву радовались нашим успехам, когда мы их достигали.

Судьбы у обоих Владимиров сложились по-разному. Иванов В. В. в конце 80-х годов поступил в аспирантуру ВКШ имени Дзержинского, защитил кандидатскую диссертацию и остался в Москве на преподавательской работе, успешно реализуя свои личные и деловые качества. Он сохранил свое потрясающее жизнелюбие и оптимизм, но даже эти природные качества не смогли помочь ему победить тяжелое онкологическое заболевание, которое привело к безвременной смерти Володи в 2001 году всего лишь на 55-м году жизни…

Гражданскую панихиду на Серафимовском кладбище по полковнику ФСБ Иванову В. В. открывал и вел В. С. Гусев, к тому времени уже генерал-майор, заместитель начальника Управления ФСБ, настоящий чекист-профессионал. Правда, путь его к этой должности не был увенчан лаврами и выстлан пальмовыми ветвями. В 1991 году в августовские дни Владимир Сергеевич был выборным, освобожденным секретарем партийной организации УКГБ ЛО, за что подвергся самым тщательным проверкам и «допросам с пристрастием» со стороны «депутатской комиссии по расследованию враждебной России деятельности». Гусев сумел доказать свой профессионализм и ответственное отношение к делу, сделав блестящую карьеру, закончив службу в должности первого заместителя начальника УФСБ. В настоящее время генерал-лейтенант запаса Владимир Сергеевич Гусев возглавляет Совет ветеранов Управления ФСБ, трудится в сфере обеспечения экономической безопасности крупной энергетической компании.

Во время учебы в спецшколе я сидел за одной партой с Сергеем Сергеевичем Столяровым (1949 г. р.), выпускником Ленинградского института железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Сергей был уже в звании старшего лейтенанта, поскольку зачислялся в КГБ после двухлетней службы в армии в войсках военного сообщения. Высокий, худой, с прямой спиной, слегка вытянутым лицом, Сергей Столяров про-

изводил впечатление очень серьезного, вдумчивого человека. На первых в моей жизни учебных стрельбах из личного оружия Сергей учил меня правильно целиться, поскольку имел неплохой армейский навык стрельбы из пистолета Макарова. В свою очередь, я давал Сергею и другим одногруппникам консультации по вопросам юриспруденции.

После окончания учебы жизнь развела нас по разным подразделениям. Мы не часто встречались, поскольку транспортный отдел, где служил Столяров, располагался на Витебском вокзале. Сергей, как и другие его коллеги, решали оперативные задачи обеспечения безопасности и секретности перевозок военных и стратегических грузов, работали по предупреждению возможных террористических и диверсионных проявлений на объектах транспорта (железнодорожного, водного, воздушного).

Во время учебы, приезжая рано утром в Ленинград на электричке со станции Ивановская, где в то время жил, я встречался на Московском вокзале с Владимиром Васильевичем Л. (1950 г. р.), который ехал на учебу из Колпино, где проживал и работал в районном отделе УКГБ. До находившейся на Охте нашей школы мы добирались в вечно переполненном трамвае маршрута № 10. Мы с Володей, красивым, широкоплечим блондином, приятным в общении человеком, как правило, стояли на задней площадке и разговаривали на разные бытовые темы. Забавно было слышать нам, молодым чекистам, мифические истории, которые рассказывали друг другу пассажиры: «Видишь здание? В нем размещается секретная школа КГБ, где чекистов учат боевым искусствам. Они должны уметь убивать голыми руками и тренируются на заключенных, а трупы по подземному ходу выносят на Большеохтинское кладбище!»

Подобного рода легенд и мифов о Большом Доме и чекистах в те годы было великое множество. Мой сосед по коммунальной квартире, тихий алкаш-слесарь Женя, отсидев по пьяному делу 15 суток в апреле 1975 года, рассказывал соседям: «Знаете, где меня держали? В Большом доме на подземном 12-м этаже, где каждый день меня избивали!» В ответ на мою реплику (а в то время соседи не знали, где я служу) о том, что на нем не видно следов побоев, находчивый алкаш ответил: «А ты знаешь, чем они там бьют? Сжатым воздухом!!!» Какой же шок испытал Евгений и все мои соседи, когда увидели меня, выходящим рано утром 9 мая 1975 года из комнаты коммунальной квартиры в парадной форме

лейтенанта КГБ! В числе других коллег я был назначен в наряд на один из пунктов пропуска на Дворцовую площадь, где в тот день проводился парад в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В годы моей учебы наша спецшкола была зашифрована под курсы повышения квалификации офицеров гражданской обороны, поэтому преподаватели носили общевойсковую форму с соответствующими петлицами. Сейчас нет необходимости в подобной зашифровке и уже никто не скрывает, что в комплексе зданий располагается институт ФСБ Российской Федерации.

В нашей группе учились два молодых сотрудника, которые имели авиационное образование, Владимир Г. и Виктор Ч. Они уже были зачислены в подразделение, осуществлявшее обеспечение безопасности полетов в аэропорту «Пулково». Несколько позже в это же подразделение пришел на службу молодой выпускник ЛИАПа Георгий Сергеевич Полтавченко (1954 г. р.), нынешний губернатор Санкт-Петербурга.

Со многими «одноклассниками» по специальной школе я взаимодействовал по линии своей работы. С ними было гораздо легче и проще находить общий язык, вспоминая «школьные годы чудесные». Кроме работы нас связывали добрые дружеские отношения. До сих пор с удовольствием вспоминаю с моим чекистским одногруппником Сергеем Владимировичем В. (1952 г. р.), как в 1976 году по его просьбе накануне Нового года приезжал в его квартиру в костюме Деда Мороза, чтобы поздравить его сына-первенца.

Позднее, уже работая в 5-й службе Управления, я познакомился с отцом Сергея, замечательным художником-графиком, прекрасным, общительным, доброжелательным человеком. Часто бывал в его мастерской и квартире на Петроградской стороне, где гостеприимно и хлебосольно принимала мама Сергея, («мама-Люся»), настоящий стержень семьи В-х.

Наши наставники много внимания уделяли идейному воспитанию молодых чекистов. Признаюсь, преподаватели марксизма-ленинизма в этом вопросе оказывали значительно меньшее влияние, чем умудренные опытом и жизнью оперативники, многие из которых прошли Великую Отечественную войну, воюя с фашистами в тылу врага, работая за рубежом в непростое послевоенное время. Своим собственным примером самоотверженной службы эти люди формировали в нас чувство патриотизма и преданности избранной чекистской профессии.

Коллеги, закончившие годичные курсы КГБ в Минске, рассказывали, что на плацу, где проводились обязательные для слушателей строевые занятия, висел плакат: «Единственная привилегия чекиста – первым идти в бой за Родину!» В оперативных подразделениях наставники и начальники воспитывали нас в таком же духе. Мы на генетическом уровне ощущали связь поколений. Наши отцы были участниками и победителями в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. И мы гордились подвигом солдат Советской Армии, стремясь быть достойными наследниками Победы.

Так же поступали не только в семьях чекистов, но и военных, сотрудников милиции, в семьях учителей, врачей, рабочих и крестьян. Жизнь ради собственного обогащения, меркантилизм, корыстолюбие были уделом единиц, изгоев советского общества тех лет, людей, против которых боролись органы КГБ и БХСС. Мы еще с начальной школы, а пожалуй, даже с детского сада, где уже начиналось социальное воспитание, знали:

«Нынче каждый труд почетен,
Где какой ни есть.
Человеку по работе
Воздается честь!»

Вступая в пионеры, мы давали клятву, которая не была для нас пустым звуком, западала в сердце и запоминалась на всю жизнь: «Я, юный пионер Советского Союза, вступая в ряды пионерской организации, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить нашу Советскую Родину, жить и учиться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия!»

НАШИ НАСТАВНИКИ

Наставникам за благо воздадим!
А. С. Пушкин

Во 2-й службе, где я начал работать в качестве оперативного сотрудника, большую роль в становлении молодых офицеров играли начальники отделов. Вспомню тех, кто оставил в моей памяти наибольшее впечатление.

Начальником второго отдела был Николай Иванович Беляев (1933–2005 гг.). По национальности карел, Беляев учился в Высшей школе КГБ, владел иностранными языками. Невысокого роста, с острым, пронзительным взглядом с прищуром, он как будто просвечивал собеседника психологическим рентгеном. Своеобразная манера речи Беляева, во время которой он растягивал слова и делал паузы, свидетельствовала о том, что за годы службы в КГБ он привык продумывать и взвешивать каждое свое слово. Николай Иванович был одновременно и доброжелательным, и требовательным к молодым сотрудникам, неоднократно подчеркивая, что он доверяет молодым, несмотря на допускавшиеся в отдельных случаях ошибки и недоработки, связанные с неумением и отсутствием опыта. Но с леностью, разгильдяйством Беляев не мог смириться никогда! Хотя при «разборе полетов» и был чрезвычайно дипломатичен, умел необидно указать на ошибки и недоработки сотрудников.

На встрече с женами молодых сотрудников в 1976 году Н. И. Беляев буквально обаял их, найдя хорошие, добрые слова о каждом из мужей.

Беляев совершенно не стремился «делать» карьеру, с достоинством держал себя с вышестоящим начальством, совершенно не занимался «преподнесением» своей работы и ее результатов. Позже Николай Иванович был переведен в КГБ Карельской АССР, где и закончил службу в звании полковника, заместителя начальника КГБ автономной республики. С самого начала учреждения клуба ветеранов контрразведки «Дом-4» до самой смерти Беляев Н. И. постоянно посещал заседания клуба, с удовольствием общаясь со своими бывшими сослуживцами, многие из которых до сих пор благодарны ему за уроки профессионализма и преданности своему делу.

Начальником 1-го отдела 2-й службы был Игорь Георгиевич Хухарев (1932–2007 гг.), внешне производивший впечатление сурового, всегда сосредоточенного, собранного человека. Этот руководитель отвечал за одно из самых ответственных и сложных направлений контрразведывательной деятельности: выявление, разработку и изобличение агентов иностранных разведок из числа советских граждан. Игорь Георгиевич досконально знал свое дело, был профессионалом высшей пробы. Попасть к нему в подчинение, работать под его началом было мечтой многих сотрудников, даже, несмотря на то, что «почетный чекист»» Хухарев был очень строгим и требовательным руководителем,

нетерпимо относился к любому проявлению поверхностного, «приблизительного» или (не дай бог!) халатного отношения к делу.

Служивших в отделе И. Г. Хухарева сотрудников можно смело отнести к «оперативной элите» УКГБ ЛО. С. А. Хабаров, Ю. И. Шаперин, С. И. Огнев, (о которых я еще вспомню), уже проявившие себя яркими личностями и энергичными сотрудниками, под руководством Хухарева раскрылись, реализовали свои способности оперативников и руководителей. Не случайно все перечисленные мной коллеги за работу по изобличению и аресту агентов зарубежных спецслужб удостоились высокого звания «Почетный сотрудник органов государственной безопасности». Подчиненные И. Г. Хухарева отмечали, что Игорь Георгиевич никогда не демонстрировал своего профессионального превосходства над молодыми, еще неопытными сотрудниками, хотя человек, награжденный за свою контрразведывательную службу орденом Боевого Красного Знамени, возможно и мог бы так вести себя. Он руководствовался принципом, что при проведении «мозговых штурмов», моделировании поведения и поступков разрабатываемого ими агента каждый сотрудник, принимавший участие в работе по оперативным материалам, имеет право высказывать свое мнение, выдвигать версии, делать предложения. Хухарев никогда не «давил авторитетом» на подчиненных, стараясь создать в коллективе творческую атмосферу и в то же время требуя полной самоотдачи, а если было нужно – самоотверженности в работе.

Ну, а улыбаться, шутить Игорь Георгиевич умел и даже любил. На традиционных вечерах с семьями в честь профессионального праздника Хухарев зачастую был душой компании. Он с удовольствием общался как со своими подчиненными, так и с их женами, которые слышали от своих мужей много восторженных отзывов о своем начальнике.

Яркими, запоминающимися личностями были начальники отделов 2-й службы тех лет – Альберт Федорович Стародубцев (1937–2015 гг.) и Евгений Никитович Мурлыкин (1935–2000 гг.). Стародубцев – высокий, широкоплечий мужчина с динамичной спортивной походкой, всегда выглядел очень солидно. Впечатление от его статной фигуры, двигавшейся по коридорам Большого дома, дополнялось крупной обритой головой и взглядом больших глаз, направленным куда-то вдаль. Так выглядел на картине художника А. Бенуа император Петр I, идущий своим аршинным шагом по корабельным верфям строящегося Санкт-Петербурга. Жизненный путь Альберта Федоровича, ребенком пережившего Великую Отечественную войну, был во многом типичным

для послевоенных лет. Сын участника войны, Стародубцев закончил в 1955 году Ташкентское суворовское училище, после чего поступил в располагавшийся в те годы в Ленинграде институт иностранных языков КГБ СССР, по окончании которого в 1959 году стал чекистом-контрразведчиком.

24 календарных года своей службы (1965-1989 гг.) Альберт Федорович провел в стенах Большого дома, заслужив звание «Почетный сотрудник органов государственной безопасности» и закончив службу в звании полковника. В год моего прихода во 2-ю службу Стародубцев, еще майор, 37 лет, был в отличной спортивной форме. Он прекрасно играл в баскетбол, отличаясь высокими прыжками и умением в быстром прорыве пройти к щиту для результативного броска.

Но не только в спорте реализовывал Стародубцев свою энергию. Он был требовательным, активным начальником, жестким, но справедливым, показывающим своим молодым подчиненным пример самоотверженного труда по защите безопасности государства. Обладая талантом организатора, Стародубцев умел нацеливать весь коллектив своих подчиненных на достижение положительного результата. Он был строг и нетерпим к любым формам проявления непрофессионализма и «приблизительности» в работе молодых чекистов, никогда не позволял, чтобы реальные результаты подменялись простым рассказом о том, «что было сделано для достижения результата».

После ухода на пенсию полковник Стародубцев не порвал своей связи с Большим домом, принимал активное участие в работе Совета Ветеранов, помогал в передаче славных чекистских традиций новому поколению сотрудников УФСБ. Альберт Федорович проявил незаурядные способности историка и писателя, написав и издав книги «Дважды невидимый фронт» и «В битве ничьей не бывает» о борьбе органов НКВД с вражескими диверсантами и шпионами в блокадном Ленинграде.

Евгений Никитович Мурлыкин руководил отделом, осуществлявшим контрразведывательное обеспечение безопасности железнодорожного транспорта. В отличие от темпераментного Стародубцева, он был исключительно уравновешенным, спокойным, располагающим к себе человеком, умевшим деликатно и доходчиво обучать и воспитывать молодых сотрудников. Среднего роста, плотный мужчина с красивыми черными волосами, Мурлыкин говорил своим негромким, четким голосом размеренно и убедительно. Евгений Никитович очень располагал к себе молодых сотрудников, причем не только своих непосредствен-

ных подчиненных, проявляя к людям непоказной, искренний интерес. От общения с ним всегда оставалось положительное впечатление, как о человеке доброжелательном, желающем помочь молодому работнику влиться в новый для себя чекистский коллектив. Е. Н. Мурлыкин долгие годы проработал в качестве одного из руководителей образованной в УКГБ ЛО 4-й (транспортной) службы, уйдя на пенсию в звании полковника.

Руководителем 2-й службы после А. А. Куркова стал Капитон Иванович Горохов (1921–1990 гг.), спокойный, уравновешенный, внешне медлительный человек, отличавшийся мудростью и талантом аналитика. В молодые годы Горохов нескольких лет провел в качестве разведчика-нелегала в одной из скандинавских стран. Однажды мы с Володей Гусевым, поздно вечером возвращались со службы домой и увидели Капитона Ивановича на Литейном проспекте. Мы были удивлены, как тщательно, «не по-русски» Горохов переходил проспект по зеленому сигналу светофора. В то же время отметили, что полковник контрразведки, крупный руководитель Управления КГБ на улице выглядел совершенно неприметным, не бросающимся в глаза человеком.

Мне практически не пришлось бывать на докладе у Капитона Ивановича. Уже во время службы в следственном отделе, во время дежурств по Управлению КГБ я рано утром знакомил Горохова с рапортом оперативного дежурного, который он всегда очень внимательно, не давая никаких комментариев, прочитывал, а потом очень четко, «в точку» задавал вопросы по существу той или иной информации. Он всегда оставлял на рапорте свою короткую резолюцию-указание. Отмечу, что не могу вспомнить ни одного выступления К. И. Горохова на традиционных партийных собраниях службы и Управления. Истинный профессионал-контрразведчик К. И. Горохов был чужд «общим славословиям».
Жизнь в УКГБ ЛО, так же, как и во всем Советском Союзе, была весьма политизированной. Кроме служебной и личной жизни была еще «жизнь общественная», в которой каждому коммунисту и комсомольцу было положено иметь «общественную нагрузку». В отделениях обязательно были партгрупорг и его заместитель, политинформатор, человек, отвечающий за подписку на периодические издания (в том числе политические). В отделах и службах были партийные бюро, а над ними партийный комитет УКГБ ЛО, в который избирали самых авторитетных коммунистов-руководителей (как принято было тогда говорить) и наи-

более активных оперативных сотрудников. Секретарь парткома и два его заместителя были освобожденными от оперативной работы людьми. Кроме того, при парткоме существовал политкабинет с библиотекой политической литературы, в которой можно было получать материалы для политинформаций или политзанятий.

Секретарем партийного комитета в 1974 году был Алексей Алексеевич Кожевин (1926 г.р.), бывший следователь. Седовласый, импозантный, худощавый, подвижный мужчина около 50 лет. Он обладал тонким, как говорится, «с трещинкой» голосом, поэтому Алексей Алексеевич не был ярким политическим оратором. В повседневной обыденной жизни Кожевин не производил впечатление «сухаря», был улыбчив, приветлив, доброжелателен, мог удачно и с удовольствием пошутить. В начальный период моего становления в следственном отдела мне довелось изучать уголовные дела, которые вел А. А. Кожевин. Я мог убедиться в его профессионализме и типично следственной скрупулезности к мелким деталям поступков людей и оценки фактов. Несколько лет назад нам довелось встретиться друг с другом в коридоре Управления ФСБ неподалеку от бывшего кабинета парткома после торжественного заседания в честь дня работников государственной безопасности России. С какой улыбкой, с каким просветленным лицом говорил мне Алексей Алексеевич о своей жизни на даче, где «воспитывает внуков, ждет правнуков и радуется жизни». Не старости, а именно жизни!

Заместителем по организационным вопросам, курировавшим комсомольскую организацию Управления, был Николай Сергеевич Валдайцев (1926–2007 гг.). Он был сослуживцем Кожевина по следственному отделу, оба знали друг друга еще со времен учебы в школе КГБ на Пионерской улице, куда он поступил по комсомольскому набору в 1946 году после окончания техникума. Такой же худощавый, как Кожевин, с тонкими чертами лица, носил крупные очки в роговой оправе. Манера речи и интеллигентность в общении с собеседниками придавали Николаю Сергеевичу вид университетского профессора. Николай Сергеевич был удивительно скромным человеком, не умевшим и не любившим преподносить себя, как руководителя, начальника. Хорошо помню его добрую улыбку «в усы», тонкой ниточкой украшавшие его верхнюю губу, а также веселые глаза. Не являясь перестраховщиком и формалистом, Валдайцев очень доверял нам, молодым, хотя и нес за комсомольцев персональную ответственность. Николай Сергеевич не

только разрешил проведение первого туристского слета комсомольской организации УКГБ ЛО, но и сам выезжал на лыжную базу общества «Динамо» в Васкелово, в палаточный лагерь на озере Зеркальное. Мы до сих пор самыми добрыми словами вспоминаем Николая Сергеевича, его доверие, доброжелательность, умение общаться с молодежью, не чинясь и не подчеркивая своего руководящего превосходства.

Н. С. Валдайцев ушел на пенсию в 1979 году, прослужив в органах КГБ 32 календарных года. Причем 18 лет(!) он работал в парткоме Управления! До последних дней своей жизни Николай Сергеевич был предан чекистским идеалам, не терял связи с Управлением КГБ-ФСБ. 20 декабря 2006 года 80-летний ветеран контрразведки Н. С. Валдайцев собирался пойти в Большой дом, чтобы отметить праздник сотрудников органов государственной безопасности, когда с ним случился обширный инсульт. 7 января 2007 года он ушел из жизни и был похоронен на Смоленском кладбище. Светлая Вам память, дорогой Николай Сергеевич!

Н. В. Кацидым

С заместителем секретаря парткома Николаем Васильевичем Кацидымом (1938–2011 гг.) я познакомился в декабре 1974 года, выполняя общественное поручение по организации первого вечера отдыха для комсомольцев вспомогательных подразделений Управления. В моем архиве хранится фотография, на которой Николай Васильевич искренне, задорно смеется, будучи зрителем нашей пародийной постановки «Майор Пронин и другие»… В его речи, слегка замедленной, отчетливо ощущался мягкий украинский выговор. Позднее, работая под руководством Н. В. Кацидыма в 5-й службе (идеологическая контрразведка), я оценил его вдумчивость, умение удачно, незлобиво пошутить. В эти минуты в уголках его карих глаз появлялась своеобразная искрящаяся, «кацидымовская» лукавинка.

С 1979 года комсомольскую организацию Управления КГБ стал курировать (после ухода Н. С. Валдайцева на пенсию) только-только выбранный на руководящую должность заместителя партийного секретаря Александр Васильевич Попов (1946 г. р.), выходец из отдела контрразведки на железнодорожном транспорте. А. В. Попов был доброжелательным и открытым человеком, совершенно не стремящимся

использовать свое положение партийного руководителя для дальнейшего карьерного роста. К Александру можно было запросто прийти за советом или просто «поговорить по душам», не боясь, что содержание разговора станет известно в отделе кадров.

Мне довелось вместе с Поповым в 1979 году выезжать в составе группы комсомольцев-чекистов в ГДР, где мы участвовали во встречах со своими немецкими коллегами в городах Дрездене и Берлине. Александр очень понравился немцам, называвшим его «партайгеноссе», и отмечавшим его партийное дружелюбие, простоту и доступность в общении. Для комсомольцев, подавляющее большинство которых впервые выехали за рубеж, особенно важным стало то, что руководитель группы не занимался мелочной опекой, не одергивал молодых, энергичных людей, давая им возможность вести себя раскованно.

В. В. Рогозин

Заместитель секретаря парткома УКГБ ЛО Виктор Васильевич Рогозин (1935–2005 гг.) пришел в органы государственной безопасности с партийной работы, с должности, по-моему, второго секретаря Всеволожского горкома КПСС. Как не имевший никакого опыта оперативной деятельности, он был рекомендован отделом кадров в партком на место уходившего на руководящую оперативную работу Н. В. Кацидыма. Высокий, белокурый, с крупными чертами лица, Виктор Васильевич своим обликом и поведением демонстрировал свое простое, крестьянское происхождение. Его можно было запросто снимать как типаж русского воина-богатыря в кинофильмах об истории Древней Руси. Даже гримировать было не нужно: только надеть на голову шлем, на плечи кольчугу и дать в руки меч и перед нами возникал образ воина времен Дмитрия Донского или Александра Невского. В своем Всеволожском районе, работая в райкоме КПСС, Рогозин был настоящим «солдатом партии», трудившимся для создания «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Он был искренне убежден в непоколебимости коммунистических идей и рассматривал призыв в КГБ как направление на службу в «политический вооруженный отряд партии».

Виктор Васильевич всегда и во всем был расположен к людям, хотя азы оперативной работы и понимание контрразведывательных за-

дач давались ему с трудом. Но, будучи весьма добрым человеком, Рогозин всегда выслушивал, старался вникнуть в нужды сотрудников, посоветовать, мог даже пойти к начальнику того коммуниста-оперативника, который обратился за советом в партком или пожаловался на непростые взаимоотношения со своими руководителями. Сотрудники ценили эти качества Рогозина, зная, что он если и не сможет помочь, то хотя бы выслушает, и, что немаловажно, «не сольет» полученную информацию в кадры или руководству.

С Виктором Васильевичем случился нелепый и ужасный несчастный случай: во Всеволожске его, переходившего Колтушское шоссе, сбил грузовик. Он получил серьезнейшие травмы, долго лечился, но восстановиться полностью ему не удалось. Очень больно было видеть этого некогда физически крепкого, богатырского телосложения человека, медленно, с трудом идущим по коридорам Большого Дома. В. В. Рогозин рано ушел из жизни. Светлая ему память!

К нашим наставникам, которым, несомненно, надо отдать должное, следует отнести руководителей Управления КГБ СССР по Ленинградской области, а также их заместителей. Свои впечатления от личности легендарного начальника УКГБ ЛО генерал-полковника Носырева Даниила Павловича я выразил в очерке «Генерал от КГБ» (Сборник «Следствие продолжается…», книга пятая, 2012). Попробую поделиться воспоминаниями о других знаковых фигурах в истории Управления.

Генерал-лейтенант Блеер Владимир (Владлен) Николаевич (1928–2002 гг.), первый заместитель начальника УКГБ ЛО, на протяжении длительного периода времени играл ведущую роль в Управлении КГБ. С ним значительно чаще, чем с начальником Управления генерал-полковником Д. П. Носыревым, приходилось встречаться руководителям служб, отделов и отделений.

В КГБ Владимир Николаевич пришел в начале 60-х годов с партийной работы в Обкоме КПСС и был сразу же назначен на руководящую должность заместителя начальника 2-го отдела. Среди молодых сотрудников распространена, как легенда, информация о том, что, придя в УКГБ, партийный работник Блеер В. Н. попросил, чтобы ему дали возможность в течение трех месяцев поработать в должности обычного оперуполномоченного. То, что именно так было на самом деле, я узнал лишь при подготовке этого очерка. На основании собственного опыта могу отметить, что Владимир Николаевич лучше других руководителей

понимал трудности работы рядовых сотрудников по получению оперативной информации. Кроме того, ко всем сотрудникам, даже совсем молодым, Блеер всегда относился с особым уважением, исключительно корректно и вежливо.

За восемь лет, проведенных в 5-й службе, мне неоднократно приходилось бывать на докладе у генерала Блеера. Всем своим внешним видом Владимир Николаевич производил впечатление крупного руководителя. Высокий, статный, с большой головой, украшенной зачесанными назад русыми волосами, всегда одетый в солидные костюмы и безупречно выглаженные белые рубашки с запонками и галстуком. Поведение Блеера В. Н. в общении с подчиненными, начальником Управления, руководителями партийных инстанций было безукоризненным, сформированным годами службы в партийных органах и в руководстве УКГБ ЛО. Владимиру Николаевичу была присуща неторопливая манера речи, он тщательно подбирал слова, которые всегда были очень весомыми. Мне приходилось слышать выступления Блеера на партсобраниях. В них никогда не было ничего лишнего: ни ложной патетики, ни славословий в адрес ЦК и Обкома партии, только конкретика по решению поставленных задач, без малейшего самолюбования и саморекламы.

По давно сложившейся традиции, первый заместитель начальника УКГБ ЛО генерал-лейтенант Блеер Владимир Николаевич состоял на партийном учете именно в нашем подразделении. Он имел привычку лично приходить к партгрупоргу в кабинет со своим партбилетом, чтобы заплатить партийные взносы и сделать об этом отметку в партбилете. Он всегда приносил взносы «копейка в копейку», без сдачи, никогда не позволяя себе вызывать партгрупорга в свой генеральский кабинет. Это ли не свидетельство о полном отсутствии руководящего чванства?
Мне запомнились два бытовых момента в поведении Владимира Николаевича в его кабинете. Читая в присутствии исполнителя проект очередного аналитического документа для доклада в партийные инстанции, Блеер «по-генеральски» постукивал по столу пальцами руки, как будто настраивая себя своеобразным камертоном на восприятие изложенной информации и моделируя ее восприятие в Смольном. Рядом с ним на левом краю большого письменного стола всегда стояла чайная чашка с рисунком «кобальтовая сеточка», изготовленная на Ленинградском фарфоровом заводе имени Ломоносова. В те годы подобные чашки с

блюдцами были атрибутом крупных партийных руководителей. Сейчас такие сервизы свободно стоят на полках фирменных магазинов Императорского фарфорового завода.

В. Н. Блеер прекрасно ориентировался в процессах, происходивших в среде советской интеллигенции, обладал обширной информацией о деятельности подрывных идеологических центров противника, которые направляли свои усилия в среду интеллигенции и молодежи, уже тогда стремясь создать оппозицию коммунистической партии и советской власти. В то же время, говорю об этом ответственно, у Блеера не было ни малейшего предубеждения к деятелям культуры, хотя, конечно, ему было известно много негативного и аморального о жизни людей, составлявших славу и гордость советского искусства.

В те годы, когда еще не существовало желтой прессы, Интернета с сайтами типа «Компромат.ru», генерала КГБ интересовало отнюдь не то, по какому блату или через чью постель получают роли или ставят спектакли, не размеры гонораров и внебрачные дети, а конкретные действия людей, которые могут нанести реальный ущерб стране, государству, его идеологии. Я как будто сейчас слышу слова Владимира Николаевича: «Ну, про любовницу и коллективные оргии я все понял, спасибо. А какие конкретно враждебные действия совершает N.? В них есть признаки состава преступления?»

Интеллигентный, выдержанный, хорошо воспитанный человек, В.Н. Блеер был далек от унтер-Пришибеевской установки «держать и не пущать». Он глубоко вникал в социальные, духовные проблемы нашего общества того времени, мудро и профессионально реагируя на предложения, исходившие от оперработников, направленные на снижение напряжения в творческой среде. Блееру должны быть благодарны ленинградские рокеры, художники, т. н. «непризнанные писатели» за ту свободу самовыражения, которую они смогли получить в «Рок-клубе», «Товариществе Экспериментального Изобразительного искусства», литературном «Клубе-81». В 90-е годы многие из них, когда-то бывших изгоями советских творческих союзов, стали исключительно востребованными, хорошо зарабатывающими людьми. В. Н. Блеера и московского генерала Ф. Д. Бобкова некоторые «личности», будучи по природе недобрыми и неблагодарными, пытались представить некими надсмотрщиками над культурой. Глупые, самоуверенные, неглубокие люди! Если бы органы государственной безопасности воздавали каждому деятелю культуры за грехи и грешки тех лет, которым не было счета, как много «звезд» и «звездочек» не сияли бы сегодня на небосклоне российского шоу-бизнеса! Называть это массовое явление по «зарабатыванию бабла» искусством у меня как-то не поворачивается язык.

После ухода на пенсию Владимир Николаевич не стал дачным пенсионером. Он возглавил попечительский совет Фонда поддержки ФСБ, который на первом этапе много сделал для ремонта здания Большого дома, улучшения условий жизни и быта сотрудников УФСБ. В эти годы мне пришлось довольно часто общаться с Владимиром Николаевичем по делам Фонда, поэтому могу уверенно сказать, что Блеер совершенно не был «коммерческим руководителем», оставаясь самим собой: аскетичным, преданным долгу человеком и офицером, которому служба в КГБ не дала никаких преференций и материальных благ. После похорон Владимира Николаевича, состоявшихся на Серафимовском кладбище, его воспитанники-чекисты говорили о нем как о человеке, который «помнил долг от первого мгновенья, до последнего».

А. А. Курков

Генерал-лейтенант Курков Анатолий Алексеевич (1930–1998 гг.) стал последним начальником Управления КГБ СССР по Ленинградской области, сменив переведенного в Москву генерала В. М. Прилукова – выходца из партийных руководящих структур, совсем недолго проработавшего в Ленинграде. Возвращение Анатолия Алексеевича на службу в органы государственной безопасности в 1988 году с должности начальника ГУВД Леноблгориспокомов было воспринято ленинградскими чекистами с огромным энтузиазмом. Еще бы! Ведь с его приходом на должность руководителя УКГБ у сотрудников появился не просто начальник-профессионал. Управление возглавил яркий, неординарный человек, обладавший харизмой лидера!

Не погрешу против истины, если скажу, что А. А. Куркова любили и уважали все сотрудники и руководители УКГБ ЛО. Всю свою сознательную жизнь Анатолий Алексеевич посвятил обеспечению безопасности советского государства, оставаясь идейно убежденным коммунистом-патриотом. Высокий черноволосый, очень красивый, особен-

но в генеральской форме, А. А. Курков своей манерой ведения разговора, публичными выступлениями производил впечатление лидера яркого, человека энергетически заряженного, с очень быстрой реакцией, которая помогала ему точно формулировать мысли и излагать аргументы. Его авторитет руководителя при принятии оперативных решений был беспрекословным, ведь он прошел путь от оперуполномоченного до начальника крупного Управления КГБ, имел опыт работы за рубежом, а также в ГУВД, где подчиненные сотрудники им просто восхищались.

К сожалению, мне не пришлось решать оперативные задачи под руководством Анатолия Алексеевича, но довелось общаться в последний год существования КГБ и Советского Союза (1990–1991 гг.), поэтому могу позволить себе вспомнить отдельные эпизоды, характеризующие его личность.

Как я уже отметил, Анатолий Алексеевич был убежденным коммунистом, преданным партии и долгу перед народом. Как и все честные коммунисты того времени, Курков близко к сердцу принимал многочисленные, труднообъяснимые логикой, несуразности горбачевской Перестройки. Он болезненно переживал поднятую в то время на Западе антисоветскую, антироссийскую кампанию, очень напоминающую мне сегодняшний подход европейского и американского истеблишмента к современной России.

А. А. Курков был убежден в том, что, проводя демократические реформы, КПСС ни в коем случае не должна была отказываться от идей социальной справедливости, утвержденных Октябрем 1917 года. В 1990 году он выдвинул свою кандидатуру на выборы в депутаты Верховного Совета РСФСР по Красносельскому избирательному округу, проводя избирательную кампанию на фоне резких нападок на КГБ в «демократической» прессе «с открытым забралом», без применения «серых» избирательных технологий. Увы… Увы… Честный, прямой и открытый генерал Курков проиграл эти выборы в те годы «малоизвестному в узких кругах» полковнику пожарного училища, преподавателю истории КПСС, построившему свою депутатскую программу на критике той самой партии, от которой он вскоре откажется, перейдя под знамена так называемых «молодых демократов». О том, как молодые реформаторы-демократы, ставшие в настоящее время олигархами-богатеями, под фальшивыми лозунгами пропаганды общечеловеческих ценностей и рыночных отношений развалят СССР, доведут до нищенского состояния Россию, надо писать отдельные исследования, а лучше обвинительные заключения!

В августе 1991 года в период ГКЧП генерал Курков занял честную, принципиальную гражданскую позицию, не изменив своей присяге и не подставив своих заместителей и всех сотрудников УКГБ ЛО действиями в поддержку ГКЧП. Курков А. А. также жестко и принципиально отверг делавшиеся ему предложения прибыть в Мариинский дворец на сессию Ленсовета, чтобы сделать заявление о нейтралитете УКГБ ЛО в вопросе подчинения приказам московского ГКЧП. Анатолий Алексеевич вместе со всеми своими заместителями достойно пережил посланные им после ГКЧП испытания. Напрасно отвязные депутаты-демократы из состава депутатских «комиссий по расследованию» искали в Большом доме тайные приказы ГКЧП, «расстрельные списки» и планы по захвату власти. Все громко заявленные расследования антироссийской деятельности КГБ закончатся пшиком. Но генералу А. А. Куркову и всей его команде пришлось уйти в отставку. Символично, что кабинет Анатолия Алексеевича займет тот самый соперник по выборам в Верховный Совет РСФСР, воинствующий непрофессионал. На первом же совещании с руководителями служб и отделов он заявил, что его главная цель «разобраться с незаконной и аморальной деятельностью органов КГБ, проводивших в отношении советских граждан агентурно-оперативную работу». Нужны ли после этого объяснения причин массового ухода со службы в 1991–1992 гг. десятков высокопрофессиональных, преданных делу ленинградских чекистов?

После ухода из Управления КГБ А. А. Курков успешно возглавил службу экономической безопасности одного из коммерческих банков. Однако он недолго прожил после ухода в отставку. Курков много курил, что, наряду с переживаниями за развал СССР и КГБ, не могло не сказаться на его здоровье. Несколько лет он боролся с тяжелым онкологическим заболеванием легких, перенес тяжелые операции. Анатолий Алексеевич мужественно вел себя в последние месяцы своей жизни, исключив все, за исключением телефонных, контакты с бывшими сослуживцами, не желая, чтобы его видели больным и беспомощным.

На гражданскую панихиду и похороны Генерала пришли сотни его подчиненных из Управлений КГБ и ГУВД, отдавая последний долг человеку, чекисту, руководителю, коммунисту. Светлая память об Анатолии Алексеевиче Куркове навсегда останется в сердцах тех, кто работал с этим незаурядным человеком. Каждый год 14 октября, в день рождения А. А. Куркова, совпадающим со светлым праздником Покрова Богоматери, давайте, коллеги, поминать дорогого для всех нас человека!

Моя первая любовь – 2-я служба

На то она и первая любовь,
Чтоб мы ее всю жизнь не забывали!
(Старая дворовая песня)

Вернусь к периоду моего становления в качестве оперработника Большого дома, который начался во 2-й контрразведывательной службе, где трудились талантливые, молодые, преданные чекистскому делу ребята, только-только пришедшие в органы государственной безопасности. В ней я провел первые три года своей работы в УКГБ по Ленинградской области.

Тщательно подобранными, глубоко и всесторонне изученными, проверенными на идейную убежденность, трудовую активность и стрессоустойчивость, были все зачисленные в КГБ молодые офицеры. Но среди «лучших из лучших», которых только и подбирала советская спецслужба в те годы, были отдельные личности, выделявшиеся своим интеллектом, эрудицией, энергией и работоспособностью.

Одним из таких лидеров был нынешний директор Федеральной службы безопасности России, генерал армии Александр Васильевич Бортников (1950 г. р.), отличавшийся особой мудростью и зрелостью. Выпускник Ленинградского Института железнодорожного транспорта, он служил на важном и ответственном участке, где требовалось не только хорошее знание иностранного языка, но и умение моделировать развитие событий, «думать за противника». Нужно было уметь предугадать действия сотрудников иностранных спецслужб, скрывавших свое истинное лицо разведчиков за «крышей» мирных профессий, в сфере международного сотрудничества с Советским Союзом.

На соседних участках с Бортниковым также вдумчиво, инициативно работали Александр Васильевич Зайцев и Сергей Константинович Ушаков, ставшие впоследствии ответственными руководителями ФСБ РФ. В обыденной жизни (в столовой, на стадионе «Динамо», на комсомольских собраниях) они были простыми, общительными молодыми людьми, любившими пошутить и побалагурить, но никогда не распространялись о содержании и результатах своей работы. Впрочем, к этому умению «держать язык за зубами», профессионально называвшемуся конспирацией, были быстро приучены все молодые сотрудники.

На всю жизнь я запомнил свой «прокол», допущенный в кабинете, где размещался управленческий комитет комсомола. Валерий Ларионович Яхно (1944 г. р.), наш комсомольский секретарь, буквально просверлил меня глазами, увидев разложенные мной на столе секретные оперативные документы. Услышав только одно слово, сказанное с металлом в голосе: «Убери!!!», – я тут же сообразил, что за длинным столом для заседаний уже рассаживались молодые парни и девушки из технических и вспомогательных подразделений, абсолютно не допущенные до тех секретов, которыми владели оперативные сотрудники.

Валерий Яхно был на целых восемь лет старше меня, пришел в КГБ с освобожденной должности второго секретаря Московского районного комитета ВЛКСМ. Он уже имел значительный опыт руководства людьми, умело передавая юным сотрудникам свой общественный и чекистский опыт. Одним из первых моих сослуживцев-товарищей он получил направление на учебу в Краснознаменный институт Первого Главного Управления КГБ СССР (разведка), по окончании которого успешно работал в различных разведывательных и контрразведывательных подразделениях.

Дружба и взаимопонимание между молодыми чекистами, заложенные в первые годы службы, сохранялись на многие годы. Я с радостью пригласил Валерия уже после его ухода на пенсию на работу в реорганизовывавшуюся службу экономической безопасности ОАО «Севкабель-холдинг». Нам обоим было очень легко и комфортно работать вместе, совершенно не зацикливаясь на том, кто у кого находится в подчинении.

С оперработниками так называемого валютно-контрабандного отделения я тесно взаимодействовал уже после 1976 года, перейдя в следственный отдел на должность следователя. Мы совместно работали по уголовным делам о контрабандных отправках за рубеж художественных ценностей, которые были возбуждены по реализованным сотрудниками 2-й службы материалам оперативных разработок. Получив за годы службы в КГБ опыт работы как в качестве следователя, так и оперативника, выскажу свое личное мнение: к сожалению, очень часто вклад «оперов» в осуществление поиска, задержания и изобличения преступников недооценивается. Никогда нельзя забывать, что именно беззаветным трудом оперработников первичные сигналы и материалы становились оперативными разработками и доводились следователем до предъявления обвинения преступнику. Причем оперативники в течение всего следствия, длившегося иногда месяцами, обеспечивали

следователей оперативными материалами, помогавшими надлежащим образом процессуально задокументировать преступные действия контрабандистов, валютчиков, изменников Родины и шпионов.

Бесспорным лидером, затем и начальником так называемого «контрабандного» отделения был Сергей Владимирович В-Р. (1949 г. р.). Сергей был из семьи потомственных военных. Его дед служил на офицерских должностях еще при царе-батюшке и добровольно перешел в качестве военного специалиста в созданную в Советской России Красную армию. Отец Сергея служил в Советской армии в звании генерал-лейтенанта, занимал высокий пост, но в поведении В-Р. не было ни малой толики чванства и демонстрации своего «высокого происхождения». Все свои достижения, в том числе быстрое выдвижение на руководящую должность, Сергей Владимирович заслужил собственным трудом, умом и энергией. Мои ровесники Александр Васильевич Горлинский и Павел Георгиевич Иконников (оба 1952 г. р.), несомненно, признавали лидерство Сергея В-Р., но и сами были, как писал в стихах Михаил Лермонтов, «не из последних удальцов». Я уже вспоминал о том, сколько творческой инициативы исходило от коллег-оперативников, стремившихся не допустить незаконной переправки за границу художественных ценностей! Многие из сохраненных трудом Александра, Павла и других коллег картины и предметы прикладного искусства занимали достойные места в Государственном Эрмитаже и Русском музее.

Александр Горлинский в 1981 году был откомандирован на службу в Афганистан, где провел более полугода, достойно нес службу, о чем говорит его награда: медаль «За боевые заслуги». А. В. Горлинского можно было считать потомственным чекистом, его дед был начальником УКГБ по Ленинградской области. Думаю, очень символично, что свой день рождения Александр всегда отмечает 20 декабря, в праздник сотрудников органов государственной безопасности! Многие годы подряд традиционный визит в Большой дом 20 декабря я всегда начинал с посещения кабинета начальника службы контрразведывательных операций А. В. Горлинского, поздравляя сразу с двумя праздниками друга моей чекисткой молодости. Сейчас полковник А. В. Горлинский на пенсии. Дай Бог тебе здоровья и долгих лет жизни, Саша!

В очерке «Холодный Герат» сборника «Чекисты Ленинграда в Афганистане» Александр Горлинский упомянул своего боевого друга по диверсионно-разведывательной группе «Каскад» – Владимира Александровича Тарасова (1952 г. р.). С этим самобытным человеком в

1974–1975 годах мне довелось учиться в Ленинграде в спецшколе КГБ. Владимир Тарасов, выпускник кафедры германистики филологического факультета ЛГУ, в совершенстве, блестяще владел английским языком. Среднего роста, худощавый, с правильными чертами лица, очень интеллигентный в общении, В. Тарасов своими манерами поведения очень походил на американского или английского студента, стажера-аспиранта. В неформальном общении молодых комсомольцев Володя удивлял и радовал нас прекрасным исполнением под гитару песен ансамблей «Битлз» и «Роллинг стоунз», исполнявшихся им, естественно, по-английски. Именно поэтому ему, как сотруднику 2-й службы, неоднократно приходилось участвовать в острых чекистских мероприятиях, играя роли американцев или англичан.

Тарасов прекрасно справлялся с исполнением ролевых функций при встречах с так называемыми «инициативниками» – советскими людьми, принявшими решение инициативно предложить свои услуги зарубежным спецслужбам по представлению им шпионской информации. Я не помню случая, чтобы кто-то из несостоявшихся шпионов, взятых с поличным с подготовленной ими для спецслужб информацией, усомнился в том, что общался с «настоящим американским дипломатом».

В «контрабандном» отделении в те же годы служил Борис Васильевич Лавочкин, родившийся в 1943 году в Ярославской области, где в эвакуации была его мать. Борис по праву может считать себя наследником победы, поскольку его отцом был героический солдат Великой Отечественной войны, защитник Отечества. После окончания войны семья Лавочкиных вернулась из эвакуации в родной Ленинград. 18-ти летний Борис не сомневался об исполнении своего гражданского долга по защите Отечества: в 1962 году он был призван на срочную военную службу, долгие четыре года провел на подводной лодке Северного флота. По окончании срочной службы матрос Лавочкин Б. В., отличник боевой и политической подготовки, был рекомендован для службы в КГБ, где начал свою карьеру со службы в наружном наблюдении. Затем вместе со своим вновь обретенным в КГБ другом Виктором Удальцовым был направлен для поступления и учебы в Москву в ВКШ имени Дзержинского.

Я познакомился с Борисом в 1974 году. Лавочкин к этому времени уже был сложившимся оперработником. Невысокого роста, коренастый, всегда коротко подстриженный, Борис говорил немного замедленно, его слова от этого были более весомыми. Лавочкина любили все сотрудники 2-й службы, прежде всего за благожелательное, ровное от-

ношение ко всем коллегам, за чувство юмора, а также за то, что Борису удавалось практически в одиночку выпускать интересную, яркую стенную газету 2-й службы, которая всегда украшала наши праздники 20 декабря. В раннем детстве Борис увлекся рисованием, практически став «художественно образованным самоучкой». Образцом для своих рисунков Лавочкин считал работы итальянского классика-графика Д. Пиранези. Уже много лет я вспоминаю исполненные цветными фломастерами рисунки-шаржи на группу контрабандистов (оперативная разработка «Магнаты»), удивительно похожие и смешные, с удачно найденной подписью: «Аты-баты, аты-баты, загремели семь «Магнатов»!

В органах госбезопасности Борис Лавочкин прослужил до 1992 года, когда после развала СССР шла ломка старого КГБ. Он работал в двух серьезных структурах: «Пулковская таможня» и «Интурист». При выходе на пенсию у подполковника Лавочкина было 30 лет непрерывной военной выслуги!

Именно Борис, исходя из его личных, человеческих качеств, был инициатором создания клуба ветеранов контрразведки «Дом-4», став его первым президентом. Лавочкин исключительно много сделал для привлечения в клуб новых членов, не преследуя никакой личной или карьерной цели – главное, чтобы у бывших соратников были условия и возможности для продолжения человеческого общения. Многие из нас до сих пор помнят замечательную экскурсию на завод шампанских вин, где Борис работал в должности заместителя директора по безопасности. Нам, товарищам Лавочкина, было не только приятно принять участие в дегустации и получить шипучие подарки, но еще отметить, каким уважением руководства и рабочих пользуется наш сослуживец.

Последние годы Борис Николаевич, почетный президент и член правления клуба «Дом-4», преодолев тяжелую болезнь, в основном живет на даче. Его коллекцию пополняют новые рисунки, картины, выполненные маслом, а также в технике резьбы по дереву. Он занимается воспитанием своих внуков, рожденных на свет от его сына, продолжающего дело отца: в Управлении ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области уже в XXI веке служит старший оперуполномоченный майор Лавочкин.

Ярким, запоминающимся сотрудником и человеком во 2-й службе был мой ровесник Николай Викторович Лукичев (1952 г. р.). Невысокого роста, худенький, но крепкий, улыбчивый парень очень быстро вписался в нашу молодежную комсомольскую компанию. Николай, за-

Б. В. Лавочкин

кончивший контрразведывательный факультет Высшей школы КГБ, обладал, впрочем, обладает и сейчас, замечательным чувством юмора, умением интересно, артистично рассказывать анекдоты. Его анекдот о встрече двух ветеранов пользуется исключительным успехом в нашей мужской компании.

На зимнем туристическом слете молодых сотрудников

Мне очень приятно смотреть на фотографию 1978 года, сделанную на зимнем туристском слете. В первом ряду, рядом с автором этих строк сидят молодые, веселые, полные сил Владимир Лаврентьев, Надя Барсиева, Ира Оленина, Николай Лукичев, Владимир Гусев, Александр и Ирина Лисовские, Павел Иконников, Петр Третьяков. «Как молоды мы были, как молоды мы были,/ Как искренне любили, как верили в себя», – вспоминаются мне слова песни тех лет композитора А. Пахмутовой.

Николай Лукичев, участник наших сценических юмористических постановок, работал на очень сложном и важном участке работы, где решал серьезные, ответственные задачи. Правда, он и там умел тонко пошутить, снимая напряжение сложных переговоров, располагая к себе собеседников. Оптимистичный, заряженный позитивной энергией, Николай внешне не подпадал под стереотипный образ чекиста. Однажды, в начале 2000-х годов, мы вместе с Колей и его замечательной женой Наташей оказались в компании среди артистов и ученых, не подозревавших о нашем стародавнем знакомстве. Мне пришлось исполнять под гитару песни Владимира Высоцкого. Неожиданно для меня Николай начал подхватывать слова «Пародии на плохой детектив» («Опасаясь контрразведки,/ Избегая жизни светской,/ Под английским псевдонимом/

«Мистер Джон Ланкастер Пек…»). В результате, как говорится, «с листа» мы спели эту песню «по ролям», восхитив присутствовавших на встрече деятелей культуры, хорошо знавших мое чекистское прошлое, но воспринимавших Николая совершенно в ином качестве. Нам удалось убедить компанию, собравшуюся в этом закрытом клубе, что нас связывает общая молодость и общие песни Высоцкого. «На бис» мы также импровизированно спели песню на тему еврейской эмиграции 60-х – 70-х годов: «Мишка Шифман башковит, у него предвидение»… Кто-то из присутствовавших потом шепотом рассказал Коле о моем «страшном чекистском прошлом». Лукичев «искренне удивился», сославшись на то, что не знал этого факта моей биографии…

Я верю, что мы еще не раз с удовольствием споем дуэтом с Николаем Лукичевым на наших традиционных встречах 29 октября в День комсомола.

РАЙОННЫЕ БУДНИ

Сколько ребят в нашем доме живет?
Сколько ребят в доме рядом…
(Владимир Высоцкий)

По линии своей работы во 2-й службе УКГБ ЛО мне пришлось много взаимодействовать и общаться с сотрудниками районных отделов управления, подавляющее большинство которых составляли молодые работники. Начало 70-х годов прошлого века было ознаменовано решениями Хельсинкского совещания по миру и безопасности в Европе, открывшими широкие двери для международного сотрудничества в сфере науки и развития промышленности. В эти двери втихую, бочком, тихой сапой стремились проникнуть и спецслужбы наших противников (дипломатичный термин «партнеры» в те годы не употреблялся).

Мы, чекисты-контрразведчики, стояли за этими дверьми, открытыми в обе стороны, и профессионально исследовали: кто (друзья или враги?) въезжают в СССР, а также – как, с искренней дружбой или с провокациями встречают советских людей за границей. Работа на этом контрразведывательном направлении была для многих молодых сотрудников нелегкой. Ведь подавляющее большинство из нас никогда не были за границей (даже в социалистических странах), то есть совершенно не знали условий жизни и быта капиталистического зарубежья. Нам приходилось узнавать и понимать условия жизни «там» по аналитически документам, подготовленным

по информации наших источников. Мне, как куратору линии научно-технического обмена предстояло, взаимодействуя с работниками райотделов, передать им опыт и знания, накопленные нашим оперативным подразделением.

Далеко не все из молодых младших оперуполномоченных районных отделов того времени остались в моей памяти. Человеческая память своеобразна и избирательна, чаще всего она сохраняет только яркие, необычные явления и события.

Куйбышевский райотдел

Наиболее часто мне пришлось общаться с сотрудниками Куйбышевского районного отдела УКГБ ЛО, расположенного довольно близко к зданию Большого Дома – на Невском проспекте возле Аничкова моста. По роду работы меня интересовал ЛФЭИ (Ленинградский финансово-экономический институт), который в то время курировал молодой, очень понравившийся мне с первой встречи сотрудник Борис Иванович Т. (1950 г. р.).

Высокий, красивый, темноволосый, с очень запоминающейся доброй улыбкой и отличным чувством юмора, Борис располагал к себе сразу, даже до начала беседы. Когда Т. улыбался, он сразу растапливал лед недоверия и напряженности у человека, впервые встречавшегося с сотрудником КГБ. Его слегка раскосые глаза были всегда устремлены на собеседника, а когда Борис улыбался, его глаза щурились, в них появлялись какие-то искорки доброжелательности и расположения к собеседнику. Тогда обоим становилось легче обсуждать непростые вопросы предстоящей ученому или специалисту заграничной командировки. В те времена, можно сказать, командировка за рубеж была не просто редкостью, она уподоблялась полету в космос – в незнакомое, неизведанное пространство.

Борис, прежде всего, был человеком слова. Если он что-то обещал сделать (по крайней мере, для меня), можно было не сомневаться, что это будет выполнено в согласованные сроки. При этом он работал достаточно легко, непринужденно, без демонстрации своей загруженности, умел для разрядки напряжения хорошо пошутить. Мне на долгие годы запомнилась курьезная история, рассказанная Борисом. Она очень похожа на анекдот, но действительно, как говорится, «имела место быть».

Куйбышевский районный отдел КГБ располагался в особняке князей Белосельских-Белозерских на лестнице бокового, служебного входа. Парадная лестница вела в Куйбышевский райком КПСС. А прямо над

райотделом УКГБ был расположен районный центр занятости, в функцию которого входил подбор, так называемая «вербовка» рабочих для работы на Крайнем Севере.

Борис эмоционально, интересно рассказывал:

– Представь, Паша. К нам на службу пришел новый сотрудник, пришел «с улицы». Ему через два месяца в Минск учиться в школу ехать. Мы все пошли на обед, а его оставили в отделе, как дежурного. Тут неожиданно во входную дверь звонок раздается. Он открывает дверь и видит: стоит мужик с испитым лицом и спрашивает:

– Здесь вербуют? Я завербоваться хочу. Надоело мне тут в Питере канителиться. Вы бы меня куда-нибудь подальше забросили…

Понимаешь, Паша, он на другой этаж, в другую дверь попал, на Север хотел завербоваться. Так парень наш его в комнату для посетителей отвел, беседу провел, анкету заполнил, а когда мы с обеда вернулись, он докладывает:

– Я тут человека завербовал. Вот только не знаю, как мне подписку о сотрудничестве оформлять? Вы поможете или мне руководству докладывать?..

Напротив Бориса в его кабинете был рабочий стол его друга и сослуживца Владимира Владимировича Ш. Володя курировал ЛЭИС (Ленинградский электротехнический институт связи), а также НИИ, работавшие на оборонную промышленность. Ш. был спокойным, уравновешенным молодым человеком (1950 г. р.) с неторопливой манерой ведения беседы. Во время выступлений на семинарах чекистской учебы и партийных мероприятиях Владимир иногда слегка покашливал. В эти паузы он как будто тщательно подбирал свои следующие фразы.

Владимир Ш. очень располагающе улыбался, любил тонко пошутить, в том числе подкалывая по-доброму сослуживцев, умело пародируя чужую манеру речи и поведения. С Владимиром и Борисом мне довелось плотно бок о бок работать уже в 80-е годы в 5-й службе. Борис даже непродолжительный период времени работал в должности старшего оперуполномоченного отделения, в котором я в то время был начальником. Борис Т. демонстрировал другим сотрудникам образец корректного, уважительного отношения ко мне, как непосредственному начальнику, обращаясь только на «Вы», не допуская панибратства и не бравируя перед другими сотрудниками близкими отношениями с руководителем.

Работа в 5-й службе была для Бориса Ивановича временной «ссылкой», в которую его отправил Корсаков А. П. в качестве своеобразного наказания за развод с женой. Я был искренне рад за Бориса, когда он вновь

вернулся на службу в разведку, где были очень востребованы его умение находить контакты с людьми и где он достиг серьезных оперативных результатов. Т. закончил службу в звании полковника, став одним из лучших сотрудников в сфере работы своего оперативного подразделения. Мы регулярно, хотя не так часто, как мне бы хотелось, встречаемся за чашкой кофе, делая это, когда нам нужно о чем-то посоветоваться, или передать друг другу книги, которые каждый из нас, сохраняя дань старым традициям, активно продолжает читать.

Владимир Владимирович Ш. дослужился до генеральского звания, правда, уже в системе органов МВД. Мне было приятно отметить, встретившись с Владимиром 20 декабря 2013 года в здании Управления ФСБ, что он сохранил простоту и открытость в общении с друзьями своей чекистской молодости.

Дзержинский райотдел

Еще ближе к зданию Большого Дома находился Дзержинский райотдел, располагавшийся в те годы в здании на углу проспекта Чернышевского и улицы Петра Лаврова (ныне Фурштадская) возле станции метро «Чернышевская». Для читателей, представляющих поколение рожденных в восьмидесятые и девяностые годы XX века, отмечу: к моменту развала СССР и приходу «тотальной демократии» в Ленинграде были Смольнинский, Дзержинский, Куйбышевский, Ленинский и Октябрьский районы. В 1991 году тогдашний мэр Ленинграда А. А. Собчак, являвшийся олицетворением новой демократии, сделал все возможное и невозможное, чтобы добиться переименования Ленинграда в Санкт-Петербург. Но этого ему оказалось мало. Представьте, как неблагозвучно, даже комически звучали после переименования города названия: Ленинский (Октябрьский) районный отдел КГБ СССР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ради устранения любых ассоциаций с социалистической революцией, колыбелью которой был Петербург–Петроград, мэр провел административную реформу: Смольнинский, Дзержинский и Куйбышевский районы были объединены в Центральный, а Октябрьский и Ленинский – в Адмиралтейский.

Начальником Дзержинского районного отдела в 70-е годы был полковник Эдуард Вячеславович Яльцев (1930–1996 гг.), Почетный сотрудник органов государственной безопасности, а заместителем – подполковник Евгений Петрович Мищенко (1934–1983 гг.). Оба эти руко-

водителя обладали какой-то особой энергетикой и удивительно удачно дополняли друг друга. Э. В. Яльцев был вдумчивым, внимательным к людям человеком, умеющим сдерживать свой темперамент и проявлять терпение при воспитании и обучении молодых сотрудников. В то же время он мгновенно становился требовательным, строгим руководителем, как только сталкивался с недоработками и проявлением «приблизительности», непрофессионализма. Примером своего собственного самоотверженного служения делу защиты безопасности советского государства Э. В. Яльцев воспитывал своих подчиненных, не только профессионально, но и идейно. Не случайно чекист-коммунист Э. В. Яльцев после распада Советского Союза и ликвидации КПСС не изменил своим взглядам и принципам, до конца своих дней оставаясь активнейшим членом городского комитета Коммунистической партии Российской Федерации.

Эдуард Вячеславович обладал уникальным чувством справедливости, воспитанным в нем годами безупречной службы в КГБ. В начале 90-х годов мне довелось встретиться с ним во время пикета коммунистов-пенсионеров у здания петербургского телецентра на улице Чапыгина. Я не мог не восхищаться логикой, аргументами и поведением человека, который ничего не добивался лично для себя, а, будучи уже больным, пожилым, шел «отстаивать интересы простых людей, обманутых и обокраденных либеральными псевдодемократами».

Е. П. Мищенко своеобразно дополнял начальника райотдела, умея по-простому, по-отечески общаться с молодыми сотрудниками. Спокойный, внешне медлительный, рассудительный человек, Мищенко мог профессионально, по-чекистски, «разложить все по полочкам». У меня была возможность убедиться в его высоком профессионализме, когда Евгений Петрович в 1979 году передавал мне в оперативное обслуживание Государственный Эрмитаж. Мищенко исключительно грамотно ориентировался в оперативной обстановке в музее, отлично разбирался в межличностных взаимоотношениях между сотрудниками и представителями дирекции. Работу по музею Евгений Петрович вел лично, поскольку большинство сотрудников отдела не имели еще соответствующего опыта в решении оперативных задач, которые стояли на повестке дня в одном из крупнейших музеев мира, имевшем широкие международные связи.

Кажется, он никогда не повышал голоса, не заводился, иногда даже казался флегматичным человеком, умел переживать «внутри себя», не выплескивая эмоций, не срываясь на подчиненных. В 1983 году его

сердце не выдержало, он скончался от обширного инфаркта. Я видел, как горько было прощаться с Евгением Петровичем его подчиненным и товарищам по службе. Как трудно было выражать соболезнования его вдове – Валентине Борисовне, старшему офицеру Управления КГБ, сумевшей с достоинством перенести непоправимую утрату и продолжившей служить, как и ее покойный муж, социалистическому Отечеству.
Несколько лет назад я увидел в экспозиции музея Управления ФСБ фотографию, сделанную в аэропорту «Ржевка» за несколько минут до задержания с поличным участников террористической группировки, планировавшей захват воздушного судна и его угон за границу (операция «Свадьба»). На этом снимке Е. П. Мищенко, изображая из себя случайного попутчика, сидя на скамейке у взлетного поля среди вооруженных террористов… зевает, демонстрируя полную беззаботность, несомненно понимая, что его жизнь подвергается смертельной опасности. Я подумал: не в те ли минуты риска и ответственности за поставленную задачу по обезвреживанию вооруженных преступников получил свои первые шрамы на сердце чекист-профессионал Мищенко?

Похороны Эдуарда Вячеславовича на Богословском кладбище в 1996 году питерские коммунисты провели под красными знаменами, провожая в последний путь своего товарища по партии пламенными речами. Проститься со своим руководителем пришел самый способный, не побоюсь сказать даже слово «талантливый», из его учеников – Юрий Иванович Шаперин (1945 г. р.), взявший, на мой взгляд, у своего первого наставника лучшие черты чекиста-профессионала и руководителя.

Юрий с первой встречи производил самое положительное впечатление своей ответственностью, деловитостью, аналитическим складом ума и абсолютным отсутствием желания демонстрации своей работы. Не случайно Шаперина взял на заметку И. Г. Хухарев, который перевел его во 2-ю службу в свое подчинение, где Юрий Иванович добился серьезных результатов в разоблачении вражеской агентуры, заслуженно получив звание «Почетный сотрудник КГБ СССР». Закончил службу Шаперин в звании полковника, начальника контрразведки Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Юрий Иванович длительное время возглавлял службу экономической безопасности одного из крупнейших петербургских банков, сформировав крепкую, высокопрофессиональную команду сотрудников, работу которой ценили в Ассоциации банков Северо-Запада. Мне пришлось в этот период времени взаимодействовать с Шапериным.

Могу сказать, что возглавляемый им коллектив бывших сотрудников КГБ работал исключительно эффективно и добросовестно.

С двумя ровесниками из Дзержинского районного отдела – Сергеем Львовым и Юрием Шеляговым у меня сложились очень добрые человеческие отношения, скрепленные воспоминаниями нашей комсомольско-чекистской молодости.

Путь в КГБ Сергея Юрьевича Львова (1952 г. р.) отличался от моего. Уже в 1969 году после окончания средней школы он был призван на срочную службу в армию, которую прошел под Ленинградом в войсках ПВО. По рекомендации особого отдела командирован для поступления в Высшую школу КГБ, которую успешно закончил в 1976 году (следственный факультет), придя на службу в Дзержинский райотдел. Мне практически почти не пришлось взаимодействовать с Сергеем по работе. Дзержинский отдел оказался для Львова единственным подразделением за свою недолгую чекистскую службу, которую ему из-за серьезной болезни очень рано пришлось покинуть. Но уже двадцать с лишним лет мы регулярно встречаемся с ним на наших ежегодных встречах бывших молодых комсомольцев-чекистов. Красивый, высокий, густоволосый Сергей, с прекрасным голосом и отличным владением гитарой был кумиром участников наших летних и зимних туристских слетов, особенно, конечно, девушек. Его исполнение у ночного костра песен «Друзья уходят как-то невзначай»… (Вадим Егоров), «Телефонный разговор» (Юрий Визбор), «Под музыку Вивальди» (Татьяна и Сергей Никитины) заставляли замирать сердца молодых комсомольцев. 29 октября 2015 года Сергей Львов вновь взял в руки гитару и душевно спел для «уже старых комсомольцев» любимую песню, когда-то замечательно исполнявшуюся им на берегу озера Зеркальное дуэтом с его милой, доброй женой Татьяной: «Так что происходит на свете?/ Да просто зима…/ Просто зима, полагаете?/ Я полагаю»… И я не полагаю, а точно знаю, что подпевающим Сергею друзьям, среди которых бывают и полковники, и генералы, совершенно не важно, в каком звании, с какой должности ушел на пенсию их друг и ровесник.

Мы редко встречаемся чаще одного раза в год. Мне бы очень хотелось пожелать Сергею Львову здоровья и сохранения его жизненной энергии. И мы еще споем!!!

Юрий Борисович Шелягов (1952 г. р.), выпускник Ленинградского военно-механического института пришел на службу в УКГБ ЛО благодаря активной общественной работе в городском оперативном от-

ряде. Будущий инженер-специалист по ракетным двигателям недолго размышлял над сделанным ему предложением, поскольку видел для себя службу в КГБ, как высокое доверие и большую ответственность. Уже с 1975 года, после окончание годичного обучения в спецшколе в Минске, Юра начал службу в только что организованном Кировском районном отделении Ленинградской области, а затем в Дзержинском райотделе УКГБ ЛО.

Впервые я познакомился с Юрой зимой 1977 года на туристском слете нашей комсомольской организации, проводившемся на лыжной базе общества «Динамо» в Васкелово. Шелягов, которого подавляющее большинство членов нашей команды просто даже не знали в лицо, физически крепкий, спортивный парень с очень открытой, обаятельной улыбкой, по приглашению Александра Лисовского вышел играть в футбол на снегу, а вечером принял участие в нашем КВНе. Он замечательно сыграл роль иностранного агента-контрразведчика, пытавшегося изобличить нашего нелегала «Гвидоняна», заброшенного к противнику за рубеж по морскому каналу в дубовой бочке. До сих пор не перестаю восхищаться, как естественно, без мандража играл Юрий на сцене. Думаю, у него точно был опыт школьного или студенческого театра.

Потом мы неоднократно пересекались по работе и взаимодействовали друг с другом. Когда я стал начальником отделения, Юрий регулярно посещал наши семинары чекистской учебы, позднее принял как объект оперативного обслуживания Государственный Эрмитаж. Я искренне удивлялся, как у Юрия хватает сил, энергии нести на себе огромную ношу оперативной нагрузки, курируя кроме Эрмитажа, Государственный Русский музей, Институт культуры, балет на льду, хореографическую труппу под руководством Л. Якобсона, музей Суворова и т. д. и т. п. При этом Юрий никогда не жаловался на большую оперативную загрузку.

Я давно не виделся с Юрием Борисовичем, периодически созваниваясь по телефону. Его голос ничуть не изменился. Он прекрасно помнит события тех лет, в том числе те, которые, говоря профессиональным чекистским языком, «имеют оперативное значение». Ю. Шелягов не смог прийти на нашу встречу комсомольцев из-за серьезных проблем с коленным суставом. Здоровья тебе, Юра! Мы обязательно еще встретимся. Нам есть, что вспомнить!!!

Петроградский райотдел

В этом районном подразделении мне наиболее часто приходилось общаться и взаимодействовать со своим товарищем по учебе в школе КГБ, одногруппником Александром Федоровичем С. (1952 г. р.), улыбчивым молодым человеком с черными вьющимися волосами. В его манере речи, тембре негромкого голоса улавливался украинский выговор. Было невозможно не обратить внимание на широкую, обаятельную улыбку Александра, которая очень украшала его мужественное лицо. Однако при проведении совместных мероприятий мне довелось видеть С.серьезным, с напряженным взглядом сдвинутых к носу глаз, светившихся из-под густых черных бровей.

Старше по возрасту были сотрудники райотдела Евгений Александрович Васильев (1948–1999 гг.) и Виктор Александрович Удальцов (1946 г. р.).

Евгений Александрович, широкоплечий, крепкий физически, казался не по годам мудрым и рассудительным. Васильев обладал какими-то необъяснимыми флюидами, позволявшими убедить, склонить на свою сторону любого собеседника, в том числе тех, кто негативно был настроен по отношению к советской власти и органам КГБ. Он много курил. Сигарета, зажатая между пальцами, зачастую давала Евгению возможность чуть-чуть взять паузу в разговоре, продумать новые аргументы, возражения для окончательного убеждения человека, с которым ему доводилось общаться.

В 80-е годы Васильев Е. А. возглавил в 5-й службе ведущий отдел и стал моим начальником. Не сговариваясь друг с другом, мы перешли в общении на «Вы» и по имени-отчеству, не давая другим сотрудникам даже малейшего повода подумать о каком бы то ни было амикошонстве. Работая в подчинении Васильева, я учился у него умению выстраивать отношения с вышестоящими руководителями, поскольку мой природный темперамент и служебный энтузиазм не единожды создавал мне проблемы. Я часто «заводился» и спорил с начальниками, если считал, что они, перестраховываясь, не дают принимать решения о пресечении враждебных проявлений, не докладывают руководству Управления острую оперативную информацию.

Не смогу забыть, как один из таких начальников, главными качествами которого были молчалинские «умеренность и аккуратность», вы-

слушав мой доклад и изучив документы, почти кричал: «Вы хотите, чтобы я доложил эти острые материалы генералу Блееру? А как я могу их доложить, если я не знаю, что он по этому поводу думает!» Моего шефа не убедили даже аргументы в том, что нельзя узнать мнение начальника о том или ином явлении, если не доложить ему факты о происходящих проявлениях и не дать им оперативной оценки. Васильев Е. А. неоднократно защищал меня, хотя зачастую мне приходилось спорить и с ним, отвечавшим за результаты работы всего отдела. Но к чести Евгения он никогда не припоминал мне моей нелояльности и желания отстаивать свою позицию.

Евгений Васильев, полковник КГБ в отставке, недолго прожил после увольнения из органов государственной безопасности. Видимо, сказалось напряжение многих лет и его привычка переживать стрессы внутри себя, не выпуская эмоций наружу. Смерть пришла к Евгению, казалось, на самом положительном фоне: он удачно устроился на работу с хорошей зарплатой, приобрел новую машину, поставил ее на учет и прилег подремать в хорошем настроении. Во сне у него остановилось сердце. В пасмурный октябрьский осенний день 1999 года на Большеохтинское кладбище проститься с Евгением пришли сотни его друзей-сослуживцев, скорбевших в связи с его безвременной кончиной…

Яркой, запоминающейся личностью в те годы был сотрудник Петроградского райотдела Виктор Александрович Удальцов (1946 г. р.), высокий, можно сказать, «породистый» (в хорошем смысле этого слова) мужчина, всегда элегантно подстриженный и одетый, с обаятельной, располагающей улыбкой и очень внимательным взглядом искрящихся глаз. Однако такой добрый взгляд и открытость были у Виктора Удальцова только для друзей. Помню, каким строгим и жестким было выражение лица Виктора во время беседы с представителями так называемого «негативного контингента», как менялся тембр его голоса, в котором начинал звучать металл.

В КГБ Виктор Александрович пришел после срочной службы в Советской армии, начав с должности младшего разведчика службы наружного наблюдения. Затем, получив высшее юридическое и контрразведывательное образование, с 1973 года Удальцов продолжил служить в УКГБ ЛО в должности младшего оперуполномоченного Петроградского райотдела, закончив службу в звании полковника, занимая руководящий пост в петербургской таможне, где пользовался непререкаемым авторитетом. Своей внешностью, неподражаемым обаянием и поведением Виктор походил на актера Александра Белявского, знаменитого в те годы «пана

Ведущего» из суперпопулярной телепередачи «Кабачок 13 стульев». Думаю, что нет россиян, которые не знали бы этого прекрасного артиста по роли бандита Фокса из сериала «Место встречи изменить нельзя».

Виктор обладал (обладает и сейчас) замечательным, тонким чувством юмора, блестящими способностями вести беседу. После окончания службы полковник запаса В. А. Удальцов стал одним из организаторов клуба ветеранов контрразведки «Дом-4». С ним всегда исключительно приятно встречаться и общаться. Виктора отличает особый, «фирменный» стиль чокаться за нашу встречу и за наше здоровье: он обязательно смотрит глаза в глаза собеседнику своим добрым улыбающимся взглядом.

Чуть позже Александра С. и Виктора Удальцова пришел на службу в Петроградский райотдел Сергей Васильевич Молотков (1954 г. р.). С этим общительным молодым в те годы человеком я был знаком с самых первых лет своей службы в УКГБ ЛО, поскольку секретарь нашей комсомольской организации Валерий Яхно привлек Сергея к работе комсомольского бюро комендатуры Смольного, где он в те годы служил. В органы КГБ Сергея Васильевича подобрал после его срочной службы в дивизии Дзержинского наш молодой, очень ответственный и энергичный сотрудник отдела кадров Юрий Гаврилов, сделавший впоследствии карьеру оперработника и руководителя.

С. В. Молотков, с его энергией и темпераментом, кажется, успевал сделать все: добросовестно нести службу прапорщика на постах в комендатуре, получать высшеее юридическое образование в Ленинградском университете, руководить комсомольской организацией, участвовать в туристских слетах. Сергей не мог не запомниться – среднего роста, русоволосый, с хорошей улыбкой и взглядом внимательных глаз, излучавших доброжелательность, соединенную с легкой иронией в манере общения. На комсомольских туристских слетах Сергей демонстрировал физическую выносливость, общительность, умение быть душой компании. В отличие от некоторых других сотрудников, начавших карьеру на контрольно-пропускных постах Большого дома и Смольного, Сергей никогда по этому поводу не комплексовал. Он умел одинаково корректно общаться как со старшими по званию, так и со своими сверстниками, никогда не переходя грани субординации, не стремясь быть с кем бы то ни было запанибрата.

На всех местах чекистской службы к Молоткову относились с симпатиями и уважением. Под руководством нынешнего губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко он принял участие в создании в нашем городе налоговой полиции, реализовав свои организационные спо-

собности. Сергей уже давно завершил службу в звании полковника, продолжает трудиться в сфере экономической безопасности коммерческих структур. Он имеет полное право гордиться своим сыном, который является сотрудником УФСБ и ожидает получения воинского звания «майор». Примечательно, что Молотков-младший женат на внучке… Блеера Владимира Николаевич, в прошлом первого заместителя начальника УКГБ ЛО. Вот как иногда причудливо переплетаются судьбы чекистов и членов их семей!

Сергей Молотков никогда не забывает поздравить бывших сослуживцев с днем рождения, всегда найдет повод по-доброму пошутить, а также умеет поддержать товарища в трудную минуту. Мне доставляет огромное удовольствие встречаться с ним в компании старых сослуживцев по КГБ и «Севкабель-Холдингу», где мне довелось работать благодаря его рекомендации.

Октябрьский райотдел

Октябрьский районный отдел УКГБ был, наверное, в те годы одним из самых «молодежных», очень дружным в своем межличностном общении. Неформальными лидерами того времени среди молодых чекистов были ныне известные всей стране Николай Платонович Патрушев (1951 г. р.) и Виктор Петрович Иванов (1950 г. р.). Ныне Николай Платонович, генерал армии, возглавляет Совет безопасности Российской Федерации, длительный период времени руководил Федеральной службы безопасности страны.

Н. П. Патрушев

В. П. Иванов

В те годы, конечно, никто, да и сам Николай, не мог предположить такой карьеры. Но задатки лидера были у Патрушева уже в то время. Стройный, поджарый Николай в детстве и юности увлеченно занимался волейболом, игрой коллективной, где личный пример, личная самоотдача игрока помогает «завести» весь коллектив. Я искренне удивлялся, увидев пояс со свинцовыми пластинами, который Николай надевал на тренировках для отработки высоты прыжка. В футболе, которым увлекался я сам и многие другие коллеги-чекисты, таких нагрузок переносить не приходилось.

Будучи сыном военного моряка, участника Великой Отечественной войны, закончив так называемый «минно-торпедный» факультет Ленинградского кораблестроительного института, Н. П. Патрушев умел быть предельно собранным и дисциплинированным. Он и своих сыновей воспитывал в строгом, спартанском духе, называя их «мои бойцы». Несмотря на внешнюю «сухость», Николай Платонович умел и любил удачно пошутить, прекрасно рассказывал анекдоты, ценил юмор и шутку. В те годы Николай курировал Ленинградский институт физической культуры имени Лесгафта.

Благодаря урокам, «школе» начальника Октябрьского райотдела полковника Льва Кузьмича Коротышева, став руководителем, Патрушев проявил умение выстраивать, как тогда было модно говорить, «конструктивные отношения» с руководством партийных и советских органов на местах. Не случайно Николая очень рано выдвинули на руководящую работу, назначив начальником Кировского городского отделения УКГБ (Ленинградская область), а затем в возрасте 35 лет назначили на полковничью должность в Петроградский районный отдел УКГБ ЛО. Об этом этапе его работы я смогу рассказать позднее.

Николай Платонович дружил с оперуполномоченным того же райотдела Виктором Петровичем Ивановым, выпускником ЛЭИС (Ленинградский электротехнический институт связи). При всем том, что Виктор уже в те годы отличался вдумчивостью, серьезностью и ответственностью, никто из окружающих не мог угадать в Викторе будущего «главного кадровика Кремля». Невысокого роста, с симпатичным, вызывающим доверие лицом, украшенным густыми усами, Виктор располагал к себе людей, демонстрируя такие замечательные качества, как умение внимательно слушать, уважительно относиться к собеседнику, анализировать и давать верную, точную оценку поступкам людей. Именно за эти положительные качества А. П. Корсаков взял Виктора

Иванова на службу в отдел кадров.

В жизни Виктора и его преданной жены Веры было серьезное испытание: командировка в Афганистан, по сути дела в зону ведения боевых действий. После 1991 года Виктору Петровичу в числе других сотрудников Управления, среди которых был и нынешний губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко, предстояло своим трудом с нуля создавать новую российскую спецслужбу – налоговую полицию России. В настоящее время государственный советник Российской Федерации 1 класса В. П. Иванов является крупным государственным чиновником – директором Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Стародавняя дружба Патрушева и Иванова, еще со времен младших оперуполномоченных, на мой взгляд, является образцом чекисткой дружбы, в которой, как говорится в русской поговорке, «дружба дружбой, а служба службой».

Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП) курировал Виктор Андреевич Шрамко (1945–1997 гг.), крепко сбитый, физически развитый парень невысокого роста, исключительно подвижный. На футбольном поле Виктора, игравшего нападающим, просто невозможно было сдержать. Он летел вперед, как ракета, сметая всё и всех на своем пути.

Энергии Виктора можно было просто позавидовать. Он был исключительно компанейским человеком, которого знали очень многие, с удовольствием взаимодействуя со Шрамко по оперативным вопросам. После Октябрьского райотдела он продуктивно работал в 5-й службе Управления, а уйдя на пенсию, успешно реализовал себя в туристическом бизнесе. Однако психологические нагрузки, эмоциональные переживания, являющиеся обязательной составляющей работы оперативных сотрудников спецслужб, сыграли со Шрамко злую шутку. Однажды в 1997 году во время игры в теннис, которым Виктор не на шутку увлекся, как всегда выкладываясь «по полной», он почувствовал себя плохо. Приехавшая по вызову «скорая помощь» констатировала у Виктора обширный инфаркт, от которого он безвременно ушел из жизни.

Виктором Шрамко был подобран в качестве кандидата для службы в органах КГБ молодой штурман гидрографического флота Александр Юрьевич Булатов (1949 г. р.). По иронии судьбы Булатова зачислят на службу именно в Октябрьский райотдел, где рабочее место Александра будет в одном кабинете с его «крестным отцом» В. Шрамко. Александр окончил знаменитую «Макаровку» (Ленинградское высшее

инженерное морское училище имени адмирала С. О. Макарова), получив высшее инженерно-морское образование и профессию штурмана. До органов госбезопасности служил на различных гидрографических судах, обслуживавших знаменитый Северный морской путь. К моменту прихода на военную службу за его спиной было 18 месяцев, проведенных в открытом море, где ему пришлось пережить в составе флотских экипажей и шторма, и пробоины, и пожары.

А. Ю. Булатова отличала исключительная уравновешенность, взвешенность суждений и умение сохранять спокойствие даже в неприятных, стрессовых ситуациях. Его отличала неспешная манера речи, слова его «шли изнутри», уже продуманными и выстроенными в логическую цепочку. Мне повезло работать вместе с Сашей, как с подчиненным, уже «на гражданке», и не раз пришлось убедиться в его надежности и порядочности. После моего необоснованного и незаконного увольнения по прихоти акционеров из ОАО «Севкабель», где мы с ним работали, Александр сам, по своей инициативе, ушел из компании. Ушел «в никуда», не цепляясь за хорошо оплачиваемую работу, где он должен был подчиняться людям, которым не доверял.

Не случайно последние годы А. Ю. Булатов, будучи пенсионером, возглавляет Совет ветеранов службы по защите конституционного строя и борьбы с терроризмом нашего регионального Управления ФСБ, добровольно взвалив на себя ношу этой, как говорили в советское время, «общественной нагрузки».

Ю. В. Кашутин

Октябрьский райотдел подготовил и воспитал значительное количество сотрудников для УКГБ по Ленинградской области, многие из которых стали начальниками отделений и отделов. Одним из таких ярких и самобытных сотрудников был Юрий Васильевич Кашутин (1948 г. р.). Высокий, видный мужчина с медальным профилем, прекрасно эрудированный, он работал, в основном, по так называемой «пятой линии» (противодействие идеологическим диверсиям). Удивительно, что по диплому образования специальность Кашутина, выпускника Ленинградского политехнического института имени М. А. Калинина, значилась: «специальная экспериментальная ядерная физика». И это не единственный случай, когда «Политех», кузница инженерных кадров и ученых, делегировал в КГБ

своих выпускников, которые самым лучшим образом проявляли себя на различных участках работы. В КГБ Юрий пришел весной 1972, в сентябре того же года был направлен на годичное обучение в Минск, в 1973 году получил назначение в Октябрьский райотдел. «Крестным отцом» Кашутина, подобравшим его для органов государственной безопасности был сотрудник, курировавший ЛПИ – Виктор Николаевич Карамышев (1937–1975 гг.), замечательный профессионал, интересный человек, рано ушедший из жизни от прободения язвы желудка. Карамышев обратил внимание на Кашутина как на активиста комсомольского оперативного отряда, и Юрий Васильевич сделал свой осознанный выбор – стал профессиональным сотрудником спецслужбы.

В характере Юрия удивительным образом сочетались спокойное, деловитое умение анализировать информацию до мельчайших деталей (до атомов, как умеют физики-ядерщики) и яркий, иногда даже взрывной темперамент. Кашутин, как и большинство из нас, молодых чекистов 70-х годов, был идейно убежденным человеком. В моей памяти остались воспоминания о том, как эмоционально воспринимал и оценивал Юрий негативные явления, бросавшие тень на нашу советскую действительность того времени, как смело и открыто он высказывал свое мнение на партийных собраниях.

Начальник Октябрьского райотдела тех времен полковник Лев Кузьмич Коротышев уделял большое внимание идейному воспитанию своих сотрудников. На всех, когда-либо посещавших отдел в те годы, производила сильное впечатление большая картина маслом, выполненная профессиональным художником по заказу Коротышева. На картине был изображен стоящим в полный рост первый председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский, одетый в длинную красноармейскую шинель. Старожилы отдела помнят, что фигуру «железного Феликса» художник писал с Юрия Кашутина. Юра был высок, худощав и статен, что вполне устраивало художника, а лицо Дзержинского было написано по одной из канонических фотографий (хотя в профиль Кашутин действительно был похож на пламенного революционера). Примечательно, что под картиной, расположенной в глубине коридора, стоял пулемет «Максим», изъятый молодыми операми у одного из так называемых «трофейщиков», которыми в те годы активно занимались органы госбезопасности.

Октябрьский райотдел, как и большинство других районных подразделений Управления, отличала особая спаянность, искренняя дружба и взаимовыручка. Сейчас уже далеко не молодые люди, ветераны-чекисты во время своих встреч вспоминают, как помогали друг другу перевозить вещи в полученные от Управления комнаты в коммунальных квартирах, как циклевали полы, белили потолки, «доставали» обои. Некоторые из этих комнат передавались «из рук в руки, из поколения – поколению».

Следует подчеркнуть, что труд сотрудников райотделов зачастую был особенно интенсивным. В отличие от управленческих служб, каждый оперработник курировал не одну, а две или три контрразведывательных линии, несколько объектов оперативного обслуживания.

Красногвардейский райотдел

Красногвардейский район Ленинграда был создан лишь в 1973 году. Мне повезло общаться с молодыми сотрудниками райотдела «первого созыва». Интересно отметить, что практически все его молодые сотрудники были 1950 года рождения и пришли на службу в КГБ в 1973–1974 гг. Трое из них дослужились до высоких генеральских званий.

Андрей Анатольевич Липатов (1950 г. р.), как мне вспоминается, еще с лейтенантских лет готовил себя к серьезной руководящей работе. Импозантный, хорошо владеющий разговорным языком человек, он умел говорить убедительно, неспешно, доказательно мотивируя сою позицию. Но, главное, вдобавок ко всем этим качествам Андрей очень внимательно умел слушать собеседника, а тот, кто умеет слушать, несомненно, умел понимать своего визави, даже если тот являлся не союзником, а оппонентом. Липатов быстро и последовательно двигался по карьерной лестнице, заняв, в конечном итоге, одну из главнейших должностей в иерархии Управления ФСБ – начальника отдела кадров, получив звание генерал-майора.

Стоит отметить, что, к его чести, это высокое звание и должность не сказались негативно на его поведении по отношению к товарищам, не дослужившимся до столь высокого звания. Никакого чванства или демонстрации превосходства Андрей Анатольевич себе не позволял, долгий период времени исполнял обязанности президента нашего клуба

ветеранов «Дом-4». Мне, как и многим другим сверстникам, очень приятно встречаться с Андреем на наших клубных мероприятиях.

Александр Николаевич Беляков (1950 г.р.), среднего роста, уравновешенный, спокойный, солидный, молодой сотрудник, выпускник ЛИТМО 1974 года. Внешне выглядел добродушным человеком, даже в некоторой степени балагуром. Взгляду его внимательных глаз была присуща легкая «хитринка», он любил иронизировать. Александр умел по-доброму, легко «подкалывать» собеседника, делая это настолько естественно, что это не обижало объект его шуток, скорее наоборот, располагало человека к Белякову. В дальнейшем, когда мне пришлось общаться с Александром Николаевичем уже на руководящих должностях, Беляков демонстрировал все необходимые качества руководителя: твердость и требовательность к подчиненным, уверенность в себе и в своих силах. Он прекрасно проявил себя как руководитель Центрального районного отдела УФСБ, работая в тандеме с Е. А. Муровым, который позже пригласил Александра в Москву во вновь создаваемую Федеральную службу охраны Российской Федерации. Александр Николаевич Беляков, уже изрядно поседевший и набравший вес генерал-полковник, закончил службу в должности 1-го заместителя директора ФСО Российской Федерации.

Сергей Михайлович Смирнов (1950 г. р.) недавно отметил свой 65-летний юбилей будучи в звании генерала армии, в должности 1-го заместителя директора ФСБ Российской Федерации. Молодой выпускник ЛЭИС в 1973 году был зачислен в кадры УКГБ по Ленинградской области. Через год после окончания высших курсов КГБ в Минске начал службу в Красногвардейском райотделе. Исключительно уравновешенный, спокойный, с хорошо поставленной речью, красивыми черными вьющимися волосами и внимательными глазами, он производил очень положительное впечатление. От его сослуживцев я узнал,

С. М. Смирнов

что Сергей родился в Забайкалье в семье военнослужащих, поэтому с малых лет был приучен к дисциплине и соблюдению субординации. В общении он предпочитал вести спокойную, неторопливую беседу. Кому-то его стиль поведения мог показаться даже флегматичными, но это было лишь первое, не совсем правильное впечатление. За неторопливой манерой речи скрывался быстрый, гибкий ум, хорошая реакция на неожиданно возникающие в беседах коллизии и недоверие. Смирнов обладал замечательным даром убеждения, умел совершенно ненавязчиво, сохраняя спокойствие, не проявляя эмоций, склонить человека на свою сторону.

В 5-й службе Управления КГБ, куда Сергея Михайловича перевели из райотдела, он прошел путь от заместителя начальника отделения до заместителя начальника отдела, которым руководил его близкий друг Евгений Васильев. Их тандем руководителей был, по моему мнению, в 80-е годы ушедшего века самым сильным в 5-й службе. С. М. Смирнов был отличным воспитателем по отношению к подчиненным, знаю это не понаслышке, потому что мне пришлось работать под руководством Евгения и Сергея шесть с лишним лет.

Вначале я даже не ощутил, что Сергей, ранее занимавший равную мне должность, стал моим руководителем. Мы продолжали дружески общаться друг с другом на «ты». Я даже не замечал, как Сергей Михайлович мягко, без нажима исправлял те или иные мои эмоциональные перегибы, опуская «с высот на землю». Никогда не забуду, как в 1985 году Сергей Смирнов всю ночь возил на своих новеньких «Жигулях» меня и двух сотрудников, осуществлявших серьезное оперативное мероприятие. В эти тяжелые ночные часы, когда требовалось принять решение и нести за него ответственность перед генералом Блеером В. Н., Сергей ни разу не дал повода усомниться в своей порядочности и профессионализме. Думаю, что благодаря именно этим качествам, а не тому, что он учился в средней школе вместе с Н. П. Патрушевым и Б. В. Грызловым (о чем любят писать в Интернете), С. М. Смирнов сделал карьеру в органах ФСБ.

Мне было чрезвычайно приятно, что 26 сентября 2002 года Сергей Михайлович, в те годы уже генерал-лейтенант, начальник Санкт-Петербургского УФСБ, вместе со своими заместителями пришел поздравить меня с 50-летием, сделав это не «по-генеральски», а по-дружески, открыто и доброжелательно.

Кировский райотдел

Ярким, самобытным, активным сотрудником Кировского райотдела УКГБ ЛО был лейтенант Валерий Аркадьевич Жаворонков (1948 г. р.). Высокий, сухопарый, спортивного телосложения человек, он был очень исполнительным, ответственным сотрудником. Общение с ним доставляло удовольствие. Всегда оптимистичный, энергичный, доброжелательный, с хорошим чувством юмора, Валерий умел налаживать контакты с людьми: с коллегами, руководителями НИИ и НПО, которые он курировал, сотрудниками исполкома. С Валерием всегда было интересно общаться, как с эрудированным, словоохотливым и оригинальным собеседником, любившим и умевшим удачно пошутить. С Жаворонковым, как с командным человеком, было очень интересно и приятно играть в волейбол и футбол.

После окончания ЛЭТИ в 1973 году он успел поработать на Кировском заводе, откуда и был призван в КГБ. Хорошее инженерное образование помогало Жаворонкову в его карьере, которая после перевода его в 6-ю службу Управления (контрразведка на объектах оборонной промышленности) была связана с обеспечением безопасности и режима секретности крупных режимных предприятий.

В. П. Жаворонков

Более двух лет Валерий Аркадьевич провел в суровой командировке в качестве советника в Демократической Республике Афганистан, половину срока отработав в Кабуле, а вторую – в горных районах провинции Кунар на границе с Пакистаном, считавшейся самым опасным местом в стране. За проявленное личное мужество Валерий награжден медалью «За отвагу» и афганским орденом «Звезды». О своей службе в Афганистане он интересно рассказал в очерке «Отдельные аспекты советнической деятельности сотрудников КГБ в ДРА», опубликованном в сборнике «Чекисты Ленинграда в Афганистане» в 2009 году. Читая этот очерк, напомнивший мне «справку об оперативной обстановке», я узнавал четкий, по-инженерному отточенный, выверенный стиль оперативных документов Валерия, которые он писал в свои молодые лейтенантские годы, и вспомнил знаменитую фразу французского поэта-классика Никола Буало: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает».

После возвращения из Афганистана В. А. Жаворонков получил назначение в так называемый «действующий резерв КГБ», отработав 23 (!) года в должности заместителя по безопасности одного из режимных, оборонных НПО. Думаю, что если когда-либо будет составляться книга рекордов Большого дома, по типу книги рекордов Гиннесса, то Валерий должен быть обязательно в нее включен за рекордный срок службы на одном месте! И сегодня полковник запаса В. А. Жаворонков по-прежнему в строю, работая помощником генерального директора того самого НПО, продолжающего производить боевое оружие для российской армии.

В одном кабинете с Жаворонковым было рабочее место Геннадия Карловича Скифского (1946 г. р.), выпускника Ленинградского военно-механического института, призванного в КГБ в 1973 году с инженерной работы в «танковом» СКБ-3. С первых дней службы основным участком оперативного обслуживания Геннадия стал знаменитый на всю страну Кировский завод. Высокого роста, крупный, с характерным голосом «с хрипотцой», Геннадий Карлович умел сочетать серьезность и вдумчивость с хорошим чувством юмора. С ним, как и с Валерой Жаворонковым, всегда было приятно, помимо решения деловых, служебных вопросов, просто по-человечески «потрепаться».

Контактный, оптимистичный, как сейчас сказали бы нынешние молодые люди, «позитивно настроенный человек», Скифский пользовался уважением своих сослуживцев, с которыми учился в спецшколе в Минске и Военмехе, умел быстро находить контакт с людьми. Трудно было не попасть под обаяние и энергетику его «скоростной» манеры общения. Как я заметил уже в первый год службы в КГБ, оценки сотрудника, дававшиеся его однокашниками по институту и учебе в спецшколе, были, как правило, самыми точными. Еще бы, ведь, говоря словами академика Д. С. Лихачева, «…те, с кем вы учитесь на первом курсе, будут вас так или иначе сопровождать всю жизнь… Ваши товарищи по курсу – вот кто создаст вам репутацию на всю жизнь».

За успешную, результативную работу по охране государственных секретов на Кировском заводе Скифский в 1986 году награжден орденом «Знак почета». Вся дальнейшая чекистская судьба Геннадия была связана с обеспечением режима безопасности и защиты секретов промышленных предприятий оборонной отрасли. Его хорошо помнят и уважают на военном заводе в поселке имени Морозова и судостроительной фирме «Алмаз», где он работал, будучи сотрудником 6-й службы и Петроградского районного отдела УКГБ.

Во время службы в Петроградском райотделе Геннадий, как уже сложившийся, зрелый оперработник, сделал много полезного для воспитания и обучения молодых сотрудников, среди которых пользовался авторитетом. Работа Скифского Г. К. на заводе «Алмаз» по «созданию системы контрразведывательных мер по противодействию научно-технической разведке главного противника» имела только положительную оценку. Хотя взять с поличным американских военных разведчиков, стремившихся любыми путями получить фото и иную информацию о тактико-технических данных нашего нового десантного корабля на воздушной подушке, Скифскому не удалось. Этому не суждено было сбыться, скорее всего, потому, что боялись американцы быть захваченными при проведении шпионской съемки, зная, какой крутой опер ждет встречи с ними. Ну, а высокое звание полковника, о котором мечтал Геннадий, было присвоено ему за многолетнюю безупречную службу по защите оборонных секретов страны.

Калининский райотдел

Три первых года службы в УКГБ ЛО провел в Калининском районном отделе Сергей Иванович Огнев (1948 г. р.), выпускник Ленинградского Электротехнического Института Связи. Высокий, очень худой, с аскетичным лицом и чубом русых густых волос, Сергей был исключительно подвижным, моторным человеком, с быстрой, хорошо поставленной речью и колоссальной работоспособностью. Очень скоро Сергей Иванович стал одним из ведущих сотрудников Калининского районного отдела УКГБ. С ним было приятно взаимодействовать, поскольку он всегда «держал слово» и вовремя, качественно выполнял согласованные во взаимодействии с управленческими структурами мероприятия.

Именно за эти деловые качества Сергея перевели во 2-ю службу на одно из самых ответственнейших направлений оперативной работы, связанное с разработкой и изобличением агентов иностранных спецслужб, где он вскоре стал одним из руководителей подразделения, пройдя замечательную школу И. Г. Хухарева. Не имея морального права в деталях описывать решавшиеся Сергеем Ивановичем и его коллегами задачи, отмечу лишь тот факт, что Огнев получил высокое звание «Почетный сотрудник органов государственной безопасности» за разработку и разоблачение

агента одной из западных разведок, осужденного за измену Родине в форме шпионажа. Кроме того, полковник запаса С. И. Огнев с гордостью носит на парадном мундире боевой орден Красной Звезды, полученный за противодействие зарубежным спецслужбам, стремившимся собирать секретную военную информацию.

Сергей очень любил и хорошо играл в футбол, отличаясь быстротой бега, техничной работой с мячом и голевым чутьем. С ним всегда было приятно общаться за чашкой кофе в столовой, на праздничном мероприятии. Огнев никогда не стремился подчеркивать, а тем более выпячивать свои заслуги в УКГБ, которые, несомненно, были весьма внушительными. В личной жизни Сергей продолжал оставаться простым, контактным и открытым человеком.

Смольнинский райотдел

Хочу вспомнить добрым словом работавшего в те годы оперуполномоченным Смольнинского районного отдела Николая Леонидовича Носкова (1949 г. р.). Николай по возрасту и жизненному опыту был постарше нас, рожденных в начале 50-х, пришедших в Большой дом со студенческой скамьи. Ему были присущи особая основательность и рассудительность. Мне довелось слышать выступления Николая на семинарах чекистской учебы, где он говорил веско, неспешно и очень убедительно. По всему было видно, что Николай просто не мог себе позволить делать какую-то работу спустя рукава.

Н. Носков был очень доброжелательным и отзывчивым человеком. В те годы тотального дефицита Николай, курировавший в числе других объектов еще и кондитерскую фабрику, «доставал» коробки конфет к 8 Марта и Новому году всем сотрудникам, которые обращались к нему за помощью. Естественно, конфеты покупались по отпускной цене магазина при фабрике. Я не помню случая, чтобы Николай кому-то отказал или забыл о сделанном заказе. Со стороны Носкова это была искренняя помощь коллегам, абсолютно бескорыстная, не основанная на «отношениях: ты – мне, я – тебе», ставших для многих людей в СССР жизненным ориентиром.

5-Я СЛУЖБА

Мне и думать об этом нельзя,
И не думать об этом не вправе я.
Это наша с тобою страна,
Это наша с тобой биография!

(Николай Добронравов)

В июле 1979 года приказом начальника УКГБ ЛО я был переведен на должность старшего оперуполномоченного первого отделения первого отдела 5-й службы, называвшейся на нашем чекистском профессиональном языке «идеологической контрразведкой». Перевели меня из следственного отдела, в котором мне довелось прослужить совсем недолго, всего три года (1976–1979). О моих сослуживцах-следователях я уже писал в очерке, опубликованном в книге девятой сборника «Следствие продолжается…» (2015 г.), названном «Групповой портрет в интерьере «Большого дома», в значительной степени вдохновившем меня написать эти воспоминания.

Из обслуживания Дзержинского райотдела в 5-ю службу перевели Государственный Эрмитаж, поскольку международный музейный обмен в те годы начал очень активно развиваться. Инициатором моего перехода стал начальник службы Виталий Иванович Полозюк, хорошо знавший меня по работе во 2-й службе, веривший в мои личные и деловые качества, как оперативного сотрудника. К тому времени по результатам расследования уголовных дел о контрабанде художественных ценностей у меня установились хорошие, деловые отношения с руководством и сотрудниками ведущих ленинградских музеев.

В. И. Полозюк

Виталий Иванович Полозюк (1927–2009 гг.) был очень самобытным человеком. Американцы называют таких людей «создавшими самих себя» (himselfmademan). В молодости он провел три года на флоте, заслужив гордое звание корабельного старшины. Понимающие толк в воинской дисциплине знают, какую роль играет корабельный старшина в воспитании «матросов-салаг» и налаживании взаимоотношений внутри морского экипажа.

Я не знаю пути, которым Виталий Иванович пришел на службу в органы государственной безопасности, но всегда восхищался его эрудицией, умением грамотно, красноречиво говорить и писать документы, поскольку было известно, что Полозюк вышел из простой семьи. Впрочем, эти качества были естественными для человека, который после флотской службы сумел, проявив крепкий морской характер, поступить на философский(!) факультет ЛГУ и получить прекрасное гуманитарное образование. Не случайно вскоре после создания в УКГБ ЛО 5-го отдела (впоследствии 5-й службы), осуществлявших идеологическую контрразведку, В. И. Полозюк на долгий период времени стал руководителем и визитной карточкой этого подразделения. Высокий, слегка сутулый человек, со своеобразной походкой моряка (чуть-чуть враскачку), с ироничной манерой общения, Виталий Иванович одинаково легко мог находить общий язык с разными людьми: от младших оперуполномоченных, своих подчиненных, до народных артистов СССР, Героев Социалистического Труда и депутатов всех возможных Верховных Советов.

Виталий Иванович был интересным собеседником, обладал хорошим чувством юмора и «фирменной» иронией, которую он всегда очень уместно использовал при общении с подчиненными, а также во время многочисленных бесед с деятелями культуры и ректорами ленинградских вузов. Полозюк хорошо ориентировался в театральной и художественной жизни Ленинграда, был начитан, знаком с творчеством ведущих писателей города и страны, с некоторыми из них поддерживал многолетние личные человеческие отношения.

При моем назначении на должность старшего оперуполномоченного (равную моей – старший следователь) Полозюк сказал мне: «Знаешь, Павел, я верю, что у тебя все получится. Человек ты энергичный, компанейский, так что в коллектив вольешься. Хотя имей в виду: ребята в отделении все молодые, без большого опыта работы, но с амбициями. А начальник твоего отделения – человек отличных личных качеств, правда, сейчас болеет». Мне доводилось видеть, с каким уважением, без подобострастия, зачастую с обращением на «ты» с Полозюком общались писатель Юлиан Семенов, актеры Михаил Козаков, Василий Ливанов, Кирилл Лавров, Владислав Стржельчик, режиссеры Георгий Товстоногов, Игорь Масленников, художники и музыканты, ректоры многих ленинградских вузов, руководители партийных органов и управления культуры Ленгорисполк-

кома. По внешним данным и манере поведения Полозюка в принципе можно было принять за человека творческой профессии, Хотя я не припомню ни одного случая, чтобы Виталий Иванович появился на работе в Большом доме без традиционного костюма и рубашки с галстуком, даже в выходные дни.

В. И. Полозюк ни в коем случае не был идеологически зацикленным догматиком, хорошо разбирался в авангардном искусстве в живописи, проявлениях формализма в театральных постановках и кино. Благодаря личной позиции Виталия Ивановича и его доверия к молодым на руководящие должности были выдвинуты многие герои этого очерка, сделавшие достойные карьеры. Полозюк очень ценил в каждом человеке его личность, зачастую стремясь защитить своих подчиненных от излишне ретивых, менее интеллектуально развитых начальников, которые эту «личность» в подчиненном стремились сломать, подчинить своей воле.

«Добреньким» начальником Виталий Иванович ни в коем случае не был, при необходимости мог жестко отчитать, сказать «с пролетарской простотой» всю правду в лицо, без оглядки на то, что может нажить в лице критикуемого руководителя себе врага. Я помню, как решительно, без экивоков Полозюк называл трусость трусостью, а подлость подлостью, несмотря на то что, казалось, не в его интересах было «выносить сор из избы». Он был убежденным, уверенным в правоте идей социальной справедливости коммунистом, не из тех функционеров, которые «колебались вместе с линией партии».

На наших вечерах в честь профессионального праздника Виталий Иванович всегда душевно общался с сотрудниками и их женами, замечательно шутил, был простым и доступным. Многие актеры, певцы, эстрадные исполнители приходили на праздники чекистов именно из уважения лично к Полозюку. Не случайно эти торжества в 5-й службе получались самыми интересными, яркими, запоминающимися.

После ухода на пенсию В. И. Полозюк практически не появлялся в Управлении ФСБ, вел очень скромную жизнь простого военного пенсионера, не добиваясь для себя какой-либо «выгодной» должности. Как и многие мои коллеги, я очень сожалею о том, что похороны Виталия Ивановича, организованные его семьей, прошли по-тихому, без участия тех, кому Полозюк дал путевку в жизнь. Мы помним все доброе, что Вы сделали для нас, Виталий Иванович. Светлая Вам память!

Заместителем начальника пятой службы при В. И. Полозюке был Валерий Стефанович Новиков (1939 г. р.), выпускник факультета журналистики Ленинградского государственного университета. Я попал под обаяние личности Новикова с первой встречи, состоявшейся в пору, когда я еще служил в Следственном отделе. Высокий, с выразительным мужественным лицом, обрамленным пышной шевелюрой густых русых волос, с вечной папиросой в руках, Валерий Стефанович внешне походил на поэта Серебряного века. Он был, как говорили в то время, «представительным человеком». Кстати, стихи он знал наизусть в огромном количестве и декламировал их просто великолепно. Его неторопливая походка, размеренная речь с минимальной жестикуляцией производили на подчиненных сильное впечатление, несмотря на то что Валерий Стефанович совершенно не стремился подчеркивать свою начальственную значимость, общаясь с подчиненным во время их докладов достаточно демократично. Новиков много курил, кажется, крепкие папиросы «Беломор». В то время курение в рабочих кабинетах было нормой. Нужно отдать ему должное: если некурящему сотруднику приходилось много времени проводить в его кабинете, например, во время работы над серьезным аналитическим документом, Новиков всегда проветривал кабинет, чтобы дать некурящему человеку глотнуть свежего воздуха.

В. С. Новиков

Несомненно, что Валерий Стефанович был главным эрудитом, книгочеем и интеллектуалом 5-й службы. Он прекрасно ориентировался во всех новинках советской и зарубежной литературы, имея по поводу любого вновь опубликованного произведения свое собственное, мотивированное мнение. Он был в курсе всех театральных и кинопремьер, знал по имени-отчеству и лично общался с десятками театральных и кинорежиссеров, удивляя их своими глубокими знаниями в сфере литературы и искусства.

Валерий Стефанович пришел в КГБ уже зрелым человеком, получив опыт комсомольской работы в студенческом отделе Горкома ВЛКСМ и в должности первого секретаря Петроградского РК ВЛКСМ.

Получив чекистское образование в ВКШ имени Дзержинского и 101-й школе ПГУ КГБ, он очень быстро стал продвигаться по карьерной лестнице благодаря именно своим личным, деловым качествам и огромной работоспособности. Любой оперработник службы мог застать его в рабочем кабинете и в восемь, и в девять часов вечера, попросив совета по какому-либо непростому вопросу оперативной деятельности с уверенностью, что будет выслушан и получит дельный, продуманный совет, что руководитель не отмахнется и к обращению не отнесется формально. (Что греха таить, руководители, способные давать лишь общие советы и указания, разговаривающие с подчиненными «через губу», боящиеся взять на себя какую-либо ответственность за принятые решения, были в нашем Управлении, так же как есть и будут во все времена на разных направлениях работы.)

Не будет никакого преувеличения сказать, что В. С. Новикова любили все оперативные сотрудники 5-й службы, высоко ценившие личные и деловые качества этого руководителя. Он был своеобразным «мозговым центром» службы. Под его непосредственным руководством готовились многочисленные аналитические документы для доклада в партийные инстанции и КГБ СССР. Мне не раз приходилось работать совместно с Новиковым, и я не переставал удивляться его умению стилистически выверить документ в буквальном смысле слова «до последней запятой». В нашем Управлении было много грамотных аналитиков, умевших профессионально изложить на бумаге полученную из разных оперативных источников информацию, но В. С. Новикову, так же как и А. А. Тимошенкову, на мой взгляд, не было равных.

Валерий Стефанович помог в становлении многих руководителей 5-й службы, в том числе тех, кто сейчас занимает высокие генеральские посты. Причем его советы никогда не были дидактичными и назидательными, зачастую делались в форме рассуждения, после чего вывод из анализа материалов и решение по ним ты принимал сам. Многие из коллег были огорчены, когда В.С. Новикова перевели на службу в Москву в оргинструкторское Управление КГБ СССР, а затем на генеральскую должность заместителя начальника УКГБ по Москве и Московской области.

Вернулся Валерий Стефанович в родной Ленинград в 1987 году уже в генеральском звании, до рокового 1991 года прослужив на должности заместителя начальника Управления КГБ. После событий ГКЧП он вместе с генералом Курковым А. А. и другими заместителями покинул органы государственной безопасности.

Члены клуба «Дом-4» всегда с огромным энтузиазмом встречают Валерия Стефановича, как своего любимого руководителя, на наших традиционных встречах. В 2009 году я воспринял как большую честь для себя приглашение отметить 70-летие Новикова В.С. в столовой Большого дома. Юбиляр великолепно читал стихи и принимал поздравления от своих гостей. Хочется пожелать Валерию Стефановичу здоровья, бодрости духа и долгих лет жизни. Я надеюсь, что мне и всем членам нашего ветеранского клуба удастся прочитать его воспоминания о службе в КГБ, которые, уверен, будут исключительно интересными по фактографии и стилю изложения.

В. А. Фокин

Начальником нашего 1-го отделения 1-го отдела 5-й службы, был Виктор Александрович Фокин (1940–2013 гг.), врач по профессии, закончивший Первый Ленинградский медицинский институт, после которого по направлению горкома комсомола пришел на службу в органы государственной безопасности. Подвижный, с хорошо поставленной речью человек, Фокин мог с легкостью общаться с любым собеседником от дворника до академика, всегда находя общий язык. Он был подтянут, интеллигентен, исключительно корректно общался с подчиненными. Я не помню, чтобы Фокин хотя бы один раз повысил голос на своего сотрудника, хотя с него, как с начальника, спрашивали за результаты работы «по полной программе». Причем спрос был не только по служебной, но и по партийной линии, когда коммуниста-руководителя заслушивали о его «авангардной роли» в деле обучения и воспитания молодых сотрудников.

Виктор Александрович серьезно заболел после сильного психоэмоционального стресса, полученного во время своей краткосрочной командировки в Японию с балетной труппой и оркестром Кировского (Мариинского) театра. В период этих гастролей остались за рубежом, отказавшись возвращаться на Родину, двое музыкантов, попросивших политического убежища в так называемом «свободном мире». Виктор Александрович очень переживал за допущенный им «прокол в работе», не сумев предотвратить невозвращения советских граждан в Советский

Союз – в те годы такой поступок считался серьезным государственным преступлением и большой недоработкой органов государственной безопасности. У Фокина буквально через час-два работы резко повышалось артериальное давление, он становился абсолютно неработоспособным. В кадрах даже начали поговаривать о неизбежности его комиссования с воинской службы. Но, к счастью, в Институте мозга Академии наук СССР, возглавляемом академиком Н. П. Бехтеревой, лично знавшей и очень уважавшей Фокина, смогли найти причину, по которой возникали скачки давления. После назначенного лечения Виктор Александрович полностью восстановился, прослужив после этого еще более двух десятков лет, выйдя на пенсию в звании полковника.

Скольким людям из числа сотрудников Управления КГБ и членам их семей сумел помочь, организовать лечение Виктор Александрович! Думаю, невозможно сосчитать. Причем делалось это, как говорится, «на общественных началах». Никто с Фокина, долгие годы возглавлявшего отдел международных связей Главного управления здравоохранения Ленинградского городского исполкома, чекистских задач не снимал! Виктор Александрович, надо отметить, добивался серьезных оперативных результатов на канале международного медицинского обмена, причем не только по линии контрразведки, но и по линии научно-технической разведки.

А вот о своем здоровье Фокин заботился мало. Он много курил, что сказывалось на работе сердца. Уже на пенсии он попал под машину в результате дорожно-транспортного происшествия, и от полученных травм не сумел полностью восстановиться. Фокин ушел из жизни, прожив всего 73 года.

Проститься с этим открытым, добрым, отзывчивым человеком, профессионалом-врачом и профессионалом-чекистом пришли не только бывшие подчиненные и сослуживцы по КГБ, но также врачи, артисты, музыканты. Пришли люди, которые знали и уважали личные человеческие и профессиональные качества Виктора Александровича. Люди, которым он бескорыстно помогал и в сердцах которых он оставил свой яркий след, выражали искренние соболезнования замечательной супруге Фокина – Ирине Васильевне, а также сыну Александру, которого многие из пришедших на гражданскую панихиду помнили еще школьником-подростком.

Прощаясь с В. А. Фокиным, я вспоминал, как многому учил он нас: умению наладить деловую, творческую атмосферу в коллективе,

доброжелательности и внимательности к нуждам и проблемам подчиненных, способности с достоинством, без выражения эмоций переживать критику и претензии к себе со стороны руководства, в том числе порой и несправедливые. Вспоминая Виктора Александровича, больше всего хотелось подчеркнуть его человечность, умение не ставить оперативный результат выше конкретного человека. Светлая Вам память, Виктор Александрович!

Осенью 1979 года я стал заместителем В. А. Фокина, зачастую исполняя обязанности начальника отделения в период госпитализаций Виктора Александровича. Летом 1980 года накануне Московской Олимпиады меня назначили начальником отделения, в котором многие из сотрудников были старше меня по возрасту, и не все из них приветствовали мое выдвижение на руководящую работу. Не были в тот период безоблачными мои личные взаимоотношения с начальником отдела подполковником А., отличавшимся жестким, зачастую нетерпимым отношением к любым проявлениям «вольнодумства» среди творческой интеллигенции, которую мы, чекисты, были призваны защищать от подрывных действий идеологических центров и спецслужб противника. Впрочем, у меня совершенно нет желания переходить на личные мемуары о своей судьбе в органах КГБ и разъяснять непосвященным читателям все тонкости невидимой идеологической войны того времени между социализмом и капитализмом. Возможно, когда-нибудь придет время сказать правду о той борьбе, которую вели чекисты против тех, кто стремился «разобрать по кирпичам» наше социалистическое государство. Главная цель этого очерка – вспомнить людей, моих сверстников, которые честно и профессионально служили интересам защиты нашего государства, с гордостью носившего имя Союз Советских Социалистических Республик.

Каждый из сотрудников нашего отделения, несомненно, был личностью неординарной. К этому просто обязывала сама специфика работы с людьми из числа писателей, художников, музыкантов и артистов. И в наших рядах были сотрудники, которые сами могли бы стать выдающимися творческими работниками.

Уже в первые дни работы в 5-й службе я восхищался глубоким литературоведческим анализом повести Чингиза Айтматова «Белый пароход», который сделал старший оперуполномоченный нашего отделения Александр Александрович Тимошенков (1948 г. р.). Журналист по профессии, получивший блестящее образование в Ленинградском университете, Александр прекрасно разбирался в литературном процессе того

времени, знал творчество всех ведущих советских и зарубежных писателей, в том числе тех, кто представлял в то время так называемую «вторую культуру», находившуюся в оппозиции к официальному Союзу советских писателей. А. А. Тимошенков был исключительно эрудированным не только в вопросах литературы, но также идеологии. Какие глубокие, всесторонне аргументированные аналитические документы об обстановке в кругах творческой и околотворческой интеллигенции он писал для доклада в Областной комитет КПСС и КГБ СССР! Зачастую это были своеобразные литературоведческие или культурологические исследования с упором на идеологические акценты и анализ воспитательного воздействия на советских людей тех или иных литературных произведений.

А. А. Тимошенков

Совершенно не случайно, оценив этот талант, начальник УКГБ ЛО генерал Д. П. Носырев пригласил Сашу на ответственную должность помощника начальника Управления и члена Коллегии КГБ СССР, которая по своему статусу приравнивалась к должности начальника самостоятельного отдела центрального аппарата КГБ. Отмечу знаковый момент: только у генералов Носырева Д. П., Блеера В. Н. и Тимошенкова А. А. были удостоверения КГБ СССР!

Тимошенков проработал в этой должности долгих восемь лет, причем после ухода на пенсию Носырева Д. П. остался в должности помощника у следующих начальников УКГБ ЛО – В. М. Прилукова, а затем до 1992 года – у А. А. Куркова, вместе с которым прошел горький путь ликвидации КГБ СССР. А ведь душа Александра требовала другого! Он хотел, мечтал, а главное, мог писать лирические стихи. Однако проза ежедневных чекистских будней не давала ни малейшей возможности реализовать себя в качестве поэта. Более того, в силу своего воспитания, твердых человеческих и чекистских принципов Александр Тимошенков не мог себе позволить «пробивать» свои произведения в печати, как это удавалось делать некоторым другим, скорее более «пробивным», чем талантливым, сотрудникам. Близкие люди знали, что Саша пишет стихи «для себя», но мало кто мог похвастаться тем, что он слышал или читал лирику Тимошенкова.

Только в прошлом году мне удалось прикоснуться к тайникам души Александра, когда мы обменялись друг с другом своими книгами. Я читал сборник Тимошенкова «Стихи разных лет» (Санкт-Петербург, 2012) неспешно, «маленькими глотками», как смакуют хорошее, выдержанное вино. Вчитываясь в искренние лирические и одновременно философские строки, я пытался угадать, а когда же они были написаны: «Дон Кихот», «Гамлет», «Бальзак», «Пожеланья», так полюбившееся мне стихотворение «Месяц»? Неужели в напряженном, абсолютно прозаическом ритме чекистской жизни, могли родиться такие строки:

Чавкая, брели осокой
Ветры – жвачные коровы.
Уханьем из тьмы высокой
Окликали месяц совы…

Через эти поэтические строки, через книгу стихов мне стал гораздо ближе мой Друг, Сослуживец, Человек, сохранивший свое искреннее, философское, поэтическое восприятие жизни. Слова «от автора», предваряющие поэтический сборник, лучше любых комментариев и оценок характеризуют Александра Тимошенкова, чекиста и поэта: «Душа – иначе говоря, духовный мир человека – может проявляться по-разному. Самой универсальной формой ее выражения, по глубочайшему убеждению автора, являются стихи. В них есть все: и музыка, и краски, и гармония, и ассоциативность, и ясный смысл».

Я искренне рад, что полковник государственной безопасности в отставке А. А. Тимошенков не стареет душой, что рядом с ним его преданная, исключительно гостеприимная жена Нонна, радуют успехами двое сыновей Всеволод и Кирилл, подарившие Саше трех внуков, в которых ищет свое продолжение ветеран-чекист и поэт.

С. В. Назаров

С моим ровесником, оперуполномоченным нашего отделения Сергеем Викторовичем Назаровым (1952 г. р.) мне довелось совместно поработать совсем недолго, между нами не было отношений «начальник-подчиненный». С самой первой встречи я попал под обаяние этого молодого, физически сильного, вдумчивого, уверенного в себе человека.

Сергей удивительным образом сочетал два качества: умение быть задумчивым молчуном и одновременно открытым, общительным и ироничным человеком. В этом я сумел убедиться в апреле 1977 года, во время совместного проведения отпуска в санатории КГБ СССР «Черноморье», расположенном в Крыму неподалеку от знаменитого Ливадийского дворца.

Мне было очень интересно общаться с Сергеем, радоваться его шуткам, удивляться умению выслушивать, не перебивая собеседника, не навязывая своего мнения. Благодаря этому Сергей Назаров располагал к себе людей и завоевывал их доверие, не просто «забалтывая» собеседника, чем, наверное, признаюсь, грешил лично я, а именно убеждая, доказывая правоту своей позиции. При этом (что могло быть удивительным для выпускника ЛИТМО, технического вуза), он демонстрировал великолепную общую эрудицию, знание истории и литературы.

Не считаю возможным и нужным поверхностно переходить на детали очень непростой работы в идеологической контрразведке, рассказывать о «делах давно минувших дней». Отмечу только, что Сергей и его товарищи по работе в новом для себя отделении, где он скоро стал руководителем, сделали очень многое для разоблачения прямых подрывных действий зарубежных идеологических центров, стремившихся изнутри подорвать идейные устои советского патриотизма нашего общества.

О том, к чему приводит недооценка или пренебрежение к действиям разного рода центров «по распространению демократии», можно судить на горьком примере нынешней Украины, в которой к власти пришли люди, взращенные в атмосфере ненависти к братскому русскому народу и фанатичной убежденности в своей национальной исключительности. Воистину прав был генерал-антифашист Шарль де Голль, бывший президент Франции, давший определение патриотизма и национализма: «Патриотизм – это когда на первом месте стоит любовь к своему народу. Национализм – это когда на первом месте стоит ненависть к другим народам».

Сергей закончил службу в 1996 году в звании полковника, выйдя на пенсию. Однако, как правильно говорят, «чекистов бывших не бывает». Назарову очень пригодился чекистский опыт во время командировки в начале 2000-х годов в Афганистан, где он принимал участие в восстановлении экономических, культурных и гуманитарных связей между нашими государствами. И это было совсем не простой задачей, с учетом политической и оперативной обстановки в этой горячей точке, с которой Сергей блестяще справился.

Мне было очень приятно оказаться в числе гостей, приглашенных отметить в 2012 году 60-летний юбилей Сергея Викторовича Назарова в театре «Балтийский дом», где совершенно естественным образом в одной компании чествовали юбиляра бывшие ветераны-чекисты, актеры питерских театров, предприниматели и даже раввин синагоги! Я искренне был рад узнать, что дочь Сергея Назарова подарила ему внука, видеть рядом с отцом-юбиляром сына-школьника.

С каждым из гостей Сергей успел перебросить остроумной шуткой, поинтересоваться делами, произнести тост и слова благодарности за поздравления. Я видел, как сегодня люди, совместно работающие с С. В. Назаровым в сфере театрального искусства, проявляли к нему уважение и воздавали должное таланту и энергии организатора и руководителя. Хотелось бы чаще встречаться с тобой, Сергей!

Вслед за уходом С. В. Назарова из нашего подразделения, в коллектив влился еще один выпускник ЛИТМО – молодой, улыбчивый, доброжелательный, как и все здоровяки, Андрей Витальевич Тарасов (1955–2007 гг.), вскоре ставший всеобщим любимцем нашего отделения. Андрей был родом с Урала, поэтому после женитьбы на своей однокурснице, добрейшей, мягкой, преданной Ольге, проживал в квартире вместе с родителями жены. Реализовать свою мечту об отдельном собственном жилье Андрею Тарасову удастся лишь после рождения в семье двух дочерей и его направления в распоряжение первого Главного Управления (разведка), где он и сделал свою достойную карьеру.

Андрей прекрасно играл в футбол, исполняя функцию форварда таранного типа. Высокий, крепкий, но всегда мягкий и корректный по отношению к сопернику, Тарасов буквально сминал чужую оборону, забивая много голов. Он был очень компанейским человеком, с которым было приятно общаться как за чашкой кофе в столовой, так и за рюмкой на днях рождения сослуживцев. Такой же открытой и контактной была его жена, умевшая хорошо, с душой петь под гитару песни. Тонкий юмор, умение пошутить, добродушие по отношению к товарищам создавали Андрею репутацию «своего парня». Но Тарасов совершенно не был «добреньким пацаном», с кем можно было только побалагурить. Никогда не забуду его порядочности и принципиальности, неоднократно проявлявшихся в критических ситуациях, в том числе при «разборе полетов», которые любили устраивать некоторые строгие начальники.

Андрей в этих случаях никогда не отмалчивался, а зачастую вставал на защиту тех, кого критиковали за проявленную инициативу.

Все друзья Андрей Тарасова очень радовались за него, когда после окончания школы разведки он был направлен на службу под прикрытием официальной должности в одну из европейских стран. Во время отпусков, проводившихся семьей Тарасова в Ленинграде, старые друзья вновь встречались, слушая рассказы Андрея о европейской жизни.

После ухода на пенсию подполковник А. В. Тарасов длительный период проработал в службах экономической безопасности различных банков, регулярно посещал встречи ветеранов клуба «Дом-4». В декабре 2005 года друзья и сослуживцы Андрея Тарасова тепло отметили его 50-летний юбилей на своеобразном «чекистском мальчишнике». На этом празднике я с удовлетворением отметил, что сотрудники разведки, участвовавшие в застолье, тепло, как и сотрудники 5-й службы, выражали Андрею свое уважение и любовь.

Моя последняя встреча с Андреем состоялась в конце ноября 2007 года в Доме архитектора на собрании клуба «Дом-4». Андрей, не подходя к фуршетному столу, присел на стул, сославшись на боли в ногах:

– Помоги мне, Паша. Подай рюмку водки с бутербродом. Будет очень приятно, что за мной бывший начальник ухаживает.

Мы выпили по-русски за наше здоровье и перекинулись двумятремя фразами о судьбах наших бывших «клиентов» из ленинградского рок-клуба, в большинстве своем ставших богатыми и знаменитыми людьми. Поиронизировали по поводу мифов и легенд, которыми эти рок-кумиры объясняют свой путь к успеху и популярности. Андрей с легким вздохом сказал:

– Да, Паша, сейчас, пожалуй, только ты да я знаем истинную историю создания рок-клуба!

Меньше чем через месяц пришла страшная новость: 20 декабря (в день ЧК!) Андрей Тарасов скоропостижно скончался. Потрясенные неожиданной скорбной вестью, сотни друзей и товарищей-сослуживцев Андрея, так любившие этого сильно, доброго человека, собрались в Большом зале Крематория. Я вспоминал, как много сделал Андрей для того, чтобы помочь мне в сплочении коллектива, причем не через посещение рюмочных, а через отношение к делу, но не за счет снижения требовательности к подчиненным сотрудникам.

Мне вспомнился эпизод поведения Андрея при проведении в 1980 году ответственного мероприятия по задержанию с поличным на-

шего объекта разработки, где от слаженности и самоотверженности всех сотрудников зависело получение результата. По моей просьбе Андрей передал по рации обращение, направленное на мобилизацию всех сотрудников, сделав это очень убедительно: «Ребята, если реализуем утвержденный план, Паша обещал выбросить свою шляпу в Фонтанку!» В тот день мы добились результата. Через несколько дней при полном сборе сотрудников отделения, скромно отметивших наш успех, я выполнил свое обещание. Правда, шляпа-котелок, вызывавшая много пересудов, была с размаха брошена мной не в Фонтанку, а в Неву напротив здания Эрмитажа. Надо было видеть реакцию удивления случайных прохожих, ставших свидетелями такого необычного зрелища.

Государственный Эрмитаж в начале 80-х годов был для сотрудников нашего отделения местом встречи, которое «изменить нельзя». Три сотрудника нашего подразделения: автор этих строк, Виктор Рябов и Вадим Нифатов по очереди курировали этот музей, который был любимым и регулярно посещаемым всеми нашими сотрудниками и членами их семей. У нас даже возникли определенные традиции посещения Эрмитажа.

Нам хотелось сделать из этих экскурсий по залам Эрмитажа «маленький праздник души». Например, в музее проводилась выставка испанской живописи из мадридского музея Прадо, которую мы осматривали, выслушивая комментарии экскурсовода из числа сотрудников музея или «экскурсовода в штатском» (в этой роли приходилось выступать автору этих строк). Затем шли в залы испанской живописи, собранной российскими императорами, чтобы иметь возможность сравнить, «чьи испанцы краше». Завершали наше культурное мероприятие в эрмитажном буфете, где заранее бронировали пару-тройку столиков, сервированных бутербродами и пирожными, где за фужером шампанского и рюмкой коньяка делились впечатлениями от увиденного, поздравляли с днем рождения именинников или тех коллег, которые получали очередное звание.

Разве могут забыть мои коллеги Виктор Евгеньевич Рябов и Вадим Викторович Нифатов, курировавшие Эрмитаж по нашей контрразведывательной работе, сколько десятков экскурсий в «Золотую кладовую» музея и на временные выставки они организовали для своих коллег по Управлению КГБ? Впрочем, надо подчеркнуть, что взаимопомощь и взаимовыручка в те годы была нормой жизни для всех обитателей Большого дома.

В. Е. Рябов

Любимый объект – Эрмитаж мне пришлось передать переведенному в наше отделение из Фрунзенского райотдела Виктору Евгеньевичу Рябову (1948 г. р.) после моего назначения на должность начальника отделения. К моменту перехода в 5-ю службу Виктор, выпускник Ленинградского военно-механического института, уже накопил солидный опыт службы в качестве оперативного работника. Среднего роста, черноволосый, всегда аккуратно подстриженный, с красивыми пышными черными усами и дугой черных густых бровей на переносице (не хуже чем у Генсека ЦК КПСС тех лет Л.И. Брежнева), Виктор Евгеньевич располагал к себе людей. В его поведении и манере общения чувствовалась уверенность, уравновешенность, внимание к собеседникам и доброжелательность.

Рябов обладал абсолютно неподражаемым чувством юмора, иронией по отношению к самому себе и близким товарищам, умел удивительно по-доброму мягко и смешно «подкалывать» своих друзей и сослуживцев. Причем это не отталкивало, а, наоборот, притягивало людей к Виктору. Отмечу, что к Рябову В. Е. с большим уважением относился директор Эрмитажа того времени академик Борис Борисович Пиотровский.

С 1980 года, получив первую в своей жизни отдельную квартиру, я стал жить неподалеку от дома, где проживал Рябов. В новой квартире была установлена электрическая плита, что в Ленинграде тогда являлось новинкой. Зачастую по выходным дням мне приходилось посещать квартиру Виктора для выполнения совершенно приземленной просьбы моей жены: нужно было опалить купленную в универсаме тушку курицы, что было совершенно невозможно сделать без газа, на электроплите. Современные молодые люди, конечно же, не знают, что в те годы мы слыхом не слыхивали ни о каких куриных окорочках, названных позже «ножками Буша». Кур, продававшихся в магазинах, нужно было обязательно опалить на газовой плите, чтобы снять остатки перьев и сделать курицу съедобной!

Сколько шуток высказывалось по этому поводу Виктором, пока его хозяйственная жена Галина опаливала курицу, а мы, два мужика-офицера, пили недорогое сухое вино, без которого я просто не мог себе позволить «напрягать» семью Рябовых такой деликатной помощью.

В 1985 году В. Е. Рябова направили в Москву на высшие курсы подготовки и усовершенствования руководящего и оперативного состава, где за два года обучили языку фарси, а затем откомандировали в Афганистан в качестве советника. В ДРА он прослужил три долгих, трудных года (1987–1988, 1989–1991 гг.). Об этих командировках Виктор в характерной для него лапидарной форме, без малейшей рисовки и саморекламы рассказал в очерке «Хочешь жить – будешь знать пушту» (Сборник «Чекисты Ленинграда в Афганистане»).

В этой же книге мое внимание привлек очерк Николая Николаевича Кольцова (1953 г. р.), также выпускника ленинградского Военмеха и Высшей Школы КГБ, активного сотрудника, хорошего профессионала. Прочитав личные воспоминания Николая, я узнал, что 6 марта 1990 года Рябов и Кольцов чудом остались живы после разрыва снаряда возле здания Министерства государственной безопасности Афганистана, где в то время они служили в качестве советников. Спасло товарищей по оружию соблюдение восточной традиции: за минуту до взрыва, произошедшего в 10.00 утра, они отошли от своих рабочих мест возле большого окна-витрины и сели в глубине кабинета пить зеленый чай, с употребления которого традиционно начинали рабочий день. Ребята отделались лишь контузией, но с тех пор 6 марта каждого года отмечают свой второй день рождения.

Интересно, что Виктор Рябов, награжденный за службу в Афганистане медалью «За боевые заслуги» и афганским орденом «Слава», никогда ничего не рассказывал об этом удивительном случае. После возвращения из своей зарубежной командировки полковник Рябов подарил мне ручку Parker с золотым пером, которой я написал рукопись этих воспоминаний. Мы и сейчас не забываем поздравить друг друга с днями рождения, вспоминая наши теплые дружеские вечеринки чекистской молодости.

Вадим Викторович Нифатов (1956 г. р.), в 1981 году принявший участок работы Эрмитаж у Виктора Рябова, был выпускником Кораблестроительного института и Высшей школы КГБ. Несмотря на техническое инженерное образование, у Вадима не возникло никаких проблем в работе с музейными сотрудниками, подавляющее большинство которых имели ученые звания кандидатов и докторов наук. Высокий, широкоплечий, физически крепкий человек, с хорошими манерами, Нифатов производил очень приятное впечатление. Вадим отличался немногословностью, но умел грамотно и аргументированно говорить,

что не раз доказывал как на политзанятиях и чекистской учебе, так и в «боевых» условиях во время бесед с людьми, которые, как говорили в нашей профессиональной среде, «представляли интерес для органов государственной безопасности».

Как и подавляющее большинство моих молодых сослуживцев того времени, Вадим за время учебы в ВКШ и стажировки научился быть настоящим «профессионалом человеческого общения», был интересен как личность для представителей творческой интеллигенции, которые далеко не все снисходили до общения с партийными руководителями и сотрудниками госбезопасности.

Мне довелось лишь два раза встречаться с отцом Вадима – Виктором Ивановичем Нифатовым, работавшим в те годы в Управлении делами Ленинградского горкома КПСС, возглавлявшим сектор по приему зарубежных партийных организаций. Виктор Иванович был строгим и требовательным отцом. Вадим унаследовал его физические данные, а также немногословную, «взвешенную» манеру речи, умение сдерживать свои эмоции и не демонстрировать чувства. Вадим Нифатов был компанейским человеком, с которым приятно было провести время и пообщаться. Он обладал своеобразным чувством юмора, зачастую «выдавая» очень оригинальные шутки, делая это с совершенно серьезным лицом, улыбаясь своей обаятельной улыбкой только после того, как рассмеялись его товарищи.

С учетом отличных физических данных В. Нифатов был направлен в подмосковную Балашиху, где прошел полный курс боевой подготовки нашего чекистского спецназа. В дальнейшем он служил в разведке, где реализовал свое отличное знание иностранных языков и другие профессиональные качества.

1 октября 2006 года Вадим собрал на свое 50-летие всех своих сослуживцев и студенческих друзей. Этот вечер прошел в обстановке «роскоши человеческого общения». Мы, друзья Вадима, будем рады поздравить его через год с Юбилеем. Ни ему, ни нам не верится, что вечно молодой, энергичный Вадим Викторович отметит в 2016 году свое 60-летие. Мы будем рады поздравить этого замечательного человека. Уверен, что он встретит юбилей достойными успехами в личной и общественной жизни.

В Государственном Эрмитаже с конца 1980 года работал в должности заместителя директора по международным связям Анатолий Кириллович Батурин (1932–2006 гг.), офицер действующего резерва КГБ. Он

был опытным, зрелым чекистом, практически уже ветераном. Среднего роста, коренастый, уже располневший человек, с большой головой правильной формы, украшенной интеллигентной залысиной. У него было мужественное, крупное лицо, быстрая манера речи с небольшим дефектом дикции.

А.К. Батурин

Батурин проходил службу в КГБ в различных подразделениях, в том числе и за границей – в Германской Демократической Республике. На всех должностях Анатолий Кириллович пользовался авторитетом, уважением и любовью сотрудников за его положительные качества: доброту, порядочность, честность, готовность прийти на помощь молодым. Он был прекрасным наставником молодежи. Нисколько не демонстрируя своего превосходства, не бравируя опытом и профессионализмом, Батурин давал советы, рассуждая о том, что можно и следует делать в той или иной оперативной ситуации.

Анатолий Кириллович в самый короткий срок наладил прекрасные человеческие и деловые отношения с директором Эрмитажа академиком Пиотровским Б. Б. и его заместителями, хотя поначалу руководство музея восприняло появление в их составе чекиста-профессионала весьма настороженно. С учетом возраста (почти 50 лет) Батурин не был абсолютно здоровым человеком: подводило давление, беспокоило сердце. Но когда в декабре 1981 года на отчетном совещании нашего отделения была совершена попытка «маленького дворцового переворота», где мне пытались уготовить роль «свергнутого короля», я увидел в Анатолии Кирилловиче настоящего старшего друга и союзника. Глотая таблетки, немолодой уже человек на совещании и последовавшей за ним партгруппе защищал принципиальную позицию своих молодых сослуживцев, выступая выверенно, доказательно, без оглядки на негативную реакцию начальника отдела и неопределенности позиции вышестоящих руководителей. Во многом благодаря заступничеству Батурина и его авторитету в глазах руководства службы мне удалось остаться на занимаемой должности начальника отделения и реализовать впоследствии свой подход к решению непростых оперативных проблем по оздоровлению обстановки в околотворческой среде.

В 1982 году Анатолий Кириллович отмечал свое 50-летие. За большим столом в ресторане юбиляр собрал молодых сотрудников двух отделений: нашего и того, в котором он был начальником до прихода в Эрмитаж. Сколько добрых, искренних слов благодарности было высказано наставнику-ветерану, человеку, которого искренне любили все собравшиеся за праздничным столом. Личность Батурина, его самобытность, преданность чекистской службе, а не вышестоящим начальникам, подвигли меня на написание самодеятельной песни, которую я исполнил, порадовав юбиляра:

...По возрасту – скоро дед,
А нам – как родной отец.
И здесь комплиментов нет:
Кириллыч, ты – молодец!

Ты в жизни не растерял
Достоинства своего.
Лет тридцать ЧК отдал,
А нам по тридцать всего.

Но, знаешь, для нас ты свой,
И будешь таким всегда.
Ты просто душой молодой,
Не надо считать года!

И пусть здоровье не то,
И в сердце шрамы болят.
Но все же, давай по сто,
За все твои пятьдесят!

Уже после окончания службы в органах государственной безопасности Анатолий Кириллович остался работать в Эрмитаже, который искренне полюбил. Встречаясь с ним в музее уже во время своей работы в комитете по культуре, я отмечал, каким уважением пользуется среди научных сотрудников, работников и руководства музея отставной чекист, добросовестно и профессионально возглавлявший отдел кадров.

Когда в 2006 году Анатолий Кириллович ушел из жизни, по старой традиции эрмитажников гражданская панихида по Батурину прошла в фойе Комендантского подъезда. В последний путь его провожали научные сотрудники музея и его воспитанники, уже не молодые, а зрелые «искусствоведы в штатском». Для тех и других, прощавшихся

с Батуриным, его смерть стала глубокой личной потерей. Светлая Вам память, Анатолий Кириллович!

Духовно близким мне человеком был сотрудник нашего отделения Александр Алексеевич Николенко (установочные данные изменены,1951 г. р.). Саша окончил Кораблестроительный институт, т. н. минно-торпедный факультет, обучаясь в одно время с Н. П. Патрушевым. Службу в УКГБ ЛО начал в Ждановском районном отделе. В 5-ю службу мы пришли практически одновременно, у нас с первого дня сложились хорошие, дружеские отношения. Худощавый, подвижный, с грамотной речью, Александр был сыном военного моряка, родился на Дальнем Востоке, где после Великой Отечественной войны служил его отец.

Николенко был коммуникабельным человеком, умел внимательно слушать собеседника. В общении всегда к месту мог употребить шутку, обладая отличным чувством юмора. В Ждановском райотделе он был одним из лучших молодых сотрудников. Положительные результаты его работы были замечены начальником отдела кадров и Сашу перевели в наше отделение на ответственный участок международных медицинских контактов.

В том, что инженер-корабел по образованию занимался вопросами из сферы здравоохранения, не было ничего удивительного. Наша службы была построена и организована таким образом, что оперативный сотрудник должен был уметь внедриться в абсолютно новую для себя сферу деятельности и уметь в ней разбираться. Мне, например, во время работы во 2-й службе пришлось изрядно потрудиться над изучением истории развития и проблем генетики, да так, что удавалось представляться молодым выпускником биологического факультета Университета, мечтавшим о карьере генетика. В параллельном отделении нашего отдела знаменитый Кировский (ныне Мариинский) театр оперы и балета курировал выпускник Политехнического института, инженер-металлург по специальности! Делал это Юрий Л. на протяжении ряда лет весьма успешно, разбираясь не только в театральных интригах, но и в особенностях балетных и оперных постановок.

Александр Николенко очень ответственно относился к своей работе и в скором времени достиг в ней серьезных результатов. Причем никаких признаков нездорового карьеризма в его действиях отмечено не было. Я не раз мог убедиться, что при проведении серьезных мероприятий, где требовалось задействовать большое количество сотрудников, ему можно было поручать самые ответственные участки работы, твердо зная, что Александр не подведет.

После окончания Олимпиады в Москве 1980 года, когда всем сотрудникам КГБ пришлось работать по 10–12 часов в сутки, а иногда и больше, мы с Сашей вместе с нашими женами провели десятидневный отпуск в столице Литвы Вильнюсе. Нашим гидом был товарищ Николенко по учебе в Минске Эдуард К., русский, родившийся и выросший в Литве. Самые теплые чувства вызывают у меня воспоминания об этом коротком отпуске, об экскурсиях по старому Вильнюсу, его узкими улицами и костелами, необычными для питерского общепита тех лет барами «Локис», «Жемантийская пивная». Невозможно забыть посещение древнего ливонского замка в Тракае, где мы катали наших жен на лодке по озеру. Я смотрю на фотографии того времени и не перестаю удивляться, какими молодыми, веселыми, искренними и преданными своей службе мы были в те годы.

Мы, русские, приехавшие из Ленинграда, не ощущали по отношению к себе никакого проявления национализма, никакого бытового негатива, радуясь редким мгновениям спокойного, умиротворенного отдыха. Какие чувства я испытаю сейчас, если вновь пройду по тем местам в «свободном Вильнюсе»? Какие ассоциации вызовет у меня эта прогулка?..

В 1982 году Александр Николенко был командирован на двухмесячные гастроли в Париж с балетной труппой и оркестром Кировского театра. Надо отдать должное щедрости и вкусу Александра Николенко. После возвращения его из Франции каждый сотрудник отделения получил просто царские подарки, продуманные до мелочей: в красивом полиэтиленовом пакете лежали импортные сигареты, шариковые ручки, колготки для жен и жевательная резинка для детей!

Я был искренне рад за Александра, когда его откомандировали на учебу в Москву в Краснознаменный институт КГБ, окончив который он стал служить в разведке. В те годы выдвижение из контрразведки в разведку было одним из главных карьерных достижений сотрудника, который овладевал навыками получения политической и научно-технической информации, в том числе работая за рубежом. После нескольких лет успешной работы за границей в одном из внешнеторговых советских ведомств Александр Николенко вернулся в родной город, продолжив свою нелегкую и очень важную службу. В 2001 году Сашины коллеги из разведки, в компании которых мне довелось быть, отметили 50-летний юбилей Николенко. На торжестве были добрые, мудрые, остроумные тосты и песни под гитару, мне пришлось вспомнить наши

любимые бардовские песни уже ушедшего XX века. Александр по моей просьбе исполнил свою «фирменную» песню нашей молодости, авторство которой нам так и не удалось установить:

В тесном кузове машины
Мы глядим друг другу в спины,
Автомат сжимая меж колен.
Мы не знаем про кручины,
Мы – солдаты, мы мужчины,
Щит любимой Родины своей.

Судьба послала Александру Николенко уже после окончания службы в ФСБ серьезное испытание: скоропостижно умерла от оторвавшегося в артерии тромба его любимая жена Ольга. Александр достойно пережил это испытание, и судьба вознаградила его встречей с близким по духу человеком, женщиной, которая в третий раз подарила Саше радость отцовства. Я верю, что нас с Александром впереди ждут теплые, дружеские встречи, на которых мы сможем с удовольствием вспомнить нашу молодость и годы совместной службы в УКГБ ЛО.

После отъезда Николенко на учебу в Москву его на участке сменил только-только закончивший Минскую школу КГБ Владимир Иванович Спирин (1954 г. р.), врач-хирург по образованию, выпускник Первого Ленинградского медицинского института. До учебы в институте в биографии Владимира Ивановича была служба на пограничко-пропускном пункте в Вентспилсе (Латвия), где Спирин овладел навыками фельдшера и принял решение выбрать своей профессией медицину.

Не помню, кто из наших кадровиков сумел убедить практикующего врача, своими руками исполнявшего хирургические операции, сменить ориентиры своего призвания с медицины на контрразведку. Так или иначе, Владимир Спирин, благодаря своему природному трудолюбию и приобретенной ответственности, очень скоро занял достойное место среди опытных сотрудников нашего подразделения. Среднего роста, худощавый, русоволосый, с усами, украшавшими его вытянутое лицо, Спирин совершенно не был похож на сотрудника «органов». В первый же день знакомства с новым сотрудником я отметил, что белый халат и шапочка хирурга смотрелись бы на нем очень естественно. Хотя костюм с белой рубашкой и традиционным для чекистов того времени галстуком всегда сидел на Спирине безукоризненно.

Владимир имел своеобразную манеру речи, говорил негромко,

взвешивая каждую фразу. Ему совершенно не была присуща разбитная манера общения, которой некоторые сотрудники пятой службы отличались. Спирин располагал к себе людей, и люди доверяли ему; пройдя армейскую школу, он понимал степень своей ответственности за людей, а люди платили ему за то своим уважением.

Супруги Спирины удивительно подходили друг другу: спокойные, вдумчивые, доброжелательные, гостеприимные люди, искренне любящие и уважающие друг друга. Вспоминаю, как глубоко переживала Татьяна, когда врачи заподозрили у Владимира серьезное, опасное для жизни заболевание. Причем все переживания были скрыты от окружающих, оставались у Татьяны где-то внутри. Мы заметили, как поседели волосы у совсем еще молодой женщины, преданной своему мужу и готовой пойти на любые лишения ради его здоровья и благополучия.

В. И. Спирин сделал в органах государственной безопасности хорошую карьеру, уйдя на пенсию в 2005 году в звании полковника. К сожалению, мы не часто встречаемся друг с другом в последние годы. Но я всегда с теплотой вспоминаю Владимира Ивановича как прекрасного человека и добросовестного сотрудника.

Не хочу сформировать у читателя впечатления об исключительно идиллических отношениях в нашем небольшом чекистском коллективе, насчитывавшем в разное время до 12 человек. Не всегда, не всё, и не со всеми коллегами отношения складывались легко и ровно. Мне пришлось работать с сотрудниками, оставившими свои следы в памяти и шрамы на сердце. Вспоминаю одного из них, ровесника по возрасту, подчиненного мне по субординации. Этот красивый, импозантный, с идеально подстриженной головой человек болезненно реагировал на требование выполнить работу по подготовке аналитического документа в назначенный руководством службы срок: «Почему я должен задерживаться на работе до позднего вечера? Я по КЗОТу имею право на восьмичасовой рабочий день!»

Пришлось в достаточно жесткой форме объяснять бывшему инженеру-строителю, что после принятия воинской присяги и обучения в специальной школе КГБ офицеру-чекисту пора бы понять, что Кодекс законов о труде (КЗОТ) в военной организации не применяется. Кроме того, требования к сотрудникам КГБ и результатам их работы предъявляются более жесткие, чем к строителям.

Разборки и столкновения такого рода не добавляли положительных эмоций, особенно потому, что практически все сотрудники отделения были сверстниками по возрасту, а по стажу службы в КГБ я совсем немного превосходил своих подчиненных. Благодаря мудрости начальника службы В. И. Полозюка, понявшего истинные причины конфликта, в котором была осуществлена попытка ряда сотрудников «дружить против начальника отделения», с некоторыми из бывших подчиненных мы продолжили работать в разных подразделениях 5-й службы. «Приверженец КЗОТа», будучи переведенным на равную должность в другое подразделение, сумел «правильно построить отношения» с новым руководством, впоследствии сам стал начальником подразделения. Интересно, а соблюдал ли он требования КЗОТ, спрашивая за результаты работы с подчиненных? Утверждал ли время и сроки привычных для стройки «перекуров»?

Были среди молодых сотрудников люди, болезненно воспринимавшие любую, в том числе справедливую, конструктивную критику. Они не сумели правильно понять несоответствие между тем, что «на гражданке» они были в числе лучших, в лидерах, а в КГБ, где каждый был яркой личностью, нужно было заново доказывать своей работой и ее результатами профессиональную состоятельность. Порой эти люди болезненно реагировали на чужие успехи. Вспоминаю, как тезка «строителя», худощавый, черноволосый сотрудник нашего отделения, вслух хвастался тем, что ему не хватило всего лишь одной пятерки до красного диплома. Он сокрушался по поводу того, что его однокашник по институту, учившийся годом младше, уже получил должность оперуполномоченного и звание старшего лейтенанта, а он всего лишь младший оперуполномоченный… В первый год в качестве руководителя не был умудрен управленческим опытом и навыками воспитательной работы, поэтому без лишних обиняков и дипломатии напомнил «трудновоспитуемому» сотруднику о том, какие отметки в дипломе, достижения и заслуги имели до зачисления в КГБ его товарищи по службе. Жестко подчеркнул, что ему не следует демонстрировать «старые заслуги», а нужно вновь и вновь трудом, результатами работы, доказывать свою состоятельность как оперативного работника, а не комсомольского лидера и студента-отличника. Признаюсь, был искренне рад и, как говорится, «выдохнул», когда сумел убедить этого оперработника поступить в аспирантуру Высшей школы КГБ, понимая, что как эффективный сотрудник 5-й службы он не состоялся. Как же я был удивлен, годы спустя узнав, что Аспирант дослужился до генеральского звания и высокой должности, продолжая выражать обиды по отношению к тем своим первым руководителям, которые его д… (синоним слова «воспитывали»).

Интересно отметить, что вышеназванные мной бывшие колле-

ги, чья гражданская жизнь сложилась весьма успешно, не посещают традиционных встреч 20 декабря в Большом Доме, не ходят на клуб ветеранов «Дом-4». Возможно, их смущает тот факт, что ровесники-ветераны хорошо помнят общие для нас лейтенантские годы и не смогут по достоинству оценить их нынешнее высокое положение?

За восемь с лишним лет работы в качестве начальника отделения в пятой службе у меня было ни много ни мало четыре (!) заместителя. Каждого из них я вспоминаю по-доброму, забыв имевшие иногда место трения и недомолвки. В те годы в органах госбезопасности существовало негласное правило: начальников и подчиненных не выбирают. Хотя некоторым начальникам удавалось заполучить в свои подразделения того или иного сотрудника, который, по их мнению, мог успешно решать поставленные руководством задачи. Вспомню двух своих заместителей, много сделавших для успешной работы коллектива, помогая мне в становлении в качестве руководителя.

Виктор Иванович Архипов (1946 г. р.) имел уникальное для Ленинградского Управления КГБ образование. Среди чекистов тех лет были люди необычных профессий – врачи, агрономы, биологи, физики-ядерщики. Но человек, в дипломе которого в графе «специальность» было написано «артист театра и кино» был один – это В. И. Архипов.

Выпускник Киевского театрального института имени Карпенко-Карого, Виктор родился на Украине в Кировограде. Со школьной скамьи увлекался театром, был актером самодеятельной театральной студии. Во время учебы в Киеве познакомился со своей будущей женой Лидой, энергичной, позитивно настроенной молодой девушкой, с которой создал семью, переехав на жительство в Ленинград. Вскоре он попал в поле зрения наших управленческих кадровиков и был зачислен в пятую службу, получив в оперативное кураторство киностудию «Ленфильм».

Невысокий, крепкий В. И. Архипов обладал несомненным артистическим обаянием, хотя прослужил на сцене всего лишь два года, отбыв после института по воинскому призыву положенную армейскую службу. Правда, эта служба проходила в театре Черноморского флота, но Виктор, что подтверждалось его рассказами и фотографиями, занимался и строевой подготовкой, и вахты на кораблях нес, и палубу корабельную драил.

Архипов был старше многих коллег, пришедших в органы КГБ практически со студенческой скамьи, обладая большим житейским

опытом. Именно поэтому начальник службы В. И. Полозюк после имевшего место в 1981 году кризиса межличностных отношений в нашем отделении рекомендовал мне Архипова в качестве заместителя, как человека исключительно ответственного, исполнительного и фантастически работоспособного.

Сказанная как-то Виктором фраза: «Я дойду в работе до кровохарканья, но поставленные задачи выполню»! – вызывала улыбки, но не насмешки. Всем было известно, что если Архипов взялся решить какую-либо проблему – она будет решена. Главное чтобы только он «не перегнул палку», добиваясь результата, как бывало с ним иногда во время зарубежных командировок с творческими коллективами. Смею сказать, что об Архипове среди артистов балета и оркестра Кировского театра ходили настоящие легенды. В то же время, знаю об этом от самих актеров и музыкантов, он пользовался беспрекословным уважением, творческие люди чувствовали в нем «своего», родственную душу.

Придя в отделение, Виктор полностью взял на себя функции воспитательной работы, опекая и обучая молодых сотрудников, делая это зачастую строго, подчеркивая субординацию, но всегда доброжелательно. Гостеприимно принимая вместе с верной, энергичной женой Лидией у себя дома коллег, Виктор Иванович был душой компании, раскрывал свой богатый артистический дар, становясь простым и доступным. На службе же Архипов был всегда сосредоточен. Вспоминаю его строгий из-под бровей взгляд, которым он как будто просверливал собеседника.

Коллеги из 5-й службы иногда подтрунивали над Виктором, особенно в связи с некоторыми особенностями его речи. Архипов совершенно непредсказуемо и непроизвольно переиначивал русские поговорки и расхожие фразы. Похожая манера речи была у ныне покойного премьер-министра России В. С. Черномырдина. Отмечу, что Виктор никогда не обижался на шутки и подколы, зачастую удачно отшучиваясь.

Кроме киностудии «Ленфильм» Архипов еще курировал «Ленконцерт». Именно благодаря его личным контактам и авторитету среди артистов-исполнителей на наших профессиональных праздниках пели Эдуард Хиль, Сергей Хахаров, Михаил Боярский, Людмила Сенчина, выступали артисты разговорного жанра Бен Бенцианов, Герман Орлов и многие другие. Причем все выступления делались на абсолютно безвозмездной основе. В период проведения новогодних праздников и детских зимних каникул Архипов обеспечивал различные подразделения

Управления комплектами костюмов Деда Мороза и Снегурочки. Причем он никогда не жаловался на трудности организационной работы, лишь изредка в сердцах бросая фразу: «Я тут бьюсь с этими проблемами, как рыба об мёд!»

Многие годы, уйдя на пенсию, Виктор Архипов регулярно посещал заседания клуба «Дом-4», помогая приглашать на наши встречи знаменитых актеров, спортсменов и ученых. Лишь последние два года тяжелая болезнь не позволяет ему встречаться с коллегами, которые очень любят этого незаурядного человека и искренне желают ему здоровья. Мы помним и любим тебя, Виктор!

Ю. О. Дмитриев

После возвращения В. И. Архипова в параллельное, так называемое «театральное» отделение, на его место – заместителя нашего отделения был назначен опытный старший оперуполномоченный, уже подполковник по званию, Юрий Олегович Дмитриев (1944 г.р.), который с 1969 года служил в УКГБ ЛО, имея солидный стаж. Всем сотрудникам пятой службы Юрий был известен, прежде всего, как замечательный инструктор по рукопашному бою. Невысокого роста, крепкого телосложения, с черными вьющимися волосами и красивыми усами, Дмитриев, одетый в кимоно, был очень похож на восточного борца из популярных в те годы кинофильмов о борьбе каратэ.

Многим из молодых офицеров Юрий помог овладеть азами рукопашного боя: защите от ударов и проведению бросков против нападающего противника. Эти навыки были не только полезными, но и необходимыми. Ведь ежегодно каждый сотрудник КГБ, кроме стрельбы, бега, метания гранаты, подтягивания на турнике, плавания, бега на лыжах и спортивного ориентирования, должен был сдать нормативы по рукопашному бою. Стоит отметить, что Юрий пользовался большим уважением у самых продвинутых мастеров восточных единоборств УКГБ ЛО.

Кроме борцовских навыков, Юрий Олегович был известен как очень справедливый человек и принципиальный, идейно убежденный коммунист. Он был неосвобожденным секретарем партийной организации 5-й службы, но совершенно не стремился за счет этого делать карьеру. Мы как-то очень быстро нашли с Юрием общий язык и взаимопонимание. Стало понятно, что мне готов «прикрыть спину» порядочный, добросовестный человек, пользующийся авторитетом и доверием сотрудников. оценивал действия немногочисленных сотрудников, стремившихся порой

Меня искренне удивило, как быстро Дмитриев, по образованию инженер-механик, выпускник Лесотехнической Академии, начавший службу в Колпинском городском отделении КГБ с курирования Ижорского завода, разобрался в непростых хитросплетениях внутри ленинградских творческих союзов. Юрий честно, профессионально, по-партийному принципиально ради карьерных интересов «раскопать враждебную деятельность» в ситуациях, когда в их поступках ничего антисоветского и негативного, кроме интеллигентского фрондерства, не было и в помине.

Дмитриев стал для многих способных, еще «неоперившихся» оперработников, настоящим «дядькой», добрым, мудрым, требовательным наставником. Я никогда не слышал, чтобы Юрий Олегович когда-либо повысил голос в разговоре с подчиненными, впал в гнев, даже справедливый. Хотя на заседаниях наших партийных групп, где, в отличие от совещаний, разговор о работе велся, как было принято говорить тогда, «с партийных позиций», в голосе Дмитриева иногда появлялся «металл», особенно когда кто-то пытался выдавать за результативную работу простую ИБД (имитация бурной деятельности).

Никогда не забуду и всегда буду с благодарностью вспоминать поведение Юры на одном из отчетных совещаний отделения. Тогда мне пришлось «схлестнуться» с одним из новых руководителей службы, не желавшим вникать в тонкости оперативной обстановки, подменяя профессиональный анализ ситуации в идеологии ссылками на политику гласности М. С. Горбачева, уже начавшего разваливать страну, безопасность которой мы защищали. Юрий мог промолчать, понимая, что моя позиция как чекиста и мои тревожные политические прогнозы не воспринимаются руководством, видя, какое на меня оказывали давление. Тем не менее Дмитриев попросил слова для выступления и четко, с фактами, выверенными идеологическими оценками, поддержал основные тезисы моего доклада, вызвав на себя не меньший, а даже бóльший гнев начальника. Мы, выполняя свой служебный долг, пытались предупредить наших руководителей о том, какие возможные негативные, разрушительные последствия для страны несут указания главного идеолога Перестройки, члена политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, которого сейчас практически прямо называют американским агентом.

За время сорокаминутного доклада начальники перебили меня 22 (!) раза, не желая давать возможности обсуждать остро поставленные вопросы. Совещание закончилось в гнетущей обстановке тишины, после слов нового начальника службы: «Павел Константинович смело, открыто, как требует политика Гласности, высказал свое мнение. Что касается правильности оценки оперативной обстановки и политической ситуации, данной Кошелевым, то эту тему мы в ближайшее время обсудим с его участием у руководства Управления»…

Храню в своем сердце между шрамов и зарубок теплое воспоминание о том, как после окончания совещания ко мне в кабинет на седьмой этаж друг за другом поднялись все сотрудники отделения (за исключением одного), чтобы выразить поддержку и сочувствие. Через два дня я уехал в санаторий, где было запланировано лечение серьезно заболевшей жены, а по возвращении узнал о том, что подписан приказ о моем переводе на должность заместителя начальника Петроградского райотдела. Обсуждение остро поставленных вопросов состоялось без моего участия, поскольку руководители службы сочли за лучшее поступить в традициях И. В. Сталина: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы».

Удивительно то, что спустя каких-то пять-шесть лет, когда я уже занимал должность главы администрации Петроградского района, эти уважаемые полковники приходили в мой кабинет решать свои насущные бытовые вопросы. Интересно то, что они полностью разделяли мои оценки губительной для СССР политики «Минерального секретаря». Но это, как говорится в телепередаче «Следствие вели…», совсем-совсем другая история.

Вернемся к Юрию Олеговичу Дмитриеву, который также попал в немилость и был переведен «по горизонтали» на равную должность в Информационно-аналитическую службу, откуда ушел на пенсию в 2005 году в звании полковника, имея 36 лет выслуги в органах госбезопасности. Позже он продолжил свою активную деятельность в качестве сотрудника аппарата правительства Санкт-Петербурга. Мне пришлось общаться с ним в этот период, и могу сказать, что Юрий сохранил все свои лучшие качества: исполнительность, ответственность, надежность. Несмотря на то что его сердце начало давать сбои после многих лет эмоционального напряжения, Юра не растерял свой природный оптимизм и замечательное чувство юмора. С ним очень приятно общаться на наших, увы – редких встречах в здании Большого дома. Хочется, чтобы

этих встреч, с воспоминаниями, старыми добрыми шутками у нас с Юрой и другими бывшими коллегами было больше.

Вспоминаю не только своих сослуживцев по отделению, но и других ярких, запомнившихся мне сотрудников пятой службы. Считаю, что благодаря кадровой политике Виталия Ивановича Полозюка в службе было собрано много самобытных личностей, отличавшихся глубокой эрудицией, знанием иностранных языков, коммуникабельностью, разнообразными человеческими способностями и даже талантами.

Ю. М. Вилочкин

Многие сотрудники Управления тайно восхищались импозантными внешними данными и манерами поведения Юрия Михайловича Вилочкина (1949 г. р.), свободно владевшего иностранными языками, всегда подтянутого, элегантно одетого человека. Юрий был выпускником Высшей школы КГБ, куда сумел поступить после окончания одной из лучших в Ленинграде школ с углубленным изучением французского языка. Он очень рано был назначен на руководящую должность, возглавив подразделение, осуществлявшее контрразведывательную работу среди иностранных студентов и аспирантов.

Вилочкин был строгим и требовательным начальником, энергичным, моторным, постоянно генерирующим новые идеи и замыслы, на всех оперативных совещаниях максимально собранным, активно отстаивающим свою личную позицию человеком. А вот во время традиционного празднования 20 декабря Юрий становился душой компании, проявляя незаурядные способности тамады и прекрасного певца, достойного звания «заслуженного артиста Большого дома». Песня французского шансонье Сальваторе Адамо «Падает снег», исполнявшаяся Вилочкиным на чистейшем французском языке, была фирменным номером наших дружеских застолий. «На бис» Юрий мог также замечательно спеть (уже на турецком языке) шлягер «Я пьян от любви», восхищая жен сотрудников, ярче, чем Вахтанг Кикабидзе, чья популярность в те годы в СССР была просто общенародной.

Лучшие деловые качества отличного организатора помогли Ю. Вилочкину не затеряться в условиях рыночных отношений в новой России. Юрий Михайлович реализовал свои способности в банковской

сфере, занимая в течение длительного времени руководящие посты в крупных отечественных банках. Коллеги, помнящие Вилочкина по годам чекистской молодости, рады видеть его на наших ветеранских встречах и очень ждут, когда Юра, уже поседевший, но не утративший своей импозантности, споет что-либо из старого, проверенного репертуара.

А. О. Богатырев

Начальником одного из ведущих отделений 5-й службы был выпускник факультета журналистики ЛГУ Андрей Олегович Богатырев (1949 г. р.), с которым я познакомился еще со времени своей работы во 2-й службе, когда мы были простыми оперуполномоченными. Среднего роста, с живыми, веселыми глазами, он был замечательным собеседником. В разговорах на общие темы Богатырев всегда проявлял хорошую эрудицию и отличное чувство юмора, глубокие знания в вопросах истории и политики. Характерным для Андрея были шутливые обращения к своим товарищам, многим из которых в те годы не было еще и тридцати лет: «Слушай, дед…», «А знаешь, старик…» Как я потом узнал, это была некая дружеская форма общения с коллегами, принятая в журналистской среде.

Богатырев был, знаю – остается и сейчас, прекрасным профессиональным фотографом. Выставки его репортажных и художественных фоторабот часто появлялись в рекреациях нашего здания. Думаю, что из его фотоснимков, сделанных на вечерах, спортивных соревнованиях, на отдыхе, встречах с артистами и учеными, проводившихся в Красном зале Управления, можно было бы сделать некую фотоисторию Управления за те 20 лет, которые Андрей отдал службе в КГБ.

В манере поведения Андрея Богатырева, его поступках, даже когда он начал делать карьеру руководителя различных рангов, совершенно отсутствовали какие-либо намеки на «руководящее превосходство», он начисто был лишен «комчванства». Как и многим молодым руководителям того времени, Андрею претили неписаные правила советской номенклатуры: «Ты начальник – я дурак; я начальник – ты дурак», а также: «Тот прав, у кого больше прав». Его всегда отличало обостренное чувство справедливости, искренний, не показной патриотизм и вера в наши идеалы. Хорошо помню, что Андрей, как и я сам, болезненно переживал времена горбачевской Перестройки, закончившейся разрушением Советского Союза и отказом от принципов социальной справедливости, составлявших основу советского общества, утратой лидерства нашей страны на мировой арене.

Его оперативная работа на участке противодействия идеологическим центрам противника, зарубежным эмигрантским организациям, связанным с иностранными спецслужбами, неоднократно высоко оценивалась руководством как нашего Управления, так и КГБ СССР, что подтверждают многочисленные поощрения и звание «Почетный сотрудник КГБ СССР», полученное им весьма в молодом возрасте. Характерно, что, видимо, в силу своего образования и прошлого профессионального опыта, Андрей всегда стремился найти возможность в допустимой степени раскрывать для общественности суть и результаты отдельных мероприятий органов госбезопасности. Он умел добиться от руководства решений на публикации в ленинградской и центральной прессе статей, телевизионных передач на городском ТВ, инициатором, а порой и автором которых являлся. Уже в 80-е годы его знали многие редакторы, ведущие корреспонденты газет и ТВ.

Скорее всего, эти обстоятельства, наряду с личными и деловыми качествами Богатырева, явились причиной того, что в 1987 году руководством было принято решение о назначении его начальником Пресс-центра УКГБ ЛО (впоследствии – Центр общественных связей) в ранге начальника отдела Управления. Сегодня подобные подразделения существуют во всех силовых (и не только!) структурах, во многих государственных органах и крупных бизнескомпаниях, чему свидетельством многочисленные «говорящие головы» на ТВ-экранах, зачастую тупо перечисляющие статьи УК и уже известные зрителям выжимки информации. А тогда это было первое в нашей стране подобное подразделение в силовых структурах, призванное осуществлять настоящую, не имитированную Гласность, профессионально рассказывающее гражданам о деятельности органов государственной безопасности.

На новой должности Андрей проявил себя с самой лучшей стороны. В короткий срок ему удалось сформировать дружный, профессиональный и работоспособный коллектив единомышленников из числа оперработников, имевших за плечами журналистскую профессию или просто талантливых, творческих сотрудников. Пресс-центр стал активным связующим звеном между Управлением и обществом, в которое буквально потянулись с интересными идеями рядовые оперработники,

руководители подразделений, следователи.

Многочисленные статьи, интервью, информационные сообщения, книжные издания, обнародование архивных исторических документов, лекции и беседы сотрудников в трудовых, творческих, студенческих коллективах города – все это было активно нарастающим результатом работы сотрудников подразделения. На специально выделенные КГБ СССР средства была приобретена современная съемочная и телевизионная техника. На ленинградском телевидении стали появляться сюжеты, созданные в Пресс-центре, а потом родилась и более года выходила еженедельная телевизионная программа «Из компетентных источников», профессионально объединяющая наши сюжеты с информацией, охотно предоставляемой нам милицией, прокуратурой и даже судами.

Остается лишь сожалеть о том, что многие из «звезд» журналистики того времени, активно искавшие и поддерживавшие тесные контакты с Пресс-центром Управления и желавшие отличиться материалами из ранее весьма закрытого ведомства, «одемократившись», стали поливать его грязью, опускаясь до откровенной лжи и подделок ради жареных сюжетов в угоду политическим изменениям. К сожалению, я не вижу активности нынешней пресс-службы УФСБ в открытости обществу и разъяснению гражданам непростых задач, стоящих перед органами безопасности России, по противодействию зарубежным спецслужбам и международному терроризму.

В 1991 году, после ГКЧП и распада Советского Союза, полковник Богатырев был выдвинут на должность заместителя начальника УФСБ. Видимо, в тот период его профессиональные качества понадобились новоиспеченному начальнику Управления, поднятому на вершину власти демократической волной. Этот бывший преподаватель истории КПСС сумел вовремя и удачно примкнуть к лагерю «реформаторов», которые, как оказалось, на деле продолжали разрушение экономических и политических основ страны, закладывая систему нынешней власти непомерно обогащающегося олигархата. Как и многим работникам, Андрею стало не по пути с подобными руководителями, и в конце 1992 году он ушел со службы, получив неполную и весьма скромную пенсию.

Вот уже 20 лет его жизнь связана с издательской деятельностью. За эти годы буквально тысячи школьных и вузовских учебников появлялись на свет по макетам, созданным дружным коллективом небольшого издательства, которым он руководит. В активе компании –

многочисленные книги для детей по истории, краеведению, природе Санкт-Петербурга и Ленинградской области, полезная для педагогов методическая литература, интересные мемуарные издания, поэтические сборники. Книги издательства регулярно вручаются первоклассникам города и области в качестве подарков от имени губернаторов наших регионов к 1 сентября. Сборник, который ты, читатель, держишь сейчас в руках, уже десятый, из подготовленных издательством Андрея.

Нашел себя наш коллега и в общественной жизни. Уже много лет он –председатель Попечительского совета сельской школы в поселке Ропша Ленинградской области. 5 изданий из серии книг, раскрывающих историю и современную жизнь этой старейшей в области школы на материалах детского исследовательского и литературного творчества, прекрасный краеведческий музей, один из лучших в области современный исторический Зал Боевой Славы – это предмет особой гордости Богатырева. Думаю, занимаясь подобной деятельностью, передавая в школу очередные книги из своей библиотеки, те самые книги для детей и подростков, которые воспитывали и формировали наше поколение россиян-патриотов, Андрей Олегович делает это по зову сердца, вспоминая слова знаменитой песни В. Высоцкого «Баллада о борьбе»:

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока.
И в борьбу не вступил с подлецом, с палачом –
Значит, в жизни ты был ни при чём, ни при чём.

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём, –
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

А. О. Богатырев много сделал для становления клуба «Дом-4», длительный период входя в состав его правления. В шестой книге «Следствие продолжается…» в очерке «Рассказ матери» им опубликованы пронзительные по своей искренности и достоверности воспоминания своей мамы, пережившей юной девушкой блокаду Ленинграда. Когда-то Андрей записал их на магнитофон, а теперь опубликовал, чтобы нынешние молодые люди знали правду о войне, помнили о мужестве и силе духа своих предков.

Желаю Андрею, как и всем своим товарищам, здоровья и благо-

получия, радости за успехи детей и любимых внуков.

Замечательные, симпатичные молодые сотрудники работали в кабинетах по соседству с нашим отделением. Этим подразделением длительное время руководил Юрий Б. (1945 г. р.). Солидный, крепкого телосложения мужчина, с мягким выговором, Юрий, кажется, никогда не выходил из себя, не повышал голос на молодых, зачастую весьма неопытных сотрудников.

Б., как рыба в воде, ориентировался во внутренней жизни творческих союзов, зачастую наполненной интригами и склоками, хорошо знал обстановку в театрах города, особенно «гастрольных». Он пользовался авторитетом и уважением у художественных руководителей и дирижеров театров, многие из которых в особых симпатиях к органам КГБ замечены не были.

Юрий был эрудирован в вопросах искусства, обладал огромной, по тем временам просто очень ценной библиотекой художественных альбомов коллекций крупнейших музеев мира. Он элегантно и со вкусом одевался, что было весьма непросто в ту советскую эпоху тотального дефицита, был прост в общении с товарищами по службе, никоим образом не подчеркивал своей «начальственной значимости», не нагнетал обстановку в коллективе, даже когда над ним или его подчиненными летали «руководящие молнии и громы».

Мы давно не виделись друг с другом, поскольку Юрий уехал на жительство в Москву. Было приятно услышать от одного из моих знакомых весьма положительные отзывы о Б., под руководством которого ему пришлось работать в управлении делами Государственной думы России. Я понял, что Юрий не утратил своих положительных качеств руководителя, с которым можно работать результативно, без дерготни и мелочной опеки.

Ведущим сотрудником отделения того же подразделения был Юрий А-ч Л. (1951 г. р.). Я уже упоминал о том, что он, будучи инженером по образованию, умело наладил работу и взаимодействие с артистами театров, что было само по себе непростой задачей. Истинные театралы хорошо знают едкую шутку о том, что «Театр – клубок целующихся змей». Вот такой клубок в Кировском (Мариинском) театре всегда умел развязать наш коллега и товарищ. Причем ядовитыми зубами Юрий Л. ни разу не был укушен. А ведь были другие примеры, когда артисты после гастролей писали на сотрудников УКГБ анонимки и доносы, содержавшие прямую ложь и клевету!

Внешне спокойный, умеющий сдерживать себя, всегда с доброй, слегка ироничной улыбкой, искорками отражавшейся в его карих глазах, Юрий располагал к себе творческие личности. Мне довелось дважды работать с Л. при подготовке к краткосрочным загранкомандировкам с балетом и оркестром Кировского театра. Уже находясь за рубежом, среди малознакомых мне людей, зачастую не очень доброжелательно настроенных к «приставленному к ним» сотруднику спецслужбы, я не переставал удивляться, насколько точны были оценки и характеристики людей, которые дал мне Юрий Л. перед отъездом. Отмечу отдельно, что советы Юрия, чекиста-профессионала, по моей линии поведения в творческом коллективе были выверены безукоризненно. Причем все рекомендации давались с учетом моих личностных особенностей характера и моделирования, как говорили в контрразведке, возможных негативных конфликтных ситуаций.

Конечно, многие артисты рассматривали включавшихся в состав гастрольного коллектива чекистов, как своеобразных «надсмотрщиков», целью которых было только «пасти» танцоров, певцов и музыкантов, не допуская их невозвращения в СССР. Что греха таить, такая задача ставилась перед «сотрудниками невидимого фронта», но не только одна эта цель была причиной включения наших сотрудников в гастрольные коллективы. Артистам официально представляли офицера КГБ, сообщая о его легендированной должности, объясняя, что главная цель оперработника – защитить советских людей от возможных провокаций за границей, которые в те годы противостояния двух систем были делом обычным.

Хорошо помню, как 32 года назад была попытка провокации против ленинградских музыкантов, устроенная представителями сионистского центра в столице самой нейтральной, самой демократичной Швейцарии. Берн был предпоследней точкой длительных, триумфальных с точки зрения музыки гастролей, посвященных 200-летию Мариинского (Кировского) театра. К сожалению, концерты в Австрии и Германии проходили в атмосфере оголтелой антисоветской истерии, вызванной инцидентом с южнокорейским гражданским самолетом, пролетевшим над территориями дислокации наших вооруженных сил, а затем сбитым нашим истребителем. Мне лично пришлось более восьми часов провести вместе с музыкантами в полицейском участке по ложному обвинению в хищении крупной суммы денег из маленького книжного магазина, куда трое наших зашли накануне для покупки пу-

теводителя по Берну. Всем артистам, так же как и мне, выступавшему с официальных позиций администратора ленинградского Управления культуры, пришлось пережить серьезный стресс и психологическое давление, но выдержали мы это испытание с достоинством.

После доказательства своей невиновности все 120 музыкантов, которым еще предстояло играть концерт в Цюрихе, приехали в советское посольство, где в то время шел прием в честь праздника Конституции СССР. Оторвавшись от гостей-дипломатов, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР обратился к голодным, издерганным музыкантам с просьбой: «Вы имеете полное право отказаться от концерта, но я прошу вас, товарищи, докажите стойкость советских людей. Дайте швейцарцам такой концерт, чтобы после него вам аплодировали стоя!»

И этот последний, завершающий гастроли в капиталистических странах концерт, прошел на «ура», несмотря даже на то, что музыкантам пришлось переодеваться в автобусах прямо по пути в Цюрих. Маэстро Ю. Х. Темирканов, которого организаторы гастролей в течение пяти часов третировали информацией о виновности советских людей в воровстве, лично обнимал каждого музыканта, выходившего из автобусов. Как вдохновенно, с настоящим русским размахом была сыграна в финале концерта увертюра «Рассвет над Москва-рекой» из оперы М. Мусоргского «Хованщина». Овации швейцарских меломанов грозили обрушить потолок концертного зала!

Возвращаясь к рассказу о Юрие Л., скажу, что все часы пребывания в полицейском участке я оценивал ситуацию, просчитывал возможные варианты поведения музыкантов и швейцарских полицейских через призму советов, которые он мне дал, имея значительно больший опыт преодоления подобных провокаций. Подчеркну, без ложной комплиментарности – я оценил профессионализм коллеги, понял, как непросто ему было решать задачи «по защите советских граждан от подрывных действий противника».

В 1988–1989 гг. мы в течение шести месяцев вместе с Юрием, уже упомянутым мной Александром Тимошенковым, а также ныне покойным Валерием Пинчуком учились на курсах водителей категории «В» и «С», организованных для офицеров Управления. Мы четверо были в одном экипаже, обучаясь у одного инструктора по вождению. Я видел, как серьезно и ответственно относился к новому для себя поприщу Юрий. Прошло уже более четверти века, как я вожу автомобиль, но до сих пор вспоминаю фразы, сказанные им во время вождения: «К

обочине зимой не приближайся. Обочина – это смерть! При повороте налево ты самый бесправный человек!»

Зная деловые качества Юрия Л., его умение учиться новому и реализовывать полученные знания и навыки, я совершенно не удивился, когда узнал, что после службы в КГБ-ФСБ он занял высокий пост топ-менеджера одного из крупнейших петербургских и российских банков. Моя память хранит добрые чувства по отношению к Виталию Владимировичу Засыпкину (1949 г. р.), пришедшему в 5-ю службу на должность начальника отделения из отдела кадров, где он прошел замечательную школу человековедения под руководством академика кадровой работы – Александра Петровича Корсакова. Высокий, худощавый, подвижный, Виталий обладал внимательным, пронзительным взглядом, всегда направленным в глаза собеседнику. Он прошел оперативную школу райотдела, поэтому многое знал и умел в специфической оперативной работе, а благодаря урокам Корсакова прекрасно разбирался в людях, умея не только выстроить отношения с подчиненными, но и выявить скрытый потенциал человека, помочь сотруднику «раскрыться» и реализовать себя в работе. Внешне Виталий выглядел несколько суховатым, сдержанным человеком, но те, кому он помог, поддержал словом и делом, не забудут его доброты, человечности и порядочности.

Лично мне Виталий помог пережить не самые приятные моменты в моей жизни, связанные с межличностными отношениями с моим руководителем А. и подчиненными, которых начальник отдела пытался использовать для снятия меня с должности. Разобравшись в возникшей ситуации, Виталий занял такую позицию, которая не позволила совершиться несправедливости и торжеству непорядочности. Хотя предсказать, какими будут оценки вышестоящего руководства, в первый момент было трудно. Я не припомню ни одного случая, чтобы Виталий с кем-то обошелся несправедливо, вольно или невольно обидел, задел человека. Но я также помню, каким требовательным, строгим он был с теми, кто совершал недостойные поступки или подвел товарищей по работе. С таким отношением к делу Виталий никогда не мирился и показывал другим руководителям пример правильного формирования деловой, рабочей атмосферы в коллективе.

Подразделение, которым руководил Виталий Владимирович, курировало крупнейшие ленинградские вузы, которые были, как говорилось в советское время «кузницей кадров» для Управления КГБ. Сотрудники отделения Александр Андреевич Савин (1953 г. р.) и Михаил

Витальевич Шабанов (1956 г. р.) «нашли», изучили и довели до зачисления в органы государственной безопасности не один десяток сотрудников, многие из которых сделали блестящие карьеры вплоть до высоких генеральских званий.

Александр Савин, выпускник Военмеха, пришедший на службу в УКГБ ЛО в 1979 году, выглядел серьезным, вдумчивым человеком, с хорошо поставленной речью и умением слушать собеседника, причем несмотря на достаточно молодой возраст и стаж службы в КГБ. Рано появившиеся залысины и легкая полнота придавали Александру солидности. Савин курировал практически половину факультетов Ленинградского Университета, ему приходилось общаться и решать деловые вопросы с руководством ректората, деканами факультетов и университетской профессурой. По возрасту я был всего лишь на год старше Александра, к тому же рано стал руководителем, но это не мешало мне искренне восхищаться его способностью располагать к себе людей, а главное, уметь доминировать в беседе, склоняя человека на свою сторону силой убеждения и логикой аргументов. Эти личные и деловые качества привели А. А. Савина на работу в информационно-аналитическую службу Управления КГБ, а затем в Комитет по культуре правительства Санкт-Петербурга, где он успешно трудился во благо укрепления международных культурных связей, освоив все тонкости аппаратной чиновничьей работы.

Многие годы А. А. Савин, полковник запаса ФСБ РФ, успешно работает генеральным директором экспертной комиссии Министерства культуры РФ по ввозу и вывозу художественных ценностей, продолжая работу по сохранению культурно-исторического наследия нашей страны. Саше можно позавидовать «белой завистью»: его единственный сын наградил отца тремя внуками, которые, несомненно, обеспечат ему счастливую, радостную старость.

Михаил Витальевич Шабанов (1956 г. р.), закончивший Ленинградский институт железнодорожного транспорта, обладал приятной, располагающей внешностью, манерой общения хорошо воспитанного человека. Слегка замедленная негромкая речь, блеск внимательных и доброжелательных голубых глаз побуждали собеседника к откровенной и доверительной беседе с Шабановым. Приняв решение покинуть чекистскую службу в роковом для многих чекистов 1991 году, Михаил получил экономическое образование и начал работать в банковских и финансовых структурах.

Я до сих пор сожалею о том, что в 1996 году не сумел уговорить Михаила прийти на службу в Петроградскую районную администрацию на должность заместителя по финансам. Михаил объяснил свой отказ тем, что не был уверен в освоении в короткий срок нового направления работы, а выполнять свой служебный долг кое-как, приблизительно, он не мог себе позволить. Думаю, что наши судьбы могли бы сложиться иначе, более успешно, если бы моим заместителем в районной администрации тогда стал Михаил Шабанов, в честности и добросовестности которого у меня не было и нет ни малейшего сомнения. Не пришлось бы мне пережить многочисленных предательств и не получить очередные шрамы на сердце. Ведь, как говорят французы, «предают только свои». Впрочем, карьерные амбиции и карьеризм были не в чести в те годы у молодых чекистов. Мы жили по принципу, выраженному поэтом-фронтовиком Павлом Коганом в своих стихах 1941 года:

Не до ордена,
Была бы Родина
С ежедневными Бородино…

По-своему интересным, запомнившимся мне человеком был сотрудник того же отделения Анатолий Сергеевич Васин (1946–2002 гг.), выпускник филологического факультета ЛГУ. Правда, албанский язык, который Толя учил в университете, насколько я помню, применять ему не приходилось. Зато Васин очень хорошо владел литературным русским языком, беседу вел неторопливо, как-то по-особому основательно, зачастую украшая свою речь удачными шутками и к месту рассказанными анекдотами. Внешне Анатолий производил впечатление очень основательного, уверенного в себе человека.

Пришедшие на службу в Управление уже в 80-е годы сотрудники с восхищением обсуждали между собой случай, когда Толя Васин (кстати, однофамилец известнейшего в те годы питерского «битломана») прекрасно справился при проведении оперативной игры с ролью «заезжего» московского хиппи. Коллеги просто восхищались даром перевоплощения Анатолия, экипированного, кроме джинсов и хипповского «пацифика» даже длинноволосым париком, изменившим его лицо и облик почти до неузнаваемости.

В одном кабинете с Анатолием трудился Юрий Николаевич Пантелеев (1948-2003 гг.), закончивший английское отделение филоло-

гического факультета ЛГУ, после которого работал в качестве военного переводчика в Бангладеш. Невысокого роста, с рыжими волосами и подвижным лицом, покрытым веснушками, Юра был отчаянным футболистом, неутомимо бегавшим по полю на своих крепких, накачанных ногах.

Юра Пантелеев очень интересно рассказывал о своих армейских буднях в Бангладеш, стране для нас малознакомой. Меня объединяла с Юрой и Толей любовь к футболу, мы любили посещать стадион имени Кирова, где болели за наш невезучий (в те годы) ленинградский «Зенит». К сожалению, обоих друзей давно нет на свете. Светлая вам память, Юра и Толя!

Валентин Константинович Дубов (1947 г. р.), установочные данные изменены) был назначен на должность начальника «вузовского» отделения в то же время, что и я. Совершенно естественно и закономерно он вырос в руководителя своего подразделения, где начинал службу с такими же, как и он, малоопытными, «необстрелянными» сотрудниками. Валентин Константинович пользовался авторитетом и уважением сослуживцев не только потому, что был старше годами, а по причине исключительной вдумчивости и серьезности.

Деловые качества подтверждались его манерой говорить: не торопясь, делая паузы между фразами, с расстановкой и умением выделить главное в своей речи. Мимика Дубова была очень сдержанной: легкий поворот головы, чуть грустная внешне улыбка красивого, вытянутого лица очень располагала собеседника. Внешне Валентин был очень похож на одного из самых красивых и мужественных киноактеров того времени – Игоря Ледогорова, блестяще сыгравшего роль российского революционера Николая Баумана.

Валентин Дубов мог хорошо, удачно пошутить, но чаще выглядел серьезным, спокойным человеком, который за все годы, что я его знаю, ни разу не всплеснул руками, не вышел из себя, не перешел на крик. Уже в те годы я видел, понимал, что Дубов серьезно переживает, но он всегда оставлял эти переживания «внутри», не позволяя страстям овладеть собой и принять неправильное, несправедливое решение. Он всегда держал свое слово, если обещал что-то исполнить, сделать для другого сотрудника или равного ему по должности начальника, можно было не сомневаться – свое обещание сдержит. Я не помню, чтобы Валентин когда-либо оправдывался о причинах неисполнении работы

по какой-то внешней причине, не доказывал, что «он не виноват». Уже во время службы в одном из питерских банков, после ухода на пенсию, мне приходилось обращаться к Валентину как руководителю службы экономической безопасности финансово-кредитного учреждения. Было очень легко и приятно взаимодействовать с человеком, который мог обстоятельно, всесторонне, с мельчайшими деталями представить информацию о кредитной истории коммерческого предприятия.

Не перестаю удивляться: сколько ярких, нестандартных личностей я повстречал за годы службы в Большой Доме! Никогда после, ни в органах государственной власти, ни в коммерческих структурах, я не встречал такой «концентрации» талантливых, хорошо образованных, эрудированных людей, исключительно преданных своей службе по защите государственной безопасности нашей Родины – Советского Союза. Радуюсь тому, что регулярно встречаю на заседаниях клуба «Дом-4» и на встречах «уже старых комсомольцев» Тимура Федоровича Фирсова (1951 г.р.), пришедшего в органы КГБ из Ленинградского института ядерной физики (ЛИЯФ), в аспирантуру которого он попал по распределению после окончания в 1974 году Московского инженерно-физического института (факультет теоретической и экспериментальной физики). Впереди у Тимура была перспектива стать ученым, физиком-ядерщиком, но вмешался в его судьбу не случай, а стройная система подбора кадров в УКГБ по Ленинградской области. Молодой аспирант был избран на должность заместителя секретаря комсомольской организации, где его активность и высокий уровень интеллекта был замечен куратором института из КГБ, который рекомендовал Тимура грамотным, профессиональным кадровикам – Николаю Григорьевичу Кулешову и Юрию Николаевичу Волгину. С учетом личных и деловых качеств Фирсова направили на двухлетнюю учебу в Москву в ВКШ, на один из самых престижных факультетов. После окончания «Вышки» в 1977 году он получил диплом оперативного работника со знанием иностранного языка.

Тимур начал чекистскую службу в одном из самых престижных и важных по решаемым сотрудниками задачам подразделении, работавшем в среде иностранных учащихся и аспирантов. Среднего роста, отлично физически развитый, «накачанный», красивый парень с пристальным взглядом был исключительно энергетически заряжен. Во время разговоров в неформальных условиях он отлично умел пошутить, инте-

ресно рассказать какую-либо историю, становясь центром компании.

В работе, в спорте, которым он увлекался, Тимур всегда был в первых рядах. Совершено не случайно Фирсов стал одним из лучших бойцов рукопашного боя Управления КГБ, имел широкие связи среди ленинградских, в те времена «подпольных», каратистов. Тимур добивался серьезных оперативных результатов, но его бескомпромиссность, неумение и нежелание подстраиваться под руководство не дали ему сделать успешную карьеру, несмотря на несомненные оперативные способности и результаты в работе. В 1986 году Тимур Федорович ушел со службы из органов госбезопасности в звании майора, не обеспечив себя даже минимальной пенсией.

Мне кажется, что уже в то время Тимур ставил выше карьеры собственную реализацию себя как личности. Он был смел, почти дерзок в отстаивании своей позиции перед руководством, даже тогда, когда это портило его личные отношения с начальниками. Прежде всего, для него было важно Дело – добыча и реализация оперативной информации, защита источников ее получения. Возможно, благодаря именно этим личным качествам Тимур стал успешным предпринимателем, поднимая с нуля коммерческие проекты. Фирсов всегда с удовольствием встречается со старыми друзьями, общаясь с которыми любит пошутить, улыбаясь своей хитроватой, но очень обаятельной улыбкой. Тимур также не расстался со спортом, сохраняя завидную физическую форму, возглавляет «Национальный фонд детско-юношеского спорта Олимпийского чемпиона Анатолия Рощина». Тимур воспитал четверых детей, подаривших ему трех внучек.

В июле 2010 года Тимур позвонил мне по телефону, сообщив печальную новость о скоропостижной смерти его близкого друга и сослуживца Николая Алексеевича Волкова (1952 г. р.), скончавшегося от сердечного приступа у себя на даче, сидя в кресле у телевизора. Их связывала крепкая мужская дружба и совместная работа. Николай, внук русского офицера царской армии, историю которой блестяще знал, был, как и Тимур, очень активным и деятельным сотрудником. Его личное обаяние, образованность и эрудиция притягивали к себе людей, в том числе иностранцев, искренне симпатизировавших России и Советскому Союзу. На наших комсомольско-молодежных встречах Николай, красивый, крепкий парень, всегда был душой компании и «главным снабженцем», щедро делая взносы в организацию дружеских вечеров. Не

могу себе позволить забыть его блестящее исполнение под гитару песни актера Леонида Филатова о девчоночке-студентке Клаве, попавшей в компанию богемной околотворческой интеллигенции:

Клавочка, вам водочки или помидорчик?
Клавочка, позвольте вас на разговорчик.
Как сомы под сваями, вкруг твоей юбчонки
Крутятся, вертятся лысые мальчонки...

Ну, а когда Николай, уже располневший мужчина, с по-прежнему пышными усами, как говорится, «дойдя до кондиции», запевал зачин старой казачьей песни «Любо, братцы, любо…», уже после первого куплета все присутствующие подхватывали слова. Слова этой песни звучали во мне в скорбные минуты отпевания Николая Волкова, моего ровесника, друга, сослуживца, истинно русского офицера:

А жена заплачет, выйдет за другого.
За мово товарища, забудет про меня…
Жалко только воли во широком поле,
Матери старушки, да буланого коня!

Эх, любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С нашим атаманом
Не приходится тужить!

Подавляющее большинство молодых сотрудников КГБ тех далеких лет, о которых я вспоминаю, были физически сильными, крепкими людьми. Но были среди нас особо выдающиеся личности. Один из таких – Виктор Михайлович Минаков (1952 г. р.), выпускник Ленинградского педагогического института имени Герцена, по специальности преподаватель физкультуры, начинал свою службу в качестве организатора спортивных занятий и соревнований по линии общества «Динамо».

Виктор сразу же полюбился сотрудникам многих подразделений за его легкий, незлобивый характер, умение иронично пошутить, за добрую улыбку, которая не сходила с его лица. Примечательно, что Минаков не хотел ограничиваться только организацией соревнований.

Получив после аттестации звание лейтенанта, Виктор искренне мечтал стать оперативным работником, не желая делать карьеру спортивного администратора. Ему удалось добиться перевода на оперативную работу, которой он занялся самым активным образом после окончания учебы в спецшколе. В 5-й службе Минаков получил линию международных спортивных контактов, которые в годы после бойкота Московской Олимпиады 1980 года развивались между СССР и Западом весьма непросто.

Минаков работал в прямом смысле на износ, на пределе возможностей, как умеют делать спортсмены-профессионалы. Не всегда и не все получалось, но ему удалось заставить уважать себя других, зрелых оперработников, которые очень щепетильно относились к людям, обладавшим поверхностными оперативными навыками. А в компании с Виктором, наделенным доброй, широкой душой, было просто приятно проводить время. Не могу забыть пример, подтверждающий потрясающую физическую выносливость и трудолюбие Минакова. Осенью 1980 года моей семье была выделена первая в жизни отдельная двухкомнатная квартира, расположенная на десятом этаже двенадцатиэтажного дома. Несмотря на то что лифты в доме еще не работали, я принял решение переезжать из опостылевшей моим близким восьмикомнатной коммуналки немедленно, воспользовавшись помощью крепких, физически сильных парней из нашего отделения. Виктор пришел помочь по своей инициативе, поскольку проживал по соседству. Мои близкие, так же как и товарищи по службе, были потрясены, когда он, взвалив с помощью коллег себе на спину холодильник «Снайге», в одиночку донес его по лестнице до десятого этажа, делая лишь небольшие передышки и не снимая со спины тяжелого груза.

К сожалению, Виктор уже не один год тяжело болеет после перенесенного инсульта. Дай Бог сил и терпения его преданной жене Наташе, на чьих руках оказался совсем еще недавно по-богатырски сильный муж… Здоровья и мужества тебе, Виктор! Ты всегда умел терпеть. Верю, сумеешь и сейчас пережить все тяготы нашей непростой российской жизни.

Завершая воспоминания о своих сослуживцах из 5-й службы, хочу рассказать о двух коллегах, которые еще в те далекие годы были в

первых рядах чекистов, начинавших борьбу с уже зарождавшейся в те годы гидрой политического террора. Назову их фамилии и расскажу об этих замечательных ребятах, к сожалению, уже ушедших из жизни, немного позже, а пока коротко изложу информацию об истории борьбы с терроризмом в 70-е – 80-е годы.

Органы государственной безопасности с первых послевоенных лет развернули фронт борьбы с националистами-бандеровцами на Украине, «лесными братьями» из числа пособников фашистов в Прибалтике, грузинскими, армянскими и азербайджанскими националистами-сепаратистами в Закавказье. Сотрудники КГБ нескольких поколений вели тщательную, многоплановую агентурную разработку зарубежных антисоветских центров, объединивших фашистских недобитков, эмигрантов времен Гражданской войны, изменников всех мастей, бежавших из Советского Союза на «свободный Запад», который щедро оплачивал предательство и финансировал через свои спецслужбы такие идеологические подрывные центры, как «Народно-трудовой Союз», радиостанции «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки», «Немецкая волна».

Герои этого очерка А. О. Богатырев, Ю. В. Кашутин, С. В. Назаров, В. Е. Рябов могли бы многое рассказать о том, как стремились зарубежные враждебные антисоветские центры обрабатывать, склонять к сотрудничеству духовно слабых, неустойчивых людей, обиженных на власть или рассчитывавших на безбедное житье за границей. Целью врагов СССР, врагов России был в конечном итоге «разбор по кирпичам» нашего государства, всей политической системы. Главенствующую роль в этой необъявленной войне играли специальные службы (ЦРУ, БНД, МИ-6) и многочисленные идеологические центры, институты и фонды США, нашего «главного противника», как говорилось в наших чекистских документах. Много, очень много мелких и крупных подрывных акций предотвращали или расследовали в те годы органы КГБ. Перед каждым государственным праздником проводились серьезные оперативные мероприятия по выявлению и изъятию незаконно хранившихся боеприпасов и оружия.

В 1979 году Москву и весь Советский Союз потрясла страшная новость о трагедии в Московском метро, где были осуществлены в ва-

гонах электропоезда подрывы самодельных взрывных устройств, унесших десятки человеческих жизней. Для расследования этого уголовного дела была создана специальная оперативно-следственная бригада, в которую от нашего Управления командировали старшего следователя Александра Павловича Цыганкова (1946 г. р.), родившегося на Западной Украине в семье чекиста, боровшегося с недобитыми бандитами-бандеровцами.

Несколько месяцев следователи проводили осмотры мельчайших деталей, изъятых с места происшествия, выполняя эту работу по двенадцать часов в сутки! В результате этой кропотливой работы, в которой проявил свои лучшие качества и А. П. Цыганков, следователям удалось по фрагментам восстановить хозяйственную сумку, в которой находилась чугунная «утятница» с поражающими элементами. Сумели следователи по оставшимся и изъятым с места происшествия частицам восстановить пусковой часовой механизм самодельного взрывного устройства, в качестве которого был использован будильник серийного производства. По микроскопическим клочкам бумаги удалось установить газету, «Советский спорт» с конкретной датой выпуска. Именно в эту газету была завернута зловещая «утятница», начиненная тротилом и металлическими шариками.

Не стану описывать все трудности и особенности поисковых мероприятий, в которые входило установление городов, куда поступали для продажи хозяйственные сумки, «утятницы» и будильники. Тысячи оперативных сотрудников КГБ практически из всех республик и областных управлений Советского Союза несколько месяцев вели поисковую работу, проверяя всех подписчиков и читателей газеты «Советский спорт» на предмет возможного вынашивания ими террористических намерений. В результате проделанной колоссальной работы были выявлены, задержаны и изобличены в осуществлении варварского террористического акта жители Армении Затикян и Степанян, считавшие себя последователями армянской националистической организации «Дашнак-цютюн». Лидеры этой организации в течение десятилетий в радиопередачах подрывной радиостанции «Свобода» разжигали в молодых кавказцах национальную рознь и ненависть к России и русским. Виновные в гибели мирных людей были осуждены и понесли заслуженное суровое наказание.

А. Н. Кириллов

Одним из сотрудников 5-й службы, работавших по выявлению террористических намерений, проявлений национализма и экстремизма, был Анатолий Николаевич Кириллов (1951–1996 гг.). Анатолий был уроженцем и жителем Колпино. После двух лет службы в Советской Армии он поступил на исторический факультет Ленинградского Педагогического Института имени Герцена, где зрелый, вдумчивый студент был замечен нашими управленческими кадровиками. В 1978 году в возрасте 27 лет Кириллов призван на службу в КГБ, а в 1979 году, после окончания спецшколы в Минске, начал службу в УКГБ ЛО с должности младшего оперуполномоченного Пушкинского городского отделения. С 1983 года Анатолий служил в 5-й службе в подразделении, занимавшемся выявлением, профилактикой и пресечением проявлений терроризма и экстремизма.

Среднего роста, физически крепкий, с правильными чертами лица, украшенного пышными русыми усами, Анатолий не стремился к проявлению внешнего лидерства, к саморекламе. Ему была присуща спокойная, рассудительная манера общения. Со всеми товарищами по службе он вел себя ровно, поразительно скромно, одинаково доброжелательно. Анатолий Кириллов был командным человеком, амбициозность и желание выпячивать себя на первый план были ему неведомы. С ним было очень интересно обсуждать новые кинопремьеры. Я ни один раз удивлялся, насколько хорошо Анатолий знает советские кинофильмы, режиссеров и актеров, но как-то не догадался спросить, откуда у него такое увлечение. А вот на футбольном поле мы очень часто играли в одной команде, причем я на правом краю обороны, а Анатолий, будучи левшой, на левом. Он очень хорошо играл, корректно, дисциплинированно, как говорится, «на уровне», на командный результат, на победу.
В созданной в структуре ФСБ службе борьбы с терроризмом А.Н. Кириллова выдвинули на руководящую должность. В 1996 году Анатолий отбыл в служебную командировку в Чеченскую республику и во время боевых действий в Грозном геройски погиб от рук вахаббитов, проры-

ваясь с товарищами из окруженного общежития ФС, прикрывая сослуживцев автоматным огнем от наступавших террористов.

Анатолий Николаевич Кириллов посмертно был награжден «Орденом мужества».

В 2001 году в качестве исполняющего обязанности председателя Комитета по культуре правительства Санкт-Петербурга мне довелось открывать выставку в музее политической истории, посвященную борьбе дореволюционных российских жандармов и современных спецслужб с терроризмом. От Управления ФСБ слово на открытии выставки произнес начальник УФСБ Сергей Михайлович Смирнов. Его выступление было, как всегда, продуманным и веским. В это время до меня донеслись произносившиеся вполголоса гадкие, колкие слова некоторых демократических «журналюг» в наш адрес. Выступая, постарался, как мог, поставить этих мелкотравчатых «акул пера» на место:

– В государстве нет, не может быть преступных профессий. Те, кто продолжают изгаляться над органами КГБ-ФСБ, забывают о том, что чекисты с риском для собственной жизни противостоят тем, кто своей профессией выбрал преступление перед человечностью: террористам и диверсантам. Хочу напомнить присутствующим, что всякая неприязнь и отсутствие симпатий к представителям спецслужб улетучивается в тот момент, когда чекисты добровольно идут в заложники, прикрывая своей грудью людей, ставших пленниками террористов. Многие из людей этой профессии заплатили за спасение заложников своей собственной жизнью.

Присутствовавшая на выставке жена Анатолия Кириллова показала нам переданные в музей личные вещи своего мужа. Среди них было письмо отцу от его дочери с обещанием быть дисциплинированной и исполнительной, а также первое рабочее удостоверение Анатолия – киномеханика колпинского кинотеатра «Подвиг». Я понял, почему Толя хорошо знал и любил советское кино.

Кириллов Анатолий Николаевич внесен в «Книгу Почета» сотрудников службы защиты конституционного строя и борьбы с терроризмом Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, имя его высечено на памятной мраморной мемориальной доске в Управлении.

В 2013 году безвременно ушел из жизни Борис Александрович

Мыльников (1952–2013 гг.), генерал армии, первый заместитель директора ФСБ, создавший и возглавлявший антитеррористический центр государств-участников Союза Независимых Государств. Выпускник Ленинградского института точной механики и оптики 1975 года, Борис со студенческой скамьи пришел на службу в УКГБ ЛО. В годы нашей чекистской молодости он отличался своей ответственностью, неуемной энергией и нацеленностью на достижение результатов в работе. Он очень быстро прошел путь от младшего оперуполномоченного до начальника отделения 5-й службы, а затем и отдела. Физически крепкий, широкоплечий, красивый, он просто излучал оптимизм и энергию. В общении с товарищами был прост, доброжелателен, умел остроумно пошутить или удачно, к месту рассказать анекдот. В эти моменты в его глазах появлялись озорные искорки. Но, как только разговор переходил на служебные вопросы, лицо Бориса мгновенно становилось сосредоточенным, взгляд жестким и пристальным. Он был очень требовательным к себе и подчиненным. После Петербурга Мыльников служил на руководящих должностях в Управлениях ФСБ по Свердловской области, по Ставропольскому краю.

Встречаясь с Борисом, уже облеченным высоким генеральским званием, ставшим «Почетным сотрудником контрразведки», я отмечал, что он по-прежнему оставался простым и доступным человеком, открытым для общения со своими сослуживцами. Мы, уже ветераны-пенсионеры, был искренне рады его назначению на высокий и ответственный пост в Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Став руководителем антитеррористического центра, Борис Александрович, не считаясь ни со здоровьем, ни с личным временем, все свои силы отдал организации контрразведывательного противодействия терроризму в странах СНГ. Колоссальное психоэмоциональное перенапряжение привело к обширному инсульту, от которого Борис на смог оправиться, скончавшись на 61-м году жизни…

В феврале 2015 года в вестибюле Университета точной механики и оптики состоялось торжественное открытие мемориальной доски генералу армии Б. А. Мыльникову. О бывшем выпускнике было сказано много добрых слов. В церемонии приняли участие его друзья по институту и службе в УКГБ ЛО Сергей Назаров, Александр Беляков, вице-гу-

бернатор Санкт-Петербурга Александр Говорунов. Светлая тебе память, Борис! Теперь о тебе и твоей преданности долгу защиты Отечества будут знать студенты ИТМО нынешнего поколения. Некоторые из них, возможно, придут на службу в ФСБ, чтобы также честно и беззаветно, как ты, служить России.

Встреча ветеранов 5-й службы на празднике 20 декабря 2010 года. Слева направо: В. А. Андреев, П. К. Кошелев, Ю. Л. Климчицкий, А. Ю. Булатов, В. И. Архипов, А. Н. Горбов

Мой последний чекистский коллектив – Петроградский райотдел (1987–1990)

Штирлиц знал, что запоминается последняя фраза…

Юлиан Семенов («17 мгновений весны»)

Петроградский районный отдел УКГБ ЛО стал последним местом моей службы в КГБ. В те годы он был расположен на улице Скороходова (ныне Большая Монетная), 20, с общим входом через Петроградское районное управление внутренних дел. Я уже упомянул, что начальником райотдела летом 1987 года стал молодой подполковник Николай Платонович Патрушев. На эту должность его назначили буквально перед моим приходом в район, сменив ушедшего на пенсию полковника Александра Александровича Кудрова, одного из старейших

руководителей районных подразделений.

Патрушев очень быстро освоил новую для себя должность. Помог опыт, полученный в Октябрьском райотделе, а также практические навыки руководства Кировским (Ленинградская область) городским отделением УКГБ. Почти 90% сотрудников подразделения едва достигли 30-летнего возраста. В тот момент в райотделе был единственный старший оперуполномоченный Виктор Николаевич Игнатьев (1946–1987), имевший серьезный опыт оперативной работы. Практически все стальные сотрудники служили (за исключением П. Г. Ожгихина) в органах государственной безопасности менее трех лет.

Нам с Николаем Платоновичем предстояло обучить азам оперативной работы еще совсем молодых сотрудников, а также «добиться значимых оперативных результатов по всем направлениям контрразведывательной деятельности», как требовали от нас руководители Управления КГБ. Попробую хотя бы в эскизном варианте представить портреты сотрудников Петроградского районного отдела 1987–1990 годов.

Виктор Игнатьев был исключительно общительным, оптимистичным человеком, «балагуром-говоруном». Он обладал привлекательной брутальной внешностью, был силен физически, трудолюбив и вынослив. Мы были хорошо знакомы друг с другом, благодаря чему удалось снять некоторую неловкость ситуации – Виктор полагал, что сможет стать в районном отделе заместителем начальника отдела, кадровики давали ему подобного рода недвусмысленные обещания. В прямом мужском разговоре мне удалось объяснить Игнатьеву, что 5-ю службу я покинул не совсем по своему желанию и совершенно не претендовал на обещанную ему должность. Виктор был эмоциональным, но при этом мудрым и порядочным человеком. Он заверил нас с Николаем, что никаких конфликтов с новыми руководителями он, как старый «дед», наставник молодых, не допустит.

Виктор сдержал свое обещание. С ним было очень интересно работать. Он постоянно генерировал нестандартные, творческие предложения, касавшиеся конкретных оперативных разработок, в процессе работы по которым сплачивался наш коллектив, росло мастерство сотрудников. К сожалению, нелепая смерть в ночь на 7 ноября 1987 года прервала жизненный путь чекиста В. Игнатьева. На его похоронах и поминках сотрудники отдела осознали не только горечь утраты, но и то, сколько важного и нужного для коллектива сделал этот еще совсем молодой, полный сил мужчина.

Неформальным лидером отдела был Павел Георгиевич Ожгихин (1955 г. р.), ставший после смерти Игнатьева самым опытным оперативным сотрудником, к тому же избранным на пост секретаря партийной организации. Павел Георгиевич, окончивший Ленинградским политехнический институт имени Калинина по специальности инженер-радиотехник, работал в районном отделе с 1981 года и стал первым помощником Патрушеву в деле воспитания и обучения сотрудников. Он исполнял роль главного диспетчера и бомбардира футбольной команды, капитаном которой был начальник райотдела. Мне довелось формировать вторую команду, противостоявшую на еженедельных спортивных занятиях самому Патрушеву. Наше соперничество было очень принципиальным, настоящим «дерби», в которых побеждала то одна, то другая сторона. Ожгихин, тогда еще молодой, физически развитый человек с пышными черными усами, всегда крепко стоял на своих накачанных ногах, умея прекрасно прикрывать мяч корпусом, выверенно отдавая пас на Патрушева под его удар по воротам. Уже после Петроградского райотдела Павел Георгиевич продолжил успешно и результативно работать в контрразведке, сделал успешную карьеру в органах ФСБ, закончив службу в должности заместителя начальника УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в звании генерал-майора. Мне очень приятно отметить, что на всех должностях, которые занимал П. Г. Ожгихин, он продолжал также доверительно и открыто общаться с бывшими сослуживцами из райотдела, никогда не уклоняясь от помощи и не отказывая в просьбах.

Хочется вспомнить молодых в те годы сотрудников, которые были в моем непосредственном подчинении. Выделю, прежде всего, Михаила Васильевича Черникова (1958 г.р.), начавшего служить в Петроградском районе после окончания ВКШ имени Дзержинского. Михаил отслужил срочную армейскую службу в элитном кремлевском полку, пройдя строгий профессиональный отбор. По результатам службы Черникова рекомендовали для поступления в «Вышку», которую он успешно закончил. Физически сильный, тренированный человек, высокий, «видный», с обаятельной русской улыбкой, Михаил исключительно располагал к себе деятелей культуры, особенно женщин. Я был искренне рад, видя успехи Михаила Васильевича, который интеллектуально просто рос на глазах, впитывая знания о театре, кино, литературе.

Хотя чекистская служба Черникова закончилась в подразделении, связанном с защитой от терроризма и обеспечением безопасности объектов транспорта, мне было чрезвычайно приятно слышать

восхищенные оценки эрудиции своего бывшего подчиненного, одного из любимых сотрудников. На наших нечастых встречах сотрудников «ПетроЧК» Михаил блещет шутками, цитатами стихотворений, оригинальными тостами. Мы уже не можем себе представить, как непросто было молодому двадцативосьмилетнему парню после многих лет армейской казарменной жизни окунаться в хитросплетения и интриги Ленинградского Мюзик-Холла, в те годы ведущего музыкально-танцевального гастрольного коллектива страны. Главный режиссер Мюзик-Холла, народный артист Российской Федерации И. Я. Рахлин высоко ценил личные человеческие качества и профессионализм Черникова, подчеркивая, что за годы его руководства артистами легкого жанра этот оперработник был уникален тем, что на него не поступило ни одной анонимной жалобы!

Михаил был всегда безотказным в вопросах помощи друзьям и сослуживцам. В этом я не раз мог убедиться, видя, как он работал в 1988 году на раскорчевывании недавно полученного садового участка в шесть соток. Я не переставал удивляться умению Черникова работать топором, молотком, ножовкой и даже двуручной пилой! Этим важным, нужным навыкам он обучал двух своих сыновей-школьников. Проезжая в вагонах нашего петербургского метро, вспомните, дорогие читатели, Михаила Васильевича Черникова, который и по своей нынешней работе делает все необходимое для обеспечения вашей безопасности.

По соседству с шестью сотками Михаила трудился в поте лица другой молодой сотрудник, выпускник ВКШ имени Дзержинского – Василий Валентинович Серебров (1960 г., фамилия изменена). Разница с Черниковым была только в том, что ему не могли помогать сыновья, поскольку Василий был счастливым молодым отцом троих (!) дочерей. Зато у Василия Валентиновича был свой прораб, руководивший строительством «семейного гнезда» – его отец Валентин Васильевич, удивительно работящий, спокойный немногословный человек.

Василий родился и вырос в простой рабочей семье, хотя его отец своим упорством и трудом добился того, что стал начальником конструкторского бюро НПО «Вектор». Василий был, несомненно, «отцовским сыном», унаследовав от родителя рассудительность и уравновешенность, трудолюбие. Прошедший срочную армейскую службу в спецназе ВДВ, высокий, физически крепкий, с замечательными пышными усами Василий был просто красавцем. Такие лица, как у Василия,

можно видеть на портретах гусар и гренадеров времен Отечественной войны 1812 года.

После службы в армии Серебров целых два года проработал слесарем на Ленинградском оптико-механическом объединении, но стать рабочим или инженером ему было не суждено. Суперактивный кадровик Геннадий Геннадьевич Силинский не мог пройти мимо порядочного, закаленного армейской службой В. Сереброва, уговорив его поступить в ВКШ имени Дзержинского. В 1987 году, закончив чекистскую учебу, Василий Валентинович начал службу в Петроградском районном отделе УКГБ ЛО.

Василий очень любил своих дочек, с самых малых лет приучая их к туризму, которым они увлекались вместе с женой. С палаткой, женой и дочерьми Василий объездил весь Крым! Однако и чужих детей Серебров тоже любил. Мне запомнился случай, свидетельствовавший о принципиальности Василия, еще совсем молодого сотрудника.

В «перестроечном» 1989 году в стране начали появляться первые кооперативы, центры научно-технического творчества молодежи и разного рода «фонды», в которых начинали делать свои первые капиталы будущие российские олигархи. В Петроградский райком КПСС поступила, как тогда говорили, «разнарядка» о продаже коммунистам билетов какого-то детского фонда. Стоил один билет то ли три, то ли пять рублей и был, как бы сейчас сказали, благотворительный. Василий Серебров наотрез отказался покупать билет, четко мотивировав свою позицию: «Эти деньги неизвестно на что пойдут, на содержание каких-нибудь чиновников и их материальное обеспечение. Лучше я эти деньги, и даже больше конкретному нуждающемуся ребенку передам!» По тем временам это было очень смело. Не стану в деталях вспоминать шквал критики, которой подвергся Василий со стороны секретаря партийной организации и начальника отдела. Но он не сдавался и стоял на своей позиции. Я, видя искренность этого поступка, предложил Василию и другим сотрудникам отдела собрать деньги на помощь одному из детских домов или интернатов Петроградского района.

Секретарь исполкома Т. М. Пятецкая порекомендовала нам на собранные деньги приобрести спортивный инвентарь для школы-интерната № 20 для глухих и слабослышащих детей. Она помогла нам «достать» дефицитные в то время футбольные мячи, ракетки для настольного тенниса и другой инвентарь. Все эти наши подарки мы с Василием вручили директору интерната заслуженному учителю РСФСР Алле Евгеньевне Мироновой. Позже она частенько вспоминала добрым словом «улыбчивого, доброго парня с пышными усами».

Карьера В. В. Сереброва в контрразведке могла и должна была сложиться успешно, особенно после перехода в Управление и назначения на очень интересное, важное направление работы, где Василий стал получать серьезную политическую разведывательную информацию. Однако после того, как по вине одного из новоиспеченных, непрофессиональных руководителей УФСБ произошла утечка информации и были расшифрованы ее источники, жизнь и карьера которых была сломана, Василий Серебров принял решение уйти с военной службы (1995 год). Но он не затерялся в этой жизни, наоборот, реализовал себя, успешно работал в структурах экономической безопасности коммерческих предприятий, создал с нуля свой собственный бизнес в сфере высоких технологий. Василий обожает путешествия, объехал на автомобиле практически всю Европу, радуется успехам дочерей и внука.

Я не для красного словца назвал Василия Сереброва красавцем. Парни в Петроградском районном отделе того времени были просто на загляденье. Высокие и статные, физически сильные, просто гренадеры! Ну, взять хотя бы Вячеслава Крылова и Юрия Цветова (установочные данные обоих изменены). Вячеслав Александрович Крылов (1960 г. р.), очень высокий, широкоплечий, слегка начавший полнеть, обладал двумя замечательными качествами: располагающей, мягкой манерой ведения разговора и широкой обезоруживающей улыбкой. Будучи выпускником ЛИТМО он курировал этот вуз, хорошо разбираясь и в людях, и в научно-технических разработках института. С учетом физических габаритов Вячеслава, Патрушев всегда брал его в свою футбольную команду, ставя его в маленькие ворота, когда мы играли в спортзале «пять» на «пять». В качестве же игрока на поле Вячеслав Крылов был слишком медлительным, его движениям не хватало резкости. Однажды этот недостаток привел к очень курьезному голу в его ворота. Был конец игры, которая велась до победы команды, первой забившей 10 голов. Счет был 9:9, каждой команде до победы был нужен всего лишь один гол. Команде Патрушева удалось, разыгрывая мяч, прижать нас к воротам. Кто-то из наших игроков просто сыграл «на отбой», ударив, не глядя, мяч в сторону ворот противника. Мяч шел точно по центру ворот, и Крылову нужно было только отбить его ударом ноги. Случилось так, что Вячеслав замахивался для отражения мяча так медленно, что круглый спортивный снаряд каким-то чудом вкатился в ворота между приподнятой ногой и

полом. Это был победный для нашей команды гол. Думаю, что Вячеслав Александрович до сих пор помнит, как эмоционально в запале спортивного состязания «покритиковал» его Николай Платонович.

Вячеслав был исключительно компанейским человеком. Эти его качества особенно ярко проявлялись на охоте, которой он увлекался сам и увлек некоторых наших сотрудников. Летом 1989 года он организовал нам у себя на дачном участке в Васкелово импровизированный товарищеский ужин после успешно проведенных на полигоне боевых стрельб сотрудников УКГБ ЛО. Полтора десятка молодых офицеров в полевой чекистской форме разместились в вагоне-бытовке, где с огромным удовольствием, под шутки и тосты отметили завершение ответственных военных соревнований.

В. Крылов ушел из Управления ФСБ в 1992 году в звании капитана, не обеспечив себе пенсии, видя необратимые процессы разваливания КГБ и той страны, безопасность которой защищал. Вячеслав пережил тяжелое испытание, похоронив жену, но сумел «поднять» двоих сыновей, дав им образование и обеспечив материально, став бизнесменом. Мне всегда интересно общаться с Вячеславом на наших, к сожалению, нечастых встречах. Приятно, что подаренная мной Крылову на день рождения забавная фигурка носорога стоит на его рабочем столе, напоминая о годах нашей чекистской молодости.

Юрий Владимирович Цветов (1963 г. р.) наоборот, при всех своих крупных габаритах был очень подвижен, хорошо координирован и выполнял на поле роль форварда таранного типа. Он прекрасно умел принять мяч на широкую грудь, отбросив его на партнера или ударить по воротам головой. В общем те, кто продолжает следить за российским футболом, поймут, что нынешний форвард «Зенита» и сборной России Артем Дзюба играет в той же манере, как играл Юра Цветов в конце 80-х годов, когда Дзюба еще не родился. Кроме этого, Юра мог быть диспетчером, способным взять на себя игру в центре поля, да и в защите, когда было нужно, отрабатывал.

Будучи выпускником ЛИТМО, Юрий был подобран в органы КГБ Вячеславом Крыловым, курировавшим этот вуз, и пришел на службу в наш районный отдел в 1989 году после окончания Минской школы КГБ. Цветов в те годы был (впрочем, остался и сейчас) исключительно доброжелательным, улыбчивым человеком, с обаятельной, располагающей улыбкой, украшавшей его красивое, очень русское лицо. Манера Цветова разговаривать располагала к доверительности. Он прекрасно

ориентировался в инженерной и научной проблематике курируемых предприятий, что способствовало его карьерному росту.

После Петроградского райотдела Юрия выдвинули за положительные результаты на работу в подразделение, осуществлявшее научно-техническую разведку, где он достиг значительных успехов. Мы и сейчас, будучи пенсионерами, с удовольствием встречаемся друг с другом в компании с нашими сослуживцами из Петроградского райотдела «конца 80-х годов прошлого XX века». Я всматриваюсь в лица своих бывших подчиненных, когда-то совсем молодых, начинающих сотрудников, искренне радуюсь за то, как они выросли интеллектуально, духовно, карьерно. Не перестаю удивляться, подмечая, что Юрий Цветов, уже 52-летний солидный человек, практически не изменился внешне с тех лет, хотя несколько месяцев назад уже стал дедушкой! Та же добрая, обаятельная улыбка, та же неторопливая манера речи. Практически я вижу то же лицо, что почти тридцать лет назад! Вот только седина на висках, да морщины у глаз выдают истинный возраст. Да и самого Юры стало как-то «побольше». «Набирая вес» в далеко не простой предпринимательской деятельности, Вячеслав Крылов и Юрий Цветов существенно увеличили свой вес физический. Интересно, а смогли бы мы сейчас в том же составе выйти на футбольное поле? Кажется, родилась неплохая идея. Ведь проводятся сейчас матчи ветеранов звезд эстрады, театра и кино. Думаю, что футбольный матч ветеранов-чекистов был бы не менее интересен!

Нельзя не вспомнить еще об одном отличном футболисте из команды Н. П. Патрушева, который до сих пор в строю, занимает высокий генеральский пост в команде ФСБ, защищающей безопасность Российской Федерации. Сергей Анатольевич Мельников (установочные данные изменены), 1959 г. р., уроженец Арзамаса (Саров) пришел в органы КГБ после двухлетней службы в Вооруженных Силах в качестве лейтенанта запаса. Невысокий, крепкого телосложения, очень спортивный, стремительный, взрывной спринтер, Сергей обладал очень приятной внешностью: открытое русское лицо с добрыми, внимательными глазами и замечательной широкой улыбкой. Во время игры в футбол, получив мяч на краю, он тут же «включал ноги», на скорости прорываясь за счет дриблинга к лицевой линии соперников, простреливал мяч форварду для удара по воротам. Однажды во время матча я, опекая Мельникова, пытался отобрать у него мяч. Сергей взрывным рывком рванулся вперед, непроизвольно ударив меня локтем по ребрам. В тот мо-

мент в запале принципиальной, бескомпромиссной борьбы я даже не обратил внимания на боль от микротравмы. Однако этот футбольный стык мне потом долго припоминался: оказалось, что у меня трещина на ребре. Тот, кто хотя бы раз в жизни ломал ребра, поймет, что недели две-три мне «было не до смеха», поскольку смех и кашель вызывали острую боль.

Сергей Мельников, как деликатный человек, очень переживал по этому поводу. У меня никаких обид к сопернику по футбольным баталиям не было. Да и вспомнил я эту ситуацию только потому, что в моей памяти возник образ Мельникова, с полной самоотдачей сражавшегося на футбольном поле. А вот то, как помогал мне Сергей Анатольевич вместе с другими сотрудниками отдела осенью 1989 года, когда со сломанной ногой и переломанными шейными позвонками в результате автомобильной аварии я стал пациентом Военно-медицинской академии, не забуду никогда в жизни. Сергей с товарищами в прямом смысле слова носили меня на руках, укладывая на носилки и в кресло-каталку. До сих пор я храню подаренную мне Сергеем открытку, нарисованную его старшим сыном Александром, с подписью: «Дядя Паша, выздоравливай скорее!»

Мельников С. А. с первых дней службы зарекомендовал себя серьезным, ответственным человеком, стремившимся самым тщательным образом выполнить любые задания руководителей. По характеру Сергей был оптимистичным человеком, никогда не жаловавшимся на судьбу и на жилищные условия своей молодой семьи, которые были далеко не идеальными. Мельникову с женой и двумя сыновьями приходилось жить в малогабаритной квартире тестя. Решение жилищной проблемы их семьи было отнюдь не легким, но Сергей, к его чести, как и положено офицеру, «стойко переносил тяготы службы».

Сергей Анатольевич сделал карьеру квалифицированного, мудрого кадровика, отвечая за подбор и расстановку кадров в правительственных инстанциях Санкт-Петербурга и Администрации Президента России. Особо хочется подчеркнуть, что в этот период времени он оставался абсолютно доступным, доброжелательным и отзывчивым в отношении просьб и обращения старых товарищей по службе. Последние годы Мельников С. А., имеющий высокое звание генерал-лейтенанта, служит на одной из ответственных должностей в руководстве ФСБ РФ в Москве. Я надеюсь, что впереди у нас еще теплые встречи, на которых нам будет, что вспомнить о годах нашей чекистской молодости.

Хорошо помню еще одного сотрудника нашего районного отдела того времени – Александра Васильевича Арсеньева (1956 г. р.). Высокий, поджарый, белокурый красавец с вытянутым серьезным лицом, Арсеньев был очень уравновешенным, спокойным человеком. Его негромкая, «рассудительная» манера вести разговор, очень импонировала. Александр вел новое для органов КГБ направление работы, введенное по инициативе Ю. В. Андропова, Генерального секретаря ЦК КПСС, в прошлом председателя КГБ: курирование органов внутренних дел на предмет борьбы с коррупцией в этой правоохранительной структуре.
Александр Васильевич был очень доброжелательным и абсолютно неконфликтным человеком, сумевшим установить хорошие деловые и личные контакты среди сотрудников и руководства Петроградского РУВД. Именно благодаря этим профессиональным качествам и его контактам летом 1989 года удастся установить и задержать убийц сотрудника службы внешней разведки Л., серьезного секретоносителя. В оперативно-розыскных мероприятиях, проводившихся в течение выходного дня, принимали участие все работники нашего подразделения, обойдя все дворы и квартиры многоэтажных домов на Кировском проспекте, где был обнаружен автомобиль Л. Но последнюю информацию, позволившую установить и изобличить убийцу, получил именно Арсеньев через свои связи в отделе БХСС. Отмечу также, что при осуществлении нашим подразделением так называемых «острых чекистских мероприятий» Александр Арсеньев блестяще играл роль милиционера в форме, ни разу не вызвав подозрений, тем более, «проколов».

После завершения службы в ФСБ, А.В. Арсеньев работал в руководстве ряда частных охранных предприятий. В этот период мне довелось общаться с Сашей, решая вопросы экономической безопасности бизнес-структур. Я убедился, что все положительные личные и деловые качества Арсеньева остались по-прежнему при нем. Александр доброжелательно, исключительно по-деловому снабдил меня, как было принято говорить в контрразведке, «достоверной, подтвержденной фактами оперативной информацией».

Стоит сказать, что автомобиль «Запорожец», кроме Арсеньева, Черникова и Крылова, был еще у двух наших сослуживцев. С одним из них – Владимиром Вячеславовичем Носиковым (1957 г. р.) мне доведется совместно работать уже после завершения службы в КГБ. После окончания ЛИАПа Носиков трудился на инженерной должности на заводе «Пирометр», где очень скоро заместитель директора по режиму

заметил его положительные личные и деловые качества, рекомендовав нашим управленческим кадровикам рассмотреть кандидатуру Владимира для службы в КГБ. Нет секрета в том, что на так называемых «режимных» предприятиях на должностях заместителей генеральных директоров по безопасности и режиму часто служили отставные чекисты, а в отдельных случаях так называемые «офицеры действующего резерва КГБ». Одной из задач их работы, кроме защиты секретов и борьбы против разглашения государственной тайны, был подбор кадров в органы госбезопасности. Многие мои сверстники самыми теплыми словами вспоминали своих первых «крестных», давших им «путевку в КГБ».

Владимир Носиков, физически хорошо развитый человек, выше среднего роста, с располагающим к доверию лицом, отличался тем, что всегда при постановке ему той или иной оперативной задачи стремился «дойти до самой сути». Мне нравилось это качество в сотрудниках, нравилось больше, чем стремление, не дослушав указания о целях поставленной задачи, соскочить с места и бежать исполнять, на ходу сказав армейское «есть» или гражданское «понял». Зачастую такие оперработники добивались совершенно не тех результатов, которые были нужны для дела, которому мы служили. Отдельные из таких горе-работников в силу определенных личных качеств начинали доказывать, что «они так поняли» указание или, что хуже, пытались винить руководителя в том, что он «сам сказал так делать».

В. В. Носиков не мог подвести начальников и не хотел выполнять то или иное поручение плохо. В этом я не раз убедился, пригласив Владимира, ставшего на гражданке специалистом по экономической безопасности, на работу в качестве своего заместителя в филиал «Транс кредит банка» и ОАО «Севкабель-Холдинг». Мне было очень легко и приятно работать с Владимиром, который при всей своей внешней серьезности в неформальной обстановке дружеского общения был интересным собеседником с отличным чувством юмора. Он мог очень хорошо, заразительно смеяться, а, как сказал Ф. М. Достоевский: «Хорошо смеется человек – значит хороший человек».

В 1985 году в райотдел вслед за Черниковым и Носиковым был принят Андрей Владимирович Литов (1959 г. р.). По своим внешним данным и по стилю работы Андрей очень был похож на Носикова (или Носиков был похож на Литова?). Андрей, так же как и В. Носиков, имел щегольски подстриженные усы, с той лишь разницей, что они были

светлыми, поскольку Литов, в отличие от Носикова, был блондином.

Андрей был очень вдумчивым сотрудником, всегда подолгу обдумывал планировавшиеся мероприятия, а также ход исполнения поручений руководства. В нашем районном отделе Андрей слыл аналитиком. Не случайно Н. П. Патрушев чаще других именно А. Литову поручал готовить для доклада руководству аналитические документы, которые тот писал очень хорошо. Впрочем, надо отметить, что подавляющее большинство сотрудников УКГБ ЛО грамотно и качественно излагали на бумаге информацию о тех или иных событиях, свои мысли и предложения по возможным путям развития негативных процессов. Андрей Литов по завершении службы в КГБ возглавил одну из компаний по информационному обеспечению экономической безопасности коммерческих предприятий. Внимательный читатель, думаю, догадается, что Владимир Носиков играл в футбол в команде заместителя начальника райотдела, Андрей Литов добросовестно исполнял функцию защитника в команде начальника райотдела.

Футбол в жизни чекистов был не просто спортом, но своеобразным тестом на способность работать в команде, воспитывал чувство коллективизма, сближал людей, иногда помогая им делать карьеру. Осенью 1987 года футбольная команда Николая Платоновича пополнилась очень сильным игроком, ставшим диспетчером и «мотором команды». На поле появился школьный друг Патрушева по имени Вячеслав, высокий, худой, очень подвижный с отличной техникой работы с мячом. Вячеслав Борисович Грызлов (1951 г. р.), сотрудник НПО «Электронприбор», работал в здании напротив нашего спортзала на Газовой улице. Борис отдавал много голевых пасов, много забивал сам. С его появлением в команде Патрушева наши матчи стали настоящими «зарубами», заканчивавшимися, правда, всегда корректно с обсуждением в душевой перипетий закончившейся игры. Такие футбольные матчи давали заряд энергии на весь рабочий день.

Думаю, не случайно годы спустя, когда Борис Вячеславович возглавил Государственную думу Российской Федерации, в качестве одного из своих помощников он взял на работу Константина Павловича М. (1953 г. р.). С Костей я начинал работать еще в 5-й службе и отлично знал его добрый, компанейский характер, хранил в памяти прекрасные минуты общения на комсомольских туристических слетах. В те годы мы называли друг друга «зеркальным отражением» (по созвучию наших

имен-отчеств). Среднего роста, черноволосый, Константин, выходец из интеллигентной семьи ленинградских врачей, мог, казалось, убедить любого человека в том, что ему было нужно. Даром общения он обладал просто замечательным! К сожалению, после отъезда в Москву в 2000 году мне, как и многим коллегам по райотделу, не удавалось с ним встречаться. Хотя те, кому довелось общаться с М., как с чиновником, отмечали, что он сохранил свои положительные качества общительного человека, не стал недосягаемым «небожителем».

В 1988 году по переводу из Забайкалья в наш коллектив влился новый оперативный сотрудник. Валерий Александрович Баркин (1949 г. р.) пришел в отдел уже зрелым, сложившимся сотрудником КГБ в звании майора. В. А. Баркин закончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта, а затем служил в Управлении КГБ в Чите. Валерий переехал в наш город после женитьбы на ленинградке, переводом по месту жительства жены. Ему было уже почти сорок лет, когда он начал служить в Ленинграде, городе, несомненно, более населенном и сложном по оперативной обстановке, чем забайкальская Чита. Баркин общался с людьми в манере уравновешенного, уверенного в себе человека, хотя ему не так уж просто было входить в нашу столичную жизнь. В первое время чувствовалось, что ему не всегда хватает ощущения своей важности, которое было частью его личного имиджа. Поэтому в его речи с легкой картавинкой иногда проскальзывала обида по поводу того, что ему вновь приходится утверждать себя как оперработника, изучать и разбираться в совершенно незнакомых ему ранее явлениях.

Помню, на политзанятии, когда сотрудники райотдела обсуждали ситуацию с появившимися благодаря политике Горбачева так называемыми неформальными объединениями, Валерию было рекомендовано получше ориентироваться в этих новых молодежных движениях. Баркин с хорошей иронией в присущей ему манере ответил: «А у нас в Забайкалье не было неформалов. У нас такие зимы холодные, ветреные и бесснежные, что все неформалы вымирают на корню».

Валерий не участвовал в футбольных баталиях, зато на первых же стрельбах в тире по грудной мишени он выбил 30 очков из 30. Причем стрелял из чужого пистолета, впервые взятого в руки. Коллеги шутили: «Баркина лучше не обижать, он стреляет без промаха!» После завершения службы в Управлении ФСБ Валерий работал в аппарате полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. В это время мне неоднократно доводилось с ним встречаться в его руководящем кабинете, где меня всегда угощали чашкой бодрящего кофе. За государственную службу в федеральном органе власти В. А. Баркин был награжден орденом Почета.

Мне особенно приятно вспоминать человека, сыгравшего особо положительную роль в моей судьбе. Павел Павлович Аникин (1949 г. р.) начал службу в УКГБ ЛО в 1976 году по рекомендации райкома ВЛКСМ, после окончания «кузницы кадров для КГБ» – Ленинградского политехнического института. Молодой выпускник энергомашиностроительного факультета начал свою службу в Выборгском районом отделе УКГБ под руководством полковника Генриха Герасимовича Гольцева, исключительно динамичного, «заводного» человека, слывшего среди старшего поколения чекистов «мастером трехэтажного ямба».

Внешне Пал Палыч (как звали его тогда, впрочем, как и сейчас) выглядел исключительно серьезным человеком: стройный, с прямой спиной, поджарый, он всегда высоко держал свою красивую голову, ходил в ровном темпе, «с достоинством». Аникин обладал строгим, серьезным взглядом, всегда направленным на собеседника, говорил замедленно, «весомо», в основном по существу. В тот период я практически не общался с Пал Палычем, не имея с ним точек соприкосновения.

Я не удивился тому, что Аникин П. П. был переведен в создававшийся в УКГБ 11-й отдел (собственная безопасность), поскольку даже по внешним данным было видно, что Пал Палыч умеет хранить служебную, военную и государственную тайну. Он начинал служить в «первом наборе» 11-го отдела вместе с Леонидом Моревым и Сергеем В., которые также являются персонажами этого очерка. О работе Аникина, так же, как и Леонида с Сергеем, в этом подразделении мне ничего не известно. В КГБ вообще было принято соблюдать конспирацию, знакомя с оперативной информацией только тех сотрудников, которые были к ней допущены.

В дальнейшем П. П. Аникин служил в качестве сотрудника действующего резерва КГБ в должности заместителя генерального директора по безопасности и режиму НПО «Азимут» во 2-й, а затем, после ее создания, в 6-й службе. Осенью 1989 года в связи со структурными изменениями объект оперативного обслуживания НПО «Азимут» был передан из 6-й службы в Петроградский райотдел, куда и «переехал» на работу Аникин со своим собственным сейфом с секретными документами.

Я познакомился с Пал Палычем уже в начале 1990 года, когда еще не вышел на службу, восстанавливаясь после тяжелой травмы, полученной в автомобильной аварии. Мой начальник Н. П. Патрушев убедил меня выдвинуться кандидатом в депутаты Петроградского районного совета народных депутатов, обоснованно предполагая, что после шести месяцев лечения ОВВК (Объединенная военная врачебная комиссия) запросто сможет признать меня инвалидом и комиссовать со службы в органах КГБ по состоянию здоровья. Этого благородного поступка Николая Платоновича я не забуду никогда.

Выборы 1990 года впервые проводились с выдвижением от трудовых коллективов и на альтернативной основе с дискуссиями и дебатами кандидатов. В НПО «Азимут» в начале 1989 года мне приходилось выступать с лекциями, разъясняющими цели и задачи органов госбезопасности в рамках программы «КГБ и гласность». С учетом этого П. П. Аникин организовывал мое выдвижение кандидатом в депутаты от коллектива режимно-секретного органа НПО, который он сам и возглавлял. Аникин представил меня сотрудникам РСО, дав положительную характеристику и рассказав о моей травме. Скрыть это было невозможно, поскольку в то время я ходил в так называемой «шине ЦИТО» (ЦИТО – Центральный институт травматологии и ортопедии), поддерживавшей сломанные шейные позвонки. Не помню точно своих чувств, когда увидел жалостливые взгляды сердобольных женщин, но меня, как когда-то Остапа Бендера, «понесло», и я начал свою предвыборную программную речь примерно так: «Уважаемые товарищи! Если бы мое выдвижение происходило сейчас где-нибудь в США, я обратился бы к вам с призывом «голосовать за самого блестящего кандидата», – показывая никелированные нашлепки на корсете. – Я твердо знаю, что являюсь единственным пациентом Института Травматологии и Ортопедии с таким диагнозом и таким корсетом, который не только выписался из больницы, но еще и принимает участие в избирательной компании!»

При этих словах я старался как можно раскованнее улыбаться. За годы службы в КГБ, а затем в органах государственной власти Санкт-Петербурга, я усвоил две простые истины: 1. Удивить – значит, победить; 2. В улыбающееся лицо стрел из лука не выпускают (японская поговорка). После первой своей фразы я впервые увидел Пал Палыча Аникина улыбающимся. А делал он это просто замечательно! И смеялся он очень искренне, заразительно, без фальши и натуги. Я вообще

не знаю второго такого человека, как П. П. Аникин, который, постоянно сохраняя свое лицо серьезным, мог неожиданно заразительно рассмеяться хорошей шутке. Он и сам, как оказалось, прекрасно умел импровизированно шутить, снимая напряжение в серьезных разговорах, полностью обезоруживая этим своего собеседника.

Пал Палыч вместе с Михаилом Черниковым стали моими лучшими доверенными лицами на этих выборах по 51-му избирательному округу, в котором я стал депутатом, а затем и Председателем Петроградского райсовета. Впрочем, выражу глубочайшую благодарность всем сотрудникам районного отдела, помогавшим в тех выборах, ставших для меня лучшей реабилитационно-восстановительной терапией, а также содействовали последующей карьере государственного служащего.

Прошло уже больше трех лет, как я собираюсь вручить своему доверенному лицу собранный и изданный мной сборник политических анекдотов, над которыми, уверен, он сможет весело посмеяться. Обещаю, что один из первых экземпляров книги с этим очерком будет подарен полковнику в отставке Аникину Павлу Павловичу, отдавшему 36 лет служению в КГБ-ФСБ, ныне заместителю генерального директора по режиму завода «Двигатель» концерна «Морское подводное оружие». Мне очень хочется вспомнить с Пал Палычем события нашей жизни, состоявшиеся уже четверть века назад…

Сотрудники Петроградского РО на боевых стрельбах

На праздновании 70-летия ВЧК-КГБ в райотделе

Мой рассказ о Петроградском районном отделе был бы совершенно неполным, если бы я не упомянул нашу единственную женщину – секретаря отдела Елену Борисовну Спицину. Эту замечательную женщину, нет, еще молодую девушку, я впервые увидел в 1978 году во время празднования в Красном зале Большого дома 60-летия ВЛКСМ.

Мероприятие ломало стереотипы того времени. Впервые на памяти управленческих ветеранов на сцене Красного зала под большим настенным барельефом В.И. Ленина молодые комсомольцы красиво исполняли под гитару патриотические песни, читали стихи. В качестве одного из лучших чтецов и исполнителей песен мне запомнилась Елена Борисовна. В то время я не знал Спицыну по имени-отчеству и не ожидал, что нам предстоит вместе работать. Лена, как чаще ее называли, была милой, весьма симпатичной молодой женщиной и молодой мамой. Ее короткая стрижка, ямочки на щеках и яркие, выразительные глаза делали ее в то время (так же как и сейчас) значительно моложе своих лет. Муж Лены был сотрудником КГБ, они познакомились и создали семью во время службы в одном из вспомогательных оперативных подразделений.

Елена Борисовна была исключительно оптимистичной, позитивно настроенной, работящей сотрудницей. Она прекрасно знала все премудрости секретного делопроизводства, в ее работе никогда не было никаких недочетов. Спицина прекрасно разбиралась в личных и деловых качествах каждого сотрудника. Была остра на язык, могла по-доброму подколоть и даже отчитать тех, кто недорабатывал в вопросах делопроизводства, где Елена приблизительности не допускала. Причем отчитывала человека независимо от должности и звания в своей фирменной, элегантной манере, на которую невозможно было обижаться.

Наш секретарь была удивительно работоспособной и трудолюбивой. Помню, как будто это было вчера: Спицина болтает, шутит, как говорится, «чешет языком», одновременно штампуя и заклеивая конверты с секретной почтой, регистрируя документы. Елена Борисовна никогда не давала повода упрекнуть ее в том, что она влезла в оперативные дела, давала оценку результатам служебной деятельности оперработников. Но в частных беседах или в выступлениях на партийных собраниях могла высказать прямо в лицо коллеге обоснованные претензии и замечания, невзирая на звание, делая это предельно корректно. Упрекнуть ее в необъективности, защите «любимчиков» было просто невозможно.

В декабре 1987 года мы с Н. П. Патрушевым приняли смелое по тем временам решение: в условиях тотальной борьбы с алкоголем, навязанной тогдашним «минеральным» секретарем ЦК КПСС Горбачевым, провести праздник дня ЧК 20 декабря в одном из районных кафе. Нам пришлось просто по граммам рассчитывать количество алкоголя «на душу сотрудника и его жены», чтобы не получить возможных отрицательных последствий. Николай отстаивал право проведения праздника для молодых сотрудников и их жен у руководства Управления, понимая

свою ответственность. Ведь если бы что-то, не дай бог, произошло с подвыпившим сотрудником, с организовавшего застолье начальника спросили бы по полной программе. К счастью, наш дебют, по общему мнению, оказался удачным. Большим успехом у жен пользовалась самодеятельная стенгазета, на которой при помощи коллажей фотографий и заголовков из газет и журналов с юмором были представлены все сотрудники районного отдела. Елена Борисовна Спицина, которая сразу расположила к себе наших жен, давала свои уточняющие комментарии.

Одной из первых была Лена в проведенном для жен конкурсе по стрельбе из пистолета. Правда, это «нетабельное» оружие стреляло по мишени присосками, но от этого азарт наших супруг, которым «решением командования было доверено впервые взять в руки оружие», ничуть не уменьшался. Победителям были вручены грамоты «за отличную стрельбу», проигравших на этом почти безалкогольном вечере не было. Интересен тот факт, что Елена Борисовна смогла сохранить ту самую стенгазету, которую мы с Сергеем Мельниковым делали до глубокой ночи накануне праздника. Несколько лет назад инициативная группа бывших сотрудников райотдела проводила встречу, на которую Лена была приглашена, как сейчас говорят, в качестве «специального гостя». Уже совсем немолодые мужчины, рассматривая привезенную Леной газету, радовались, как дети, вспоминая те редкие моменты счастливого досуга периода службы в органах КГБ.

О том, каким уважением пользуется наша Лена-Леночка, говорит тот факт, что в марте 2015 года четверо немолодых джентльменов за один день собрались и организовали для Елены Прекрасной в кафе «Салхино» на Петроградской стороне персональный праздник в честь 8 марта, встретив ее у метро «Горьковская» сразу после окончания службы. А ведь выслуги в КГБ у Елены Борисовны Спициной ни много, ни мало 44 (!) года!!!

ЧЕКИСТСКАЯ МОЗАИКА

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.
(Евгений Евтушенко)

Яркие, самобытные, оригинальные сотрудники служили в различных подразделениях Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Попробую рассказать о тех из них, кто наиболее запомнился мне

С. В. Харитонов

и оставил заметный след в истории УКГБ ЛО.

Со Станиславом Васильевичем Харитоновым (1949 г. р.) я познакомился и подружился еще во 2-й службе. Станислава отличала особая основательность и житейская мудрость. Высокий, широкоплечий, с красивыми темными волосами, Станислав говорил неспешно, «с расстановкой», как бы «разжевывая» собеседнику свою позицию по обсуждаемому вопросу. При этом он зачастую добавлял, причем очень уместно, тонкие ироничные замечания, украшавшие его речь, дополняя свои аргументы обаятельнейшей улыбкой. Во второй службе Харитонов занимался вопросами контрразведывательной защиты секретов на оборонных предприятиях.

В сентябре 1987 года мне довелось в течение месяца учиться со Станиславом в одной группе на курсах повышения квалификации руководящего состава в Высшей школе КГБ. Эти курсы были организованы для руководителей районных подразделений госбезопасности. Я совершенно не удивился тому обстоятельству, что Харитонов С. В., незадолго до учебы назначенный на должность начальника Калининского райотдела, занял в нашей группе лидирующие позиции, несмотря на то обстоятельство, что с нами вместе учились весьма и весьма амбициозные сотрудники КГБ Украинской ССР.

Станиславу было чем поделиться с точки зрения чекистского опыта работы «на земле», в районном отделе, рассказать о реально достигнутых результатах. Моя память с особой теплотой хранит совместные посещения со Станиславом Васильевичем спектаклей московских театров. Особенно сильное впечатление на нас произвел и запомнился знаменитый спектакль театра на Таганке «Добрый человек из Сычуани», с которого, собственно, и начинал свою славную жизнь театр режиссера Юрия Любимова.

В один из солнечных, теплых сентябрьских дней мы вдвоем с Харитоновым, как когда-то делали в школьные годы, «сбежали» с обязательной самоподготовки и поехали на метро в Лужники, чтобы посетить Новодевичье кладбище. До сих пор помню запах опавших осенних листьев на могилах А. П. Чехова и В. М. Шукшина. В памяти всплывает памятник генсеку ЦК КПСС Никите Хрущеву работы скульптора Эрнста Неизвестного: бюст, стоящий на постаменте из белого и черного мрамора… Мы посетили кинотеатр «Лужники», расположенный под трибунами одноименного стадиона, где смотрели кинофильм Луиса Бюнюэля «Скромное обаяние буржуазии». Потом долго гуляли по набережной Москва-реки, обсуждая непростую для понимания кинокартину.

Совершенно естественно, что благодаря своему авторитету именно Харитонов С. В. многие годы возглавлял Клуб офицеров спецслужб отечества (КОССО), первым президентом которого был нынешний губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. Человеку с его профессиональным опытом и человеческой харизмой проще, чем любому другому, быть «первым среди равных». Станислав занимался издательской деятельностью, выпуская в свет редкие книги, «штучный товар», делая эту работу отнюдь не ради заработков. Мы не так часто видимся последнее время, но мне всегда приятно поздравить его с днем рождения, услышать в свою очередь добрые слова старого друга в свой ежегодный праздник.

Гораздо чаще мне удается созваниваться и встречаться с моим старым другом еще студенческой молодости – Михаилом Евгеньевичем Московским (1948 г. р., фамилия изменена), полковником в отставке, закончившим свою службу в качестве начальника одного из райотделов города, проработав в районе ни много – ни мало 15 лет. Михаил Московский был своеобразным дуайеном корпуса начальников районных подразделений Управления ФСБ.

Михаил еще во время службы в Советской армии научился отвечать за людей, руководить ими. Поэтому уже с первого курса юридического факультета, где мы вместе учились, начиная с 1969 года, он был старостой группы. Наши однокашники до сих пор с уважением вспоминают справедливого, требовательного, но очень доброго старосту Михаила.

Московский был фанатично предан футболу, играл на поле отчаянно, не жалея себя, стараясь не проиграть ни одного единоборства. Он много забивал голов, но даже в пылу борьбы был всегда корректен, даже когда захлестывали эмоции. Невысокого роста, коренастый, Михаил крепко стоял на ногах, говорил рассудительно и убедительно. Вместе с Мишей во время учебы в ЛГУ мы были актерами нашего самодеятельного Студенческого Театрально-Эстрадного Коллектива («СТЭК»), очень популярного в годы нашей молодости среди студентов-юристов. Михаил прекрасно справлялся со своими ролями, умел вызывать смех, рассказав свежий анекдот или забавную жизненную историю.

На наших традиционных вечерах встречи студентов-юристов

1974 года выпуска Михаил Евгеньевич пользуется большим уважением, никогда не покидает компанию без интересного, остроумного тоста. Он по-прежнему болеет за «Зенит», умеет дать тонкую, профессиональную оценку качества состоявшегося футбольного матча. Мне всегда очень приятно и по-человечески радостно общаться с Михаилом. Хотелось бы, чтобы эти встречи были более частыми.

А. А. Тягунов

Я не знаю ни одного оперативника, служившего в УКГБ ЛО в одно время со мной, кто не был бы знаком с сотрудником оперативно-технической службы Александром Анатольевичем Тягуновым (1951 г. р.). Широкоплечий, крупный мужчина с пышными усами (в те годы), рано начавший терять волосы, Александр никогда не терял чувства юмора и оптимизма. Он прослужил в органах госбезопасности ровно 25 лет с 1975 по 2000 год.

Выпускник Московского полиграфического института, Александр Тягунов своими золотыми руками при необходимости мог изготовить любой документ, даже удостоверение Президента США или пропуск в Ватикан к папе Римскому, если только ему предоставили бы копию образца и дали немного времени, чтобы он поколдовал в своем чуланчике, где работал всегда при закрытых дверях.

Саша очень полюбил ездить на молодежные туристские слеты, мгновения которых мы часто вспоминаем на заседаниях клуба «Дом-4». Разве можно забыть наше купание на озере Зеркальное после игры в футбол? Мы принимали «водные процедуры», сидя на маленьком деревянном плотике, намыливаясь хозяйственным мылом. Затем кто-либо, смеясь, резко переворачивал плотик, мы падали в чистую теплую воду, успевая под водой подхватить мыло. Мы веселились, проживая редкие мгновения спокойной, умиротворенной жизни, были молоды, сильны, красивы, свободны от условностей: субординации, воинских званий, ответственности, которая всегда лежала на плечах чекистов тяжелым, невидимым грузом. Никогда ни на каких пляжах зарубежных теплых морей я не испытывал такого удовольствия, такой Свободы и Счастья. Только мы вдвоем с Сашей Тягуновым храним в наших сердцах память об этих давно ушедших в прошлое мгновениях.

В 1980 году мне повезло подружиться крепкой мужской дружбой с Олегом Александровичем Буровым (1949–2007 гг.), с которым мы одновременно получили свои первые в жизни отдельные квартиры в одном доме. Олег, уроженец Лодейного Поля Подпорожского района Ленинградской области, высокий, широкоплечий блондин с пышным усами очень походил на викинга, жителя Севера. Буров был выпускником ЛИИЖТа (факультет мосты и тоннели) и сразу же после окончания вуза служил как лейтенант запаса в железнодорожных войсках в районе Вологодской железнодорожной станции Кадуй, где строил мост. Там он и познакомился со своей будущей женой Ириной, создал семью, а по возвращении из армии был зачислен для службы в УКГБ ЛО.

Олег, исключительно уравновешенный, спокойный, доброжелательный человек, понравился мне с самой первой встречи. Мы подружились семьями, отмечали в квартирах друг друга государственные праздники и дни рождения. Олег удивлял своей выдержкой, когда исключительно терпеливо и доходчиво объяснял своей темпераментной жене Ирине серьезность и ответственность его работы, которая требует полной самоотдачи. Впрочем, у него хватало времени и на воспитание дочек Наташи и Вали, которые росли исполнительными, послушными «папиными» дочками.

В новогодний праздник встречи 1982 года Олег Буров привел в полный восторг посещавших мою квартиру супругов Карен и Йохана Тренч, чекистов из ГДР, с которыми мне доводилось работать. Карен просто визжала от одного вида «русского богатыря», восхищаясь добротой, радушием, щедростью и хлебосольством Олега Бурова. Экономные, расчетливые, неэмоциональные немцы были поражены размахом, с которым были приняты «братьями по оружию». Эти впечатления были для них гораздо сильнее, чем катание на санях в интуристовском мотеле «Ольгино», где они проживали. Через много лет я встретился с Карен в уже объединенном Берлине. Об Олеге Бурове она вспоминала самыми добрыми словами, восторгаясь широтой его русской души и обаянием.

На своей работе в четвертой службе, осуществлявшей контрразведывательные мероприятия на объектах транспорта, Олег Александрович был на очень хорошем счету, как исключительно ответственный, исполнительный, дисциплинированный сотрудник. Я был искренне рад за Олега, ушедшего на пенсию из Управления ФСБ в звании подполковника, за то, что он сумел занять достойное место руководителя службы безопасности Октябрьской железной дороги. Общаясь с ним по деловым

профессиональным вопросам экономической безопасности «Транс кредит банка», где мне довелось служить в начале 2000-х годов, я видел, каким авторитетом и уважением пользовался Олег Буров среди железнодорожников со стажем. Олег спокойно, «без напряга» руководил коллективом подчиненных, подобранным из числа бывших сотрудников КГБ.

К сожалению, такие люди, как Олег Буров, сильные, харизматичные личности со своей позицией, не всегда бывают в фаворе у руководителей, особенно чванливых, самоуверенных людей, склонных не руководить, а подчинять, командовать. Олег, гордый человек, никогда не позволявший унижать себя и унижаться, вынужденно ушел из ОЖД, очень сильно по этому поводу переживая, но никому не жалуясь и не рассказывая о своих обидах.

Олегу удастся найти применение своим профессиональным качествам. Его пригласили на работу в одну из крупных частных транспортных компаний, где он очень быстро освоился, был оценен, как профессионал. У него начала складываться давшая трещину личная жизнь. Казалось, что все худшее, трудное позади. Однако внутренние переживания сильного, мужественного человека зачастую дают неожиданную, неблагоприятную реакцию организма. Буров заболел тяжелым онкологическим заболеванием. Не случайно французы называют рак «болезнью обид и печали».

Олег мужественно, стойко боролся с болезнью, тщательно скрывая ее от друзей и сослуживцев. В течение нескольких месяцев он находил предлоги для переноса нашей встречи, не желая, чтобы я догадался о его физическом состоянии и увидел его больным и слабым. Наша встреча состоялась уже после его смерти в августе 2007 года в морге больницы Святого Георгия, где старые друзья чекисты простились со своим верным товарищем. Для пришедших на прощание с Олегом сослуживцев из 4-й службы новость о его смерти была совершенно неожиданной и неправдоподобной. Все, что мы могли сделать, это достойно проститься с замечательным, чистым человеком. Светлая тебе память, Олег! Пусть земля тебе будет пухом…

Думаю, что не только я, но и десятки других коллег-чекистов добрым словом вспоминают сотрудника так называемого «водного» отдела четвертой службы Владимира Петровича Харина (1943 г. р.). Выпускник знаменитой Морской академии имени В.О Макарова, в прошлом моряк загранплавания, он по своей работе курировал суда Балтийского морского пароходства, совершавшие пассажирские торговые перевозки

за границу. «Петрович», как по-доброму звали его многие сослуживцы, был невысоким, крепким, внешне строгим и собранным человеком со сдвинутыми к переносице бровями, однако прекрасно умел смеяться и обладал замечательной улыбкой. Владимир обладал характерным голосом со своеобразной «картавинкой».

Жена В. П. Харина – Тамара также служила в Большом доме, преподавая английский язык. Очень многие мои сослуживцы вспоминают Тамару Алексеевну, энергичную, словоохотливую, трудолюбивую женщину самыми добрыми словами. Ведь Т. А. Харина давала азы английского языка, необходимые для поступления в 101-ю школу КГБ (разведка). Мне повезло жить в летний период с семьей Хариных на служебной даче, где у нас была возможность неформального общения.

Владимир Петрович был очень общительным, контактным и щедрым человеком. Он мог, проходя по коридору, повстречать своего коллегу и сказать: «Приходи ко мне, повзаимодействуем!» Во время разговора он интересовался теми или иными служебными вопросами общего плана. После окончания встречи посетитель кабинета Харина уходил с подаренными ему шариковыми ручками BIC,«мазилкой» для корректировки текстов, т. н. меловыми «отбивалками», для исправления опечаток в текстах, напечатанных на пишущей машинке, испытывая искреннюю благодарность Харину. Ведь выбор канцелярских принадлежностей в те годы был очень и очень скромен. Помню, одноразовые импортные ручки BIC иногда ухитрялись заправлять кустарным способом 2-3 раза!

Свою карьеру чекиста Владимир закончил в звании полковника, несколько лет прослужив в качестве офицера безопасности в посольстве одной из европейских стран. К семье Хариных в УКГБ ЛО относились с симпатией и уважением. Владимир Петрович всегда является желанным гостем на традиционных декабрьских праздничных встречах в клубе «Дом-4».

Владимира Александровича Александрова (1952 г. р.), сотрудника 6-й службы (контрразведка на объектах оборонной промышленности) в 5-й службе называли «другом нашего отделения». Правильнее сказать, В. Александров был другом и однокурсником нашего сотрудника Вадима Нифатова. Оба они учились на одном курсе в Кораблестроительном институте. Вадим и Владимир практически одновременно были зачислены в штат УКГБ ЛО, правда, в совершенно разные службы.

В. Александров – начитанный, эрудированный человек, увле-

ченный литературой и изобразительным искусством, просто мечтал работать в нашем отделении, но вынужден был заниматься защитой государственных секретов в судостроительной отрасли промышленности.

В. А. Александров

Высокий, «видный», улыбчивый молодой человек с мягкой, интеллигентной манерой общения, отличным чувством юмора, Владимир Александров однозначно подходил для работы в среде творческих союзов. Однако мы, сотрудники КГБ, не могли себе позволить выбирать места работы или своих начальников. Поэтому Владимир так любил заходить в наши кабинеты, чтобы перебросится двумятремя фразами о новых театральных и кинопремьерах, о публикациях в журналах «Иностранная литература» или «Роман-газета». С ним было очень приятно общаться. В. Александров всегда соблюдал субординацию, обращаясь ко мне на «вы», несмотря на то что мы были ровесниками по возрасту. Так было принято в нашем Управлении КГБ. До сих пор (уже боле 30 лет!) я общаюсь со многими своими бывшими подчиненными на «вы», а с Владимиром мы перешли на «ты», только отметив свое 60-летие.

Владимир очень скоро стал одним из активнейших членов нашего управленческого «Общества книголюбов». Он организовывал для сотрудников так называемые читательские конференции с приглашением известных писателей, а, главное, с организацией продажи дефицитной в то время художественной литературы. Владимир обладал очень хорошим литературным стилем подготовки аналитических документов. Позднее В. А. Александров возглавил пресс-службу Северо-Западного отделения Федеральной налоговой полиции, работая под руководством Георгия Сергеевича Полтавченко. Под началом нынешнего губернатора Санкт-Петербурга Александров также служил в представительстве Президента РФ в Центральном федеральном округе. Свою государственную службу Володя Александров закончил на посту начальника департамента по работе со СМИ представительства Президента РФ в Центральном федеральном округе.

Сейчас, будучи пенсионером за 60 лет, Владимир Александров замечательно выглядит. На его шее с легкой небрежностью повязан воздушный шарфик (как и положено представителю творческой интеллигенции), он по-прежнему в курсе всех литературных новинок и театральных премьер, сам организует культурологические программы. С Владимиром так же, как и много лет назад, легко и приятно общаться.

Самобытных, творческих людей в Большом доме было не мало. В 1977 году по инициативе Корсакова А.П. меня направили на новый участок общественной работы – назначили заместителем председателя культкомиссии УКГБ ЛО. Целью этой общественной организации было «удовлетворение культурных потребностей сотрудников в целях повышения эрудиции и общего уровня культуры». Председателем культкомиссии, состав которой утвердил партком Управления, был очень уважаемый, зрелый сотрудник Петр Алексеевич Гнесь, уже ушедший из жизни. Его энергии, умению организовать людей и провести конкретные мероприятия, «направленные на положительный результат», можно было только позавидовать. Мне повезло работать с Петром Алексеевичем в качестве его заместителя в культкомиссии, организуя яркие мероприятия, проводившиеся в те годы ее членами для сотрудников Большого дома.

Многие герои этого очерка помнят посещение спектаклей в театрах имени В.Ф. Комиссаржевской и Ленсовета, БДТ имени Горьконо, Кировском театре оперы и балета, проводившихся «для сотрудников Управления КГБ СССР по Ленинградской области» (так писалось на афишах, изготавливавшихся к спектаклям строго в количестве 20 экземпляров!). Петр Алексеевич Гнесь (1934-2008 гг.) обладал бесподобной работоспособностью, заражал своей энергией, умел доверять инициативам своих подчиненных и нести ответственность в случае промашек и недоработок. Он искренне желал, чтобы работа культкомиссии помогала сотрудникам в воспитании детей. Наша комиссия в обязательном порядке обеспечивала все без исключения подразделения Управления, особенно негласного штата, билетами на новогодние представления в «Цирк на Фонтанке», «Театр Юного Зрителя», на спектакли «Театра кукол-марионеток» и «Кукольного театра сказки». Кроме этого удавалось доставать также билеты на самую престижную в те годы «Новогоднюю елку» во Дворце пионеров в Аничковом дворце.

Через Петра Алексеевича я познакомился с двумя сослуживцами Гнеся, которых он привлек для работы в общественной структуре. Александр Андреевич Григорьев (1949–2009 гг.) и Сергей Васильевич Карпекин (1947 г. р.) были знакомы друг с другом и дружили с раннего детства, познакомившись в спортивной секции, где занимались конько-

бежным и велосипедным спортом. Оба закончили Военмех, оба пришли на службу в УКГБ ЛО, практически в одно и то же время были командированы в Афганистан, с достоинством выполнив свой воинский и чекистский долг. Примечательно, что сам Петр Алексеевич, который уже был не молод, также прошел через командировку в ДРА, стойко перенес все тяготы службы в этой суровой по климату стране, преодолев все опасности для жизни и здоровья.

20 декабря 2010 года я поздравил с днем рождения А. В. Горлинского в его кабинете в Большом Доме и вручил ему собранный мной, напечатанный в издательстве «Веды» сборник афоризмов «Мудрые смысли». В ответ Александр надписал мне книгу «Чекисты Ленинграда в Афганистане 1979-1989» со своим очерком. Эту книгу я прочитал «от корки до корки» накануне новогодних праздников, открывая для себя неизвестные страницы биографии своих товарищей по службе в УКГБ ЛО.

Особые чувства я испытал, читая очерк Сергея Карпекина «Афганские записки», рассказывающий о суровых буднях афганской войны. Один из эпизодов этих воспоминаний растревожил мою душу: Сергей написал о том, как в ночь с 30 на 31 декабря 1983 года разговаривал с Сашей Григорьевым, вспоминая их общее детство, студенческую юность и службу в Большом доме, «как уже в Управлении КГБ вместе с Пашей Кошелевым делили между подразделениями билеты в театры». В моей памяти всплыл эпизод, когда мы втроем сидели поздним вечером в моем кабинете в следственном отделе, стараясь как можно справедливее распределить билеты в Кировский (Мариинский) театр. Устав, как говорится, «до чертиков», мы спонтанно запели песню Булата Окуджавы.

По меньшей мере, странно и удивительно было слышать контролерам следственного изолятора трио молодых, усталых голосов:

Надежда, я вернусь тогда,
Когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит
И острый локоть отведет…

Я не удержался и позвонил Сергею Карпекину по телефону, чтобы поделиться своими впечатлениями от прочитанного очерка, его искренних стихов. Долго-долго разговоривая, мы, удивлялись, что один из нас не знал о стихотворном творчестве другого, а второй один-единственный раз слышал пение своего товарища из культкомиссии. Мы оба

сокрушались по поводу того, что уже нет с нами на этой земле Александра Григорьева, генерал-полковника, в прошлом начальника Управления ФСБ, начальника федерального агентства «Росрезерв», товарища и друга нашей чекистской молодости. А после телефонного разговора я вновь перечитал стихи Сергея Карпекина, написанные в Афганистане:

Я поднимаю высоко бокал
За нашу службу, боевых друзей,
За тех, кто на посту стоит сейчас
Вдали от Родины, которой нет родней!

Пью, опер, за тебя, мой младший брат!
Успех придет в бою, будь молодцом!
Не ценность – бриллиант во сто карат:
Пусть крепким будет тыл, надежным дом!

Пью за тебя, коллега-ветеран!
Ты по глазам – все тот же, оптимист!
Не унывай, дружище, ты всегда,
Как был, так и останешься ЧЕКИСТ!

Подполковнику Сергею Васильевичу Карпекину есть, что вспомнить о своей службе в органах государственной безопасности. За службу в «горячей» точке ДРА он носит на мундире орден Красной Звезды и афганскую медаль «За отвагу». Во время работы в качестве сотрудника действующего резерва КГБ СССР в НИИ Арктики и Антарктики Сергею довелось дважды побывать на Северном полюсе и Новой Земле, а также в Антарктиде. На традиционные встречи ветеранов разведки Карпекин всегда приходит с новыми стихами, которыми радует своих бывших сослуживцев. Я верю: нам есть, что спеть, есть, что вспомнить, Сергей!

Одним из самых оригинальных поздравлений с Новым 2016 годом для меня (по сложившейся традиции) было СМС Игоря Николаевича Зуева (1947 г. р.), полное доброго юмора и легкой иронии. Игорь не отказывается от права пошутить уже не один десяток лет, независимо от занимаемых постов. А этих руководящих постов в жизни полковника запаса Зуева И. Н. было немало: в кадровом аппарате УКГБ ЛО, где довелось работать под началом самого А. П. Корсакова; в качестве начальника одного из районных отделов УКГБ; в должности руководителя

департамента судебных приставов; на посту ответственного работника Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Игорь всегда, на всех местах своей работы был готов оказывать помощь и содействие коллегам, причем не только в решении оперативных вопросов. Скольким счастливым обладателям «Жигулей» из числа сотрудников Большого дома И. Н. Зуев помог в «доставании» запасных частей и ремонте, когда он служил в Красносельском районном отделе, где располагался автоцентр «Лада-Питер» Причем сам при этом автомобиля в собственности не имел!

Я знаю, если мне потребуется в чем-то помощь Игоря, можно не сомневаться, что он не откажет, как это было уже не раз. Больше всего мне запомнилось, как он, не раздумывая и не колеблясь, пришел на помощь нашему подразделению, когда мы проводили одно сложное оперативное мероприятие, в успехе которого сыграл фактор личного знакомства И. Зуева с одним из фигурантов. Нам с Игорем пришлось более двух часов в коммунальной квартире попеременно вдвоем петь песни В. Высоцкого под гитару, распивая водку «на троих» с человеком, не подозревавшим, что он «поет под дудку» сотрудников КГБ!

После успешно проведенного оперативного мероприятия Игорь, всегда отличавшийся доброжелательной ироничностью, сказал по поводу моих «песенных талантов»: «Ну, Паша, теперь я понимаю, за что тебя девушки в машинописном бюро любят!» Действительно, в машинописном бюро, являвшемся очень важным подразделением Секретариата УКГБ ЛО, ко мне было хорошее отношение, но связано это было не только с моим умением петь песни под гитару на туристских слетах. Зная о своем огромном, до сих пор не устраненном, недостатке – плохом, неразборчивом почерке, я с первого дня службы стремился «задобрить» молодых, симпатичных машинисток нашего машинописного бюро.

«Королевой» и руководителем этого специфического женского коллектива была Валентина Дмитриевна Рогозина (1942 г. р.), профессионал высшей категории, работавшая за электрической пишущей машинкой с такой же скоростью, как пулеметчица Анка из кинофильма «Чапаев» «косила» из пулемета «Максим» белогвардейские цепи. В те годы еще молодая, симпатичная, энергичная, привлекательная, сухопарая женщина с короткой стрижкой, была в машбюро настоящим командиром. Я впервые познакомился с ней, когда принес на печать свои первые оперативные документы. Не помню дословно, что сказала мне Валентина, поглядев из-под очков, которые она постоянно носила, по

поводу моего почерка и небрежности оформления черновика документа. Я понял по ее тону и обоснованной требовательности, что лучше даже не пытаться спорить, сразу признав ее правоту.

Валентина, как звали ее все сотрудники, обладала отличным чувством юмора, хорошо, заразительно смеялась, услышав удачную шутку. Работа машинистки просто спорилась в ее руках, но она успевала еще и руководить коллективом, состоявшим совсем еще из молодых девчонок 18–19 лет, только-только закончивших профтехучилища по специальности «секретарь-машинистка». Наши кадровики еще на стадии обучения изучали молодых девушек на предмет их профессиональной пригодности для работы в Управлении КГБ. Им необходимо было учесть не только профессионализм, но также идейную убежденность и психологическую устойчивость молодых сотрудниц. Какой поток информации, в том числе и негативной, с первых дней работы упал на их хрупкие, почти детские плечи! Стоит отметить, что никаких утечек информации (вольных или невольных) со стороны сотрудниц машинописного бюро никогда зафиксировано не было.

Я видел, общаясь с работницами машбюро по линии комитета комсомола, как они гордились, что в числе лучших выпускниц ПТУ № 90 были отобраны для службы в Управление КГБ! Многие машинистки не ограничились своей специальностью, в то время весьма востребованной, став секретарями оперативных служб и заместителей начальников УКГБ ЛО: Наташа Русинова, Оля Русак, Люда Иванова, Таня Пикула, Ира Антропова. Совмещая работу с учебой, сумела получить высшее филологическое образование Наташа Лиханова. Надюша Барсиева стала опытным, мудрым, востребованным кадровым работником. Окончила юридический факультет Университета и стала известным в городе адвокатом Света Овчинникова. Мне всегда очень приятно встречаться с этими замечательными девушками, вспоминая нашу молодость, прошедшую в стенах Большого дома.

На руководящей работе в секретариате УКГБ более 15 лет трудился полковник Владимир Александрович Тулиев (1937 г. р.). В прошлом следователь-профессионал, Владимир Александрович был высокоорганизованным и собранным человеком, досконально знавшим все особенности секретного делопроизводства и нюансы взаимоотношений с руководством Управления. Высокий, уже начавший слегка сутулиться, он с большим достоинством ходил своей раскачивающейся «матросской» походкой по коридорам Большого дома. Иногда он мог остановиться, чтобы поздороваться с кем-либо из знакомых ему сотрудников

и перебросится двумя-тремя фразами. Его громкий, своеобразный, «скрипучий» голос можно было услышать из дальнего конца коридора.

Владимир Александрович хорошо был известен по своей должности практически всем сотрудникам УКГБ ЛО, но подавляющему большинству в те годы он казался недоступным и очень строгим. Многие ветераны, ставшие членами клуба «Дом-4», регулярно встречаясь с Тулиевым на наших ежемесячных встречах, были приятно удивлены его простотой человеческого общения, а также присущим ему чувством юмора и доброй иронии. Тулиев не один раз высказывал на правлении клуба интересные предложения по улучшению и разнообразию нашей клубной работы. Мы желаем Владимиру Александровичу, уже достигшему солидного возраста, крепкого здоровья и долгих лет содержательного, душевного общения на клубе «Дом-4».

В. Н. Груздев

Когда последние годы мне удается прийти в здание Большого Дома в день работников органов безопасности Российской Федерации, я обязательно встречаюсь с Владимиром Николаевичем Груздевым (1946 г. р.). Освобожденный секретарь комсомольской организации крупного оборонного завода «Красный октябрь», Владимир пришел в органы государственной безопасности по рекомендации Выборгского РК ВЛКСМ в 1971 году. Местом работы молодого историка по образованию стала 5-я служба, в которой Владимир Николаевич сумел реализовать свою партийную, идейную убежденность, а также глубокие знания всемирной истории, что было очень важным для его участка работы.

Среднего роста, темноволосый, благодаря своей внешней «солидности» и крупным роговым очкам Груздев походил на университетского профессора. Это впечатление только дополняла манера речи Владимира: с расстановкой и своеобразной замедленной жестикуляцией, как бы подчеркивающей аргументы В. Н. Груздева. Деловые качества Владимира – уравновешенность, ответственность, умение грамотно писать аналитические документы, были замечены начальником 5-й службы В. И. Полозюком, который назначил его своим референтом. С этими обязанностями Владимир справлялся весьма успешно. Часто руководители направляли его с выступлениями на политические темы в Горком КПСС, где Груздеву приходилось читать лекции перед так называемым

партийным активом. Благодаря этому опыту он стал лектором общества «Знание», а затем принял решение поступить в аспирантуру ВКШ имени Дзержинского в Москве.

Зная скрупулезность и ответственность Груздева, могу с уверенностью сказать, что материалы его диссертации на тему «Предотвращение подрывного идеологического воздействия на сознание советских граждан», несомненно, были бы востребованными сотрудниками идеологической контрразведки. Однако наступило время горбачевской Перестройки, и вся тематика исследований на идеологические темы была закрыта. Мы помним, что благодаря лихой, непродуманной политике генерального секретаря ЦК КПСС мы разоружались по всем направлениям, в том числе идеологически. Как считал Горбачев, а за ним Ельцин, идеология была нужна советским людям и совершенно оказалась, по их мнению, ненужной россиянам. Какие мы от этого испытываем последствия, каждый может сделать вывод сам…

Владимир Николаевич Груздев после московской аспирантуры перешел на преподавательскую работу на высшие курсы КГБ, ставшие Институтом ФСБ РФ, где усовершенствовал свое умение выступать публично, делясь со слушателями спецшколы и института своими глубокими практическими знаниями в сфере контрразведки. В институте раскрылись его организаторские и преподавательские таланты: он создал и долгих девять лет руководил издательством Института ФСБ, будучи начальником редакционно-издательской группы. Работал Владимир в качестве начальника учебно-методического отдела под руководством заместителя директора Института ФСБ по науке Александра Ивановича Галкина, в прошлом замечательного кадрового работника, воспитанника А. П. Корсакова. А. И. Галкин и В. Н. Груздев осуществили настоящий прорыв в деле организации и оказания методической помощи в проведении специальной чекисткой учебы в органах ФСБ Северо-Запада России.

После ухода в отставку в 2003 году с должности заведующего кафедрой оперативной деятельности полковник Груздев не порвал свои связи с Управлением ФСБ. Уже более 12 лет Владимир является заведующим залом истории Управления ФСБ, создав своим трудом своеобразный музейный комплекс, в который входит Комната Боевой Славы с «Книгой Памяти», музейная экспозиция в зале заседаний Совета ветеранов Управления ФСБ. Владимир Николаевич водит экскурсии по исторической экспозиции и зданию Большого дома, выступает в качестве талантливого рассказчика в телевизионных фильмах и передачах,

поддерживает контакты с семьями чекистов – Героев Советского Союза и Российской Федерации.

В 2016 году Груздев В. Н. встретит свой 70-летний юбилей, с которым его обязательно поздравят боевые товарищи по службе в КГБ-ФСБ, любящая жена, две дочери и две внучки.

Я надеюсь на то, что в обновленной экспозиции музея УФСБ будет представлена информация о жизненном пути замечательной женщины – Зои Александровны Дмитриевой (1923–2012 гг.). Она была по-своему уникальной женщиной. Восемнадцатилетней девушкой пришла в Большой дом в 1941 году, где работала в секретариате и других вспомогательных службах в течение всей блокады Ленинграда. На фотографии тех лет в объектив смотрит совсем еще молодая девчушка в армейском берете, из-под которого торчат кудряшки волос. Кажется, что она с трудом собралась, чтобы не улыбнуться и сохранить серьезность на лице, хотя военное, блокадное время к улыбкам не располагало.

З. А. Дмитриева

В 1974 году, когда я познакомился с Зоей Александровной, ей было уже больше 50 лет, она служила в должности секретаря 5-й службы. Солидные полковники и подполковники знали и уважали Зою Александровну, как прекрасного специалиста по ведению секретного делопроизводства, ответственного, трудолюбивого секретаря. Мы с моим коллегой по отделению из 2-й службы Игорем Н. налаживали с Дмитриевой «личный контакт», стараясь в чем-то угодить ей, поскольку частенько обращались к ней за помощью в приобретении билетов в театры. Мы пытались задобрить Зою Александровну, ни в коем случае не заискивая перед ней. Фальши и подхалимства строгая, требовательная З.А. Дмитриева не терпела. В то же время при всей своей внешней строгости она могла пошутить, в эти минуты обаятельно, слегка сдержанно улыбаясь: «Ну что ты, Кошелев с Игорем все время парочкой, как Шерочка с Машерочкой ходишь?»

Несмотря на свой возраст, и в 50, и в 60, и в 70 лет З. А. Дмитриева бодро и энергично ходила по коридорам Большого дома, разнося секретную почту и документацию. Интересно, смог бы сосчитать какой-нибудь компьютер, сколько тысяч километров она прошла по коридорам Большого дома на Литейном, 4?.. Уверен, что результат можно было бы заносить в книгу рекордов Гиннесса!

Мы, оперативные работники, практически ничего не знали о личной жизни Зои Александровны, зато о нашей жизни, работе, взаимоотношениях в коллективе Дмитриева знала почти все. От ее внимательного взгляда не ускользала ни одна мелочь. Она легко могла подметить перемену настроения у оперуполномоченного, у которого не получалась работа или что-то не ладилось во взаимоотношениях в коллективе. Дмитриева никогда не расспрашивала, «не лезла в душу», но могла двумя-тремя фразами чисто по-женски, по-матерински поддержать и взбодрить.

Зоя Александровна прослужила в органах государственной безопасности более 50 лет! На встречах ветеранов 5-й службы, когда седая, но сохранившая осанку женщина входила в кабинет, все ветераны встречали ее восторженными возгласами и начинали поднимать свои рюмки и произносить тосты во здравие и славу нашей любимой, единственной и неповторимой Зои Александровны.

На отпевание и похороны З. А. Дмитриевой пришли сотни бывших сотрудников 5-й службы, чтобы со скорбью проститься с женщиной, всю свою жизнь отдавшей служению органам государственной безопасности, ставшей для всех нас больше, чем просто секретарем-делопроизводителем. Я поминаю Зою Александровну каждый раз, проезжая мимо ее могилы на Большеохтинском кладбище, молюсь за ее вечную память…

Мои сослуживцы, как и я сам, достигли возраста, когда все чаще начинаешь задумываться о вечном: как прожил жизнь, чего достиг, что оставишь после себя своим детям и внукам. Совсем недавно я с восхищением узнал – мой товарищ еще со времен работы в комитете комсомола УКГБ ЛО Анатолий Федорович Щербаков (1947 г. р.) стал прадедушкой! Анатолий, выпускник радиотехнического факультета ЛЭТИ, в 1971 году пришел в органы КГБ, где начал службу в оперативно-техническом подразделении. Очень скоро способный, психологически устойчивый, контактный молодой сотрудник был замечен А. П. Корсаковым, который перевел Анатолия в отдел кадров, где Щербаков сделал блестящую карьеру.

Мы познакомились с Анатолием в 1974 году в комитете комсомола, когда он, капитан по воинскому званию, будучи уже сотрудником отдела кадров, выделялся серьезностью, умудренностью опытом среди многих в нашей комсомольской организации, большинство членов которой совсем недавно пришли на службу в КГБ после институтов. Рассудительный, с неторопливой манерой речи и взглядом с легким прищуром, направленным прямо в лицо собеседника, Анатолий цементировал

наше комсомольское бюро, своеобразно курируя его со стороны отдела кадров. У Анатолия Федоровича была доверительная, спокойная манера ведения беседы. Он говорил негромко, небыстро, но очень доходчиво, иногда используя легкое, необидное подшучивание. В 1976 году мне довелось вместе с А. Ф. Щербаковым выезжать в командировку в ГДР в составе ленинградского комсомольского «Поезда дружбы», имея специальное поручение по налаживанию контактов с комсомольской организацией управления Министерства безопасности ГДР в Дрездене, в те годы городе-побратиме Ленинграда. Нам с Анатолием пришлось осваивать свой первый опыт международных контактов в общении с «братьями по оружию», исключительно тепло принимавшими совсем еще молодых чекистов. В 1977 году, в годовщину 30-летия образования Германской Демократической Республики, делегация комсомольцев-чекистов из Берлина и Дрездена посетила Ленинград, и мы смогли ответить немецким коллегам за их радушие и гостеприимство.

А. Ф. Щербаков очень скоро стал авторитетным чекистом-кадровиком так называемой «корсаковской школы». Мне не раз приходилось обращаться к нему за советами по своей линии поведения, и я всегда получал правильные рекомендации, сделанные в спокойном, доброжелательном тоне, корректирующие излишки моего темперамента и эмоциональности. Уже в 1994 году А. Ф. Щербаков получил высокое воинское звание генерал-майор. Несмотря на высокий руководящий пост в отделе кадров, он продолжал оставаться простым и доступным для своих сослуживцев человеком, никогда не бравировал своим «руководящим положением».

С 2003 года Анатолий Федорович, пенсионер ФСБ, воспитывающий и передающий свою мудрость и жизненный опыт четырем внукам и правнуку от своих троих детей! Как шутит Толя, «ставшему прадедом прощаются все предыдущие и будущие грехи!» Слушая его бодрый, молодой голос, я думаю о том, что «вечная память» – это наши дети, внуки и правнуки.

Отдельно, с особой теплотой хочется вспомнить покойного Игоря Николаевича Нарицина (1952–2000 гг.). С этим замечательным парнем, моим сослуживцем из УКГБ ЛО, я познакомился осенью 1969 года, когда мы начали учебу на первом курсе юридического факультета ЛГУ. Еще во время традиционных для того времени сентябрьских работ первокурсников в совхозе «Кондратьево» Выборгского района Ленинградской области я сблизился с моим ровесником, совместно работая на бетономешалке.

Обаятельная улыбка Игоря чем-то напоминала непревзойденное обаяние актера Леонида Харитонова, кумира конца 50-х – начала 60-х годов, исполнявшего роль солдата Ивана Бровкина. Нарицин был физически и спортивно развитым человеком. В молодости и юности играл в хоккейных командах вратарем, был отличным футболистом, демонстрируя не только понимание игры, ее тактики, но и хорошую технику, сильный и точный удар.

Он был открытым человеком, хотя в большей степени молчуном. Правда, как отметил Юлиан Семенов в классической книге о разведчиках «17 мгновений весны» – «молчун, если друг, то друг, а если враг, то враг». Игорь был всегда другом для близких ему людей. Мы, студенты первокурсники, очень скоро узнали от него, что его отец – Леонид Николаевич Нарицин работает директором известного на всю страну БДТ – Большого драматического театра имени М. Горького (ныне – имени Г. А. Товстоногова). Ну, а поскольку Игорь был открытым и добрым человеком, то вскоре практически все его однокурсники, хотя бы в минимальной степени интересовавшиеся искусством Мельпомены, посмотрели в знаменитом театре на Фонтанке все самые «забойные» спектакли тех лет: «Король Генрих IV», «Луна для пасынков судьбы», «Правду, ничего, кроме правды!!!» и другие спектакли, в которых играли звезды первой величины советской сцены: Ефим Копелян, Сергей Юрский, Евгений Лебедев, Олег Борисов, Кирилл Лавров, Олег Басилашвили и другие.

Не помню ни одного случая, чтобы Игорь отказал лично мне и моей невесте в контрамарках. На билеты в БДТ у бедных студентов того времени денег, естественно, не было. Зато Нарицин-младший с доброй улыбкой слушал мой рассказ о том, как во время спектакля «Беспокойная старость» в директорскую ложу, где мы сидели с Людмилой, вошел сам народный артист СССР Владислав Игнатьевич Стржельчик. Исполнитель ролей Наполеона Бонапарта и русских императоров стоя смотрел, сложив по-наполеоновски на груди руки, то на сцену, то на двух скромно одетых студентов, в одиночестве сидевших на креслах. Трудно было понять, что больше удивило народного артиста: игра актера Сергея Юрского или сидевшие в престижной ложе молодые театралы.

Вместе с Игорем мне довелось в 1971 году быть в строительном студенческом отряде в Алтайском крае, где я не раз мог убедиться в его трудолюбии и ответственном отношению к делу. Многие годы спустя мы любили вспоминать этот стройотряд, но не трудовыми победами и высокими заработками, которых мы так и не получили, а футбольным матчем с командой Политехнического института за выход в финальную

стадию турнира, в котором Игорь Нарицин с моей подачи забил решающий гол на последних минутах встречи.

Игорь по семейным обстоятельствам брал на один год академический отпуск, поэтому был зачислен в наше Управление КГБ в 1975 году вместе с выпускниками этого года Владимиром Владимировичем Путиным и Олегом Ивановичем Виноградовым. Год спустя, так же как и названные коллеги, по акту государственного распределения в УКГБ ЛО пришли юристы Владимир Качкин и Александр Тетеревков, поступившие на факультет годом позже, в 1971 году. Из многих других вузов в те годы на службу в КГБ студенты приходили подобными группами, например, в 1975 году из ЛИТМО одновременно были зачислены Борис Мыльников, Сергей Назаров и Александр Беляков.

За годы службы наши пути с Игорем Нарициным практически не пересекались, но мы всегда тепло встречались друг с другом, вспоминая нашу прекрасную студенческую молодость, полную интересных, насыщенных событий. В конце июня 1996 года мы неожиданно вновь встретились с ним в актовом зале юридического факультете Университета на 22-й линии Василевского острова. Оказалось, что мы пришли в нашу «альма-матер» по одному и тому же поводу: наши дети, мой сын Максим и его дочь Светлана (1974 г. р.) в этот день получали дипломы юристов-правоведов.

К нашему общему удивлению, мы увидели еще трех бывших однокурсников и одного коллегу-чекиста, чьи дети также получали в этот день дипломы! Оказалось, что Светлана, Максим и Александр Соловьев, сын нашего с Игорем покойного друга Сергея Соловьева, вообще учились в одной группе. Но они совершенно не знали, обучаясь в Университете, кто их родители. У них не было ни совместной работы в колхозе, ни стройотрядов, ни вечеров отдыха. Главное, что у них не было той дружбы, которая уже 40 лет после окончания Университета призывает нас на традиционные встречи, возвращающие нас, уже убеленных сединой юристов-пенсионеров, в нашу прекрасную, яркую молодость.

В конце мая 2000 года мы в последний раз увиделись с Игорем Нарициным на заседании клуба «Дом-4», куда он пришел по приглашению сослуживца. Игорь был совершенно счастлив, поделившись со мной своей искренней радостью: дочь Светлана подарила ему внука. Он так рад тому, что стал дедушкой! На службе все хорошо, он полковник по званию, работает на ответственном месте в действующем резерве. Я был искренне рад за Игоря. Мы выпили за здоровье детей, внуков, за

наше здоровье, которое, казалось, еще не давало никаких сбоев.
Через две недели всех потрясла новость о том, что Игорь Леонидович Нарицин скоропостижно скончался от инсульта. На его похоронах, состоявшихся на Смоленском кладбище, были одноклассники и однокурсники И. Н. Нарицина, сослуживцы и ветераны из КГБ, говорившие много хороших, добрых, искренних слов об Игоре, о его доброте, внимательности, безотказности и бескорыстности по отношению к друзьям, готовности прийти на помощь в трудные минуты. Мы помним тебя, Игорь! Вечная тебе память!!!

ОБЫЧНЫЕ ПОТЕРИ НАСТУПАТЕЛЬНОГО БОЯ

Кто-то скупо и четко
Отсчитал нам часы…
(Владимир Высоцкий)

Воспоминания о светлом человеке Игоре Нарицине, друге моей студенческой юности, натолкнуло меня на мысль написать эту главу. Кому-то может показаться странным ее название, но я напомню, что эта фраза прозвучала в знаменитом фильме тех далеких лет «Щит и меч», о разведчике Йогане Вайсе (Александре Белове). Этот фильм был любим моими сверстниками, ставшими чекистами и посвятившими свою жизнь защите безопасности и конституционного строя своей страны – СССР. Ее внутренний смысл достаточно прост: если идет война, то на ней гибнут люди, прежде всего те, кто воюет с оружием в руках, в обороне или наступлении.

Подавляющему большинству из моих коллег, разведчиков и контрразведчиков не пришлось участвовать в перестрелках и преследованиях шпионов, «бегая по крышам с пистолетом», как показывали во многих, далеко не лучших, детективах. Хотя некоторые из героев этого очерка во время службы в Афганистане видели в прицеле автоматов Калашникова своих врагов, поливавших их градом огня, осознав простую и жесткую военную истину: или ты убьешь его, или он убьет тебя. Виталий Захарович Щиголев (1948 г. р.), физически крепкий, сильный, немногословный оперработник 2-й службы, в составе спецотряда «Зенит», пройдя суровую подготовку, участвовал в декабре 1979 года в штурме дворца Амина в Кабуле, получив за проявленное при выполнении боевого задания мужество орден Красной Звезды.

Однако ежедневный труд контрразведчика и разведчика, даже если он не был связан с прямым риском для жизни, был далеко не легким, не простым, требовавшим огромного психоэмоционального напряжения, выдержки, умения «держать удар», и, несомненно, сказывался на состоянии здоровья. До последнего дня своей службы я неоднократно вспоминал фразу заместителя начальника УКГБ ЛО генерал-майора Мануйлова Сергея Евгеньевича: «Контрразведка – это искусство говорить правду!» Причем генерал разъяснял, что слово «искусство» в этой фразе является главным. Работая в 5-й службе, я неоднократно вспоминал запавшую мне в сердце фразу мудреца и философа Мишеля Монтеня: «Правда – очень тяжелое бремя, когда приходится нести ее государям».

Вспомните, дорогие друзья-коллеги, как вы переживали, когда те или иные руководители, особенно партийные инстанции, не желали реагировать на полученную через ваши оперативные источники острую, кричащую информацию о негативных процессах, о внутренних и внешних угрозах делу государственной безопасности. Не поэтому ли уходили из жизни молодые чекисты, едва-едва переступившие через тридцатилетний рубеж? Оперативная работа, стрессы и психологическое напряжение, которое испытывали чекисты в те годы, зачастую становились причиной эффекта «внезапной смерти», над изучением которой уже не один десяток лет бьются врачи-кардиологи. Красавец-здоровяк Сергей Иванович Сергеев (1950–1983 гг.), сотрудник 5-й службы, главный вратарь нашей футбольной команды, физически сильный человек, умер от острой сердечной недостаточности, сидя в автомашине такси.

Замечательного, добрейшего, интеллигентного парня Володю (Владимира Геннадьевича) Крастина (1950–1980 гг.), сотрудника 2-й службы, буквально за год скрутила смертельная онкологическая болезнь. Мы, его друзья и сослуживцы, видели, как мужественно, достойно держался Владимир, проходивший тяжелые курсы химиотерапии, буквально на глазах превращаясь из белокурого крепыша в усыхающего от неизлечимой болезни человека. Мы понимали, что не помогут никакие больницы, только Володя, не терял мужества и веры, зная свой страшный диагноз. Никогда не забуду моей последней встречи с Владимиром в коридоре Большого дома, когда он сказал мне: «Знаешь, Паша, я сейчас еще немного подлечусь и через полгода снова вернусь на службу! А то мне как-то неудобно, что товарищи за меня работу делают. Уверен, у меня все в порядке будет!»

От прободения язвы и внутреннего кровотечения скончался Виталий Николаевич Карамышев (1937–1975 гг.), многие годы обслуживавший ЛПИ имени Калинина и подобравший для службы в КГБ не один десяток выпускников этого вуза.

Мне довелось незадолго до их смерти от беспощадной онкологии общаться с членами нашего клуба Валерием Пинчуком и Владимиром Поломарчуком. Заслуживает огромного уважения, что ни один, ни другой не жаловались, не впадали в отчаяние. Валера, прекрасно понимавший свое физическое состояние, предпочел перевести разговор на тему воспоминаний о том, как мы совместно, в одном «экипаже» учились на курсах воителей, заверив, что придет на заседание клуба «Дом-4» в декабре, но не дожил до нашего профессионального праздника всего один месяц...

С Володей (Владимиром Викторовичем) Поломарчуком (1948–2012 гг.) незадолго до его смерти мы случайно встретились на Большом проспекте Петроградской стороны, даже выпили коньяка, поговорили о его затяжной болезни, о которой знали многие Володины друзья. Поломарчук, перелистывая подаренный мной сборник политических анекдотов, спокойно, без патетики и трагизма сказал: «Знаешь, Паша, я вот сейчас в Песочной еще одну химиотерапийку пройду, а потом на работу выйду. Давай потом увидимся, я тебе, может, для твоего сборника анекдотов подброшу».

Недели через две я стоял в очереди к одному врачебному светиле в институте рентгенологии. Медсестры, катившие каталку, попросили их пропустить. На каталке я увидел Володю, закутанного в одеяло по подбородок. У него были закрыты глаза, он как-то светло, блаженно улыбался. Я не стал окликать его, а только перекрестил удалявшегося по длинному больничному коридору товарища. Через три месяца друзья и сослуживцы В. В. Поломарчука хоронили его на Большеохтинском кладбище, рядом с могилой его старшего брата-разведчика Валерия. Как больно было смотреть на их престарелую мать, добровольно пришедшую в Великую Отечественную войну на службу в НКВД, воевавшую как радистка-шифровальщица в немецком тылу, вынужденную хоронить двух сыновей-чекистов, ушедших из жизни в мирное время!

Заместитель начальника отдела пятой службы Эдуард Васильевич Володин (1938–1988 гг.) никогда не жаловался на здоровье. Он запомнился мне свежим, бодрым, всегда улыбающимся человеком. В 1988

году он возвращался в Большой дом с молодым сотрудником Юрием М., выполнившим под контролем руководителя свое первое настоящее оперативное задание. Уже по дороге, сидя за рулем своих «Жигулей», Володин Э. В., отличный водитель, почувствовал себя плохо. В рабочем кабинете у него начался сердечный приступ. Приехавшие врачи скорой помощи констатировали смерть Эдуарда Васильевича от обширного инфаркта.

А. Н. Голиков

За последние годы из жизни ушли наши товарищи по клубу Дом-4», активные члены правления, настоящие, преданные друзья. Александра Николаевича Голикова (1957–2013 гг.) симпатичного, черноволосого, усатого молодого сотрудника 6-й службы, я заметил в коридорах Большого дома где-то в середине 80-х годов. У нас не было поводов взаимодействовать по общим вопросам оперативной деятельности, но мы как-то встретились на футбольном поле стадиона «Динамо». Мне понравилось, как Александр, играя в воротах, спокойно и умело руководил защитой своей команды.

В 1995 году мы встретились с Александром в Смольном, где он начал службу в качестве офицера действующего резерва ФСБ в одном из управлений занимавшихся городским имуществом. В это время формировалась сборная мэрии Санкт-Петербурга по футболу, начавшая принимать участие в многочисленных соревнованиях футбольных команд актеров, таможенников, банкиров, дипломатов и чиновников. Мне удалось привлечь А. Голикова в состав нашей сборной, правда, в качестве второго вратаря. Зато в октябре 1995 года при проведении товарищеского международного матча в финском городе Лахти против команды депутатов местного муниципалитета Александр Голиков играл в качестве полевого игрока сборной нашей мэрии и забил гол-красавец, подведя итог нашей триумфальной победы над финнами 6:1(!). Личные качества Александра Николаевича, доброжелательность, мобильность, хорошие организаторские способности, сделали Голикова в короткий срок одним из активнейших членов клуба «Дом-4», помогли войти в его правление. Он был прекрасным ведущим наших вечеров, умел мягко, с добрым юмором и рассудительностью вести любое мероприятие.

Общаясь с А. Н. Голиковым в период своей работы в сфере экономической безопасности банка, я не раз удивлялся его информированности о бизнес-процессах в нашем городе, умению давать анализ возможных экономических и финансовых последствий тех или иных решений государственных и коммерческих структур. Голиков увлекался охотой, с удовольствием рассказывал друзьям из числа ветеранов-чекистов о поездках на охоту в Республику Беларусь.

Беда пришла в семью Александра, как писал Аркадий Гайдар, «откуда не ждали»: он тяжело заболел, как вскоре выяснилось, практически неизлечимо. Онкология, к сожалению, отступает редко. Александр боролся до последнего, сохраняя мужество и оптимизм, не позволяя себе расслабиться и дать повод для жалости. В январе 2013 года его не стало. Он ушел из жизни, оставшись в нашей памяти светлым, добрым, искренним человеком.

Вслед за А. Голиковым от той же злой и беспощадной болезни скончался Александр Алексеевич Кобозев (1954–2013 гг.), бывший сотрудник второй службы. В течение нескольких лет Александр, худощавый, динамичный, улыбчивый человек, пытался победить рак, даже прошел через тяжелую операцию по удалению легкого. После таких испытаний он уже не был столь искрометен в общении, меньше шутил, но по-прежнему посещал наш офицерский клуб. К сожалению, ни помощь врачей, ни поддержка товарищей не смогли помочь Кобозеву А. А. стать победителем в поединке с болезнью.

Климчицкий Юрий Леонидович (1949–2014 гг.) за годы своей службы в УКГБ ЛО в Василеостровском райотделе и 5-й службе никогда не жаловался на здоровье. Среднего роста, худой, с запоминающимися щегольскими усиками над верхней губой, всегда аккуратно и коротко подстриженный, Юра обладал своеобразной манерой общения. Он говорил в замедленном темпе, очень часто расставляя акценты в своем рассказе или аргументах в споре. Благодаря этому, его речь становилась очень убедительной, в том числе и за счет того, что Юра всегда доверительно смотрел в глаза собеседнику.

Юрий Климчицкий умел хорошо и тонко пошутить, зачастую иронизируя по поводу сказанного собеседником, делая это абсолютно не обидно, корректно. Я ни разу не видел Юру «заведенным» или повышенно эмоциональным, он всегда был спокойным, уравновешенным человеком, у которого всегда «все хорошо». Выйдя на пенсию, Юрий Леони-

довичрегулярно посещал встречи ветеранов клуба «Дом-4», не один год входил в правление нашей организации, много сделал для разнообразия наших мероприятий.

В 2012 году с Юрием случился инсульт, начались проблемы с артериальным давлением. На похороны своего бывшего руководителя генерал-майора Чухонина А. Н. он приехал с большим трудом. Очень больно было видеть некогда цветущего, энергичного человека сидящим на скамейке перед церковью на Серафимовском кладбище. У Юрия даже не было сил отстоять церемонию отпевания покойного. В первые майские дни 2014 года пришло печальное известие о кончине Юрия Леонидовича Климчицкого. Проводить его в последний путь пришли близко знавшие его сослуживцы и члены клуба «Дом-4».

Л. В, Морев

Леонида Владимировича Морева (1945–2014 гг.), пожалуй, смело можно назвать всеобщим любимцем ветеранов нашего клуба «Дом-4». Таким же он был и в период службы в УКГБ ЛО. Невысокого роста, подвижный, с короткой стрижкой «ежик», Леонид был интересным собеседником, внешне выглядел добродушным, улыбчивым человеком. Однако те, кто знал Леонида Владимировича по работе, имели возможность убедиться в его высочайшем профессионализме и ответственном отношении к делу. Не случайно Леонид Морев был выбран А. П. Корсаковым для работы во впервые созданном отделе собственной безопасности УКГБ ЛО. Именно такой сотрудник, общительный, открытый для контактов, был для такой работы идеальной кандидатурой. Мне известны факты проведения Л. Моревым серьезных «профилактических» бесед с коллегами по Управлению КГБ, в которых он был требователен и принципиален.

С самого первого дня появления в клубе «Дом-4» пенсионера-чекиста Морева Л. В. правление клуба почувствовало его инициативы и ощутило поддержку. Он стал первым добровольным помощником нашему секретарю Елене Тихомировой. По его личной инициативе гостем клуба была вдова писателя Виктора Конецкого, всем клубом мы посетили

лофт-проект «Этажи» на Лиговском проспекте в здании бывшего Смольнинского хлебокомбината.

В наше время редкий пенсионер может назвать свою жизнь безоблачной и беспроблемной, даже если у него есть постоянная работа с достойной зарплатой. Леонид никогда не жаловался, когда ему периодически приходилось менять места своей службы по причины ликвидации предприятий или по другим обстоятельствам. Он сохранял свой оптимизм и остатки здоровья, делая все необходимое для поддержки жизни своей любимой жены, страдавшей от онкологического заболевания. В продлении жизни любимому человеку, известному еще со школьных времен, Леонид Морев видел смысл своей жизни. Когда мерть нанесла ему сокрушительный удар, забрав Наташу туда, откуда не возвращаются, Леонид не смог оправиться от этой потери, мгновенно постарев, сдал физически, надломился духовно. Каждую неделю Леонид посещал могилу жены на кладбище, не находя сил пережить свое одиночество. Обширный инсульт не оставил Лене шансов на выживание. Он скончался, не дожив до своего 70-летия…

19 апреля 2015 года я тщетно пытался дозвониться до своего товарища из 5-й службы Виктора Евгеньевича Давыдова (1949–2014 гг.), чтобы поздравить его с 66-й годовщиной со дня рождения. Виктор, подполковник в отставке, замечательный профессионал, умевший работать без внешних эффектов, скрупулезно, системно, в 1988 году был удостоен высокого звания «Почетный сотрудник органов государственной безопасности». Последние годы работал в службах экономической безопасности ряда коммерческих банков, занимался консультациями по вопросам безопасности организации бизнеса.

В годы нашей молодости нам неоднократно приходилось играть друг против друга в футбол на гаревом поле стадиона «Динамо» (на травяное поле нас выпускали крайне редко). Виктор был достойным соперником, форварда Давыдова было очень трудно удержать в защите, он играл дерзко, наступательно, но при этом всегда корректно, голы в ворота моей команды забивал регулярно.

Высокий, с красивыми вьющимися волосами, с вытянутым лицом, он как будто сейчас стоит перед моими глазами и заразительно «по-давыдовски» смеется. Последние годы после перенесенного инсульта он серьезно болел, ко всем прочим его болячкам добавился диабет, поэто-

му он не часто общался со многими бывшими сослуживцами. Но с днем рождения по телефону мы поздравлять друг друга не забывали. В недоумении от того, что у Виктора не ответил ни мобильный, ни домашний телефон, я позвонил его другу и сослуживцу по отделению Александру Булатову, который огорошил меня известием, что несколько месяцев назад Виктор ушел из жизни и был похоронен. Мы с Сашей так и не смогли разобраться, почему я об этом не узнал и не смог отдать товарищу по службе свой последний долг прощания…

В. Б. Федоров

Такая же ситуация парадоксально повторилась по отношению к полковнику Вячеславу Борисовичу Федорову (1944-2014 гг.), человеку безгранично уважаемому в Управлении КГБ тех стародавних лет, а также среди членов нашего ветеранского клуба. Работая в оперативно-технической службе УКГБ ЛО, Вячеслав знал, кажется, всех оперативных работников из числа тех, кто сумел выявить и изобличить людей, совершивших государственные преступления. Не могу даже примерно прикинуть, сколько десятков, сотен серьезных оперативных мероприятий помог провести и организовать Слава.

Высокий, красивый, последние годы слегка ссутулившийся, Вячеслав Борисович умел исключительно душевно общаться с людьми, располагая любого собеседника к себе с первой фразы, которой начинал общение. Не забуду его голоса, своеобразного, мягкого, его рассудительной спокойной манеры общения. В конце октября 2004 года Вячеслав позвонил мне и сказал: «Пашуля, здравствуй! Я очень хочу видеть тебя в качестве гостя на моем 60-летии в пятницу 20 октября. Место встречи – столовая Большого дома». Сколько добрых, искренних слов было сказано в адрес Вячеслава Федорова в тот день! Не каждому полковнику в отставке предоставят возможность отметить свой юбилей в столовой на Литейном, 4. Мы выпили за его здоровье, с юмором отметив, что делаем это официально в столь известном для нас предприятии общественного питания впервые.

В октябре 2014 года я долго, с шутками и смехом поздравлял по

телефону Вячеслава с 70-летием, сказав, что «сегодня все прогрессивное человечество отмечает юбилей знаменитого, широко известного в узких чекистских кругах Федорова Вячеслава Борисовича». Слава замечательно отшучивался, обещая «отставиться» за Юбилей на Клубе. Ноябрьский клуб того года я пропустил по болезни, в декабре 2014 мне пришлось быть «управдомом», поэтому я не обратил внимания на отсутствие нашего любимца. После безуспешных попыток связаться со Славой по телефону 20 октября 2015, я позвонил секретарю Клуба Лене Тихомировой, уже с тяжелыми предчувствиями, которые себя оправдали. Наш бессменный, любимый секретарь, единственная женщина в нашем мужском клубе, рассказала, что через несколько недель после юбилея Вячеслав Федоров скоропостижно скончался. Зная, что я лежу в больнице с сердечным приступом, она решила меня пожалеть и не сообщать о смерти товарища. Лена долго рассказывала мне, как прошли похороны Вячеслава на Смоленском кладбище, сколько было людей, речей, цветов. Многие впервые узнали о наличии у В.Б. Федорова боевого ордена за службу в 70-е годы в далекой африканской Анголе. Пусть земля тебе будет пухом, Слава. Мы по-прежнему любим и помним тебя, твой светлый образ!

О ПРЕДАННОСТИ ДЕЛУ И ПРЕДАТЕЛЯХ

Предатели предают прежде всего самих себя.
Плутарх

Думаю, что у читающего эти воспоминания могут возникнуть сомнения: не были ли молодые сотрудники КГБ тех лет на одно лицо? Смотрите, как описывает автор своих товарищей: все контактные, спортивные, улыбчивые, пошутить умеют и людей к себе располагают. Неужели такими были все? Да, смею уверить – все! И хотя каждый был интересной, оригинальной, самобытной личностью, чекисты тех лет никогда не сливались в единую серую, безликую массу. Каждый из зачисленных в Управление КГБ СССР по Ленинградской области подбирался на основе высоких критериев, которые были заданы приказами и инструкциями по подбору кадров КГБ СССР, а также особой «корсаковской» школой кадрового менеджмента.

Проверочные мероприятия и собеседования с нашими кадровиками позволяли выявлять идейную убежденность кандидата, его общий

уровень развития, изучить коммуникативные качества, работоспособность и готовность к самоотверженному труду. Несмотря на то, что ни о какой коррупции в те годы мы ничего не знали (даже слово такое не употреблялось), люди с меркантильными задатками, корыстные, увлеченные «вещизмом» не имели шансов быть зачисленными в КГБ. Преданность делу, которому мы служили, была одним из главных критериев оценки сотрудника, причем не просто преданность, а достижение конкретных, оперативно значимых результатов. Конечно, и в нашей среде встречались приспособленцы, подхалимы, люди, умевшие «подстроиться под руководство», но не они определяли политику, не они были истинными героями войны на «незримом фронте». Не о них мои воспоминания, а о тех, кто не щадил самих себя, своего здоровья, выполняя свой долг по защите нашего социалистического государства.

Одна из типовых фраз в аттестации офицера звучала так: «Работает, не считаясь с личным временем». Такую оценку еще надо было заслужить! Правда, подавляющее большинство не ради записи в аттестации отдавали работе все свое время, отдавали работе самих себя. Весьма характерной была следующая ситуация: после суточного дежурства по службе или по Управлению КГБ мои коллеги не пользовались законным правом идти отдыхать, а продолжали работу в своих кабинетах. И только ближе к концу дня, часам к 16.00–17.00, говорили: «Ну, пожалуй, пора в отгул после дежурства идти!» Работа по субботам была совершенно обычным явлением для сотрудников, которые не по приказу «из-под палки», а по своей собственной инициативе приходили в Большой дом, чтобы в относительно спокойной обстановке написать серьезный документ, проанализировать собранную оперативную информацию.

Каково было мое удивление, когда где-то в 1998 году, стоя у второго подъезда Управления, куда приехал по приглашению его руководства к 18.00, я наблюдал поток молодых оперативных сотрудников, дружно выходивших на Захарьевскую улицу. В прежние годы в это время из Большого дома массово выходили только женщины, служившие в различных подразделениях по вольному найму. Также был удивлен внешним видом молодых оперативных сотрудников, предъявлявших постовым прапорщикам «красные корочки». Невольно давая оценку каждому, покидавшему здание, думал про себя, точнее, про них: «Этот по своим внешним данным ни за что бы не прошел собеседования у А. П. Корсакова. А этот за своеобразный «приблатненный» вид и развязную форму поведения получил бы «по полной программе» от вышестоящего руководства»…

Впрочем, совершенно не хочу делать никаких старческих сравнений на тему: «нынешняя молодежь не та». Понимаю, что этим сегодняшним сотрудникам российской контрразведки многократно труднее, чем нам в прежние годы, располагать к себе людей, привлекая к сотрудничеству со спецслужбами. Наша «демократическая» пресса и так называемые «правозащитники», много сделавшие для дискредитации органов КГБ, и сейчас создают трудности в работе современных чекистов, закладывая в сознание людей ложную идею об аморальности передачи любой информации в ФСБ и МВД.

Вспоминаю, как мне приходилось доказывать депутатам-демократам Ленсовета, что мне не в чем каяться за свою службу в оперативных подразделениях и следственном отделе УКГБ ЛО. Один из таких ярких борцов за гласность на сессии Петроградского райсовета, кричал с трибуны: «Кошелев не имеет права быть нашим председателем! Ведь он долгие годы являлся членом двух преступных организаций: КПСС и КГБ!» Как же «поплыл» этот депутат-демократ, когда я спросил его: «А что, у Вас на руках имеются два вступивших в законную силу приговора о признании КПСС и КГБ преступными организациями? У нас по Конституции признать преступником можно только по решению суда! Вы же, как истинный демократ, стоите за торжество правосудия, правда?» К сожалению, и в наших чекистских рядах оказывались идейно неустойчивые люди, попытавшиеся «подстроиться» под демократическую волну начала 90-х годов. Не стану подробно останавливаться на личности «генерал-предателя» Олега Калугина, быстро сориентировавшегося в эпоху Перестройки, ставшего народным депутатом и отчаянным критиком КПСС и КГБ, а закончившего прямым раскрытием спецслужбам США оперативных источников, форм и методов работы КГБ за границей. Он и сейчас, проживая в США, зарабатывает на своем предательстве – водит в Нью-Йорке по Манхэттену экскурсии для американцев и европейцев по местам проведения тайниковых операций КГБ, многие из которых сам же организовывал и прикрывал.

«Предать – это вовремя предвидеть», – говорил один из героев сатирической кинокартины «Гараж» режиссера Эльдара Рязанова. Это о Калугине. Причем в самую «десятку»! Многие мои коллеги помнят яркие, идейно выдержанные выступления Калугина на совещаниях и партийных собраниях, содержательные лекции в рамках чекистской учебы

о подрывных методах деятельности ЦРУ. Но как только политика еще одного предателя М. С. Горбачева дала зеленый свет критике и охаиванию КГБ, бывший стажер Колумбийского университета, тайно проамерикански настроенный, обожавший личный комфорт и материальное благополучие, развернулся во всей своей красе. Оказалось, в течение четверти века бывший комсомольский активист, яростно делавший партийную карьеру, был не согласен с идеологическим догмами КПСС и тяготился своей службой в органах государственной безопасности.

На самом деле все было гораздо проще. Я имею право на свое личное мнение об этом человеке, заместителе начальника УКГБ ЛО, поскольку многократно имел возможность общаться с ним на художественных выставках и театральных премьерах, выступая по поручению руководства в роли своеобразного консультанта по событиям культурной жизни Ленинграда. Ни о чем, кроме личного благосостояния в виде формирования коллекции картин и редких книг, этот человек не думал. Будучи сибаритом по характеру, Калугин не служил, не работал в УКГБ ЛО, а «отбывал должность», извлекая из нее максимальную выгоду за минимальные денежные вложения. По сути дела, он поставил свое положение генерала КГБ для целей личного обогащения. Кажется, это определение полностью подходит под понятие «коррупция»?

В 1991 году на одном из демократических митингов после событий ГКЧП с публичным покаянием выступил бывший сотрудник 5-й службы Управления КГБ Александр К., уволенный из органов КГБ за утрату доверия и аморальные проступки. Чего только не наговорил человек, делавший достаточно успешную карьеру! Он, как и Калугин, не соглашался с линией КПСС, он вынужден был (не по своей воле) заниматься слежкой за интеллигенцией, о чем сейчас очень сожалеет. Якобы не желая терпеть «идеологический гнет» и участвовать в «противозаконной оперативной деятельности», Александр К. добровольно порвал с КГБ.

На самом деле этот небесталанный, способный работник, отличавшийся непомерной амбициозностью, высокомерием и карьеризмом, усилиями отдела кадров, увидевшего его недостатки, был освобожден от оперативной работы и направлен на учебу в аспирантуру ВКШ КГБ, где и совершил действия, порочащие звание чекиста. К. был задержан оперативниками ОБХСС на черном книжном рынке при попытке продать за кругленькую сумму изданные за рубежом и нелегально ввезенные в СССР книги враждебного, как тогда говорили, антисоветского содержания. Аморальность поступка бывшего чекиста, имевшего надежды на успешную карьеру, усугублялась тем, что эти книги были изъяты К. у профессора Университета, который был не только подвергнут профилактике, но и уволен с работы по инициативе самого Александра. Еще дальше пошел ушедший из органов КГБ Сергей Р. Неглупый парень, также в прошлом сотрудник 5-й службы, всегда державшийся особняком от товарищей, производил впечатление человека, в некоторой степени «не от мира сего», в его поведении проскальзывали элементы «нарциссизма» и завышенной самооценки. Блестящее знание редкого восточного языка не давало ему возможности продвигаться по карьерной лестнице в виду отсутствия бойцовского характера, силы воли, идейной убежденности в необходимости работы по защите нашего общества от идеологических диверсий противника. Как сказал о Р. его сослуживец Владимир Груздев, «он был чекистом не нашей породы».

Р. не состоялся, как оперативный работник, оставшись кем-то средним между переводчиком и экспертом. «Большой толковый словарь русского языка» дает, на мой взгляд, очень точное определение термину «оперативный»: «1. Связанный с операциями по задержанию правонарушителей, расследованию происшествий и преступлений; 2. Действующий быстро и своевременно, умело направляющий ход дела при изменяющихся обстоятельствах». Этих-то навыков как раз Сергею Р. и не хватало.

В дополнение ко всему он, будучи отцом троих детей, аморально повел себя в личной жизни, что в те годы у чекистов строго наказывалось. В результате был уволен из органов государственной безопасности и не смог реализовать в гражданской жизни свое блестящее знание восточного языка и истории Ближнего Востока. Обиженный на начальников, на свою судьбу, на органы КГБ, на очередном митинге кричащих демократов, путаясь и заикаясь, Сергей Р. рассказал о том, по какой линии 5-й службы он работал, а также назвал должность и фамилию человека, с которым был связан узами конспирации и конфиденциальности. Легко представить, как кричала демократическая толпа «осанна» бывшему чекисту-предателю и требовала: «распни его, распни» по отношению к честному человеку, которого Сергей фактически бросил на растерзание толпы. Примечательно, что оба вышеупомянутых «героя», о смелых поступках которых даже писали в демократической прессе, были вскоре забыты теми, перед кем они стремились покаяться и заслужить их благосклонность. Ведь французский поэт и драматург Пьер Корнель еще в XVIII веке мудро сказал: «Предателей презирают даже

те, кому они сослужили службу». Еще более хлестко оценка предательства и предателей звучит в словах песни Владимира Высоцкого «Баллада о времени»:

И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель всегда презираем...

Я не знаю, как живут в нашем городе последние годы Александр К. и Сергей Р., которые, в отличие от «генерал-предателя» Калугина, не имеют паспорта гражданина США и не могут кормиться за счет своего предательства. Но я точно знаю, что больше всего на свете эти двое избегают случайных встреч со своими бывшими сослуживцами, многие из которых могут заклеймить предателей не только презрением, но и физическим воздействием профилактического характера.

Хочу особо подчеркнуть, что настоящая, истовая преданность делу служения интересам государственной безопасности проявлялась в ежедневном, тяжелом, изнурительном труде, как правило, без какой-либо патетики и демонстративной жертвенности. Просто в те годы так было принято относиться к своему долгу. Понятия «меркантилизм» в органах КГБ того времени просто не существовало. Люди, проявлявшие даже зачатки подобных качеств, выявлялись и самым строгим образом наказывались. С такими качествами человеку не было места среди сотрудников КГБ.

Вспоминаю молодого, черноволосого, кареглазого выпускника Высшей школы КГБ, пришедшего в 1976 году на ответственный участок работы во 2-ю службу. Он очень активно начал свою оперативную деятельность, рано получил первые положительные результаты. Но в поведении Дмитрия Г. настораживала завышенная самооценка, стремление любой ценой выделиться перед своими товарищами, обладать материальными благами: автомашиной, дачей и пр. Конец карьеры Дмитрия был быстрым и бесславным, когда выяснились источники его « нетрудовых доходов», на которые он в короткий срок купил подержанную автомашину. Во время оперативного рейда органов милиции возле Московского вокзала Дмитрий Г. был задержан при продаже по двойной цене (10 рублей за бутылку!) так называемой «ночной водки», коей в багажнике его машины было обнаружено целых два ящика. Уже к концу рабочего дня у бизнесмена-спекулянта было изъято удостоверение сотрудника КГБ, которым он, как выяснилось, неоднократно «прикрывался» при осуществлении своих гешефтов.

Про таких людей пролетарский поэт В. В. Маяковский написал в детском стихотворении «Что такое хорошо и что такое плохо?» простые, звонкие, как оплеуха слова: «Я такого не хочу даже вставить в книжку!» Может, этот Чернявый парень и не заслуживает определения «предатель». А может, так и начинается человеческое падение: с любви и тяги к «шмоткам», красивой заграничной жизни на широкую ногу, желания «пробиться выше» не за счет труда и таланта, а кривым, окольным путем. Предатели, изменники всегда находили оправдание своим недостойным поступкам, заслуживающим презрения. Чаще всего они оправдывались «красивыми» идеологическими причинами: несогласием с линией КПСС, стремлением противостоять диктату тоталитарного государства и т. п.

Возможно, Дмитрий Г. стал в условиях рыночных отношений в России бизнесменом. Не знаю. Но мне почему-то кажется, что сейчас он живет не в России, а в другой стране, более близкой ему по духу.

1991 – РОКОВОЙ ГОД. РАЗВАЛ КГБ

Тут на милость не надейся,
Стиснуть зубы, да терпеть…
(Владимир Высоцкий)

В начале 1991 года телевизионные журналисты, которые в те годы еще не были такими разбитными и раскованными, как сейчас, обращали внимание на необычное сочетание цифр в дате «1991». Этот год одинаково читался как слева направо, так и справа налево. В этом была своеобразная мистика, а, может, это я сам придумываю себе и моим читателям, чтобы как-то объяснить события августа 1991 года, когда попытка создания Государственного комитета по чрезвычайной положению (ГКЧП), отстранившего на время от власти первого президента СССР М.С. Горбачева, привела в дальнейшем к распаду Советского Союза и началу истории новой России, которая с самого начала будет изобиловать драматическими и трагическими событиями.

К сожалению, даже сейчас, почти двадцать пять лет спустя после августа 1991 года, настоящего осмысления и исторического объяснения

тех событии, по моему мнению, практически нет! Нет справедливого, честного анализа того сложного периода в современных учебниках для школы и институтов. В имеющихся учебных изданиях описание событий августовских дней 1991 года носит такой общий характер, что понять нынешнему молодому поколению, что же тогда происходило, довольно сложно.

Думаю, именно поэтому не наблюдалось протестных мероприятий по поводу прошедшего в начале 2016 года «Гайдаровского экономического форума», цинично названного по фамилии первого премьер-министра «демократа», уничтожавшего российскую промышленность и «легким движением руки» обесценившего денежные сбережения миллионов россиян. На этом мероприятии отдельные экономисты, выросшие на волне разрушения «совдеповской административно-командной системы», «прихватизировавшие» бывшую государственную собственность и российские недра, даже не пытались извиняться за роковые ошибки своего 25-летнего управления экономикой, когда-то позволявшей нашей стране быть могущественной и сильной сверхдержавой. Они спокойны за свою будущую жизнь, которую, в случае «русского бунта, кровавого и беспощадного» (цитата из А.С. Пушкина) с легкостью продолжат в своих зарубежных виллах и поместьях, поскольку их личные активы давно зарегистрированы в зарубежных оффшорах. Уверен, у них не будет болеть голова, они не станут «заморачиваться» тем, какой «рынок» или какой «базар» они оставят в Росси. Нувориши, называющие свою Родину «эта страна», спокойно проживут без России, будут пытаться продолжать осуществлять ее «внешнее либеральное управление».

Многие за почти 25 лет уже позабыли, что победитель ГКЧП Ельцин Б. Н. и его «демократическое» окружение набросились на КГБ с нападками за попытку участия чекистов в государственном перевороте. Рассуждать об этом, о роли Председателя КГБ В. А. Крючкова в попытке отстранить разрушителя страны М.С. Горбачева от власти я не стану. Мой очерк и заявленная тема воспоминаний не дают возможности в полной мере дать оценку политической составляющей тех событий. Хотя мне есть, что вспомнить из того, что видел сам, будучи в то время главой Петроградского района, где районной комиссией ГКЧП была предпри-

нята попытка блокирования телевизионного центра и телевышки.

Я уже написал, рассказывая о генерал Куркове А. А., что руководство Управления КГБ СССР по Ленинградской области и оперативный состав не принимали участие в незаконных, нарушающих присягу действиях против собственного народа, понимая весь драматизм ситуации, а также то, что за чужую непродуманную авантюру (а может – грамотно организованную и спланированную провокацию) чекистам придется поплатиться. Напрасно я пытался доказать А. А. Собчаку, в те годы, несомненно, «особе приближенной к «императору» (Б. Н. Ельцину), что руководство УКГБ ЛО и все ленинградские чекисты соблюдали полный нейтралитет. Бесполезно… Победители–«демократы» требовали от КГБ покаяния за старые грехи перед Сахаровым, Солженицыным, перед всеми недоучками и недоумками, ненавидевшими КПСС и советскую власть, не дававшую им, «настоящим демократам», управлять страной. Как они ею стали управлять и до чего довели, как говорится в Библии – «имеющий глаза да увидит»…

Мои коллеги-депутаты красочно рассказывали мне, как гордо «ходили гоголем» по коридорам Большого дома члены депутатской комиссии Ленсовета в поисках «компроматов» и документов, подтверждавших планы КГБ по организации государственного переворота. Я помню, как приходили арестовывать меня, тогда еще чекиста на выборной должности Председателя районного совета, депутаты-демократы, которых почему-то три тревожных августовских дня никто в здании райсовета не видел. Пресса наперебой (кто кого громче!) кричала о запрете и роспуске КГБ, как «карательного отряда преступной коммунистической партии».

Помню, как был поражен встрече с новым начальником Управления, абсолютным непрофессионалом, заявившим мне в глаза, что я для него являюсь «отвратительным прошлым КГБ, от которого он будет избавляться». Оказалось, что эта его лихая оценка основана на информации о моей работе в 5-й службе, полученной им от депутата Верховного Совета РСФСР Молоствова, в прошлом участника подпольной антисоветской группы. Зятем Молоствова в то время был знаменитый «пачкун» – Юрий Андреевич Рыбаков, ярый антисоветчик, также депутат Верховного Совета и председатель правозащитного фонда, финан-

сировавшегося Великобританией. Многим чекистам моего поколения Ю. Рыбаков известен как автор враждебных КПСС и СССР лозунгов на памятниках архитектуры нашего города. Мои возражения о том, что неплохо было бы новому руководителю Управления ознакомиться с имеющимися материалами на Рыбакова и обвинительным заключением по уголовному делу, не привели ни к чему, кроме плохо скрываемого раздражения.

Я вспоминаю свои переживания. Однако сколько горького и несправедливого могут припомнить мои коллеги, испытав многократно больше, оставшись верными присяге, официально пережив в короткий срок четыре переименования организации: Комитет Государственной Безопасности СССР, Агентство Федеральной безопасности РСФСР, Министерство безопасности Российской Федерации, Федеральная служба контрразведки РФ, Федеральная Служба Безопасности РФ. Это еще не считая отмененного под давлением Конституционного суда незаконного, подрывного Указа Президента Б. Н. Ельцина № 289, которым объединялись в одном министерстве функции КГБ и МВД! Сколько честных, энергичных, преданных своей службе сотрудников после 1991 года написали рапорта об увольнении, не выдержав психологического давления внешних обстоятельств, не желая ощущать себя «винтиками» на ходу перестраиваемой государственной машины, которая (по словам одного такого коллеги) «не понятно кому и в каких целях должна была служить».

Для разрушавших СССР и его социальный строй молоствовых, рыбаковых, ковалевых и алексеевых одним из самых ненавистных слов была аббревиатура ГБ (государственная безопасность). Этим словом («гэбешники», «гэбульники») с ненавистью называли в 90-е годы чекистов будущие руководители России, «молодые реформаторы» и продажная демократическая пресса, которые, надо это признать, ненавидели не коммунистов, не чекистов, а ту страну, безопасность которой сотрудники КГБ охраняли. Обратите внимание, коллеги, друзья: те, кто в 1991 году с пеной у рта хаял КГБ и разрушал советский строй, уже сейчас, в наше время с не меньшей яростью, но уже с легальных позиций стремятся дискредитировать Россию, как государство, продолжают делать это на денежные вливания, т.н. «гранты» зарубежных «партнеров». В наши чекистские годы такие «партнерские гуманитарные организации»

В. В. Путин в первые годы службы КГБ ЛО

В. Д. Яковлев и В. В. Путин – сослуживцы

мы называли «враждебными идеологическими центрами противника». Сейчас, уже в новой России, служат сыновья многих моих сверстников, решая те же оперативные и политические задачи, но уже в новых социально-экономических условиях. Думаю, что их труд ничуть не легче нашего, а в чем-то и посложнее. Ведь благодаря ползучей «деидеологизации» нашего общества оказались весьма размытыми основополагающие понятия: «Народ», «Власть», «Государство», «Отечество». Поэтому горько слышать, но трудно не согласиться с такими шутками: «В названии ФСБ не хватает буквы «Г» (государственной безопасности)» или – «Правительство Российской Федерации работает как Общество с ограниченной ответственностью».

А чекисты моего поколения не затерялись в те непростые годы, своими личными качествами, реальными делами служили формированию новой государственности: депутатами городского и областного советов народных депутатов стали В. И. Аксаков, Ю. В. Мамедов, Е. Г. Петелин. Председателем Невского районного совета был избран полковник Ю. А. Гусаков, Петроградским районным советом руководил, а потом возглавлял администрацию района автор этого очерка. Несколько лет служил в Василеостровском районе глава администрации Голубев В. А. Вице-губернаторами правительства Ленинградской области длительное время работали А. В Кузнецов и М. А. Дедов. О политическом пути, проделанном Владимиром Владимировичем Путиным, говорить, я думаю, излишне.

Наши личные, деловые качества – контактность, умение разбираться в людях, анализировать информацию и принимать правильные управленческие решения, способность организовать людей и повести их за собой оказались очень востребованными и в то непростое время. Некоторые из моих сослуживцев с нуля создали бизнес-проекты и успешно их развивают уже на протяжении ряда лет. Кроме Евгения Улина, о котором я уже писал, создали свои предприятия сотрудники 5-й службы Андрей Белов, Сергей Белозеров и Сергей Гербов. Николай Пономарев своим трудом, энергией и незаурядным талантом девелопера учредил Коммерческий центр «Питер», построив в нашем городе насколько рынков и крупных торговых центров. В его компании трудились и продолжают работать бывшие коллеги Николая, в том числе и те, кто

в годы службы в УКГБ ЛО были его начальниками.

Я не стану перечислять фамилии и должности всех генералов, заместителей министров и сенаторов, руководителей крупнейших холдингов, компаний и банков, вышедших из стен Большого дома. У меня, как и у подавляющего большинства ветеранов клуба «Дом-4», нет поводов часто вспоминать их и обращаться к ним. А вот Юрия Федотова, заместителя генерального директора по безопасности нашего питерского футбольного клуба «Зенит», последнего секретаря комсомольской организации УКГБ ЛО, я вспоминаю каждый раз, когда сажусь к телевизору, чтобы поболеть за свою любимую команду.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Я в долгу…
перед всем,
о чем еще не успел
написать!
Владимир Маяковский

Встреча членов Клуба «Дом 4» в здании УФСБ по СПб и ЛО, 2003 год

Чекистское братство, совместная нелегкая служба в органах государственной безопасности не забываются, не могут забыться. И хотя мы давным-давно служим в различных коммерческих предприятиях, государственных учреждениях, мы все равно остаемся верными старым, но не устаревшим принципам взаимовыручки и поддержки друг друга. Мы привыкли жить и работать в дружном коллективе Большого Дома Управления КГБ-ФСБ, поэтому у нас, уже пенсионеров, проявлялось стремление к взаимному общению, которое самым естественным образом привело к созданию нашего офицерского мужского клуба.

Клуб ветеранов контрразведки «Дом-4» был создан в мае 1996 года по инициативе тогда еще относительно молодых по возрасту пенсионеров органов КГБ. Главным инициатором, «носителем идеи» стал Борис Васильевич Лавочкин, о чем я уже писал, вспоминая товарищей из 2-й службы. Борис, будучи отличным художником, стал автором логотипа клуба и нашего фирменного значка. Позднее у членов клуба появились удостоверения, исполненные по образцу и подобию тех, которые мы использовали во время службы в КГБ, изготовленные «чекистским первопечатником» Александром Тягуновым.

Доброта, отзывчивость и коммуникабельность Лавочкина исключительно способствовали сплочению мужского клуба, обретению места постоянных встреч в Доме архитектора (особняк Половцева на Большой Морской, 48), которые уже почти 20 лет проходят в последнюю среду месяца. Уже многие годы день 30 октября ассоциируется у меня не с днем памяти жертв политических репрессий, хотя я отдаю дань памяти невинно осужденным и погибшим в мясорубке ГУЛАГа, а с днем рождения нашего первого Президента клуба «Дом-4» Бориса Васильевича Лавочкина. Я всегда рад слышать в этот день его голос, желаю ему здоровья и бодрости духа. Будь здоров, Борис. Тебя очень любят и ждут в клубе «Дом-4!»

Большой удачей было привлечение в качестве секретаря клуба единственной женщины, организующей наши встречи и мероприятия – Елены Савельевны Тихомировой, разносторонне эрудированной женщины-журналиста, бывшего сотрудника пресс-службы УФСБ. Сколько творческих, нестандартных инициатив было реализовано нашей всеобщей любимицей Еленой Прекрасной за эти годы! Сколько заботы и

труда она проявила для того, чтобы разнообразить содержание наших встреч.

Вспоминаю наши блестяще организованные экскурсии в Павловск и Пушкин, Ломоносов, Государственный Эрмитаж, Строгановский дворец, на форты Кронштадта и комплекс защитных сооружений города от наводнения. Разве можно забыть и вспоминать без трепета водные экскурсии по акватории Невы и Финского залива?

Именно благодаря стараниям Лены стали регулярными встречи членов клуба «Дом-4» с яркими личностями, ставшими гостями клуба и нашими собеседниками. Почетный гражданин Санкт-Петербурга, тренер по фигурному катанию Тамара Москвина, профессор Т. В. Черниговская ни по одному разу были у нас на заседаниях, рассказывая о себе, отвечая на вопросы, просто по-человечески общаясь. Актеры, певцы – Сергей Мигицко, Эдуард Хиль, Евгений Дятлов, Леонид Неведомский, Владимир Литвинов, писатель Юрий Андреев, футболисты «Зенита-84», ставшие чемпионами СССР – все эти люди были нашими гостями и собеседниками. Стоит подчеркнуть, что им, этим «звездам» культурной, научной и спортивной сфер, было также интересно общаться с членами клуба ветеранов контрразведки.

1 октября 2015 года в помещении Окружного Дома офицеров был объявлен «большой сбор». Наш бывший коллега, старший следователь по особо важным делам УКГБ ЛО Владимир Васильевич Егерев, привел на клуб своего давнего друга – всемирно известного скульптора и художника Михаила Шемякина. Без малого три часа длился монолог яркого, своеобычного человека, представившего нам свое литературно-художественное издание «Две судьбы. Владимир Высоцкий и Михаил Шемякин». Много интересного, эксклюзивного услышали ветераны-чекисты о «барде всея Руси» Владимире Высоцком от его близкого друга.

Самым удивительным на этом вечере-встрече было то, что сам Михаил Михайлович, человек трудной, драматичной судьбы, уже давно ставший «человеком мира», общался с бывшими сотрудниками контрразведки с большим уважением и даже благодарностью за то, что «выдворяя меня из Союза, вы спасли меня, как художника. Я не забуду тех людей, которые, как я смог убедиться, не желали мне зла, а по-своему защищали от нападок функционеров из Союза художников».

Экскурсии членов Клуба в Ропшинскую усадьбы, Океанариум

Секретарь Клуба – Елена Тихомирова

Гости Клуба – актер Сергей Мигицко, писатель Семен Альтов, художник Михаил Шемякин

Сожалею, что эта встреча не стала достоянием телезрителей. Телевизионные ток-шоу малаховых-корчевниковых могли бы отдыхать, если бы зрители увидели и прочувствовали живой, несрежиссированный «нерв человеческого общения», доставившего удовольствие не только нам, ветеранам-чекистам, но и самому мэтру Шемякину и его жене, американке Саре. Чего стоит только спонтанно организованное по просьбе Михаила Михайловича хоровое исполнение старой комсомольской песни «Там, вдали, за рекой…», когда импровизированным хором дирижировал маэстро Шемякин!

23 декабря 2015 года члены нашего клуба «Дом-4» отмечали «День работника органов государственной безопасности». Правление клуба оказало мне высокую честь, назначив «управдомом», наделив, как атрибутом власти, красным шарфом. По традиции мы зажгли свечи и исполнили свой гимн: песню Олега Газманова «Офицеры». Были произнесены тосты за нашу встречу, за праздник сотрудников органов государственной безопасности, Президент клуба поздравил с днем рождения именинников, рожденных под знаком Стрельца. Молча, третьим тостом мы помянули тех товарищей, которых нет с нами, кто не дожил до этого дня…

Пользуясь правом ведущего, я произнес тост, адресованный моим сослуживцам:

«Дорогие друзья, коллеги!!! Мы живем в непростое время. Падает российский рубль, растет курс иностранной валюты. Но у нас, чекистов 70-х – 90-х годов прошлого XX века, есть своя твердая валюта: идейная убежденность, профессионализм, преданность своему долгу по защите безопасности нашей родины.

Мы не растеряли своих личных и деловых качеств: духовности, коммуникабельности, дружелюбия, ответственности за порученное дело, беспощадности к тем, кто покушается на разрушение нашей страны, основ нашей национальной идентичности.

Коллеги! Сегодня, как и прежде, наши позывные «свой-чужой» работают без сбоев. Давайте поднимем бокалы и выпьем за нашу чекистскую службу, за нашу дружбу, сохраненную на протяжении многих лет. Пусть наши позывные «свой-чужой» никогда не попадут к нашим противникам!»

Мы долго, с хорошим настроением общались друг с другом. Кто-то обсуждал результаты матчей Лиги чемпионов по футболу, кто-то посетовал, что питерские хоккеисты в этом сезоне «не очень, чтобы очень». Некоторые поделились и даже похвастались (имеют право!) успехами внуков и радостью за детей, уже давно ставших взрослыми. Перед тем как расходиться по домам, я напомнил друзьям, что надпись «к себе» была на внутренней стороне дверей нашего Большого дома. Она указывала нам направление пути после многих часов тяжелой, ответственной службы, на которую мы годами приходили ранним утром и уходили поздним вечером, чтобы отдать «от себя» всю свою энергию, знания, преданность службе, положив их на алтарь нашего Отечества.

В конце мая 2016 года нашему клубу «Дом-4» исполнится 20 (!) лет. Может, нам удастся провести это юбилейное заседание в здании Большого дома? Дай Бог, чтобы все из нас были живы и здоровы!

Вместо эпилога

Перечитывая вновь и вновь текст этих воспоминаний, я с огорчением для себя, как автора, осознал, что мои сослуживцы и друзья в реальной жизни были значительно интереснее и своеобразнее, чем мне удалось их представить. Хочу верить, что мои коллеги-ветераны смогут вспомнить о героях этого очерка какие-то свои, важные, запомнившиеся им факты, рассказать о них на наших встречах. Поэт-фронтовик Анатолий Чепуров в своих стихах сказал замечательные слова: «О человеке надо говорить, пока он слышит!» Надеюсь, что современные молодые россияне, если им доведется читать эту книгу, смогут более объективно представить жизнь и службу сотрудников органов КГБ еще не столь далеко ушедшего в историю времени.

Осознаю, что мои воспоминания грешат описательностью, зачастую мне не удалось раскрыть глубину характеров товарищей по службе, ограничившись лишь эскизными портретами дорогих мне людей, образы которых очень сложно представить, не рассказывая об их работе по защите безопасности нашего Отечества. С самого начала работы над этим очерком я принял решение не касаться особенностей и результатов оперативной работы своих сослуживцев, ставших героями моих воспоминаний. Не хочется, нельзя скороговоркой и «по верхам» говорить об очень серьезной, важной и ответственной службе контрразведывательных подразделений. Уверен, что время для подобных воспоминаний уже

пришло, но для таких публикаций нужен, как сейчас говорят на телевидении, «другой формат».

Я выражаю глубокую благодарность всем моим друзьям, товарищам и коллегам по службе в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области, помогавшим мне в написании этого очерка. От общения с ними я получил огромное удовольствие. Даже разговаривая по телефону, можно было почувствовать, как оживлялись и молодели коллеги-ветераны, вспоминая свою чекистскую молодость.

(В материале использованы фотографии из личных архивов П. К. Кошелева и А. О. Богатырева)

А. А. Добровольский
А. П. Конташов

ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ ВЫВОДА ВОЙСК (1989–1991ГГ.)

(посвящается 25-летию вывода советских войск из Афганистана)

15 февраля 1989 года завершился вывод советских войск из Афганистана. Советская армия, находившаяся в Афганистане более девяти лет, выполнила свой воинский долг. Но «афганская тема» осталась в памяти наших людей на многие годы. Военнослужащих – и тех, кто продолжал служить, и уволенных в запас – стали называть воинами-интернационалистами, а в народе – «афганцами». Начали создаваться общественные объединения «афганцев», многие ежегодно встречаются 15 февраля, отмечают день вывода войск из Афганистана и вспоминают «Афган». Афганистан стал частью истории Советского Союза и России.

Армия из Афганистана ушла, но советские военные контрразведчики еще в течение нескольких лет продолжали работать в Афганистане и выполнять свой нелегкий служебный долг. Это была группа сотрудников Представительства КГБ СССР при Министерстве госбезопасности Республики Афганистан, которой руководил военный контрразведчик – заместитель руководителя Представительства полковник Стрельников Михаил Васильевич.

В период с февраля 1989 по декабрь 1991 года в Афганистане в составе Представительства КГБ проходили службу сотрудники военной контрразведки (ВКР): Кравцов В.А., Добровольский А.А., Конташов А.П., Преловский Ю.В., Минко И.Д., Зимовец А.Т., Вартанян Р., Балдин В.В., Мосейко А. А.

Задачи сотрудников Представительства КГБ заключалась в оказании профессиональной помощи органам военной контрразведки МГБ Афганистана, а также в своевременном информировании руководства

Представительства и Ведомства обо всех изменениях в политической, военной и оперативной обстановке в стране и вооруженных силах. Сотрудников ВКР в Представительстве КГБ было немного – в течение 1989–1991 годов постоянно работало не более четырех человек.

Работа в Афганистане велась в отсутствие советских войск и с учетом изменившегося соотношения противоборствующих сил – правительства президента Наджибуллы и непримиримой вооруженной оппозиции, оставшихся друг перед другом лицом к лицу.

Войну в Афганистане, как в период пребывания советских войск, так и после их вывода, нельзя представлять как непрекращающиеся боевые действия. Не было четких линий фронта, разделяющих противоборствующие стороны. Вместо них были условные территории, которые соответственно контролировались правительством Наджибуллы или оппозицией. Война проявлялась в периодических вооруженных нападениях противника на колонны, посты, обстрелах переносными реактивными установками и минометами расположений гарнизонов, населенных пунктов, ударах переносными противовоздушными средствами по самолетам и вертолетам, в минировании дорог и подрывах военной и гражданской техники. Эти операции моджахедами проводились, в основном, небольшими группами, после чего они покидали эти места, чтобы не попасть под ответный удар из тяжелого вооружения афганских или советских войск. Это была партизанская война. Но она от этого не была менее опасной.

В этот период при участии советников – военных контрразведчиков активно работали органы госбезопасности, в частности, Главное Управление военной контрразведки МГБ, которым оперативная обстановка в войсках, а также действия противника в окружении гарнизонов в целом контролировались достаточно полно и всесторонне. Органами военной контрразведки своевременно были предотвращены многие подрывные акции непримиримой вооруженной оппозиции, нацеленные против войск.

Сразу же после вывода войск и значительного сокращения численности Представительства КГБ возникла некоторая напряженность в отношениях между афганцами из числа военных, которые непривычно для себя остались одни и чувствовали себя несколько обиженными, и советскими советниками, которые на какое-то время оказались ограниченными в доступе к важной информации, характеризующей обстановку в Афганистане. Такое положение вызывало определенные сложности в отслеживании обстановки в стране и вооруженных силах, в то время как такая задача в тот период была приоритетной.

В этой обстановке, весной 1989 года, когда до минимального количества был сокращен советнический аппарат по линии КГБ, Минобороны СССР и других ведомств, Стрельников М.В. проявил себя как хороший организатор и энергичный руководитель. Несмотря на некоторую нервозность, которая сохранялась в афганских правительственных и военных кругах после того, как Афганистан остался без советских войск, Стрельников М.В. сумел в короткие сроки восстановить взаимодействие Представительства КГБ с высшим командным составом Министерства обороны РА, обеспечить получение руководством Представительства КГБ оперативной информации об изменениях военной обстановки в стране в первые дни, недели и месяцы после окончательного вывода советских войск.

Сотрудникам Представительства КГБ – военным контрразведчикам приходилось ежедневно бывать в Главном Управлении военной контрразведки МГБ Афганистана, Министерстве обороны, встречаться с многочисленными работниками силовых ведомств, получать и оценивать официальную и оперативную информацию об изменениях обстановки в вооруженных силах и стране, своевременно ее обобщать и докладывать руководству, а также оказывать помощь афганским партнерам в принятии важных управленческих решений.

Работа советников ВКР проходила в сложной обстановке. После вывода советских войск из Афганистана весной 1989 года, вооруженная оппозиция предприняла две крупные попытки вооруженным путем захватить стратегически важные населенные пункты Джелалабад и Хост. Но афганскими правительственными войсками эти атаки были отбиты. Это явилось серьезным испытанием власти президента Наджибуллы на прочность. Впервые, без участия советских войск, афганские вооруженные силы продемонстрировали стойкость и готовность самостоятельно решать сложные боевые задачи. Эти две победы развеяли пессимизм тех, кто сомневался в устойчивости кабульского режима после вывода советских войск из Афганистана. После этих неудач в течение 1989 года противоборствующие стороны продолжали вести отдельные бои, но военной активности, подобной той, которая была под Джелалабадом и Хостом, оппозиция уже не проявляла.

Из обстановки, складывавшейся в 1989 году, было совершенно очевидно, что отдельные прогнозы о падении кабульской власти без поддержки советских войск не подтвердились. Режим Наджибуллы и после вывода советских войск из Афганистана вполне уверенно удерживал власть в стране, контролировал все провинциальные центры, основные уезды и главные дороги. Безусловно, Кабул опирался на экономическую и военно-техническую помощь Советского Союза, но власть в стране удерживал исключительно посредством собственных вооруженных сил, силовых ведомств и властных структур.

После вывода советских войск из Афганистана в структуре афганских вооруженных сил произошли значительные перемены. Из Министерства обороны в МГБ были переданы отдельные воинские соединения, сформирована Гвардия особого назначения. Это было сделано с целью диверсификации вооруженных сил, создания баланса, не допускающего чрезмерной концентрации воинских частей и вооружения только в одном министерстве. Такое разделение, с одной стороны, затрудняло управление войсками разной ведомственной подчиненности при выполнении общих боевых задач, но с другой – оказалось своевременным шагом. В порядке небольшого отступления следует заметить, что уже через год, весной 1990 года, министр обороны Шах Наваз Танай предпринял попытку государственного переворота, которая была сорвана, благодаря, в том числе, перераспределению войск и вооружений между разными министерствами. Шах Наваз Танай не смог осуществить переворот, опираясь только на возможности Министерства обороны, не имея влияния на войска МГБ.

Все эти перемены учитывались советниками ВКР в процессе организации работы с партнерами – афганскими военными контрразведчиками. На органы военной контрразведки Афганистана возлагались огромные задачи по обеспечению безопасности войск, особенно принимая во внимание перевооружение афганских вооруженных сил на новые образцы вооружения. На этом были сосредоточены и усилия советников ВКР, работавших в Главном Управлении военной контрразведки МГБ РА.

Основная опора кабульского режима – вооруженные силы Афганистана, в которые входили войска Министерства обороны, МГБ, МВД (Царандоя), были дополнительно усилены боевой техникой и вооружением, поставленными из Советского Союза. Численность армейских корпусов была увеличена до шести. Успешно проявила себя, как ударная сила с высокой степенью боеготовности, вновь созданная Гвардия особого назначения, входившая в состав МГБ РА.

В Кабуле был впервые сформирован ракетный дивизион, осуществлявший пуски ракет «Р-300», или СКАД, как их именовали, дальностью действия до 300 км. Ракеты «Р-300» – это был для Афганистана новый вид оружия, которым он прежде не обладал. Появление таких ракет в Афганистане стало явлением исключительным, о чем следует остановиться немного подробнее.

Ракетный дивизион был расположен на окраине Кабула, занимал здание и территорию, где ранее размещался штаб 40-й армии во время пребывания советских войск в Афганистане. Пуски ракет осуществлялись регулярно, в основном, по юго-восточным районам страны, однако было очевидно, что афганцы еще не были готовы к обращению с такой сложной боевой техникой. Советникам ВКР неоднократно приходилось бывать в расположении ракетного дивизиона, где находились в постоянной боевой готовности развернутые стартовые позиции, с целью оценки вместе с афганскими партнерами состояния организации контрразведывательного обеспечения безопасности дивизиона, степени соблюдения мер безопасности при обращении с изделиями и ракетным топливом, защищенности позиций от диверсионных актов противника. Ракетные удары наносили не только крупные разрушения, но и оказывали сильное морально-психологическое давление на противника. Поэтому дивизион был объектом первоочередных устремлений противника, и его физическая и оперативная защита представляла собой важнейшую задачу, стоящую перед командованием и органами госбезопасности.

Недостатков в системе мер защиты дивизиона было множество. Противодиверсионная защищенность была крайне низкой. Обращение с ракетным топливом происходило с грубыми нарушениями, в результате чего на территории дивизиона, где постоянно находился личный состав, стоял устойчивый запах окислителя. Изделия и ракетное топливо в дневное время практически без маскировки через весь Кабул перевозились из аэропорта, куда доставлялось самолетами, к месту дислокации дивизиона. Охрана колонн во время таких транспортировок была слабой. Однажды такая перевозка закончилась тем, что в центре Кабула, во время движения колонны, опрокинулась и открылась бочка с окислителем, в результате чего над городом длительное время стояло ядовитое оранжевое облако. На все эти недостатки и проблемы группой

Стрельникова М.В. постоянно обращалось внимание афганских партнеров – военных контрразведчиков для принятия соответствующих мер.

Работа советников ВКР велась не только в органах военной контрразведки, находившихся в Кабуле, но и в провинциях Афганистана. В 1989 году Стрельников М.В. и Добровольский А.А. побывали в командировках в Кандагаре, Хосте, Джелалабаде, Герате, Шинданде, Мазари-Шарифе, Чарикаре, Кундузе, Хайратоне, Тургунди. Обстановка везде сложилась примерно одинаковая: кабульская власть контролировала свою территорию, непримиримая оппозиция – свою. Обстрелы противником гарнизонов и постов были уже не такими частыми, как ранее. Афганская армия была предана президенту Наджибулле, что подтверждалось не только внешними признаками, но оперативными данными афганских органов военной контрразведки. Военная контрразведка МГБ Афганистана непрерывно контролировала оперативную обстановку, своевременно пресекала враждебные акции, направленные против вооруженных сил, оказывала помощь командованию в поддержании боеготовности войск.

В течение 1989 года авторам этой статьи пришлось побывать в Джелалабаде дважды. Первый раз в июле 1989 года, второй раз – месяц спустя. Вторая поездка состоялась в связи с визитом в Джелалабад президента Наджибуллы. Его посещение Джелалабада преследовало цель провести встречу со старейшинами племен провинции Нангархар и обсудить с ними ход реализации политики национального примирения, проводившейся правительством Наджибуллы в этом регионе. Это была его первая поездка по стране после вывода советских войск. На нее возлагались большие надежды, как на реальный шаг в укреплении в Афганистане авторитета власти президента Наджибуллы.

Группу наших сотрудников Представительства КГБ в этой поездке возглавлял его руководитель – генерал Ревин Валентин Алексеевич. Ревин В.А. руководил Представительством КГБ в Кабуле не один год и глубоко владел обстановкой в Афганистане. Это был требовательный и вдумчивый руководитель, спокойный и уравновешенный человек. Исполнительская дисциплина в Представительстве была на высоком уровне и обеспечивалась его твердой волей. Выезжая в провинции, Ревин В.А. всегда подробно вникал во все вопросы, интересовался даже малейшими деталями, характеризующими политическую, военную и оперативную обстановку на местах.

Поездка прошла результативно. После прибытия в аэропорт Джелалабада президент Наджибулла и его окружение сразу же направились к месту проведения встречи со старейшинами. В зале, куда прибыла делегация, собралось довольно много людей – это были настоящие старейшины и местные авторитеты, одетые в национальную одежду, все в возрасте, седобородые. При появлении президента Наджибуллы все поднялись, оживленно и с интересом реагировали на его появление. Наджибулла тепло поприветствовал собравшихся старейшин и выступил с речью, длившейся около часа. Речь он произносил своими словами, не читая по бумаге. Говорил четко, выразительно, доходчиво. Наджибулла в своем выступлении разъяснил идеи и цели политики национального примирения, многократно приводил успешные примеры ее реализации, имевшие место в других районах страны. В провинции Нангархар, граничащей с Пакистаном, таких примеров было недостаточно. Присутствовавшие старейшины слушали его с большим вниманием и по окончании выступления одобрительно аплодировали.

После встречи делегация убыла на аэродром и вылетела в Кабул. Поездка Наджибуллы в важную приграничную провинцию и встреча с авторитетными людьми имела большое политическое значение. Население могло видеть и понимать, что президентская власть не ограничена Кабулом, а распространяется и на другие территории Афганистана.

С учетом опыта первой поездки в Джелалабад планировались и дальнейшие регулярные выезды президента Наджибуллы в провинциальные центры Афганистана и его выступления перед местными авторитетами и старейшинами.

В первых числах сентября 1989 года нам пришлось предпринять важную поездку в город Хост, расположенный в юго-восточной части Афганистана, вблизи пакистанской границы и имевший важное стратегическое значение. Этим же самолетом в Хост вылетела группа военных советников, возглавляемая Гареевым М.А.

Поездка оказалась небезопасной. После попытки вооруженной оппозиции в апреле – мае 1989 года вооруженным путем овладеть наиболее близким к пакистанской границе городом Хост противник все же сумел совсем близко приблизиться к Хосту, установить всего в нескольких километрах от города переносные реактивные установки и обстреливать из них город и аэродром. Взлетно-посадочная полоса аэродрома в Хосте находилась под постоянным обстрелом противника.

При подлете к Хосту, непосредственно перед посадкой самолета, на аэродроме была включена подсветка взлетно-посадочной полосы.

Самолет приземлился и покатился по полосе, имевшей грунтовое покрытие. Все было спокойно до того момента, пока пилот не включил тормозной реверс. С момента включения шумно работающего реверса противник уже знал о прибытии самолета, стрельба по пристрелянной взлетно-посадочной полосе и прилетевшему самолету могла начаться в любую минуту.

Когда самолет подрулил к стоянке, прозвучала команда срочно покинуть самолет и направиться в подготовленный блиндаж-землянку, служивший укрытием от обстрелов.

Все быстро покинули самолет, в этот момент начался обстрел аэродрома. Был слышен свист летящих реактивных снарядов – «эрэсов», как их называли, и разрывов в непосредственной близости от прибывших из Кабула советников. Все бросились в направлении блиндажа, который был от самолета примерно в ста пятидесяти метрах. Все происходило в кромешной темноте, мелькали только едва видимые в лучах ручных фонариков спины бегущих.

Обстрел длился минут десять – пятнадцать. Все обошлось, после чего группу советских советников провели к ожидавшему бронетранспортеру.

В Хосте советские советники провели одни сутки. Состоялась рабочая встреча с руководством и коллективом управления МГБ и военной контрразведки 25-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Хосте. Прибывший представитель МГБ вручил начальнику управления орден, которым он был награжден указом президента Афганистана. Побывали на боевых позициях войск. Все время пребывания в Хосте прошло спокойно, обстрелов со стороны противника не было. Местные руководители объяснили, что после неудачной весенней попытки захвата Хоста противник больше никаких наступательных операций не предпринимал, ограничиваясь, в основном, обстрелами аэродрома и позиций войск на окраине города. В целом, обстановка в городе, властных структурах, органах и войсках Хоста была стабильная, не вызывавшая тревоги.

Уезжали советники из Хоста также ночью. Приехав на аэродром, увидели, что группу уже ожидает прилетевший самолет АН-32. Сразу же отправились не в самолет, а в блиндаж. И в эту минуту начался обстрел аэродрома реактивными снарядами. Начало обстрела могло быть не случайным, так как совпало с моментом приезда делегации на аэродром. Возникло предположение, что возможна была утечка информации к противнику. Однако в последующем данных, подтверждающих это,

получено не было. Возвращение в Кабул прошло благополучно.

На межгосударственном уровне поддерживались дружественные отношения между афганской армией и советскими войсками, дислоцировавшимися у южных границ Советского Союза. Осенью 1989 года в советском приграничном городе Кушке, который в 1992 году переименован в Серхетабад, командованием Туркестанского военного округа была проведена дружественная встреча с высшим руководством афганской армии. С афганской стороны делегацию возглавлял министр обороны Афганистана Шах Наваз Танай, с советской стороны – представители командования ТуркВО. Во встрече также принимал участие Гареев М.А. – главный военный советник в Афганистане, а также военные контрразведчики – авторы этой статьи. В составе афганской военной делегации был начальник Главного Управления военной контрразведки генерал Хесамутди Хесам и группа его сотрудников, обеспечивавших безопасность этого важного военно-политического мероприятия.

Генерал-полковник Гареев Махмуд Ахметович после вывода советских войск в 1989 году сменил генерала армии Варенникова В.И., который провел в Афганистане много лет. Гареев М.А. – опытный военачальник, участник Великой Отечественной войны. Он прибыл в Афганистан в очень напряженное время, когда завершался вывод советских войск. Первые месяцы после вывода советских войск были в Афганистане самыми напряженными, и от действий афганских вооруженных сил зависело многое. Гареев М.А. «принял армию Афганистана» без советских войск и на нем лежал груз огромной ответственности за ее действия по обеспечению защиты кабульского режима. Именно Гарееву М.А., Ревину В.А. и другим руководителям советнических аппаратов в силовых структурах Афганистана, принадлежит большая заслуга в том, что афганские вооруженные силы, включавшие в себя войска трех министерств: МО, МГБ, МВД в течение первых месяцев после ухода советских войск успешно защищали власть в ходе напряженного военного противостояния с оппозицией.

Для участия в советско-афганской встрече в Кушке военных делегаций СССР и Афганистана мы вместе с группой Гареева М.А. на самолете ИЛ-76 вылетели из кабульского аэропорта в расположение войск ТуркВО. Приземлились на территории Советского Союза на одном из военных аэродромов. Далее на военном вертолете их доставили в Кушку.

В тот же день в Кушку прибыла афганская делегация. Произошла торжественная встреча. Затем была проведена рабочая встреча и обед. Мероприятие прошло в дружественной обстановке, была отмечена роль афганской армии в поддержании режима безопасности на прилегающей к Советскому Союзу территории, обсуждены направления дальнейшего усиления контроля в приграничной зоне. Все мероприятия были проведены в течение одного дня.

После завершения встречи советские советники вместе с афганской делегацией отправились на территорию Афганистана в приграничный населенный пункт Тургунди, а затем в Герат, Шинданд и Кабул.

Министр обороны Афганистана Шах Наваз Танай уверенно и авторитетно провел встречу с советским военным командованием. Он произвел впечатление энергичного и профессионально подготовленного в военном отношении генерала. Шах Наваз Танай был халькист, но, несмотря на это, ему был доверен важный пост министра обороны. Но уже через год, в 1990 году, он предпринял в Кабуле попытку совершения государственного переворота. Попытка захвата власти была сорвана, и Шах Наваз Танай бежал в Пакистан, где примкнул к непримиримой вооруженной оппозиции в лице Исламской Партии Афганистана, возглавляемой Гульбетдином Хекматьяром. Шах Наваз Танай окончательно подорвал доверие кабульской власти к сторонникам фракции «хальк», которые и без предательства министра обороны его практически не имели.

В предотвращении переворота заслуга, в первую очередь, принадлежала Главному Управлению военной контрразведки, которым своевременно была получена и реализована оперативная информация об изменнических приготовлениях министра обороны. Именно благодаря этому, а также своевременному подключению войск МГБ были сорваны планы по совершению государственного переворота.

Происходило в этот период взаимодействие и на уровне органов военной контрразведки Советского Союза и Афганистана. В 1990 году Афганистан вторично посетил первый заместитель начальника Третьего Главного Управления КГБ СССР вице-адмирал Жардецкий А. В. Первый раз он посещал Афганистан в 1998 году. Между Жардецким А.В. и начальником Главного Управления военной контрразведки МГБ РА генерал-полковником Хесамутдином состоялись результативные встречи, обсуждение путей решения задач, охватываемых интересами военных

контрразведок обеих стран, намечены пути дальнейшего сотрудничества в этой сфере.

В 1989–1990 годах в Афганистан совершали служебные командировки представители третьего отделения Третьего Главного Управления КГБ СССР – Безверхний А.Г., возглавляющий в настоящее время Департамент военной контрразведки ФСБ России, Зубарев А.Н., которым советниками ВКР, находившимися в тот период в Афганистане, было оказано необходимое содействие.

Летом 1991 года руководителем Представительства КГБ Ревиным В.А. было объявлено о готовящемся приезде из Москвы в Кабул делегации, возглавляемой руководством Первого Главного Управления КГБ СССР. Планировался выезд в Герат. В соответствии с распоряжением Ревина В.А. группа сотрудников во главе со Стрельниковым М.В. за два дня до прилета основной делегации вылетела в Герат, чтобы на месте с афганскими партнерами предусмотреть необходимые меры безопасности пребывания московской делегации.

В назначенный день московская делегация прибыла в Герат. Все встречи, запланированные согласно протоколу, были проведены вовремя. Безопасность пребывания делегации была полностью обеспечена территориальными органами МГБ и военной контрразведки 4-го армейского корпуса. Все прошло на хорошем организационном уровне. В тот же день после обеда делегация отбыла в Шинданд для вылета в Кабул.

Заслуживает отдельного внимания экономическая ситуация в Афганистане в эти годы. Несмотря на сильное влияние Советского Союза на Афганистан в период с 1980 по 1991 годы, в отличие от политической, экономическая система страны серьезных изменений все же не претерпела. Следует подчеркнуть, что, благодаря сохранению сложившегося векового хозяйственного уклада и рыночной экономики в Афганистане, в этот период в стране не было ни голода, ни кризисов с поставками продовольствия в города из сельских районов. Несмотря на то, что уже десять лет продолжалась гражданская война, торговля в Афганистане не затихала, товары двигались в нужных рынку направлениях, находили свои места сбыта и потребления. Как нигде, рыночная экономика показала свою живучесть и жизнестойкость. Каким образом товары перемещались в Афганистан из других стран, в том числе из недружественных Пакистана и Ирана, – доподлинно не известно. Какие пошлины платились при пересечении границ вооруженной оппозиции и не подчиняющимся Кабулу племенам, можно было только догадываться. Но

это не останавливало частную торговлю, товар поступал в Кабул и во все остальные города и населенные пункты Афганистана независимо от того, какой властью эти территории контролировалась. Торговля была как бы «над войной». Командование Кандагарского гарнизона, например, топливо для боевой техники закупало в Пакистане. Поставки из Пакистана осуществлялись через афганских торговцев, и враждебность соседнего государства не препятствовала афгано-пакистанской торговле, поддерживающей боеготовность афганских войск. Большие и малые города, деревни – все были заполнены рынками, магазинами и небольшими лавками-дуканами, где продавалось все, что имело хоть какую-то стоимость.

Несмотря на бедность, продолжавшуюся длительное время гражданскую войну, Афганистан, благодаря торговле в условиях сохранившейся рыночной экономики, не столкнулся с угрожающей гуманитарной катастрофой.

В 1998 году нескольким торговцам – владельцам магазинов-дуканов в Кабуле был задан вопрос о том, как они относятся к тому, что советские войска ушли из Афганистана. Их ответ их был неожиданным и почти во всех случаях одинаковым:

– Войска не надо было вводить, а ввели – не надо было выводить!

Эти ответы остаются без комментариев, за исключением одного вывода – из сказанного было понятно, что афганцам были важны, в первую очередь, спокойствие, безопасность и стабильность, пусть даже в условиях присутствия советских войск.

Обстановка в Афганистане в течение 1990–1991 гг., за исключением попытки совершения государственного переворота, оставалась относительно стабильной. Противоборствующие стороны – кабульский режим и вооруженная оппозиция словно смирились с расстановкой сил и условным разделением зон контроля. Советский Союз продолжал оказывать Афганистану экономическую и военную помощь, правительство Наджибуллы, к этому времени уже третий год после вывода советских войск, вполне уверенно контролировало свои территории. Исключение составляли отдельные северо-восточные провинции Афганистана, где кабульской власти небезуспешно противостояли вооруженные формирования известного в Афганистане полевого командира моджахедов – Ахмад Шаха Масуда.

В Афганистане в этот период происходили политические перемены, связанные с реформированием системы власти. В 1990 году НДПА

была переименована в ВАТАН – «Отечество», а еще ранее она перестала быть руководящей партией в стране. Власть перешла от генерального секретаря ЦК НДПА к президенту страны, которым уже третий год был Наджибулла. Афганистан постепенно отходил от советско-партийной модели управления: исполнительная власть была сосредоточена у президента, функции представительных органов – у Высшего Совета (исторически традиционного органа – Лоя джирги) и Национального Совета. Несмотря на то, что и президент, и Национальный Совет были избраны посредством представителей и не прошли процедуру всенародного голосования, что в условиях гражданской войны в Афганистане провести было невозможно, имелись все признаки разделения властей, включая самостоятельную судебную систему.

В 1991 году правительство Наджибуллы продолжало проводить политику национального примирения. Власти на местах, за исключением упомянутых северо-восточных провинций, чувствовали себя достаточно уверенно, армейские части, подразделения МГБ и МВД, оставались верными кабульскому режиму и со своими задачами, в основном, справлялись. Отдельные активные, в том числе наступательные, боевые действия правительственных войск против вооруженной оппозиции проводились в юго-восточных районах, куда из северных провинций привлекались национально-территориальные подразделения дивизии под командованием Рашида Дустума. Дивизия состояла, преимущественно, из узбеков, а районы боевых действий были населены пуштунскими племенами. Узбеки усердно воевали против пуштунов, однако это только усиливало межнациональную вражду, и без того накалившуюся в Афганистане к тому времени.

Казалось, что образовавшийся в течение последних лет паритет в отношениях между Кабулом и вооруженной оппозицией еще более укрепился. Однако, в действительности все было не совсем так. Кабульская власть стабильно контролировала районы в центре, на юге, востоке и западе страны. Но на северо-востоке и частично на севере инициативой овладела оппозиция и ее вооруженные отряды под командованием Ахмад Шаха Масуда, которые в 1991 году провели ряд успешных боевых операций против правительственных войск.

В этот период вооруженным формированиям Ахмад Шаха Масуда удалось добиться самых крупных успехов за все время десятилетнего противостояния между Кабулом и вооруженной оппозицией. Ими были захвачены провинция Тахор, важные населенные пункты Зибак, Вахан, Ишкашим, Шигнан в провинции Бадахшан. Противником было захвачено большое количество танков, артиллерийских орудий, военной техники и боеприпасов. Им был нанесен ощутимый морально-политический удар по кабульскому режиму и его сторонникам. В результате этого на севере и северо-востоке значительно увеличилась численность населения, проживающего на контролируемых оппозицией территориях. В провинции Бадахшан численность населения, проживающего в районах, контролируемых оппозицией, стала более чем в 11 раз (!) превышать численность жителей г. Файзабада и населенных пунктов Шахре Бозорг и Дарваз, где сохранялась власть Кабула. Это свидетельствовало не только о низком влиянии центральной власти на население провинции, но и о его ограниченных возможностях по проведению призыва в армию новобранцев из этого района страны.

Работа советников – военных контрразведчиков в 1991 года продолжалась в постоянно меняющейся политической обстановки в Афганистане, и, что важно, в СССР. В процессе выездов советников ВКР в провинции в 1991 году, а также на основании данных Главного Управления военной контрразведки и управлений МГБ на местах была тщательно изучена военная и оперативная обстановка в наиболее важных регионах Афганистана.

В 1991 году военно-политическая и оперативная обстановка в северных и северо-восточных провинциях Афганистана ухудшилась и свидетельствовала о настойчивом стремлении вооруженной оппозиции, возглавляемой в этом регионе Ахмад Шахом Масудом, к расширению зоны своего контроля, овладению основными уездами, а затем провинциальными центрами данного региона. Потеря провинции Тахор, ряда гарнизонов в Бадахшане, дальнейшее обострение обстановки в этой провинции – все это свидетельствовало о некотором переходе военной инициативы к противнику.

Особое положение в 1991 году, с учетом обострения военно-политической обстановки на северо-востоке страны, занимала провинция Кундуз. После овладения противником провинцией Тахор его вооруженные формирования на отдельных участках северо-восточного направления еще ближе подошли к городу Кундузу.

Падение Ходжагара, захват в короткие сроки и без особых усилий позиций 55-й пехотной дивизии, большого количества оружия и боеприпасов оказали сильное деморализующее воздействие на население

г.Кундуза и личный состав гарнизона. В определенной степени этому способствовали вышедшие из занятых противником районов остатки воинских формирований МО, МВД, МГБ, бывшие госслужащие, часть гражданского населения – всего до 40 тысяч человек, распространявших пораженческие слухи и упаднические настроения.

Среди лиц, прибывающих из Тахора в Кундуз, противник внедрял свою агентуру и провокаторов, ведущих специальную пропаганду по дискредитации власти и военного командования. Органами госбезопасности принимались меры по их своевременному выявлению.

Оценка действий противника в провинции Кундуз свидетельствовала о растущем влиянии в регионе Ахмад Шаха Масуда и принадлежащих ему вооруженных формирований. Его авторитет среди формирований непримиримой оппозиции и сила воздействия на население значительно возросли после захвата провинции Тахор.

Успехи оппозиции в Тахоре повлияли на обстановку в самих вооруженных формированиях моджахедов. Отдельные группы, принадлежавшие ИПА-Г, примкнули к Ахмад Шаху Масуду. Уменьшились противоречия и сократились военные конфликты, имевшие место между самими отрядами моджахедов. Полевые командиры неохотно шли на переговоры с государственными органами власти, практически приостановился процесс подписания Управлением МГБ провинции Кундуз протоколов с оппозицией о прекращении боевых действий и переходе на сторону правительства. Наряду с недостатками в боеготовности, высоким дезертирством негативным фактором оставалась хроническая нехватка офицерского состава, неукомплектованность штаба 6-го армейского корпуса.

Характерно, что ослабление в 1991 году позиций Кабула на севере и северо-востоке страны было обусловлено не только одними успехами Ахмад Шаха Масуда, но и подрывавшими центральную власть действиями сил, принадлежавших к самой власти. В провинции Фарьяб войсками, подчиненными Кабулу, в частности национальными узбекскими частями, входившими в состав 53-й дивизии под командованием Рашида Дустума, был развязан продолжительный и ожесточенный вооруженный конфликт с другими правительственными войсками – 525-й пограничной бригадой, состоявшей преимущественно из пуштунов. Вооруженное столкновение, в основе которого были межнациональные противоречия, не удавалось остановить даже при участии представителей Минобороны Афганистана.

В этот же период в провинции Балх длительное время продолжались ожесточенные бои между подразделениями 588-й пограничной бригады, на восемьдесят процентов состоящих из пуштунов, и другой правительственной воинской частью – территориальным батальоном Управления МГБ провинции, укомплектованным личным составом других национальностей.

На выявление межнациональной конфликтов в вооруженных силах также были направлены усилия органов военной контрразведки, так как неспособность армейского командования и руководства МГБ в течение длительного времени локализовать эти вооруженные конфликты была для Кабула тревожным сигналом об усилении межнациональной вражды в стране, приоритете национальных интересов над общегосударственными, свидетельством частичного выхода из подчинения Кабулу многочисленной дивизии Рашида Дустума и слабости центральной власти в вопросах управления собственными войсками.

В других основных провинциях Афганистана обстановка складывалась более стабильно.

В июле – августе 1991 года в провинции Нангархар отрядами оппозиции велись активные наступательные боевые действия, которые, перекрыв дорогу Кабул – Джелалабад, стремились отрезать снабжение Джелалабада. Однако многочисленные атаки моджахедов были отбиты, войска Джелалабадского гарнизона проявили стойкость и способность к организованной обороне. В то же время боевые действия выявили как сильные, так и слабые стороны в боеготовности войск.

Оценка положения дел в войсках и на постах безопасности в Джелалабаде позволяла сделать вывод о том, что оборона города в целом организована хорошо. Принимались меры по укреплению постов, для личного состава были оборудованы блиндажи, боевая техника и боеприпасы находились в укрытиях. Посты и командные пункты были обеспечены средствами связи. В зонах ответственности войск были оборудованы запасные командные пункты и огневые позиции артиллерии. Продолжалось укрепление постов в инженерном отношении, отрывка дополнительных траншей и ходов сообщений. Отработано огневое взаимодействие войск, обеспечено прикрытие стыков между зонами ответственности, что было наиболее уязвимым местом в обороне. Осуществлено минирование на направлениях вероятных атак противника. В каждой зоне ответственности имелись резервы с боевой техникой и

вооружением.

Организацию защиты Джелалабада осуществлял Военный совет провинции, возглавлявшийся генерал-губернатором Лудином. Военное командование 1-го армейского корпуса, 11-й пехотной дивизии, 4-й бригады, Царандоя четко и глубоко владело военной обстановкой, располагало данными о противнике и принимало на основе этого взвешенные решения в ходе управления войсками. На должном уровне было организовано взаимодействие всех сил гарнизона, что было подтверждено срывом операции, предпринятой отрядами оппозиции по блокированию Джелалабада в июле – августе 1991 года. Отработано взаимодействие войск Джелалабадского гарнизона с другими частями, защищающими провинцию Лагман.

Общая обстановка в Кандагарском гарнизоне также не вызывала больших беспокойств, несмотря на проблемы в боеготовности частей и соединений, а также увеличивающегося числа вооруженных формирований оппозиции в провинции. В то же время отсутствие активных боевых действий со стороны вооруженной оппозиции, за исключением обстрелов, породило у командования самоуспокоенность и элементы беспечности в вопросах поддержания боеготовности.

В 1991 году в районе Майданшахра, являющегося одним из важных секторов обороны Кабула, военным командованием была проведена значительная работа по укреплению оборонительных порядков, постов, повышению боеспособности войск. Оперативная обстановка свидетельствовала о том, что ситуация в зоне обороны Майданшахра силами войск гарнизона полностью контролируется. Гарнизон был достаточно укреплен, дальнейшая работа по усилению его оборонительных порядков продолжалась. Характер действий противника указывал на то, что потенциально он мог предпринять только отдельные атаки на посты или какой-либо участок обороны Майданшахра, однако не в состоянии добиться серьезного успеха на этом направлении.

В течение весенне-летнего периода 1991 года в приграничных северных провинциях Афганистана произошли некоторые изменения военно-политической и оперативной обстановки, отразившиеся на состоянии охраны советско-афганской границы погранвойсками Афганистана. Овладение противником провинцией Тахор, уездами Зибак, Ишкашим, Шигнан, Вахан в провинции Бадахшан позволили вооруженным формированиям оппозиции еще больше приблизиться к советской территории

на северо-востоке Афганистана. Имевшиеся в распоряжении афганских органов военной контрразведки оперативные данные свидетельствовали о причастности к контрабандной деятельности не только местного населения приграничных провинций, но и отдельных военнослужащих афганских пограничных частей.

Учитывая имевший место в 1990 году обстрел советской территории со стороны вооруженных формирований оппозиции, находившихся в провинции Кундуз, принимались меры по усилению контроля за действиями моджахедов, особенно отрядов Ахмад Шаха Масуда, располагавших тяжелым вооружением, захваченным у правительственных войск во время летней операции в Тахоре.

Анализ материалов, полученных в результате радиоперехвата, свидетельствовал о возросшем внимании непримиримой вооруженной оппозиции к событиям в среднеазиатских республиках СССР. Наибольшая активность прослеживалась со стороны формирований Ахмад Шаха Масуда, действовавших в провинциях Бадахшан, Тахор, Кундуз. Поступавшие ему рекомендации из Пакистана, а также его указания полевым командирам ориентировали на сосредоточение усилий по дальнейшему поддержанию нестабильности в Советском Таджикистане, вплоть до разжигания национальной вражды между таджиками и другими национальностями, расширению контактов с представителями советских приграничных республик. Имелись основания полагать, что в реализации указанных установок принимали непосредственное участие иностранные советники, наибольшее число которых отмечалось в формированиях Ахмад Шаха Масуда в Бадахшане и Тахоре, а также в Самангане.

С учетом политической и оперативной обстановки, складывающейся вдоль советско-афганской границы, афганским руководством, несмотря на материальные и финансовые трудности, принимались дополнительные меры по укреплению общего пограничного режима на севере. Во исполнение указания президента Афганистана в Министерстве обороны был подготовлен отдельный план усиления охраны госграницы.

Обстановка вдоль советско-афганского приграничья в 1991 году продолжала сохранять очаги напряженности в районах, слабо контролируемых или полностью не контролируемых погранвойсками МО РА.

Предполагалось, что следует ожидать использование непримиримой оппозицией возможностей непосредственного выхода вооруженных отрядов к советской территории для проведения подрывных акций,

нацеленных против среднеазиатских республик, на разжигание националистических и сепаратистских настроений среди их населения.

На развитие обстановки в приграничье непосредственное влияние оказывали углубляющиеся процессы национального характера, усиливающаяся тенденция к объединению таджиков, узбеков, туркменов, населяющих север, и нарастающее противостояние между ними и пуштунскими племенами, а также их вооруженными формированиями.

Решающим фактором в этом противостоянии оказались национальные войска генерала Дустума, вышедшие по своему масштабу за пределы пехотной дивизии и превратившиеся, по сути, в неконтролируемые узбекские вооруженные силы на севере Афганистана.

Дальнейшее расширение торгово-экономических связей со среднеазиатскими республиками, создание условий для приграничной торговли между населением сопредельных государств послужило дополнительным импульсом к усилению подрывной деятельности на советско-афганской границе, контрабанде и переброске на территорию СССР значительных партий наркотиков.

Оперативные материалы Главного Управления военной контрразведки МГБ РА, которым обстановка в войсках продолжала контролироваться непрерывно, а также личные оценки советников ВКР во время командировок в перечисленные выше провинции, подтверждали вывод об устойчивости в 1991 году режима Наджибуллы, обеспечивавшейся экономической и военной поддержкой Советского Союза. Была также очевидной неспособность непримиримой оппозиции добиться коренного перелома в многолетнем противостоянии с властью Кабула.

Из анализа обстановки, сложившейся во второй половине 1991 года, следовал вывод о том, что кабульский режим на протяжении более двух с половиной лет после вывода советских войск из Афганистана вполне уверенно удерживал власть, опираясь внутри страны на собственные вооруженные силы, поддержку населения контролируемых районов и нейтралитет части населения, не присоединившегося к противоборствующим сторонам. Внешним источником военно-экономической помощи Афганистану оставался Советский Союз. Моджахеды, вооруженные легким и средним вооружением, не могли рассчитывать на серьезный успех против оснащенных современным вооружением правительственных войск, несмотря на имеющиеся в них недостатки и проблемы. Оппозицией, в связи отсутствием у нее тяжелого вооружения, велась

исключительно партизанская война, которая значимого успеха не приносила. Не было случаев, по крайней мере они неизвестны, применения Ахмад Шахом Масудом против правительственных войск захваченных в Тахоре танков и артиллерии. Представляется, что они и не могли быть использованы, так как у моджахедов отсутствовали средства обслуживания и содержания такой техники, боеприпасы, необходимые знания, обученные расчеты и экипажи.

Однако, продолжая удерживать власть, кабульскому правительству приходилось предпринимать неимоверно огромные усилия для защиты контролируемых территорий от непримиримой оппозиции, несмотря на то, что та особо активных боевых действий в тот период не проводила и каких-либо успехов, за исключением достигнутых формированиями Ахмад Шаха Масуда, не добилась. Нельзя также не отметить, что правительственные войска, окружив по всей стране постами контролируемые Кабулом районы, находились фактически в состоянии постоянной обороны. Расширения территорий, контролируемых центральной властью, не происходило.

Содержание войск различной ведомственной подчиненности, многотысячных постов безопасности, обслуживание современной боевой техники требовало огромных государственных средств. Также затратным было содержание спецслужб, необходимых для предотвращения заговоров, переворотов, подрыва власти изнутри. Решение таких задач без поддержки Советского Союза оказалось бы просто невозможным.

И все же, несмотря на относительную военно-политическую стабильность, сохранявшуюся на протяжении более двух с половиной лет после вывода советских войск, 1991 год оказался последним годом, в течение которого кабульская власть все еще успешно противостояла вооруженному давлению непримиримой оппозиции.

В течение 1989–1991г.г. группе советников ВКР во главе со Стрельниковым М.В. пришлось работать с руководителями афганских органов госбезопасности разного уровня. Это были опытные руководители, прошедшие обучение в учебных заведениях КГБ СССР, получившие опыт оперативной и руководящей работы в условиях войны.

Начальником Главного Управления военной контрразведки МГБ Афганистана в течение многих лет был генерал Хесамутдин Хесам. Это была незаурядная личность, человек высокой культуры и такта, интеллигентный, уважительно относившийся к Советскому Союзу. Хесамут-

дин самостоятельно изучал русский язык и весьма в этом преуспел. Хесамутдин был всегда аккуратно одет, подтянут как в военной форме, так и в штатском костюме. У него были хорошо отлаженные рабочие отношения с руководством Министерства обороны и МВД РА. Как руководитель, он был хорошо информирован об обстановке в вооруженных силах и стране, всегда глубоко ее анализировал и мог прогнозировать развитие событий на перспективу. К нему с уважением относились советские советники, работавшие в Главном Управлении военной контрразведки МГБ РА.

С ним велись обстоятельные результативные беседы, в ходе которых обсуждались самые разные вопросы, касающиеся состояния работы органов военной контрразведки, информации о противнике, положения в стране. Хесамутдин всегда удивлял своей осведомленностью, аналитическим складом ума, способностью точно давать оценки происходящим событиям и явлениям.

Весной 1989 года, во время военного кризиса в районе Джелалабада, когда вооруженная оппозиция, развязав ожесточенные бои, пыталась захватить город, Хесамутдин непрерывно находился в районе боевых действий. Он не только лично осуществлял управление органами военной контрразведки, но и оказывал организационную и практическую помощь военному командованию и губернатору провинции в обороне города.

Хесамутдин был пуштун. Как и почти подавляющее большинство руководителей такого уровня, он принадлежал к крылу «парчам» и был предан режиму, возглавляемому президентом Наджибуллой. Это выражалось в его действиях, поведении и было совершенно очевидно для советников Представительства КГБ, работавших в Главном Управлении военной контрразведки МГБ РА.

В 1991 году противоречия в руководстве Афганистана продолжали нарастать. Президент Наджибулла и его сторонники крайне негативно относились к любым фракционным проявлениям и лицам их инспирирующим. Они понимали, что в условиях отсутствия советских войск и полной самостоятельности кабульской власти ее расшатывание изнутри было тенденцией крайне опасной. Поэтому, несмотря на многопартийность и терпимость к здоровым оппозиционным проявлениям, все же любым отклонениям от линии президента лиц, стоявших на ключевых должностях во властной иерархии, давались очень резкие осуждающие

оценки и принимались жесткие кадровые решения. Для Афганистана было характерным формирование властных структур по принципу «команды единомышленников», чтобы опасность раскола в руководстве страны свести к минимуму.

В этот период президентом и его политической командой продолжала осуждаться неконструктивная позиция сторонников Бабрака Кармаля, не содействовавших укреплению власти президента Наджибуллы, а, напротив, ее ослаблявших. К числу таких сторонников Бабрака Кармаля в 1991 году был причислен и Хесамутдин. Стрельникову и другим сотрудникам, тесно работавшим в тот период с Хесамутдином, представляется, что его отнесли к не вызывающим доверия лицам, без достаточных оснований. Органами военной контрразведки Афганистана полностью выполнялись все директивы и указания МГБ РА, которые соответствовали политике, проводимой президентом Наджибуллой. Никаких малейших отклонений заметно не было.

Афганистан – это страна конфликтов, противоречий, интриг, «подковерных игр». Хесамутдин уважительно относился к Бабраку Кармалю, как человеку и бывшему руководителю партии. Известно, что Хесамутдин приезжал к Бабраку Кармалю перед его отъездом из страны в 1991 году. Встреча носила частный, представительский характер, однако этого контакта оказалось достаточно, чтобы обвинить Хесамутдина в принадлежности к антипартийной группе Бабрака Кармаля, нелояльности президенту Наджибулле и в июле 1991 года отстранить его от должности.

Хесамутдин был назначен военным атташе посольства Афганистана в СССР. Он был генерал-полковником, руководителем одного из важных управлений МГБ РА, членом ЦК парии ВАТАН (НДПА), и для него такое назначение стало серьезным понижением. Хесамутдин переживал это крайне болезненно, тем более, что одновременно с этим его заместитель генерал Хандан был назначен на должность начальника Главного разведывательного управления Министерства обороны Афганистана, то есть начальником Хесамутдина. Но, в конечном итоге, Хесамутдин стойко пережил это и на встрече с руководителями и сотрудниками Главного Управления военной контрразведки призвал всех оставаться преданными партии и президенту страны. Летом 1991 год он убыл в Москву. Представляется, что он стал жертвой закулисных интриг в самом верхнем эшелоне власти.

Вместо Хесамутдина Хесама начальником Главного Управления

военной контрразведки МГБ Афганистана был назначен генерал Омар Муалем, который до этого занимал должность начальника Управления МГБ провинции Нангархар.

Омар Муалем так же, как и Хесамутдин, был пуштун. Но это был человек с «пуштунской удалью» – шумный, контактный, внешне невоенный. После его прибытия в Главное Управление военной контрразведки он почти в течение двух месяцев принимал многочисленные делегации друзей и родственников с поздравлениями по случаю его назначения на новую должность. Продолжительные по времени поздравления – это специфическая и прочная традиция в Афганистане. У Омара Муалема эта традиция была ярко выраженной и длительной по продолжительности. Внимания работе в этот период, как представлялось, он уделял меньше, чем Хесамутдин, возможно, в силу той же занятости приемами родственников, друзей и соплеменников.

Омар Муалем, когда в 1989 году противником была предпринята попытка захвата центра провинции Нангархар – города Джелалабада, так же, как и Хесамутдин, проявил смелость и доказал свою преданность режиму. Во время командировки в Джелалабаде руководителю Представительства КГБ Ревину В.А. была предоставлена полная информация о защите города во время нападения вооруженной оппозиции. Генерал-губернатором была отмечена и роль Омара Муалема. Губернатор рассказал о том, что когда в районе Джелалабада обстановка в результате атак моджахедов стала критической, он позвонил Омару Муалему и спросил, может ли он помочь защите города. Тот ответил утвердительно и, примерно через час, на оборонительные порядки пришел вооруженный отряд сотрудников Управления МГБ во главе с Омаром Муалемом. Он доложил, что «взвод Управления МГБ под командованием Омара Муалема для обороны города прибыл», после чего занял оборону в назначенном месте и командовал своим небольшим подразделением в течение всего времени, пока продолжались бои под Джелалабадом. Омар Муалем был сторонником команды президента Наджибуллы, но, как руководитель Главного Управления военной контрразведки, проявить себя не успел, так как пробыл в этой должности чуть больше шести месяцев.

Начальником 3-го Управления МГБ РА был генерал Шир Бохадур. С этим руководителем важного управления МГБ советникам ВКР пришлось работать в 1991 году. 3-е Управление МГБ занималось вопросами внутренней безопасности в самом Министерстве госбезопасности Афганистана. Как правило, в это управление и его подразделения на местах

назначались наиболее проверенные и компетентные сотрудники, пользующиеся высоким доверием у руководства.

Шир Бохадуру было 45–48 лет. Его имя было, вероятнее всего, псевдонимом. «Шир» в переводе с дари – «лев», «бохадур» – «богатырь». То есть Шир Бохадур – это «Лев Богатырь». Подобных имен у афганцев нет. Шир Бохадур – это был человек близкий к президенту Наджибулле и пользовавшийся его доверием. Он и внешне был похож на Наджибуллу – такой же высокий и крупный, с типичной внешностью пуштуна. Возможно, даже, что они были какими-то родственниками. Как и Наджибулла, Шир Бохадур был врачом по специальности. Это был интеллигентный, спокойный, уравновешенный, рассудительный человек. Как руководитель, он обладал организаторскими способностями, но все же был не военный. В нем, как и в Наджибулле, просматривался гуманист, человек более современный, чем его сослуживцы.

После падения режима Наджибуллы Хесамутдин Хесам, Омар Муалем и Шир Бохадур покинули Афганистан и обосновались за границей.

Министр госбезопасности РА Гулям Фарук Якуби. Редко, но советникам ВКР довелось встречаться и с Якуби. Это был достаточно высокий, представительный мужчина в возрасте около пятидесяти лет. По национальности он был скорее хазарейцем, на что указывала его внешность, но считалось, что он таджик. Якуби был политической фигурой. Будучи в звании генерала армии, он почти никогда не надевал военную форму, по крайней мере, его в ней никто не видел, он был всегда аккуратно одет в штатском костюме. Даже когда однажды пришлось выезжать с ним в окрестности Кабула в зону ответственности 10-й пехотной дивизии МГБ, Якуби и посты посещал, будучи одетым в костюме «с иголочки». Это был интеллигентный, выдержанный, спокойный человек. Говорил он всегда кратко, по-учительски, выдержанно и четко. Он не представлял из себя человека грозного вида, в нем трудно было увидеть руководителя такой силовой структуры, как Министерство госбезопасности. Когда в 1992 году в Кабул вошли моджахеды, Якуби покончил с собой – застрелился, что вызвало сожаление у всех тех, кто его знал.

Шахпур Ахмадзай. Ахмадзай был начальником Управления охраны МГБ РА. С ним часто приходилось встречаться в 1991 году. Ахдадзай получил высшее образование в Киеве и хорошо владел русским языком. Возглавляемое им управление отвечало за организацию охраны Президента Афганистана и других важных государственных лиц. Работа в этом управлении, главным образом, с помощью советских советников,

была организована хорошо. Ахмадзай был младшим родным братом Наджибуллы – таким же высоким, статным. Ахмадзаю было немногим больше тридцати, однако такой важный участок, как охрана высших должностных лиц в государстве, был доверен ему. Здесь, конечно, сыграло свою роль родство с Наджибуллой. Но, несмотря на молодость, Ахмадзай вел себя как уверенный руководитель, возникающие вопросы он решал быстро и четко. Когда в 1992 году Кабул захватили моджахеды, Ахмадзай разделил судьбу своего старшего брата Наджибуллы – в течение четырех лет он вместе с ним находился в расположении миссии ООН в Кабуле, а в 1996 году, как и Наджибулла, был зверски убит талибами.

Особо следует сказать о Наджибулле. До вступления в должность президента страны он возглавлял органы госбезопасности Афганистана.

Появление талибов в Кабуле в 1996 году ознаменовалось зверской расправой над Наджибуллой. К сожалению, в первые же дни после гибели Наджибуллы информация о нем в российских средствах массовой информации не всегда была объективной. О нем говорилось как о человеке жестоком, допускавшем расстрелы без суда, в связи с чем в тюрьмах бесследно исчезали люди. Работавшие в Афганистане советские специалисты хорошо знают, что ни тогда, когда Наджибулла стоял во главе органов госбезопасности, ни в период его президентского правления ничего подобного не происходило. Утверждения о зверствах в службе госбезопасности и Царандое (МВД) также не соответствуют действительности. Руководством Афганистана, в том числе президентом Наджибуллой, принимались все меры, чтобы законность со стороны силовых структур и правоохранительных органов соблюдалась, несмотря на то, что шла война и гибли люди с обеих противоборствующих сторон. Об этом достаточно хорошо осведомлены многочисленные бывшие советские специалисты, работавшие в тот период в Афганистане, прежде всего советники, находившиеся в силовых министерствах.

Сам Наджибулла был человеком сдержанным, культурным, интеллигентным. Несмотря на то, что в его окружении, правительственных и иных государственных структурах отмечалось внутреннее противостояние, истоками которого было историческое деление Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) на сторонников фракций «хальк» и «парчам», Наджибулла придерживался нейтральной позиции, не поощряя раскола и противоборства. Он стремился быть президентом

для всех граждан, а не отдельных слоев или группировок.

Период правления Наджибуллы ознаменовался попытками значительно изменить ситуацию в стране. От руководящей роли была отведена НДПА, высшая исполнительная власть перешла к президенту страны. Работал Высший Совет – Лоя джирга, был избран Национальный Совет – представительная власть, содержащая в себе признаки парламентаризма. Была разрешена многопартийность, легализована невооруженная оппозиция, издавалась умеренная оппозиционная печать. В правительстве заняли посты лица, далеко не симпатизировавшие НДПА. Была объявлена и активно проводилась политика национального примирения. Наджибулла лично прилагал немало усилий для решения проблемы национального примирения. С этой целью он постоянно выступал по телевидению, выезжал в провинции. Предлагавшиеся им инициативы по примирению были встречены активной поддержкой. Принималось также множество других шагов с целью примирения противоборствующих сторон. Например, активно использовалась Лойя джирга – орган старейшин и представителей племен и народов Афганистана.

С выводом советских войск Наджибулла неоднократно призывал к созданию коалиционного правительства с объединением всех противоборствующих сторон. Объявлялась даже готовность окончательно уступить власть, если это будет способствовать установлению мира в Афганистане.

Но власть никто не хотел делить. Всем нужна была единоличная власть, и борьба за нее по этой причине продолжалась.

Гибель Наджибуллы для тех, кто знал его, не может не вызывать глубокого сожаления. Он принял власть в сложнейшее для Афганистана время, руководил страной после ухода советских войск, что было делом чрезвычайно сложным. Следует заметить, что после вывода войск наметилось какое-то смягчение обстановки, чувствовалась усталость народа от войны. Но запущенный механизм милитаризации целого региона не мог уже остановиться. Каких-либо перспектив окончания войны без конструктивных усилий международного сообщества вряд ли приходится ожидать.

21 августа 1991 года в Советском Союзе «прогремел» ГКЧП. Надо сказать, что афганцы внимательно следили за политическими изменениями в Советском Союзе, предшествовавшими этому событию. Сторонники режима Наджибуллы хорошо понимали, что при продолжающейся поддержке Афганистана Советским Союзом они смогут удерживать

власть в стране, что они и демонстрировали в течение более двух с половиной лет. Однако процессы в СССР, свидетельствовавшие о приближении глубокого политического и экономического кризиса, не могли не беспокоить сторонников режима Наджибуллы, хотя внешне это в их поведении не проявлялось.

Провозглашение в Советском Союзе ГКЧП – Государственного Комитета по чрезвычайному положению и сделанные им заявления сторонниками Наджибуллы были встречены в целом одобрительно, так как вселяли надежду на продолжение Советским Союзом курса, поддерживающего существующую в Афганистане власть. Падение ГКЧП, спустя три дня, и последующие стремительные центробежные тенденции среди республик СССР вызвали в правящих афганских кругах глубокую озабоченность.

Вскоре кабульская власть почувствовала то, чего опасалась – стала резко сокращаться советская экономическая помощь Афганистану, в том числе безвозмездные поставки. Крайне болезненно было воспринято сокращение военной помощи, связанной с поставками боевой и специальной техники и боеприпасов. Сокращение поставок топлива, особенно авиационного, расценивалось как катастрофа, так как в связи с неконтролируемостью большинства дорог, сообщение между Кабулом и провинциальными центрами осуществлялось, в основном, только по воздуху.

Наконец, после подписания в сентябре 1991 года советско-американского соглашения о прекращении поставок оружия воюющим в Афганистане сторонам, а также в связи с надвигавшимся «развалом» Советского Союза перед президентом Наджибуллой и его сторонниками возникли сверхсложные задачи. Военную и экономическую помощь правящему режиму Афганистана оказывал только Советский Союз, моджахедам – многие страны. Прекращение поставок оружия моджахедам со стороны США не исключало получение ими вооружения от других стран и организаций. Оказывать военную помощь правящему режиму Афганистана после прекращения советских поставок было некому. Афганское руководство это хорошо понимало.

В течение двух – трех месяцев на глазах работавших в тот период советников рушились отношения, сложившиеся между СССР и Афганистаном Бабрака Кармаля–Наджибуллы за последние одиннадцать лет. Но советники, работавшие в то время в Афганистане, ни на что повлиять не могли. Начиналась сложная новейшая история Советского Союза, а одновременно с ней – новая история Афганистана. Период с сентября по декабрь 1991 года, то есть до окончания пребывания советских советников в Афганистане, в психологическом отношении оказался для них самым тяжелым.

1991 год стал особым годом в судьбе Советского Союза и советско-афганских отношений. В этом году целая эпоха как бы разделилась на предшествовавший ГКЧП и последовавший за ним периоды. Это был своеобразный «водораздел» истории, после которого стало стремительно меняться общественно-политическое устройство СССР, а вслед за ним и политический режим Афганистана.

В то же время, несмотря на перемены в Советском Союзе и советско-афганских отношениях, последовавших после поражения ГКЧП в СССР, военно-политическая обстановка в Афганистане до конца 1991 года продолжала оставаться неоднозначной, но и без существенных изменений. С одной стороны, власть в стране продолжала удерживаться Кабулом, хотя и с немалыми усилиями, благодаря огромной помощи, оказанной к этому времени Советским Союзом. А с другой, – она была под угрозой крушения в результате перемен, происходивших в том же Советском Союзе.

Здесь следует обратить внимание на один важный момент – как в этот сложный период складывались отношения у сотрудников Представительства КГБ с афганскими партнерами из МГБ РА.

Советники продолжали встречаться и работать с афганцами, понимали их переживания и озабоченность будущим, но сделать ничего не могли.

В течение этих сложных четырех месяцев – с сентября по декабрь 1991 года, несмотря на угрозу, нависшую над всей системой власти в Афганистане, афганские партнеры вели себя очень достойно. В поведении сторонников правящего режима не было никаких признаков паники, органы государственной власти полностью функционировали. Афганцы даже старались поддерживать советских советников, считая, что в Советском Союзе неблагоприятные события разворачиваются еще быстрее. Отношение к ним не только не изменилось, напротив, афганцы подчеркивали свое личное уважение, заявляли, что они были друзьями и таковыми остаются, несмотря ни на какие перемены.

В этой обстановке с августа по декабрь 1991 года советские советники продолжали в прежнем режиме работать с афганскими партнера-

ми, регулярно встречаться с ними, решать поставленные задачи и даже, несмотря на острый дефицит авиационного топлива, совершать вылеты в провинции.

Численность сотрудников нашего Представительства, и без того немногочисленная, так же как и других советских учреждений в Афганистане, стремительно сокращалась. Согласно плану сокращения к концу декабря 1991 года все, за исключением небольшой группы, должны были покинуть страну и вернуться в Советский Союз.

В конце декабря 1991 года Кабул покидали последние советники ВКР: Балдин В.В., Мосейко А.А., Добровольский А.А., Стрельников М.В. Начальник Главного Управления военной контрразведки МГБ Омар Муалем организовал с участием своих заместителей прощальный ужин, вручил им памятные подарки и сказал много слов благодарности в их адрес и в адрес всех советников, проработавших с ними все предшествовавшие годы. Своим отношением к советникам за последние четыре месяца и, особенно провожая их на Родину, афганцы проявили исключительно искреннее товарищеское отношение, несмотря на то, что они оставались без советской поддержки. Этот тяжелейший период в истории и Советского Союза, и Афганистана отчетливо продемонстрировал, что афганцы оказались партнерами надежными и преданными дружбе, несмотря ни на какие повороты судьбы.

Военные контрразведчики – советники ВКР, работавшие в органах МГБ РА в последних числах 1991 года вернулись домой, в распоряжение управления кадров … бывшего КГБ. Стрельников М.В. уволился в запас, став последним представителем органов военной контрразведки КГБ СССР, награжденным наивысшей наградой Советского Союза – орденом Ленина.

А обстановка в Афганистане в этот период, уже без советской помощи, развивалась своим путем. Несмотря на политические перемены, связанные с подписанием в сентябре 1991 года между Советским Союзом и США соглашения о прекращении поставок оружия в Афганистан, изменением позиции российского руководства по Афганистану и возникшими в связи с этим сложностями, президент Наджибуллы и его правительство продолжали удерживать власть в стране вплоть до конца 1991 года.

Но уже в начале 1992 года в Кабуле резко обострился кризис власти. В ее верхнем эшелоне усилились внутренние противоречия, разобщенность и групповщина. В руководстве страны произошел раскол, которому способствовала нависшая над всеми сторонниками режима опасность, надвигающаяся со стороны активизировавшегося противника. Окружение Наджибуллы – министры, военачальники стали устанавливать неофициальные контакты с непримиримой оппозицией. Правительственные войска были еще надежны и боеспособны, за исключением национальной дивизии Рашида Дустума, который весной 1992 года вступил в открытый союз с Ахмад Шахом Масудом и тем самым подтвердил имевшуюся в органах госбезопасности информацию о том, что у него и ранее были негласные связи с этим влиятельным полевым командиром. В результате этих процессов, в том числе предательства бывших сторонников Наджибуллы, власть Кабула быстро разрушалась, теряла свое влияние в стране, в том числе способность управлять собственными вооруженными силами.

В начале 1992 года вооруженные формирования непримиримой оппозиции различной партийной принадлежности предприняли широкое наступление на контролируемые правительством территории. В связи с потерей центральной властью управления вооруженными силами, войсками не было оказано серьезного вооруженного сопротивления моджахедам, которые, в сравнительно короткие сроки, захватили Кабул.

Режим Кармаля–Наджибуллы, поддерживавшийся Советским Союзом на протяжении двенадцати лет, пал. Это падение было обусловлено рядом объективных и субъективных факторов: отказом России от политической, экономической и военной поддержки Афганистана, активизацией непримиримой оппозиции, вдохновленной переменами на международной арене по афганскому вопросу, неспособностью кабульской власти к сплоченной и организованной борьбе за удержание и сохранение своих правящих позиций в стране в новых, изменившихся условиях.

Весной 1992 года власть в Афганистане захватили лидеры военно-политических исламских партий «Альянса семи», длительное время находившиеся в Пакистане. Но война в Афганистане на этом не закончилась …

(При подготовке статьи использованы материалы из книги Александра Добровольского «Афганистан вчера, сегодня …»)
Москва, 2014г.

М.Я. Овсеенко

ПЛЕННЫЕ В АФГАНИСТАНЕ

Из воспоминаний о службе в Афганистане генерал-майора в отставке Михаила Овсеенко

О том, как проводилась розыскная работа военными контрразведчиками в 1980-е годы, рассказывает бывший начальник особого отдела КГБ СССР Ограниченного контингента советских войск в ДРА генерал-майор в отставке Михаил ОВСЕЕНКО.

Работа контрразведчиков, да еще на войне, всегда окутана плотной завесой секретности. Однако спустя годы М. Овсеенко может рассказать о некоторых операциях нашей контрразведки в Афганистане, о которых раньше, особенно в строгие советские времена, было не принято говорить.

– Михаил Яковлевич, почему именно военные контрразведчики занимались этой работой?

– Дело в том, что изначально участие советских войск в боевых действиях на территории Афганистана не предусматривалось. Предполагалось, что они будут оказывать гуманитарную помощь населению, содействовать строительству ряда экономических объектов, созданию и укреплению органов государственной власти и силовых структур республики. Но на деле всё сложилось совсем по-другому. Учитывая нестабильность обстановки, неспособность старой афганской армии противостоять бандформированиям и возрастающую угрозу вторжения извне, командованию 40-й армии пришлось начать активные боевые действия совместно с частями афганской армии по разгрому вооружённой оппозиции. Появились безвозвратные потери, пленные. Логичным в разрезе чекистских задач стала организация мероприятий по розыску пропавших военнослужащих именно особистами. Но эта деятельность не была регламентирована сверху, поэтому военные контрразведчики стали ходатайствовать перед своим руководством о введении в штат специального отдела. Так в 1983 году была создана 9-я группа особого отдел КГБ СССР по 40-й армии.

– Какими были задачи нового подразделения?

– Их спектр работы был довольно объёмным. Назову лишь несколько задач:

– розыск и освобождение советских военнослужащих, находившихся в бандформированиях на территории Афганистана, а также в Пакистане и Иране;

– розыск и установление местонахождения пропавших без вести. В случае гибели некоторых из них – получение достоверных данных об их смерти, а также местах захоронений;

– координация разыскных мероприятий с представителями МГБ и МВД ДРА.

– учёт и розыск похищенного оружия.

– Известно ли конкретное число военнослужащих, попавших в плен к боевикам? Данные по этому поводу в различных источниках разнятся.

– В имеющемся у меня списке, подготовленном 9-й группой, без вести пропавших на 1987 год числилось 310, из них более ста погибли, свыше шестидесяти были выявлены в бандах, в том числе в Пакистане и Иране.

У нас была картотека на каждого пропавшего военнослужащего: характеристика, при каких обстоятельствах пропал. Где-то около восьмидесяти процентов попали в плен в беспомощном состоянии, ранеными или когда закончились боеприпасы. Но были и случаи недисциплинированности наших солдат, недостаточного контроля со стороны офицеров в отношении подчинённых. К примеру, один из рядовых захотел освежиться в речке, протекавшей за пределами гарнизона, другой вздумал постирать в речке бельё, опять же за чертой блокпоста, группа из четырёх солдат решила полакомиться яблоками в саду соседнего кишлака. Один из офицеров каждое утро совершал пробежки за пределами своей части. Во всех этих случаях финал был трагическим. Кого-то убивали, кого-то брали в плен.

Наша картотека постоянно пополнялась сведениями, полученными в ходе фильтрации пленных душманов и выведенных из банд наших военнослужащих, путём опросов старейшин кишлаков, через агентуру органов госбезопасности Афганистана.

Мы знали, что в душманских застенках пленных содержали в жутчайших условиях, подвергали жестоким пыткам, насильственным

инъекциям наркотиков, принудительному изучению Корана, местного языка, постоянному унижению. Иногда при помощи записок, передаваемых через проверенную агентуру, удавалось связываться с находившимися у мятежников нашими военнослужащими.

До 1989 года из банд было выведено 88 советских военнослужащих. Восемь из них, как показала проверка, были завербованы противником и возвращались по каналу обмена на территорию СССР для выполнения разведывательных заданий. Да, были и такие. Некоторые не выдерживали издевательств, ломались и становились невольными пособниками бандитов. Материалы в отношении их направлялись особым отделом 40-й армии в местные органы безопасности.

Кроме того, позже были установлены военнослужащие, осевшие в США, Швейцарии, Франции, Иране, Канаде, Германии и других странах, находившиеся до вывода советских войск в бандформированиях в Пакистане. Из таких в период моей службы был выявлен 21 человек.

– Как же удавалось освобождать из плена?

– Для вывода из банд наших соотечественников применялся в основном обмен на душманских авторитетов, родственников главарей отрядов мятежников, функционеров оппозиционных партий, иностранных советников арабского происхождения. За одного нашего они, как правило, требовали пять-шесть своих пленных. Мы соглашались.

А вообще каждая операция по освобождению была по-своему оригинальной и занимала иногда несколько месяцев. Приведу пример. Рядовой Д. по службе ничем положительным не выделялся, был замечен в употреблении лёгких наркотиков. После одного из нарушений дисциплины исчез из части с оружием. Буквально через несколько суток по агентурной информации мы узнали, что он находится в одной из банд в провинции Кундуз. Позже выяснилось, что после проверки и соответствующей обработки там ему доверили ремонтировать стрелковое оружие. Со временем он стал активно участвовать в истязаниях пленных военнослужащих афганской армии, чем заслужил доверие новых хозяев. Его стали привлекать к боевым действиям, женили на местной девушке, назначили телохранителем главаря банды. Жестокость бывшего советского солдата поражала даже душманов. Его авторитет возрос ещё больше, после того как он казнил тестя, заподозрив его в симпатиях к правительственным войскам. Учитывая, что рядовой Д. стал одиозной фигурой, спецподразделение получило задачу вывести его на подконтрольную нам территорию. Выкуп и обмен даже на самых серьёзных

афганских авторитетов мятежники отвергли. Тогда по разработанному плану, согласованному с Министерством госбезопасности Афганистана, из числа сотрудников спецслужб была организована лжебанда. Командир этого «подразделения» направил к Д. двух представителей с просьбой помочь в выплавке тола из советских НУРСов для изготовления фугасов. Так изменник оказался в руках военной контрразведки. Военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания.

Отмечу, что командование 40-й армии всегда оказывало нам большую помощь в отношении финансов, личным составом. Ведь хоть и нечасто, но приходилось и выкупы платить при освобождении военнослужащих – порой немалые. В том числе выкупали и тех, кого потом привлекали к ответственности.

– Успеху операции предшествовала большая работа?

– Конечно. Но несмотря на рекомендации особого отдела армии о согласовании всех вопросов, касающихся освобождения попавших в плен военнослужащих, случалось, что командиры частей занимались этим самовольно. Иногда на эмоциях, иногда в надежде на удачу. Например, в одном городе представители бандформирований похитили 16 советских гражданских специалистов, которые следовали утром на автобусе к месту работы. К поиску были привлечены и афганские жители города, благожелательно к нам относящиеся. В течение почти трёх месяцев никаких сведений о наших соотечественниках не было.

Помог случай. Прибывший из отдалённого кишлака подросток в разговоре с дуканщиком обмолвился о русских пленных. Получив эту информацию, командир одной из частей поднял по тревоге два вертолёта с десантом на борту и приказал без всякой предварительной подготовки следовать в указанную подростком точку. Приземлились в нескольких десятках метров от глинобитной хижины. Пленные, увидев спасителей в окно, дружно навалились на стену, выдавили её и бросились к вертолёту.

Охрана успела убить троих и одного тяжело ранить. Он скончался в вертолёте. Наши военные быстро расправились с находившимися у дома бандитами, приняли на борт живых и мёртвых соотечественников и полетели. Не успели набрать высоту, как душманы открыли по машине сильный огонь. К счастью, всё закончилось благополучно. А ведь могло сложиться и иначе, будь у моджахедов чётко поставленная служба охраны и наблюдения.

– Расскажите, как вели себя в плену наши военнослужащие?

– Проводя розыскные мероприятия, мы получали информацию о многих героях. Таких примеров было немало. В 1982 году младший сержант С.В. Баханов в ходе боестолкновения попал в плен. На допросе отказался выдать противнику данные об аэродроме Баграм и был расстрелян по приказу Ахмад Шаха.

Рядовые П.Г. Ворсин и В.И. Чехов в 1984 году содержались под охраной в пещере. Сумели снять двух часовых и, завладев их оружием, пытались прорваться к своим. Но были окружены душманами, расстреляли весь боезапас и, не желая сдаваться, бросились в пропасть.

Рядовой Р.В. Козурак был захвачен в 1982 году. Его жестоко пытали, добиваясь сведений о Кабульском аэродроме. Расстрелян при попытке к бегству.

Прапорщик Н.В. Халацкий, находясь в плену, напал на часового, ранил его и убежал из банды. Однако душманы его настигли, и он, обхватив руками тяжёлый камень, бросился в пропасть.

Наиболее ярким примером несломленной воли во время нахождения в плену служат события в подконтрольном «Исламскому обществу Афганистана» лагере Бадабера на территории Пакистана. При нём был организован «Центр подготовки боевиков», где под руководством иностранных военных инструкторов проходили обучение члены банд-формирований.

26 апреля 1985 года находящиеся в заточении 12 советских военнослужащих нейтрализовали шесть часовых, освободили пленных из вооружённых сил ДРА, захватили склад вооружения и в течение двух дней удерживали лагерь в своих руках. Только совместными усилиями вооружённых подразделений моджахедов и пакистанских регулярных войск удалось подавить восстание. Погибли все восставшие.

Но и бандиты понесли потери: были убиты около 100 моджахедов, 90 военнослужащих пакистанских регулярных войск, 13 представителей пакистанских властей, шесть американских инструкторов, уничтожены три установки «Град» и 40 единиц тяжёлой боевой техники.

Поскольку всем пленным, как обычно, дали мусульманские имена, а их подлинные документы были изъяты и засекречены пакистанскими властями, установить фамилии наших соотечественников не представляется возможным до сих пор. Но по имеющимся данным, организатором восстания был русский офицер по имени Виктор. Реализовать план побега ему, к сожалению, не удалось из-за предательства

солдата из его окружения.

– В прошлом году в средствах массовой информации прошло сообщение, что в западной афганской провинции Герат найден бывший советский солдат Бахретдин Хакимов, пропавший без вести в сентябре 1980 года. Он ведёт полукочевой образ жизни и занимается сбором лекарственных трав.

– Хотя прошло много времени, поиски пропавших в Афганистане военнослужащих, мест захоронения погибших для возвращения останков на Родину не прекращаются. А те, кто обзавёлся семьями или совершил серьёзные преступления, осел в Афганистане и Пакистане. Ведь наряду с беззаветным выполнением воинского долга были и случаи малодушия, трусости, оставления частей с оружием и без в поиске лучшей жизни.

Судьбы таких людей, как правило, складывались не так, как они того желали. Например, в июле 1988 года стало известно об одном из тех воинов-«афганцев», кого удалось вывезти на Запад иностранным журналистам, – рядового Николая Головина. Он добровольно вернулся в Советский Союз из Канады сразу же после заявления Генерального прокурора СССР Сухарева, что бывшие военнослужащие, находившиеся в плену в ДРА, уголовным преследованиям подвергаться не будут.

29 июня 1982 года Головин самовольно оставил свою воинскую часть. Надеялся с помощью афганцев добраться до Пакистана, а оттуда собирался уйти на Запад. Но испытал все муки афганского плена. Полтора года его зверски избивали, унижали, заставляли выполнять тяжёлую работу. Словом, его мечты о благополучии развеялись сразу и навсегда.

– Взаимодействовал ли особый отдел с какими-то организациями в работе по розыску пропавших военнослужащих?

– В 1990-е в некоторых СМИ стали появляться публикации о причастности отдельных журналистов и общественных организаций к выводу из банд наших военнослужащих. Это не соответствует действительности. Единственной организацией, к услугам которой прибегали военные контрразведчики, был Международный Красный Крест перед поездками его представителей в Пакистан. Мы знакомили их с информацией, которая могла пригодиться. Но, к сожалению, их усилия не давали положительных результатов.

– После вывода Ограниченного контингента советских войск и расформирования 40-й армии кто занимается розыском пропавших в

Афганистане военнослужащих?

– С 1991 года этим вопросом занимается Комитет по делам воинов-интернационалистов. Бессменным руководителем этой организации является Герой Советского Союза генерал-лейтенант Руслан Аушев. Высшей награды Родины он был удостоен за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан. Поэтому знает не понаслышке, что такое терять друзей, понимает боль жён и матерей, потерявших своих родных в пекле афганской войны. Поиски пропавших в Афганистане военнослужащих прекращать нельзя. Это нужно их родным, близким, друзьям, это нужно всей нашей стране.

«Красная Звезда», 17 февраля 2014 г.,
автор интервью Елисеева М.

В. Н. Хромова
МОЯ ЖИЗНЬ В АФГАНИСТАНЕ

Прошло тридцать лет с тех пор, как в нашем доме прозвучало слово «Афганистан», где идет война и куда направлен служить мой муж, Хромов Александр Михайлович. Это произошло в марте 1984 года. Потом шесть месяцев расставания, ожидания писем, боль тревоги. Наши мамы отказались сидеть с внуками Леночкой и Серёжей, чтобы отпустить меня с мужем. В порядке исключения нам разрешили взять с собой детей.

Все было засекречено. С меня взяли подписку о неразглашении объекта, куда я направляюсь. Пришлось говорить, что я с детьми еду по месту службы мужа в Германию. Впоследствии все мои родственники удивились, как я могла уехать в Афганистан с детьми. Только моя свекровь, Вера Александровна, оценила мой поступок, что я была рядом с её сыном. Но это было потом…

Кабул нас встретил солнечной погодой, вокруг виднелись горы – благодать! Не верилось, что здесь идет война, стреляют, убивают. Снимали мы квартиру по контракту. В общей сложности в Кабуле я отмыла и привела в порядок четыре квартиры. В памяти осталась квартира в 6-м блоке. В основном в Кабуле служило намного больше москвичей, нежели чем ленинградцев, потому мы держались дружно, как бы одной семьей. Но вспоминаются наши друзья и сослуживцы мужа – москвичи: Суров Анатолий Викторович и его жена Эмилия Васильевна. Они очень переживали разлуку с дочкой Любашей с внуком и сыном Андрюшей. Красивые люди с красивой душой!

Юрий Леонидович Яковлев, который уже отслужил три года на момент нашего приезда и радовался предстоящей встрече с семьёй, внуком…

За это время я научился
Ценить ту жизнь, что мне дана…
В душе с Кабулом я простился
Вперёд, да здравствует Москва!

Ануфриев Владимир Зосимович. Он в нашей памяти остался хорошим, скромным человеком. Он не был фронтовиком, но с 1945 года четыре года очищал территории от банд, за что имел награды. В Кабул ему не надо было ехать из-за плохого здоровья, по возвращению в Москву он прожил недолго.

С его женой Людмилой Ивановной у меня связаны самые яркие воспоминания. Мы в Кабуле все жили как бы в замкнутом, ограниченном пространстве:

Где мы все по кругу гуляли
У клуба, в четверку, домой,
Где взрывы, за мужа дрожали.
Душа исходилась тоской

По близким, по дому в Союзе,
И лишь согревало порой,
Что мир на планете и дома
Обязан и нашей судьбой!

Клуб находился на площадке, где мы с детьми гуляли по кругу, а четвёрка – это площадка у 4-го блока – вот и всё, что мы могли… Поэтому я все авантюрные предложения Людмилы Ивановны на первых порах воспринимала с восторгом. Как-то мы с ней поехали в так называемый маркет, шли по лабиринту, по правую и левую сторону были расположены маленькие дуканы. Всё хорошо закончилось, но мы могли оттуда и не выйти и никогда бы нас не нашли. Вечером муж мне объяснил, в какую историю с Людмилой Ивановной я могла попасть.

У нас был такой случай: когда мы сидели у 4-го блока, украли ребенка, его уже почти вывезли из города, но благодаря четкой работе наших ребят, ребенка нашли и, слава Богу, все закончилось благополучно. Это до ввода войск в Афганистан к русским относились с почтением. А после ввода плохо приходилось, если кто выйдет после установленного в 22 часа комендантского часа. На прогулках мы боялись за наших детей, которые могли поднять игрушки, ручки, разбросанные душманами. Они могли взорваться. На нашем «психодроме» (так мы называли площадку, где гуляли), если навстречу шёл афганец и держал руку за бортом своей одежды, то у нас от страха сжималось сердце пока

он не пройдёт – а вдруг выстрелит. Вот так мы и жили. На «психодроме» нашем посредине был дукан. Когда я приехала, мне туда и заходить не хотелось: все пыльное, лоснящееся… Но прошло несколько дней и мое отношение переменилось. Это было для нас развлечением в нашей однообразной, страшной жизни. Мы, правда, умудрялись и в другие дуканы сбегать, но это было чревато, опасно (нам мужья категорически запрещали). Был случай, когда между дуканами ходил ослик – на спине были привязаны мандарины, никто не обращал внимания:

Ходит ослик по маркету с мандаринами!
На спине он носит смерть стальными минами.
Ходит ослик по маркету, всем он нравиться!
Но хозяин у него не объявляется…
Зазывают мандарины покупателей.
Подходили и осла с любовью гладили!
Подбиралась смерть по проводу стремительно
Мандарины так сверкали ослепительно!!!

Что случилось? – на земле в пыли красуются
Но не радуют они – народ волнуется…
Полминуты оставалось – дым сочился,
Сизым облаком зловещим растелился.
И не видно стало спелых мандарин,
Укрывавших под собою столько мин.
Только ослик до сих пор не возмутим,
Не заметил среди пыли мандарин!

Да еще чуть-чуть – и был бы взрыв. Что-то, слава Богу, не сработало.

Душманы мины подкладывали и в дуканах, шприцами вводили отраву в помидоры, клали стекло в лепёшки и многое другое. Мы мыли фрукты и овощи щетками в десяти водах из-за антисанитарии, чайники покрывались толстым слоем отложений за короткое время.

Несколько строчек посвящаю чете Романовых. Петр Романович служил, а вот его жена, Валентина Семеновна, очень много тратила сил на то, чтобы дети, да и все мы, жили нормальной жизнью, если можно так выразиться. Человек ко всему привыкает. И мы не раскисали – был

На фото: В. Иванов, Ю. Рахманенко, В. Егерев, А. Лепетунов

Осел с замаскированной взрывчаткой

Место взрывов на автостоянке советников и дуканов на маркете микрорайона.

В гостях у Н.М. Калугина: слева-направо М.А. Дедов, В.В. Егерев, Ю. Рахманенко, О. Гришечкин, В.Н. Хромова с детьми, М.А. Дедов с супругой Натальей, Н.М. Калугин

О. Гришечкин с сыном, дочь А. С. Лепетунова – Ира, Л. Н. Егерева, В. В. Иванова, В. П. Иванов на автостоянке микрорайона.

А. М. Хромов с детьми

организован своего рода женсовет:

Вдруг пригласят на елку всех детей,
Или устроят женский праздник вязки.
Расскажут нам про Пушкинский музей,
Уговорят на постановку сказки!

Организуют выпечку для тех,
Кто выполняет долг в Афганистане.
Передаю Вам женщины от всех –
Спасибо Вам за труд и за внимание!

Вот такими теплыми словами мы поддерживали друг друга.

Служил в Кабуле и москвич Федор Ефимов с женой Людмилой и двумя детьми Леной и Димой. Им пришлось улететь до срока, у Федора подкачало сердце… И вот шуточные строчки:

Тебе на память оставляю
Свой пистолет и кобуру.
Прощай Кабул, я улетаю,
Скорей кончай свою войну!

Чтобы в Москве в программе «Время»
Про взрывы речи не велось,
И тем ребятам, кто остался,
Стрелять в душманов не пришлось!

Самые тёплые воспоминания о Митрофановых Евгении Михайловиче и Раисе Григорьевне. Часто вместе встречали праздники, отмечали дни рождения, старались жить. Из Кабула мы их провожали 6 февраля 1987 года:

Последние деньки… тоскливые.
Прощанье, сборы…кутерьма!
Не ошибусь – скажу счастливые –
Дожили до такого дня!

Когда увязаны коробочки,
И впереди одна лишь ночь –
Чужое небо, горы, сопки
С рассветом унесутся прочь.

На крыльях белоснежной птицы,
Парящей чутко в высоте,
Чтоб за прицел не зацепиться
Ракеты спрятанной в горе!

Круги выписывая плавно
Над спящим городом внизу
Три года отсекая главных
Он набирает высоту!

Наш самолёт прощальным взором
В иллюминатор смотрит вниз!
Где горы, будто бы с укором,
В пятно единое слились!

Чтоб никогда не забываться
Своею выжженной красой,
И с благодарностью остаться
За испытание судьбой!

Тёплые воспоминания остались о Булыжникове Вячеславе Сергеевиче и его жене Маргарите Павловне, о Дегтеве Владимире Владимировиче и его жене Тамаре, о Фроловой Светлане Яковлевне, о Здобникове Володе и его жене Валентине, об Иванове Владимире и Лиле с их двумя сыновьями.

Не забылись москвичи Доценко Виталий и его жена Татьяна. Весёлые люди, с юмором, а в той обстановке – это как глоток воды. Помнится такой случай: всех прилетающих жён, как в своё время и меня, мы старались знакомить с условиями проживания на территории, где идёт война. Светит солнце, так хорошо вокруг! Но в любой момент не знаешь, откуда может прийти беда, все обманчиво. Так вот решили мы пораньше зайти за Татьяной, стучимся в дверь. Наконец дверь открылась, Татьяна нам выговаривает, зачем пришли раньше. У меня говорит,

«лицо должно с утра встать на место, а на это надо время». Она меня так удивила! Перед нами была относительно молодая, цветущая женщина. Теперь мне это стало понятно – женщине с возрастом обязательно нужно время, чтобы подушка не оставляла следов на лице. Вообще, Татьяна была озорной и заводной, мы все вместе вязали, готовили, растили детей – вообще старались жить и помогать мужьям своим женским присутствием.

Мы всем москвичам, у которых срок службы истекал, желали:

Счастливой дороги, удачи,
Встречай дорогая Москва
Что стоят все деньги и дачи,
Ведь главное мир тишина!

Мужчинам, проходившим службу без семьи, без жен, было очень трудно, особенно после комендантского часа и в праздники, хотя мы и старались не оставлять их одних.

Таким был наш ленинградец – Тарасов Владимир, жена Наташа не поехала с ним, ссылаясь на работу во Фрунзенском Универмаге. Служил и воевал Володя в провинции Логар (60 км на юг от Кабула), а когда приезжал в Кабул, то всегда заходил к нам и мы старались угостить и накормить его вкуснее, насколько это было возможно. Он до сих пор вспоминает мой вкусный борщ. Володя сказал, что он в Афганистане служил 2 года 1 месяц и 1 день. Вот так все вели отсчёт времени до окончания службы.

Нашим мужьям выдавали продукты. Если греча в то время была в Союзе дефицитом, то там мы наелись ею так, что наши дети только недавно стали её потихоньку употреблять в пищу.

Мясо можно было купить. Но однажды, гуляя у 4-го блока, я увидела мясо, которое вез афганец на тачке. На туше ползали черви. С тех пор мясо в Кабуле мы не покупали, а ели то, которое привозили из дома.

На летнее время жен с детьми отправляли домой. Это тоже своего рода стресс, пока не услышишь, что мы пересекли границу Советского Союза! Такая радость поднималась в груди, такое чувство патриотизма – это надо пережить. А главное, уходило чувство страха, что самолёт могут сбить. Приземлялись в Ташкенте. Помню, когда это было в первый раз, наш маленький Сережа на весь аэровокзал закричал: «Папа, папа и здесь душманы!» Это он принял узбеков за душманов, они черные, загорелые, как афганцы, а значит душманы. Потом уже дома не покидала тревога за мужа, за людей, которые стали близкими и родными. По возвращении в Кабул мы везли мясо на положенные нам 10 кг, которое замораживали и потихонечку расходовали.

Вообще, мы мало интересовались шмотками, разве только на подарки родственникам, а основной упор делали на питание. В результате после окончания службы мужа в Афганистане, потеря здоровья в нашей семье была минимальная. Были жены, в основном высокопоставленных чинов, которые везли на положенные килограммы товары на обмен, копили деньги, отказывали себе в питании из-за тряпок.

У меня был случай, когда я своими глазами увидела обмен продуктов такой дамочки в дукане:

Зачем позоришь честь мундира!?
В дуканы тащишь все подряд.
Тебя всем Родина снабдила,
Чтоб ты кормил своих солдат!!

Они сидят в горах и сопках,
Жуют гнилые сухари…
А ты... душой, пустой, как пробка,
Их жизнь меняешь на рубли.

Откуда ты такой здесь взялся?
Душман – понятно, ну а ты
Тут мародером оказался,
Благословляя грабежи!!!?

Таких бы гадов – просто к стенке,
Чтоб не позорили народ!
Людей хороших мы теряем,
А этих пуля не берет!?!

Помню я не выдержала, стала возмущаться. Но, конечно, это не повлияло на ситуацию и обмен продолжался, а меня оттуда увела Раиса, соседка со 2-го этажа. Сделала мне внушение, что так делать не надо.

Могло для нас закончиться плохо. Не знаю, прислушалась ли бы я в другой раз, но думаю, что я опять бы вмешалась, слишком было много горя вокруг. Слава Богу, в такую ситуацию я больше не попадала и мой патриотизм не понадобился.

Вернёмся к нашему Володе Тарасову, этому жизнерадостному, хорошему человеку. Когда я задавала ему вопрос, как он там в окрестностях Кабула воюет с душманами, Володя отвечал:

Пока я жив, пока ещё живем,
А скольких я уже не досчитался
Друзей, товарищей с которыми служил…
На белом свете я за них остался –
Я это для себя давно решил!

Решил-то решил, но жизнь у всех сложилась различно. После Афганистана Володя вторично женился на замечательной женщине Ольге, старается помогать афганцам, которым нужна помощь, трудится на даче, не забывает своих друзей. Конечно, он до конца своих дней не забудет, что ему пришлось пережить и увидеть там уже на уходящем отрезке своей жизни, отданной чужой земле.

Николай Калугин, наш ленинградец, человек большой души и сердца. Служил в Кабуле, в декабре 1985 года награждён орденом, а почти в тоже время через год – в декабре 1986 года мы уже поздравляли его со вторым орденом за храбрость:

Кабул порой – невыносимый
Я отдаю тебе все силы.
Ты прочно стал моей судьбой,
Всю жизнь останешься со мной!

Ну, разве с Леной нам забыть
Всё, что пришлось нам пережить.
Разлука, встречи налегке –
Я мир сберёг своей стране

Не я один, но моя доля,
Мой труд, упорство, моя воля…

И я горжусь – в двадцатый век
Я – настоящий человек!
Три года…к этому заметь,
Как я работал – без семьи!
Мой скромный труд пришлось отметить…
Мои награды – на груди!!!

Жена моя уже заждалась.
При встрече голову склоню.
Что наша встреча состоялась
Её за всё благодарю!!!

Сейчас Николай Калугин в Центральном банке, помогает воспитывать внуков. Несмотря на все сюрпризы и трудности жизни, старается держаться. Афганистан – это проверка на прочность, выдержал и здесь надо стоять!!!

Саша Григорьев – душа человек, Человек с большой буквы. Служил в провинции Герат. В октябре 1986 года мы его провожали в Союз и когда мы его просили поклониться родной земле – это было настоящее искреннее движение души, а Саша шутил, давайте я вас всех с собой заберу, а потом:

Увы, но каждому свое – сегодня мой черед
Пред Родиной за службу отчитаться.
В Союзе мать, жена и дочка ждет,
Два года ждут – не чают и дождаться!

И вот я появлюсь – я очень рад,
Афганистан вошёл в судьбу мою.
И если время повернуть назад,
Я возвращусь в провинцию свою!

Жаль ряды ленинградских «афганцев» редеют. Саши уже нет в живых. Не знаю, верил ли он в Бога до Афганистана и в Афганистане, но после окончания службы Саша, видимо пришёл к Богу. Он общался со святейшим митрополитом Алексием II. Работал он в Москве. Пережил не мало. Тяжело заболела жена Светлана – что он только не предпринимал, но спасти не удалось, Света умерла, и этот удар был очень сильным.

Похоронили Александра Григорьева на Стародеревенском кладбище рядом с женой. На похоронах было сказано много тёплых слов, присутствовало много высокопоставленных лиц. Валентина Матвиенко много хорошего сказала о Саше. Вечная память!

Наш юрист Александр Степанович Лепетунов из Ленинграда. Помогал нашим ребятам правильно нести службу и запомнился праздник «День Победы», который мы у него отмечали:

А мы встречаем День Победы,
Мы ленинградцы, мало нас.
Вокруг направлены ракеты
И скоро комендантский час!

А ночью тоже неизвестно
Что будет, как она пройдёт.
Дожди идут ... и повсеместно
Землетрясение тряхнет!?

Мы каждый день все наготове
В Афганистане – здесь война.
Солдаты – русские ребята
Здесь остаются навсегда!?!

Войну узнал не из кино я
И жизнь ценю я во сто крат.
Я благодарен всем, что было,
Своей судьбе я очень рад.

Но ведь главное я понял,
Что живу совсем не зря.
Долг свой выполню – пусть будет
В этом мире тишина!

После взрывов, мы очень боялись землетрясений. Первое землетрясение в 6 баллов, с которым я столкнулась, было ночью. Помню, что я вскочила, не понимая, что происходит – пол ходит, посуда падает. Обычно афганцы в чем есть выбегают на улицу, а мы сели на унитаз пирамидой – муж, я, дочь, сын и так переждали этот кошмар. Если бы

здание рухнуло, то место, на котором мы восседали, возможно, уцелело бы. Но, Слава Богу, выше 6 баллов землетрясение не поднялось. В Афганистане часто бываю смерчи, «афганцы»…

Впереди средь бела дня
Смерч пронесся из песка.
Он спиралью кверху взвился
И вперёд вдруг устремился.
Пробежал три метра, растворился
И исчез в мгновенье, как и появился!

«Афганец» – так он здесь зовется,
Веселье пыли и песка.
В любую щель он проберется
И там осядет на века!

Летом река Кабулка пересыхает совсем до дна. Дожди идут очень редко:

Февраль, а снега нет в помине.
И что ни день – вокруг тепло.
И в этой выжженной долине
Дождю обрадовалось Все!

Однажды в феврале 1986 года выпал снег – это было здорово, но больше не повторилось. Глядя на это белое чудо, нам показалось на мгновенье, что мы дома.

Осенью в Афганистане тоже листья опадают, но они не лежат золотистым ковром, как у нас. Их собирают на корм скоту и сжигают для тепла. Дрова у них на вес. Все это было для нас удивительно.

Самое страшное, что ещё пришлось пережить – это взрыв ракеты, попавшей в 8-й блок. Он стоял как бы перпендикулярно нашему 6-му блоку, произошло это ночью в 0 часов 30 минут. Взрывом разнесло стену, выбило двери, поломало всю мебель. Что спасло хозяев, не знаю, но счастливый случай, что их не было дома. Наверно, это была афганская семья, по ночам русские выходить боялись. Так мы и жили – человек привыкает по всему.

Ломехов Рудольф с женой Валентиной – соседи наши по 6-му

блоку. Красивая пара, но получилось как в кино: Рудольф влюбился в медсестру Ольгу Петровну Горностаеву, которая служила в Кабуле и после окончания срока службы оставил семью и женился на ней. А Валентина вернулась в город Таллин к детям. Так тоже бывает…

Савушкины (Володя и Раиса) тоже соседи по 6-му блоку. Раиса – настоящая жена военнослужащего, всю жизнь за мужем переезжала из гарнизона в гарнизон. Она реально скрашивала нашу жизнь: дети играли, а мы вязали, готовили, стирали. Наш подъезд охранялся вооружённым афганцем. Но я уже знала, что их можно купить и они в дом пустят кого угодно. Своими страхами я поделилась с Раей. «Не бойся, у меня есть автомат, граната – в случае чего отобьемся, защитим детей!». Она даже пыталась обучать меня военной науке. Да нас и мужья обучали на полигоне, куда мы ездили всей семьей. Помню такой случай. Наша дочь Леночка решила пострелять, поощряемая папой нажала на курок, отдача на плечо, автомат затрещал не переставая, она испугалась и от страха выругалась. Всё произошло неожиданно и для неё, и для нас.

Нашими друзьями были Жаворонковы Валерий и Елена, Михалкины – Анатолий и Галя. Хорошие ребята:

Если мы три года одолеем,
Остальное в жизни пустяки.
Трудно нам, но мы не сожалеем,
Что живём в условиях войны.

Кстати, про госпиталь в Кабуле. 28 августа 1986 года я с детьми ездила в госпиталь лечить зубы детям. После этой поездки долго не могла прийти в себя – раненые, увечные, все молодые ребята…

Советский госпиталь в Кабуле.
Ребята русские мои,
Вы столько горя здесь хлебнули
От матерей своих вдали.

Слеза у них не просыхает,
Их матерей не обмануть.
О сыне сердце им вещает
И по ночам не даст уснуть.

И не нужны слова и жалость,
Ведь главное, что он живой.
Здоровье выправится малость –
Вернётся к матери родной!

Теперь немного о своей семье. Сначала мой муж, Хромов Александр Михайлович, служил в Афганистане один:

Уехал ты в края чужие,
Где не объявлена война.
И все заботы непростые
Вдруг навалились на меня.

Потом два с половиной года до марта 1987 года были уже все вместе. Александр Михайлович занимался кадровыми вопросами в Кабуле. 9 мая 1986 года он был награжден орденом Славы:

Поверь ты мне, мы очень рады
И все друзья твои поймут –
Вручает Вам страна награды
За Ваш бесценный, нужный труд!!!

А во вторых, твои награды
В какой-то степени мои.
Лишь в эти годы и отрада…
Что были вместе мы с детьми!

Все пережили вместе дружно,
Волнений сколько и тревог?!
И детям объяснять не нужно –
Ты с честью выполняешь долг!

И часто будут дома сниться
Ночные встряски, психодром…
Переставало сердце биться,
Когда трясло ночами дом!

Когда ракетами стреляли –

В ушах стоял противный вой.
Куда летит, порой не знали –
Стоишь с детьми, как неживой.

И снова солнце будто сниться
Тебе – все это в страшном сне,
Да…нужно всем стремиться
Чтоб в мире жили на Земле!

Всех благ тебе, мой благоверный,
Хочу тебе я пожелать.
Держись – остался год последний
Свой долг в Кабуле выполнять!

Да, нашим мужьям трудно приходилось служить, опасно, но и нам женам с детьми было тоже не сладко. Мне выдали справку о моем нахождении три года в Афганистане, но никаких льгот мне не полагалось.

Но я благодарна судьбе, что мы все остались живы, относительно здоровы. За все, Слава Богу! Хотелось бы когда-нибудь съездить в Кабул, в свой 6-ой блок, но годы идут… Кто знает, может и получится?!

Вспоминается поездка во дворец Бабрака Кармаля. В апреле 1986 года в выходной день мы на 6-ти машинах поехали на экскурсию, проводимую нашим гидом. На территории дворца стоял русский кран, с помощью которого афганец вкручивал электрические лампочки. Вокруг росли мощные платаны и ели, создавая уют постройкам. Веяло покоем и первозданной тишиной. Казалось, всё спокойно, пугают войной… Но вот на глаза попались солдаты, стоящие на посту, и сразу понимаешь, что тишина обманчива.

Осталось в памяти восхождение на телевышку (Советский пост). Сначала мы были очень рады – прожив Кабуле три года, знали лишь одну улицу. Хотя стояла охрана, поднимались на машинах, нам было страшно. Когда же достигли вершины, такой красивый вид открылся на Кабул! Оказывается, есть и речки и озера и много зелени. Нас предупредили, чтобы передвигались влево и вправо осторожно, все заминировано. И уже очень хотелось скорее спуститься и когда вернулись, то все вздохнули с облегчением. Больше подняться желания не было. Несколько раз отмечали праздники, ходили на концерты во Дворец Дружбы, построенный для русских, но в него тоже как-то попала ракета, пришлось

восстанавливать ту часть, которая сгорела.

Не могу не вспомнить Егерева Владимира Васильевича. У меня хранится фотография, где я со всей своей семьей, Колей Калугиным и Егеревым. Какие мы там все молодые и красивые.
Егерев В. В. много работает и трудится, пишет о людях и событиях той необъявленной войны, чтобы помнили о них, и наши дети гордились своими отцами и дедами живыми и оставшимися там навсегда.

В Афганистане мы подружились с узбеками и таджиками. До этого я только по географии знала, что в Союз входит 15 республик, среди которых Узбекистан, Таджикистан и т.д. Меня поразило их гостеприимство, обильные застолья, своеобразная кухня. Там я впервые попробовала траву «кинза», страшно она мне не понравилась. Но сейчас уже не один год мы эту траву кладем, если возможно во все, что готовим (любимая травка). Угощали нас мантами, лепешками. В первую очередь хочется вспомнить Кадырова Толиба и его жену Хургииду с сыном. Замечательная семья, они из Самарканда. «Хургиида» в переводе на русский «солнце». Симпатичная женщина, золотой характер, очень терпеливая. Она очень вкусно готовила. Она действительно, как солнышко, дарила людям любовь и тепло своего сердца, своей души. Дети очень любили ходить к ним в гости. После окончания службы они неоднократно приезжали к нам в Ленинград, а после перестройки мы их потеряли. В декабре 1986 года мы их провожали в Союз.

Я не хочу сказать – «Прощайте»,
Я Вам «До встречи» говорю.
Вы в Ленинград к нам приезжайте
На осень в будущем году!
Мы соберёмся также вместе
На дорогой, родной земле
О прошлых днях взгрустнется, если
Так с благодарностью судьбе!

Я думаю, на миг забудем,
Что не в Кабуле мы сидим
И по привычке ровно в десять
Взгляд на часы свои скосим!!!

После окончания службы в Афганистане мы обменялись письмами, они переехали в Самарканд, а перестройка окончательно нас разлучила. Где Вы сейчас, мои дорогие?..

В Кабуле мы познакомились с четой Тайгамурадовых – Юлдашем и Шафрат, тоже из Ташкента, Алиевым Вагифом – красивым и умным мужчиной, который сейчас живёт в Сланцах Ленинградской области, Хакимом Телляевым, награжденным за службу 2-мя орденами Красной Звезды:

Две Красные Звезды, два ордена!
Тебя за службу наградила Родина!
Они вещают на твоей груди
О беспредельной храбрости души!

Когда врага не видишь ты в упор,
Его ты ищешь средь зловещих гор.
Затем десант бросают с ходу в бой
И так два года, на передовой.

За щедрость сердца, доброту души
За то, что просто рядом жили мы,
Благодарим, счастливого пути,
От нас поклон полям родной Земли!

Невозможно забыть Шаликова Николая из Львова. Смелый человек, был ранен в ногу. Ему было всего 33 года, не женат. Он любил говорить: «вот поеду, женюсь и опять вернусь воевать»:

Не могу по-старому жить
И о прошлом слезы свои лить.
Моё место среди пыльных гор,
Этим и живу я с этих пор!

Не знаю, разрешили ему еще раз воевать в Афганистане или нет?

Хочу написать ещё об одном ленинградце, Юрии Рахманенко, который работал в посольстве. Очень интересный и умный человек. Вот как он освещает свою жизнь в Афганистане, я написала об этом в стихах:

Мало, что у нас вокруг стреляют,
Воздух горный – кислорода не хватает.
И опасность ждёт в момент любой,
Что приходится оружие носить с собой.

Летом изнываем от жары…
А вокруг ни моря, ни воды.
Часто дом у нас дрожит немножко,
Как избушка на куриных ножках!

Но у нас не в сказке – наяву
Здесь душман за бабушку Ягу.
Но, а если просто и без шутки –
Нет покоя мне здесь ни минутки.

Всё я должен вовремя успеть,
И за что я должен все терпеть?!
И себя в душе я утешаю,
Что я долг отлично выполняю!

Я привык работать головой,
Помогает стаж и опыт свой.
Мне его Марусин преподал –
Вот где я работал и пахал!

Сколько вынес на своих плечах,
Сразу не расскажешь в двух словах.
И сейчас тружусь в поте лица
Благодарен я тебе, судьба!

Наплевать, что кто-то не поймёт,
И от зависти руки не подает.
Пропаши три года так, как я
И накупишь столько же тряпья!

Важно не тряпье,
а что под ним!
Стал я человеком не таким.
Всё, что раньше я не оценил,
Я навечно в сердце сохранил!!!

Всех людей, которых мы встретили в течение 3-х лет в Афганистане, мы всегда помним. Самым желанным на столе, когда мы собирались после отпусков, после лета, была вареная колбаса:

Что заживу я как все люди
С вареной всякой колбасой
Что масло все без нормы будет…

Вот так мы мечтали жить после Кабула. Нам всем было трудно, но мы старались жить, чтобы выжить, тем более что с нами были дети. В основном по одному ребенку, а большинство без детей. Они устраивались на работу в посольство, в госпиталь, т.е. в советские учреждения на афганской земле. Старшие дети ходили в школу при посольстве. Их каждое утро отвозил автобус с пуленепробиваемыми стеклами, а за ним следовала машина, которая охраняла детей в пути до школы. После занятий таким же образом автобус привозил детей на наш «Психодром» и мамочки забирали их домой:

В час дня мы каждый день идем
Встречать свою Аленку.
Стоим и свой автобус ждем,
С Серёжей ждём сестрёнку!

И вот автобус подрулил,
Открыла дверь охрана.
И каждый смотрит, где стоит
Его родная мама!

Но однажды произошло ЧП, бомбили школу, в классах выбило стекла в окнах, но, слава Богу, обошлось без жертв. Правда, мамочкам пришлось не сладко, когда в назначенное время автобус не появился. Час или два его не было, точно уже не помню, но что мы пережили, знают только наши сердца.

Классным руководителем 6-б, где училась наша девочка, была Малова Наталья Викторовна, она преподавал ботанику. Английский у них вела Свистун Валентина Зиновьевна. Шестого октября 1985 года мы поздравляли их с днём учителя:

Поздравляем с Праздником Учителя!
Этот праздник дорог Вам вдвойне,
Что детей Советских обучаете
На чужой афганской стороне!

Отмечали и день чекиста – 20 декабря:

О Вашей дате громко не вещают
И песни нет отдельно таковой.
За труд нелёгкий скромно награждают,
Но Вам судьбы не надобно другой!

Праздновали 23 февраля, 8 марта, дни рождения, приезды, проводы, старались помогать друг другу, чем могли. Я там научилась вязать. Вообще, старались жить.

Я думаю, у нашей доченьки Леночки останется в памяти вступление в комсомол в Кабуле, хотя у нее осталось впечатление формального решения этого вопроса. Помнит она бомбежки, все помнит, а еще мы все запомнили и с особой теплотой вспоминаем приезд 23декабря 1985 года в Кабул Валерия Леонтьева. Толпа женщин и детей его уже с утра ждали у клуба, радовались, когда он приехал, но он прошел мимо, даже не поздоровался. Билеты не всем достались, в результате, когда начали впускать, началась давка и, конечно, не все попали. Когда же, наконец, выступление началось, Леонтьев был растроган радушным приемом зрителями. Он не ожидал такого огромного успеха и под наплывом патриотических чувств пообещал еще приехать в Афганистан.

В этом же 1985 году приехал в Кабул Юлиан Семенов:

Спешим на встречу с Юлианом!
На праздник этот для души.
Его герой, наш Штирлиц славный,
Понятней стал с чужой земли!

Вот такие у нас были маленькие радости. Я уже делала акцент на нашем скудном образе жизни, замкнутом пространстве. Поэтому досуг наш был ограничен, в лучшем случае телевизором, который мы смотрели лежа на широченной кровати, всей семьей.

За эти три года всем нам «афганцам» так помогала поддержка письмами оставшихся в Союзе наших близких и родных, и мы старались им чаще писать. У моей мамы, да и у свекрови, намного прибавилось седины в волосах, заметно поубавилось здоровья.

Для нас большой поддержкой было участие в нашей жизни Волгина Юрия Николаевича, сослуживца и друга Александра Михайловича, который навещал нашу маму, помогал ей в наше отсутствие. Мы до сих пор дружим, и, надеюсь, будем дружить до конца, пока мы живы. У него в жизни, за время нашего отсутствия, тоже произошли изменения:

Вот и квартира есть хорошая!
На даче движутся дела…
На голове седой порошею
Вся жизнь прошедшая легла.

Чем дальше, тем она значительней.
И пусть сияет добротой,
Которой делишься рачительно
С друзьями, близкими, семьёй!

Большую поддержку оказывали кадровики Николай Федорович Николаев, Корсаков Александр Петрович. Эти строчки относятся ко всем без исключения:

Человек становится Вам близким…
Не по крови и не по родству,
Потому что он воспринял близко
К сердцу Вашу радость и беду!

О прожитых годах в Кабуле можно сказать:

Как слов не выбросишь из песни,
Так эти годы из меня
Друзей, с которыми я вместе
Служил для мира и добра!

И в заключении такие строчки:

Промчались годы незаметно
И с удивлением глядишь,
Что седина уже приметна,
Как не скрывай – не утаишь!

Да и скрывать ее не надо –
Афганистан посеребрил.
Наверно, жизнь дана в награду,
Что делу верному служил

И пусть она, как первый иней,
Осенних заморозков тех
В твоих глазах не болью стынет,
Что счастье есть, да не у всех!

Через тебя прошли три года,
Затмив все прежние дела.
Ты настоящий сын народа
Живёшь для мира и добра!

Часто возникал вопрос «Зачем все это было?», особенно после посещения госпиталя и потом после возвращения домой. Не все выдерживали груз увиденного и пройденного. Не могли жить, как раньше, с ЭТИМ в мирной жизни. Так надо было! Солдат – всегда солдат, как и на всякой войне. Многих уже нет, особенно тех, кто воевал в провинциях, а живых остается все меньше и меньше. Но именно поэтому я поделилась своим восприятием о себе и окружавших меня людях в те далекие и никогда не забываемые дни необъявленной Афганской войны. Был патриотизм, было мужество, была вера, что все это надо – несмотря ни на что!

Зачем – вопрос не задавали,
Хотя просился сам собой
Мы просто… просто воевали.
И, Слава Богу, ты живой!

А как зачем?! Ты должен жить
За тех ребят, что там остались.
Хотя бы в памяти хранить,
Они с тобою не прощались.

Они не собирались умирать,
Но так судьба распорядилась.
Про них ты должен написать
О том, что в памяти хранилось!

Уже прошло немало лет
И ты уже совсем седой.

И хочется поблагодарить таких людей, как В. В. Егерев, за их труд, за то, что они хотят оставить в памяти народа ту необъявленную войну, в воспоминаниях оставшихся в живых, увековечить память погибших ребят.

(Материал публикуется в авторской редакции)

М. М. Шемякин
КГБ, ОФИЦИОЗ И «ЛЕВАКИ»

Прежде чем приступить к рассказу о моем «изгнании» из СССР в 1971 году, я попытаюсь обрисовать далекую от горбачевской перестройки непростую обстановку в СССР 60-х годов и существовавшие в те времена отношения между КГБ и советской интеллигенцией, которая делилась на официальную и «левую». Первая была опекаемой, во всем обеспеченной государством. Перед ней стояла задача воспевания советского строя, подвигов Компартии, трудового народа и приближающегося коммунистического рая, в котором и будет жить весь советский народ. Впрочем, официальная интеллигенция «рай» себе уже создала и успешно в нем пребывала. Члены союзов художников, писателей, композиторов и т.п. имели великолепные мастерские, высоко оплачиваемые государственные заказы, творческие командировки, в том числе заграничные. Были созданы спецмагазины, продающие только членам творческих объединений заграничные художественные материалы – краски, кисти, холсты и пр. Все эти блага надо было защищать. И вот создается образ врага, который обозначается, как «левак», нонконформист, инакомыслящий или диссидент. Прочно внедрятся понятие «левая интеллигенция». С этой опасной интеллигенцией надо бороться, но расправляться с ней должен не Союз художников, а Комитет государственной безопасности. А с кем из «леваков» бороться, кого «не пущать», а кого и уничтожать, то это именно «правые» художники поименно обозначат в списках и тайком пришлют «куда следует»! И тонны доносов, наполненные клеветой и ложью, отправлялись ими в «идеологический» отдел КГБ, преследовавший «левую интеллигенцию».

Хотя и бывали случаи признания таких обвинений клеветническими, но все же жизнь многих и многих талантливых людей

искусства, желающих выйти за ограниченные рамки так называемого «социалистического реализма», была опасной, тяжелой и бесперспективной. Ни мастерских, ни возможности выставляться, исполняться, печататься, не говоря уже о поездках за границу…

«Леваки» же продолжали творить и дерзать, несмотря на все трудности и препоны. Они работали грузчиками, почтальонами, лифтерами, чернорабочими, а по ночам в коммуналках сочиняли музыку, стихи, писали картины, устраивали квартирные выставки. Ученые из институтов атомной физики, других научных учреждений проявляли большой интерес ко всему новому и оригинальному, начинали собирать картины и рисунки нонконформистов, проводили неофициальные выставки их работ в помещениях своих учреждений. Разумеется, попасть на эти выставки было не просто, но слухи о новых талантах наполняли город. Это не могло не тревожить художественный официоз. Поток доносов, кляуз и требований расправиться с творческими бунтарями не убывал, а все увеличивался. И вот на «леваков» вешается клеймо – «идеологические диверсанты». А что с этими «диверсантами» надо делать? Выявлять и уничтожать! И снова доносы, кляузы, клевета...

«Правая» и «левая» интеллигенция после развала СССР

После преступного сговора группа полупьяных членов Политбюро, без народного согласия, без какого-либо общественного обсуждения, наплевав на Конституцию, развалила в одну ночь объединение многочисленных республик, именуемое СССР. Те, кто разрушали СССР, прекрасно осознавали, что именно Комитет государственной безопасности может им помешать претворить в жизнь грабительскую политику и создать воровское общество, ведущее страну к потере заводов, портов, к развалу тяжелой и космической индустрии, сельского хозяйства и обнищанию народа. Не говоря уже о преступном губительском отношении к науке, образованию и медицине. Поэтому в адрес КГБ понеслись обвинения во всех «смертных грехах», что в короткий срок привело к уничтожению профессионального аппарата, который действительно смог бы предотвратить немыслимый по своим размерам и размахам грабеж и развал российского государства под лозунгом и идеей приватизации.

Что касается искусства, то выяснилось, что воровскому обществу не нужны и не страшны ни «левые», ни «правые», ни вообще никакие. В результате воцаряется пошлость, безвкусица, непрофессионализм. Я часто слушаю песни моих любимых и давно ушедших певцов – Утесова, Бернеса, Трошина, неповторимую Клавдию Шульженко, моего рано ушедшего друга Володю Высоцкого и с сожалением осознаю, что сегодня услышать вживую со сцены артистов подобного уровня просто невозможно. То, чем еще могла гордиться Россия в изобразительном искусстве – это высокий уровень профессионализма, но и он сходит на нет.

Постсоветское общество насквозь пропиталось духом цинизма, аполитичности, полного небрежения к своей истории и культуре. И вдруг выясняется, что травимые изгои, «леваки», нонконформисты, вроде меня, оказывается, служили и служат России, ее культурным идеалам. А те же, которые били себя в грудь и признавались в неистовой любви к Родине – предали все святое, культуру, страну и ее народ. Оказалось, что во всех несчастьях, обрушивавшихся на головы нонконформистов, виноват только пресловутый КГБ и его сотрудники: ведь это они закрывали выставки, отменяли концерты Галича, Высоцкого, травили Любимова, Шостаковича, Шнитке, Тарковского и многих, многих талантливейших деятелей искусства и науки.

Но разве не нужно обратиться к неприглядным фактам и вспомнить, кто же писал доносы на неугодных «ЛОСХу» и «МОСХу» молодых художников? Кто исподволь руководил закрытиями выставок, концертов, поэтических выступлений? Кто отправлял инакомыслящих в психбольницы, чтобы при помощи психотропных медикаментов превращать их в «овощеподобные существа», кончавшие свои дни в психбольницах для хроников? Кто не да-

вал им ни выставлять свои работы, ни заработать своим ремеслом хоть копейку? Кто заставлял нонконформистов грузить по ночам вагоны, грести мусор на улице? Все тот же вездесущий КГБ?

Да нет, дорогие деятели искусства, и его историки-искусствоведы! Это вы виновны в несчастных судьбах молодых и не молодых людей искусства, желающих идти в нем своим путем. А КГБ и его сотрудники были лишь исполнителями ваших подлых пожеланий, подсказок и указаний, объяснявшихся якобы необходимостью защиты завоеваний социалистического реализма, а на деле – защищавших ваши собственные шкурные интересы.

Я прошел нелегкий путь художника, осмелившегося видеть и передавать увиденное в своей художественной манере, которая не укладывалась в стандарты официального искусства. Исключенного из СХШ за любовь к Ван Гогу и импрессионистам, без права продолжать образование. Перенесшего принудительное лечение в психбольницах, прошедшего аресты, обыски, высланного навсегда из СССР в солдатском полушубке с 50-ю долларами в кармане. И все мои трудности были связаны, прежде всего, с преследованием и травлей со стороны моих «коллег» – официальных художников и искусствоведов.

В то время все могло бы кончиться для меня печально и трагично, если бы не вмешательство в мою судьбу офицеров госбезопасности Юрия Ивановича Попова и Владимира Владимировича Егерева, решивших спасти молодого художника, в талант которого они поверили, несмотря на кляузы, доносы и очернения. Благодаря им с меня была снята 64-ая статья Уголовного кодекса, грозящая расстрелом, состоялся мой отъезд во Францию, где мне не грозило дальнейшее преследование моих бывших «коллег».

Разумеется, задача для этих офицеров была весьма и весьма нелёгкой, тем более, что далеко не все сотрудники 5-го отдела КГБ относились положительно к художнику «нонконформисту», обвиняемому по 64-ой статье в измене Родине, которая означала:

« Измену Родине, то есть деяние, умышленно совершённое гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдачу государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, — наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества».

Володя Егерев – куратор художественного проекта, «Чеширский кот», и немного иронии

В середине 60-х годов именно по ходатайству КГБ перед партийными органами был создан для защиты безработных художников от закона о тунеядстве Горком художников-графиков. Этот Горком своих членов ничем не обеспечивал, но красная книжка с золотыми буквами и личной фотографией под фиолетовой печатью защищала от милиционеров, готовых в любую минуту остановить не похожую на простого обывателя фигуру и проверить его паспорт и трудовую книжку. И не избежать высылки на 101-й километр годика на полтора, на уборку картошки, если выясняется, что ты не работаешь свыше 10 дней. В Горком художников были приняты я и несколько моих друзей художников.

Художественный «официоз» наш Горком явно недолюбливал и делал попытки прикрыть это «гнездо подозрительных личностей», как официальные художники окрестили нашу скромную организацию. Поэтому председатель нашего объединения попросил меня оформить для КГБ стенд, посвящённый 100-летию В.И. Ленина, понимая, что выполнение этой работы послужит нашему Горкому художников в войне с ЛОСХом. Я согласился, взяв себе в помощники художника Евгения Есауленко.

Во время работы над стендом мы разговаривали с куриру-

ющим этот проект офицером КГБ Владимиром Егеревым о том, где достать по дешёвке фанеру, латунь и алюминий. Он стал приглашать меня в свой кабинет для бесед на разные темы и я понял, что пригласили меня поработать над юбилейным стендом не просто так. Егерев был молод, образован и очень добродушен. По его вопросам я догадывался, что он якобы хочет узнать мое отношение к советскому строю, к компартии, к тому же Ленину. Чувствовалось, он прекрасно знает, что меня мало что волнует, кроме живописи, скульптуры и истории искусств. К тому же я был сыном офицера Красной Армии, кавалера шести боевых орденов Красного знамени и других правительственных наград, воевавшего в кавалерии в Гражданскую и Великую Отечественную войны и которым я гордился. Егерев также был осведомлен, что моя мать, Юлия Предтеченская, воевала два года в кавалерийском полку под командой моего отца и была награждена боевыми орденами и медалями. Так что, Володя Егерев прекрасно понимал, что на роль врага народа и советского государства я явно не подхожу. Он был молодым, интеллигентным, окончившим юридический факультет Ленинградского университета. Имел внешность добродушную, улыбчатую и приветливую. Когда я ожидал его в коридорах Большого Дома для очередной беседы, то сначала передо мной в полумраке коридора возникала улыбка «чеширского кота», затем раздавался наиприветливейший голос, произносящий: «Ну, привет, Миша!» А уже потом появлялась фигура Володи Егерева. В кабинете он садился напротив меня и ласковым голосом, напоминавшим мне сонный голос толстого кота, объевшегося сметаной, начинал полудопрос-полубеседу. Он также напоминал мне Порфирия из романа Достоевского «Преступление и наказание» – такая же полусонность, и вдруг пристальный взгляд и вопросик, дремота и опять вопросик. Часто Егерев, помолчав, любил произносить ласково один и тот же вопрос: «А, что если без иронии?» Так мы и сидели друг против друга – умный и котообразный Порфирий и тощий, длинноволосый недоучившийся студент Раскольников. Только этот Порфирий прекрасно знал, что сидящий перед

ним Раскольников ни старуху-процентщицу, ни Лизавету не убивал, и никого убивать не собирается. И внутри души Владимира Егерева зрело желание помочь молодому затравленному художнику. Я же уже тогда проникся дружеским чувством к этому человеку, которое сохранил и по сей день.

Арест и неожиданное предложение

Летом 1971 года я прилетел в Сухуми, где на второй день был арестован двумя сотрудниками КГБ. В беседе в одном из номеров гостиницы мне было сказано следующее: КГБ, мол, хорошо осведомлен о Вашем желании плыть в Турцию. Но сейчас, когда у Вас с успехом проходит выставка в галерее Дины Верни в Париже, в любой ситуации, которая может развиться из плана Вашего побега, обязательно возникнет скандал на международном уровне.

Представим, что Вы доплыли – скандал, Вас подстрелили или арестовали в нейтральной зоне – скандал, и наконец, Вы утонули, не рассчитав свои силы – и снова скандал. А нам скандалов и шумихи вокруг Вашего имени не нужно, и поэтому Вы немедленно летите обратно в Ленинград, являетесь в кабинет офицера КГБ Смирнова, и Вам объяснят, как решено с Вами поступить…

Утром следующего дня в 9 часов я уже был в кабинете А. С. Смирнова (это и был Юрий Иванович Попов, полковник КГБ, настоящую фамилию и имя-отчество которого я узнал спустя долгие годы). Юрий Иванович оказался приветливым, интеллигентным и доброжелательным человеком средних лет с хорошей офицерской выправкой. Обращался он ко мне, 28-летнему длинноволосому чудаку, по имени отчеству, что для меня было приятной неожи-

данностью. На допросах в КГБ мне приходилось бывать не раз, первого я удостоился в 16 лет, когда меня вышвырнули из СХШ, признаюсь, что они резко отличались от благожелательной беседы с полковником Поповым. С ним я говорил начистоту. Объяснял, что совершил глупость, воспитывая свою дочь Доротею в сказочном мире, который мы с моей супругой, тоже художницей, придумывали и создавали для нее, чтобы она не чувствовала гнетущей атмосферы многосемейной коммуналки, живущей в ругани и ненависти друг к другу.

«…Мы шили ей кукол, одевали дочь в длинные платьица, сшитые мамой из старых бабушкиных салопов. Писали ей стихи, сочиняли сказки. И вот когда ей исполнилось шесть лет, мой друг, детский психиатр, сказал, что если наша дочь пойдет в нашу простую советскую школу, то он гарантирует, что ровно через полгода она будет пациенткой в детской психиатрической лечебнице, где он является врачом. Слишком для нее все будет непривычным. И если Вы хотите этого избежать, увозите ее из страны. В этот момент в наш дом и в нашу жизнь вошла французская галерейщица, «муза Майоля», мадам Дина Верни, которая посоветовала мне немедленно развестись с женой, и по еврейским каналам (будучи еврейкой) пригласила мою супругу Ревекку с моей дочерью к себе во Францию. И моя разведенная супруга с дочерью уехали к ней в Париж.

У меня же возможности приехать к ним не было. А травля меня продолжалась – обыски, угрозы, визиты психиатров к соседям по коммуналке с выяснением моего поведения, и многое другое, показывающее, что жить на свободе мне осталось немного. И вот возникла у меня шальная мысль – попытаться уплыть к турецким берегам, как это сделал в свое время скульптор Олег Соханевич, и может быть увидеть свою дочь. Я понимал прекрасно, что шансов у меня почти никаких. Но и смерть в моей ситуации меня мало страшила. В раздумьях «быть или не быть» – «плыть или не плыть», у самого синего моря я был арестован и вот я у Вас в кабинете с тревогой чего-то жду».

Офицер внимательно меня выслушал и сказал: «Михаил Михайлович! Мы давно внимательно наблюдаем за Вами, и Вашим творчеством. У нас в отделе тома доносов на Вас, из-за которых Вам грозила 64-я статья. Владимир Васильевич Егерев – офицер из нашего отдела с большим трудом снял эту статью с Вас. Я готовлю Вам бесшумный отъезд из страны. Но поймите, что не все сотрудники настроены к Вам благожелательно. Кто-то настаивает на заключение Шемякина в психбольницу, кто-то на заключение в лагеря, а кто-то предлагает оставить на свободе, поскольку Вы группируете вокруг себя в своей мастерской много интеллигенции и за вами всеми легко следить нашим агентам. (Так полковник подтвердил то, о чём мы все всегда знали и подозревали – в круг моих знакомых давно внедрены агенты КГБ, или, как мы попросту их называли – стукачи.) Но есть даже и те, кто не против того, чтобы Шемякина в этом мире не существовало… Вам ясно? (Я вспомнил два недавних эпизода из моей жизни, не буду о них здесь писать, и многое мне действительно стало ясно.) И, наконец, есть вариант, на который я советую Вам согласиться. Вы в короткий срок покидаете навсегда Советский Союз и уезжаете в любую капиталистическую страну по Вашему выбору, разумеется, в ту, которая Вас примет. Думаю, что Вас примет Франция. Но есть при этом варианте кое-какие обязательно выполнимые условия.

Первое: – О Вашем отъезде никто, Вы слышите меня? – никто не должен знать, ни Ваши друзья, ни даже родители. Второе: – С собой Вы ничего, абсолютно ничего, не берете, никаких вещей! Ни чемодана, ни сумки. В руках может быть только пластиковый пакет, в которых пакуют в аэропортах сувениры. Вам будет дано страной пятьдесят долларов. Вот все условия. Сообщить, где Вы находитесь, можете через месяц после прибытия».

Разумеется, я согласился на эти условия, выбрав Францию.

После чего полковник сказал, чтобы я поменьше выступал на Западе с критикой, чего бы то ни было, а занимался упорно своим творчеством. В конце я услышал от офицера КГБ фразу,

которую я никогда не смогу забыть: «Россия когда-то изменится, и не исключена возможность, что Вы вернетесь в родной для Вас город, в свою страну, и мы, верящие в Ваш талант, хотели бы, чтобы Вы вернулись со щитом, а не на щите!»

И тут произошел один странный для меня эпизод из моего «изгнания». Полковник Попов попросил у меня паспорт и, открыв на какой-то странице, достал коробок со спичками, чиркнул одной из них и поджег мой паспорт. Я молчал и с ужасом наблюдал, как мой паспорт чернеет в огне. Когда он обгорел наполовину, полковник потушил огонь. Открыл форточку, чтобы проветрить комнату от дыма и сказал мне, что я должен пойти немедленно в такое-то отделение милиции и, заменив обгоревший паспорт на новый, принести его полковнику. «Но главное, когда Вам выдадут новый паспорт, Вас направят в другие отделы милиции, чтобы в новый паспорт поставить печати о семейном положении. Вы, никуда не заходя, вернетесь сюда и отдадите новый паспорт мне».

Мой вопрос по поводу увиденного звучал приблизительно так: «Мы все знаем, что КГБ в нашей стране всесильно и всемогуще, все под его контролем! Да и судьбы, и жизни людей зачастую зависят от решений КГБ. Я в недоумении, и прошу объяснить мне – зачем спички, какое-то отделение милиции, какие-то сожженные и восстановленные странички из паспорта? Разве один звонок, раздавшийся из этого здания, не решает все?»

И тут я услышал совершенно неожиданный для меня ответ Юрия Ивановича: «Свои иногда бывают хуже врагов!..»

Хочу добавить один штрих, обрисовывающий исключительную порядочность и честность полковника Попова. Дина Верни подарила мне дорогущее золотое кольцо 18-го века, массивное, с драгоценным камнем. Прощаясь с Поповым, я сказал, что поскольку вывозить мне ничего с собой нельзя, не примет ли он это кольцо от меня в подарок на память? Попов поблагодарил, но категорически отказался принять кольцо. Но тут же спросил, что я собираюсь делать с несколькими рисунками к одному из романов Достоевского, висящими в Горкоме союза графиков. Я ответил, что если ему это интересно, я с удовольствием подарю их ему. «А вот их я с великой благодарностью и охотой приму!» – воскликнул Попов. «Я с

моей дочкой давно уже собираем Ваши гравюры, которые покупаем в «Лавке художника» на Невском проспекте».

Как из идеологического диверсанта и «врага» СССР я превратился в советского разведчика, полковника КГБ, являющегося, к тому же, агентом шести иностранных секретных служб

Прибыв во Францию с ярлыками художника-нонконформиста, диссидента, «левака», инакомыслящего, я тут же попал под пристальное внимание секретных служб Франции. Опять беседы, в здании DST, с Пьером Левржуа, офицером службы по борьбе с советским шпионажем. И, как потом я узнал, полтора года было за мной установлено наружное наблюдение, прослушки и т.д. и т.п. И как это произошло со мной в Ленинградском КГБ, у меня с Пьером Левержуа также установились после проверки дружеские отношения. А когда он написал книгу своих воспоминаний под названием «Я выбрал DST», он попросил меня нарисовать для этой книги обложку. Я создал обложку, на которой по-русски приписал: «Посвящается Володе Егереву – с иронией». И послал один из экземпляров по почте по адресу: «Ленинград. Литейный, 4».

В одной из бесед с офицером DST Пьером Левержуа я спросил, почему же меня подвергли полуторагодовой проверке. Выяснилось, что каждого, кто прибыл во Францию из СССР, проверяют на принадлежность к секретной службе, а мною долго занимались из-за того, что в их отдел пришло несколько доносов на меня, что я являюсь агентом КГБ и прибыл во Францию с определенными заданиями. Впрочем, как признался мне Левержуа, русские окончательно запутали их отдел. Один пишет на другого, и все они обвиняют друг друга в сотрудничестве с КГБ. Результатом явилось то, что слежки были приостановлены. Дорого и бессмысленно. И здесь те же обыкновенная злоба, склока и клевета. Итак, DST выяснило, что Михаил Шемякин не является сотрудником КГБ! Но для многих дорогих соотечественников я оставался, а может, и остаюсь, офицером Комитета государственной безопасности. Вот пример. Париж, 1972 год. Ко мне в мастерскую заходит наша общая с Иосифом

Бродским литературовед, француженка Вероника Шильз. Между прочим, она рассказывает, что два дня тому назад она была в Ленинграде у Иосифа Бродского, которому привезла сигареты, джинсы и новость о том, что Шемякина выслали и он теперь в Париже. На что Бродский заявляет: «Я думаю, что в Париж Шемякин прибыл по крайней мере в чине полковника КГБ». Когда через пару месяцев и он был выслан из СССР, то я попросил Веронику Шильз при встрече спросить у Бродского – в каком чине КГБ он прибыл на Запад?

А в начале 90-х годов журналист В. Могутин в «Независимой газете» пишет, что М. Шемякин, по его убеждению, является секретным агентом, по крайней мере, шести разведок – русской (поскольку дружит с Евгением Примаковым, главой СВР РФ), английской и других стран. Я опубликовал ответ Могутину, что после этой статьи я стал к себе относиться с почтением – как ни как, а шесть разведок. Ну, не художник, а «Мата Хари в гусарских сапогах»!

Что ж, хоть в разведке я не служил (впрочем, кто из моих недоброжелателей в это поверит!), считаю, что служить в разведке дело сложное, опасное и заслуживающее уважения, чего не могу никак отнести к мерзкой, позорной должности стукачей, которые в моей личной жизни принесли мне много бед и горестей.

Несколько слов об оформлении этой книги

Работа над обложкой юбилейной книги из серии «Следствие продолжается…» была долгой и сложной. Композиция обложки решена мною в многоплановом варианте. Первый укрупненный план представляет из себя сидящего за простым канцелярским столом младшего офицера КГБ, погруженного в воспоминания о боевых, нелегких путях сотрудников ЧК, МВД и КГБ. Возможно, стоящая перед ним фотография времен Гражданской войны, навеяла эти думы о прошлом.

Второй план заполнен сценами из чекистских будней. А будни эти являют из себя перестрелки с грабителями, задержания насильников и убийц, потери боевых товарищей, и последний долг памяти над могилой похороненного бойца.

На заднем плане возвышается здание КГБ, построенное в 1932 г. За зданием разбросаны питерские дома и домишки, в которых обитали труженики, обыватели, друзья советской власти и враги этой власти.

Шрифт заголовка обложки – машинописный, который придаёт акцент документальности данного издания, которое ведет Владимир Васильевич Егерев.

Не менее сложной была работа над иллюстрацией к моим воспоминаниям об аресте и «бесшумном» отбытии в Париж. Эта работа также является многоплановой, состоящей из центральных фигур, обрамленных четырьмя планами, заполненными мелкими фигурами, предметами, и описательным материалом.

Центральные фигуры изображают (слева направо) молодого художника Михаила Шемякина, готовящегося на долгие годы покинуть Советский Союз, в руках у него те предметы, которые ему было дозволено взять с собой – палитра, пара кисточек и пластиковый мешочек с сушеными фруктами для натюрмортов. Правее – высокая фигура Володи Егерева, сзади которого возникает из облака улыбающийся «Чеширский кот». Крайняя фигура изображает Юрия Ивановича Попова, который ладонью руки приостанавливает поток доносов на «идеологического диверсанта» Шемякина.

Первое обрамление на первом плане представляет шествие доносчиков, бредущих в кабинеты офицеров 5-го отдела. Среди них А. Синявский и М. Казаков. Весь кабинет завален кипами доносов, не только от интеллигенции, но доносы и от колхозников, рабочих, инженеров, домохозяек и пенсионеров. Из-за громадных стопок кляуз видны две фигуры со злобными лицами – это те, кто желал «расправиться» с Шемякиным и ему подобными.

На заднем плане – кирпичная стена, на которой прикреплены пять вариантов «бытия», предложенного мне Ю. И. Поповым. Рисунки (справа налево) обозначают: 1 – лагерь в Сибири, 2 – физическое уничтожение, 3 – психиатрическая больница, 4 – слежка, 5 – выезд навсегда на Запад. На двух листах я обозначил имена деятелей искусства, высланных в 1922 году В. И. Лениным – Н. Бердяев, Л. Шестов и другие русские философы. А также имена тех, кто «выехал» вслед за мной: И. Бродский, А. Галич, В. Максимов, и др.

На рисунке надпись: «Посвящается Володе Егереву с благодарностью и без иронии!»

М. М. Шемякин

ПОЧЕМУ МНОЮ БЫЛ СОЗДАН КОМИТЕТ ПО СПАСЕНИЮ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В АФГАНИСТАНЕ

В Женеве обсуждалась проблема войны в Афганистане. Естественно, что самое активное участие в ней принимали представители из СССР. Меня потрясло и возмутило до глубины души, что во время обсуждения не был поднят вопрос о советских солдатах, томящихся в плену у моджахедов. Не было также сказано ни слова о солдатах, пропавших без вести. А у меня были сведения о жестоком обращении с русскими пленными.

В этой связи я создал в Нью-Йорке международный комитет по спасению советских военнопленных, в который вошли крупнейшие деятели искусств из разных стран мира. Создание комитета получило большую огласку в прессе и на телевидении, что привлекло внимание к положению советских военнопленных. Но надо было действовать, поскольку никто из именитых иностранных деятелей заниматься нашими пленным и не собирался. Поддержали своими именами и хватит. Впрочем, я был благодарен им за то, что они не остались безучастны к судьбе наших ребят, попавших в беду. И, разумеется, теплилась надежда, что благодаря этой акции ООН постарается воздействовать на афганцев и призовет моджахедов к гуманному обращению с советскими пленными солдатами.

Выход на командиров моджахедов у меня был. Вести с ними переговоры я мог по следующей причине: когда радио «Свободный Афганистан» проводило аукцион в пользу искалеченных во время войны детей, я дал на него несколько своих картин, которые были проданы за довольно большие деньги. В этой связи с главой афганской общины в Нью-Йорке Хабибом Майяром у меня были хорошие отношения. Моджахеды же наотрез отказывались вести какие-либо переговоры с советскими представителями, пока они поддерживают режим Наджибуллы.

Узнав о моем комитете, со мной стали встречаться советские

чины, занимающиеся проблемами войны в Афганистане. Не буду вдаваться в подробности всех наших дел и бесед по поводу пленных солдат, как с советскими представителями различных ведомств, так и с командирами моджахедов. Отмечу только, что большой ошибкой с моей стороны и со стороны советских чиновников было внедрение в комитет по освобождению пленных скандального журналиста Ионы Андронова. Этот тип провоцировал вместе с нью-йоркским раввином демонстрации у пакистанского посольства, делал ненужные заявления, мешающие вести переговоры с афганцами о наших пленных солдатах.

Главной задачей И. Андронова было не спасение советских военнопленных, а привлечение любыми способами внимания к своей персоне. В конце концов, после моего обращения к правительству Москвы, И. Андронова навсегда «отозвали» из Нью-Йорка. Но он и там не оставил своей шумной деятельности, создавал в Москве бесчисленные комитеты по спасению военнопленных, трепал нервы и обнадеживал матерей, чьи сыновья томились в афганском плену или числились «пропавшими без вести».

Я встречался с М. Горбачевым, с представителями генерального штаба вооружённых сил СССР. Моджахеды через меня требовали в обмен на пленных – карты минных полей, списки и места захоронения убитых во время войны афганцев из старинных семейных кланов.

Не совсем безопасная поездка в Афганистан

Все шло к тому, что мне необходимо будет лететь в Пакистан и добираться до боевого лагеря Гульбеддина Хекматиара, одного из влиятельных и самых свирепых командиров моджахедов. Я решил лететь на встречу с ним. Моя жена Сара наотрез отказалась оставаться в Нью-Йорке и бесстрашно отправилась со мной в эту рискованную поездку. Сопровождать нас мы уговорили вышеупомянутого Хабиба Майара.

Разумеется, ехать без подарка к восточному человеку, тем более облеченному властью, было немыслимо. Я заказал Нью-Йоркскому ювелиру Тибору Либовицу массивное золотое кольцо с именем Аллаха и с дарственной надписью Гульбеддину Хекматиа-

ру. Кольцо из чистого золота, весом, как мне показалось, на «полкило», было сделано в кратчайший срок. Ювелир отказался взять деньги за золото и за работу. Узнав, какому делу это кольцо служит, он прибавил: «Пусть это будет мой скромный вклад в дело спасения русских пленных».

Про кольцо я умолчал, спросив у Хабиба, что привести в дар Хекматиару? Он, не задумываясь, ответил, что в горах Афганистана холодно, мы едем в его боевой лагерь и надо привезти ему теплую куртку для альпинистов на лебяжьем пуху. Это, мол, будет хороший, а главное – нужный подарок.

Естественно, у меня возник вопрос, какого размера покупать куртку? В ответ Хабиб ударился в историю афганского народа, среди которого особо выделил народность пуштунов, к которой принадлежал и сам. Это, якобы, от рождения смелые войны, рост которых всегда не ниже двух метров (сам Хабиб был уж точно ростом метра два). Как он пояснил, Хекматиар, являющийся тоже пуштуном, судя по фотографиям, конечно, намного его выше и гораздо шире в плечах.

Два дня мы рыскали по нью-йоркским спортивным магазинам и, в конце концов, нашли одну единственную куртку на лебяжьем пуху, размером «на слона». Чтобы вести ее понадобился целый чемодан. Я успокоился – куртка есть, а золотое кольцо вручу после успешных переговоров о советских военнопленных.

В пакистанском Исламабаде у нас были встречи и в советском посольстве, и с командирами моджахедов. Затем Пешавар, пограничные окраины… И вот мы в сопровождении афганских автоматчиков мчимся по горным дорогам, ежеминутно рискуя рухнуть в пропасть. Наш верзила Хабиб от страха вопит, лежа на полу военного автобуса. А ведь еще вчера он с гордостью повторял о своей принадлежности к касте потомственных и бесстрашных афганских вояк. Удивительно, как англичане, долгие годы воевавшие с ними, не смогли их победить!

Трехсотметровые пропасти вдоль дорог действительно страшили. В них иногда виднелись обгорелые машины, видимо сорвавшиеся с горной дороги. Я усаживаюсь у открытой двери автобусика и сажаю рядом с собой Сару, шепнув ей, что если, не дай Бог, машина полетит в пропасть, попытаемся успеть выпрыгнуть из нее. Конечно, это звучит бредово, но все же, на душе чуть-чуть спокойнее. Остановились у небольшого каменного сооружения, где толпилось много вооруженных моджахедов, сразу окруживших машину. Они о чем-то злобно переговаривались, глядя на нас. Хабиба увели, а нам приказали ехать без него дальше – через границу в лагерь Хекматиара, которого сейчас там нет, но через несколько дней он прибудет на встречу с нами. Нам объяснили, что Хабиба в лагерь решено не пускать. Якобы получены сведения о том, что в нью-йоркской общине он однажды неодобрительно отозвался о Хекматиаре. Бедняга Хабиб! Ведь он так мечтал поцеловать землю Афганистана!

В полной темноте мы нелегально пересекаем границу с Афганистаном. Петляем по узким ущельям, все выше в гору. Из темноты время от времени выскакивают автоматчики. Они останавливают машину, освещают нас фонарями, переговариваются с нашими охранниками. Я проклинаю себя за то, что позволил Саре отправиться со мной в эту поездку, ведь неизвестно чем она закончится. Вспоминаю «бодрое» напутствие посла СССР за несколько часов до нашего отлета в Пакистан: «Поездка будет довольно опасной. Надеюсь, вы вернетесь живыми».

Сара, обмотав лицо шарфом, тихо сидит в углу машины. Каждый раз, когда машину останавливают для очередной проверки, сердце екает. Ситуация у нас «аховая», ведь мы нелегально въехали в Афганистан, где американцы уже объявлены слугами Шайтана, а русские – это захватчики и убийцы. Сара чистопородная американка, я – русский. Ночь, горы… Могут вытащить из машины, сотворить с нами что угодно. О зверствах творимых моджахедами Хекматиара я был хорошо осведомлен. Фотографии с обезображенными трупами их жертв мне демонстрировали военные офицеры в кабинетах советской миссии в Нью-Йорке. Тела со снятой кожей, отрубленные головы с выколотыми глазами, с отрезанным языком и ушами. Что будет со мной – мне было наплевать. Но Сара! Вот, что меня терзало всю эту нелегкую дорогу. «Идиот! Болван!» – повторяю я про себя. Надо было оставить ее хотя бы в Пешаваре, дожидаться меня там… Впрочем, разве такую уговоришь отпустить меня одного в опасный путь! Я упрям, но в некоторых вещах Сара – упрямее меня.

Но вот мы в лагере Хекматиара. Воронки. Подбитый танк.

Землянки. Крошечное строение, окруженное стеной из камней. Нас поселяют в нем. Вокруг охрана. Незнакомая речь, недобрые взгляды. Не раздеваясь, укладываемся спать на грязных матрасах, брошенных на полу. Холодно. В шесть утра выглядываю в маленькое оконце. По двору, с накрытом дощечкой ведром в руке, взад и вперед ходит приставленный к нам молодой охранник по имени Файзула.

Зная коварство восточных людей, жестокие истории, связанные с действиями моджахедов, говорю проснувшейся Саре, что если вдруг наш охранник войдет сюда с ведром, а в нем окажется отрезанная голова Хабиба, не показывай, что ты очень напугана. Возможно, нас хотят шокировать. (И тут, как впоследствии призналась мне Сара, ей по-настоящему стало очень страшно!) Но пока она молчит, и я знаю, что эта мужественная женщина готова ко всему. Зря я ее растревожил. В ведре была вода для утреннего умывания и для чая.

Несколько дней ожидаем приезда Хекматиара. Но вот однажды утром раздаются во дворе крики, шум и в нашу коморку вваливаются громадного роста вооруженные «калашниковами» телохранители Хекматиара. Я вскакиваю, ощупываю в кармане золотое кольцо, вешаю на левую руку громадную парку – подарок для «славного» командира. И в проеме двери появляется… щуплый, маленький человечек! Это и есть «гигант-пуштун» Гульбеддин Хекматиар!

Мы приветствуем друг друга. Он говорит на чистом английском языке. И я понимаю, что преподнести куртку, которая ему будет до пят, значит насмеяться над ним. Проклиная про себя Хабиба с его рассказом о росте Хекматиара, я роняю куртку на пол и протягиваю ему золотое кольцо – будь что будет! Может золото не так оскорбит Воина Аллаха, как эта чудовищных размеров парка… Дело в том, что в самолете во время полета в Пакистан я показал золотое кольцо Хабибу, на что мне было сказано, что настоящий правоверный мужчина не имеет права прикасаться к золоту, тем более носить золотое кольцо. Поэтому, чтобы не оскорбить Хекматиара, я должен спрятать кольцо и забыть о нем.

Хекматиар же мгновенно выхватил его из моих рук и массивное золотое кольцо исчезло у него под хламидой. (Да, это не полковник Юрий Иванович Попов!)

Начинаем вести переговоры о советских военнопленных,

выясняем детали, связанные с их выдачей в СССР. Хекматиар, видя кинокамеру в руках Сары, предлагает сделать видеообращение к родителям советских военнопленных. Сара снимает его обращение на камеру. Опять переговоры, требования, условия, которые я должен озвучить в Москве, и Хекматиар вручает мне громадную не то медаль, не то похвальный знак, испещренный арабской вязью. Он отправляется в Пешавар, а мы в Исламабад для дальнейших переговоров об освобождении наших пленных с Бурхануддином Раббани. И вот мы опять же в сопровождении автоматчиков выезжаем с территории боевого лагеря моджахедов. Сара произносит: «Ну вот, выбрались живыми!» На что я резонно отвечаю, что когда мы одолеем горные перевалы, не сверзившись в пропасть, то, пожалуй, можно будет считать, что выбрались целыми.

И вот мы снова в Исламабаде, нам предстоят переговоры с Бурхануддином Раббани – будущим президентом Афганистана. Думаю, с каким же подарком направиться к Раббани? Осталась куртка нечеловеческого размера. (Несмотря на якобы бушующую в Афганистане ненависть к Америке, вещи с клеймом «сделано в Америке» очень там ценятся). Пытаюсь у окружения Раббани выяснить, какого же он роста. В ответ слышу одну и ту же фразу: «Очень большой человек!»

Куртку я на всякий случай беру с собой на встречу. И оказывается, что Раббани ростом еще меньше Хекматиара, хотя Хабиб уверял, что и Раббани – тоже пуштун. Из всех боевых афганских командиров Раббани показался мне наиболее гуманным. Результатом встречи было освобождение нескольких наших пленных солдат.

Уверен, что освобожденных было бы еще больше, если бы не глупые, непродуманные действия со стороны советских «чинуш». Тут и пьяный Руцкой, присылаемый с Ионой Андроновым на переговоры в Исламабад, и многое другое, что срывало работу нашего комитета. И не раз в памяти всплывала мудрая фраза полковника КГБ Юрия Ивановича Попова: «Свои бывают иногда хуже врагов!»

Эпилог афганской эпопеи

И кто бы мог предположить, что с советской стороны вызволением из афганского плена советских солдат также успешно зани-

мался полковник КГБ Владимир Васильевич Егерев! Но об этом я узнал значительно позже. И рад, что мы вместе с ним занимались одним и тем же важным делом – спасением человеческих жизней.

А злополучная куртка на лебяжьем пуху благополучно добралась с нами из Афганистана в Москву. И хотя мой дядя Олег Дмитриевич не родился пуштуном, бывшему верзиле-мореходу куртка пришлась впору. Когда я ему ее вручил, дядя прослезился и потом долгое время объяснял своим знакомым, как его племянник Миша Шемякин его любит. «Надо же – твердил он. – Провез для меня куртку через Пакистан, Афганистан, думая о дяде!» Естественно, об истинной истории куртки я умолчал.

Сведения об авторах

Аксаков Валерий Иванович
В Вооруженных силах СССР с 1964 по1967 год. С 1971 по 1995 год на следственной работе в УКГБ ЛО – УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Полковник в отставке, имеет многочисленные ведомственные награды.

Аксенов Олег Петрович
Полковник ФСБ РФ в отставке. Первый заместитель председателя Совета ветеранов Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Аршинский Макар Валентинович
Майор юстиции, старший следователь по особо важным делам Следственной службы УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Барков Леонид Иванович
В Вооруженных силах с 1944 года, участник Великой отечественной войны. В органах госбезопасности с 1946 года, генерал-майор в отставке. С 1969 по 1974 год начальник Следственного отдела УКГБ ЛО. В 1977 году откомандирован в КГБ СССР. Заслуженный юрист, кандидат юридических наук. Награжден двумя орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знаком Почета», Отечественной войны 1-й степени, 20-ю медалями. «Почетный сотрудник госбезопасности».

Бернев Станислав Константинович
Служба в органах безопасности с 1982 по 2015 год, последняя должность – начальник архивного отделения УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Подполковник запаса. Кандидат исторических наук. Награжден медалями отличие в военной службе 1-й, 2-й и 3-й степеней, «70 лет Вооруженных сил СССР»,

«В память 300-летия Санкт-Петербурга», «Ветеран боевых действий».

Ботов Михаил Сергеевич
Майор юстиции, старший следователь Следственной службы УФСБ РФ по СПб и Ленобласти.

Вассоевич Андрей Леонидович
Кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры политической психологии СПбГУ и кафедры философской антропологии и истории философии РГПУ им. Герцена. Руководитель Санкт-Петербургского регионального информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований (РИСИ).

Добровольский Александр Александрович
Полковник запаса ФСБ России. Окончил Сумское высшее артиллерийское училище, Высшую школу КГБ СССР (в настоящее время – Академия ФСБ РФ), Московскую государственную юридическую академию. Проходил службу в Министерстве Обороны СССР, КГБ СССР, Федеральной Службе налоговой полиции РФ. Участник событий в Афганистане в период пребывания советских войск и после их вывода. В 1985–1988 гг., 1989 г., 1991 г. – сотрудник Представительства КГБ СССР при Министерстве госбезопасности Республики Афганистан. Адвокат. Член Союза писателей России. Награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета», медалями.

Егерев Владимир Васильевич
В Вооруженных силах с 1960 по 1963 год. В органах государственной безопасности с 1968 по 1990 год, полковник в отставке. В Следственном отделе УКГБ ЛО с 1968 по 1985 год, старший следователь по особо важным делам. С 1985 по 1988 год проходил службу в Афганистане. Награжден орденом Красной Звезды, иными правительственными и ведомственными наградами, афганским орденом Славы. «Ветеран Вооруженных сил СССР».

Жаркий Михаил
Кандидат исторических наук, доцент, подполковник милиции в отставке.

Здорик Илья Владимирович
Капитан юстиции, старший следователь по особо важным делам следственной службы УФСБ РФ по СПб и Ленобласти.

Иссе Ирма Викторовна
Доктор биологических наук, профессор, автор научной школы и более 200 научных публикаций. Более 50 лет работает во Всероссийском (ранее Всесоюзном) институте защиты растений, участвуя в разработке микробиологических средств защиты растений. Коренная ленинградка, пережившая всю блокаду города в подростковом возрасте.

Конташов Анатолий Павлович
Полковник запаса ФСБ России, находился в командировке в Афганистане с 1985 по 1988 г., с 1989 по 1991 г. За проявленное мужество награжден тремя орденами «З храбрость», орденом «Дружбы народов», медалями «10 лет МГБ республики Афганистан», «70 лет независимости Афганистана», «От благодарного афганского народа».

Кошелев Павел Константинович
В органах госбезопасности с 1974 по 1993 год. С 1976 по 1979 год – старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО, в дальнейшем – на оперативной работе. Награжден медалями «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР», «За безупречную службу» 2-й и 3-й степеней.

Морозов Иван Егорович
Полковник в отставке, «Почетный сотрудник органов государственной безопасности», житель блокадного Ленинграда. Стаж

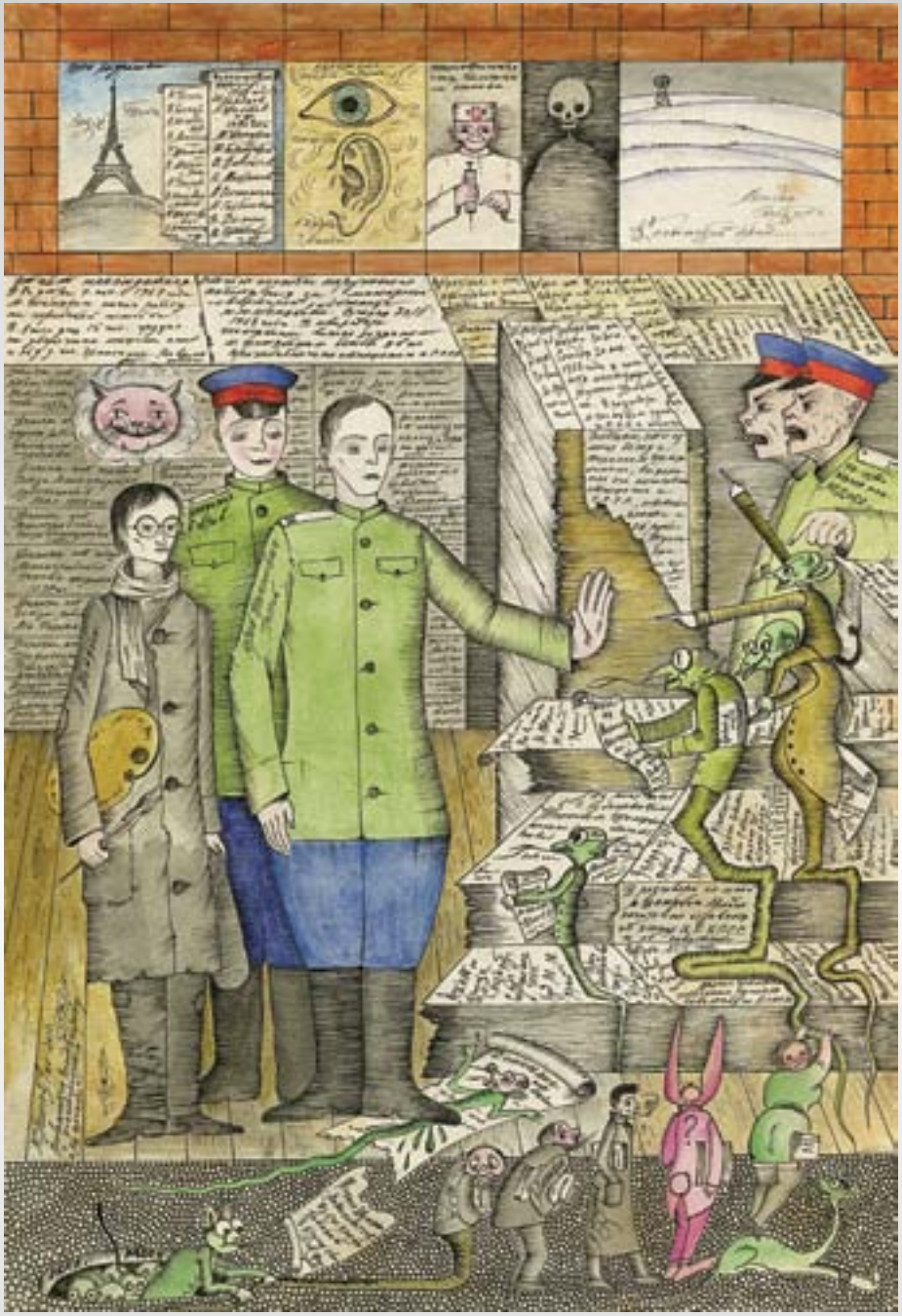
службы на оперативных и руководящих должностях 50 лет. Имеет многочисленные правительственные и ведомственные награды.

Милушкин Михаил Юрьевич
Генерал-майор юстиции, почетный сотрудник контрразведки. В органах КГБ СССР с 1983 года – начальник Следственной службы 1995-1997 гг., заместитель начальника Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с 1998 по 2008 год. Награжден орденом «Почета» и медалями «За безупречную службу».

Мякин Сергей Александрович
Лейтенант юстиции, следователь следственной службы УФСБ РФ по СПб и Ленобласти

Хромова Валентина Николаевна
Выпускница Ленинградской лесотехнической академии, экономист. Ветеран труда. Находилась в Афганистане – с 1985 по 1987 год.

Шемякин Михаил Михайлович
Российский и американский художник, скульптор. Лауреат Государственной премии Российской Федерации, народный художник Кабардино-Балкарии, народный художник Адыгеи, почетный доктор ряда высших учебных заведений. В 2015 году награжден почетным знаком «За вклад в безопасность Родины».



Ю. И. Попов

М. М. Шемякин на встрече с членами Клуба «Дом 4»